

"Это наш дом"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Вначале это был самый обычный рейс. Самолет взлетел, набрал высоту, жадно пожирая горючее, и направился к далекой цели, до которой добраться ему было не суждено. Ни один из пассажиров, похоже, не догадывался о том, что это рейс без посадки – никто не опоздал и не сдал билет, опровергая тем самым популярную теорию «предвидения катастроф». Из ста тридцати девяти пассажиров и членов экипажа ни один не догадывался, что причуды судьбы ведут их небесную машину навстречу редчайшему астрономическому явлению – ее путь пересекался с исполинским эллипсом, по которому вокруг Солнца двигался небольшой астероид. В принципе пересечения орбиты Земли с орбитами астероидов и комет – явление не столь уж и редкое: в плоскости эклиптики им тесновато. Большинство таких пересечений проходит незаметно для земных астрономов. А если это замечают астрономы, то обыватели в массе своей пребывают в неведении. Какое им дело до небесной механики? Да никакого.

Но не в этом случае.

Сегодня астероиду не повезло – редчайшее совпадение: в точку пересечения с орбитой Земли он пришел одновременно с планетой. Метеоспутнику, оказавшемуся на пути небесного гостя, тоже не повезло. Не повезло крупному промышленному центру и его обитателям: исполинская железоникелевая глыба закончила свое странствие в районе железнодорожного вокзала. Не повезло также двум самолетам и их пассажирам: один набирал высоту, другой давно уже занял свой эшелон – оба они оказались слишком близко к месту событий.

Им просто не повезло – минутой позже, и все бы обошлось.

Но второму самолету не повезло меньше.

Хотя как знать... пассажиры первого хотя бы не мучились...

* * *

Сок оказался теплым. Н-да... уж лучше бы коньячку у стюардессы взял – его и теплым можно выдуть, а вот теплый томатный сок – раствор соплей в протухшей болотной воде. Конечно, это вопрос вкуса, но его вкус, увы, именно такой. Эх, сейчас бы еще закурить... Дома покурит, и покурит как аристократ – как минимум одну сигару он точно заслужил. Как раз успеет до футбола вернуться: развалится перед телевизором на своем верном четвероногом друге диване. Будет по-плебейски пить пиво и по-аристократически курить сигару, наблюдая за полуфинальным матчем. А уж завтра, на фирме, сбросив груз неотложных командировочных трофеев, закатится с Серегой и Славкой в кабак, и там они отметят свой успех по-настоящему – завтра можно. Их почти двухгодичные усилия наконец-то разродились результатом. Да еще и каким – не на ступеньку вверх шагнули, а, считай, целый пролет разом перескочили. Будто два джек-пота сорвали в один день. Повезло. Хотя везение – это обычно результат кропотливой подготовки: в их случае все было именно так. Без труда, как говорится... холодильник не украсть, и будешь пить теплый томатный сок до скончания своих дней. Интересно, а что пьет эта красотка, сидящая впереди? Волосы у нее просто загляденье – будто каждую волосинку вручную укладывала на причитающееся ей место. Надо бы при выходе оценить переднюю часть организма: если там все соответствует затылку, придется подумать о перспективах завязать знакомство – такое произведение искусства упускать преступно. С легкой завистью

покосившись на соседа, тянувшего из стаканчика далеко не сок, Андрей поставил свой стаканчик на откидной столик, потянул журнал из сетчатого гнездышка на спинке кресла. Именно в этот миг все и случилось – траектория небесного гостя пересеклась с курсом авиалайнера. Самолет задело огненной оболочкой умирающего небесного гостя – жизнь пассажиров и членов экипажа очень круто изменилась.

Для тех, кто это пережил, естественно.

Слева кто-то вскрикнул, тут же хором заорали чуть ли не все пассажиры по левому ряду. Повернувшись, Андрей от неожиданности подпрыгнул в кресле, нечаянно врезав коленом по столику. Стаканчик с соком подпрыгнул, выплеснул содержимое ему на рубашку, но он эту неприятность даже не заметил. По левой стороне салона творилось нечто невообразимое – все иллюминаторы сияли ослепительно-оранжевыми сполохами, будто снаружи кто-то врубил тысячи горелок одновременно. Андрей со своего места не мог видеть источник странного сияния, но и без этого у него волосы на затылке зашевелились. А уж дружные крики тех, кто сидел у иллюминаторов...

Что за... Крыло загорелось?!

Журнал выскользнул из мгновенно вспотевшей ладони – не тратя времени, Андрей поспешил пристегнуться. Он проделал это рефлекторно – очевидно, проснулась интуиция. Едва успел – самолет внезапно резко лег на правое крыло, попытался было выровняться, но в следующий миг уютный мирок салона попросту смело: по нему полетела посуда, журналы, сумки... и люди. Мало кто сидит пристегнутым после набора высоты...

Самолет нехотя завалился на правый бок. Перед Андреем головой на иллюминатор рухнул один из пассажиров. Корча в пронзительном крике кровавую маску, оставшуюся от лица, бедняга схватился за кресло впереди. Это его не спасло – очередной крен машины выкинул его к носу столь стремительно, что пластиковая обшивка вырвала несчастному ногти. В этот же миг Андрею заехал по затылку кто-то, прилетевший от хвоста. Повезло, что вскользь, но все равно шея угрожающе хрустнула, резко лязгнули зубы, наполнив рот осколками эмали, в глазах потемнело.

Это конец – авиалайнеры не приспособлены к подобной акробатике.

Это конец!

Но все равно хотелось верить в лучшее и сопротивляться костлявой старухе до последнего. Спасая голову от летающих по салону предметов и пассажиров, Андрей пригнулся, обхватил голову ладонями. Он теперь почти ничего не видел, но зато слышал все прекрасно. Надсадно ревели двигатели, угрожающе трещал фюзеляж, отрывисто ломалось что-то пластиковое, хрипло булькали динамики системы трансляции, временами эти невнятные звуки разбавлялись вполне узнаваемыми словами, иногда предельно матерными. Под ногами мелко вибрировал пол, а кресло дергалось столь угрожающе, что, казалось, вот-вот оторвется и отправится путешествовать по салону вместе с пристегнутой к нему жертвой.

Не оторвалось – после особо резкого рывка самолет внезапно выровнялся, почти унял нервную дрожь, да и треск практически затих. По салону, прорываясь через надсадный хрип обезумевшей электроники, пронесся, мягко говоря, нервный голос:

- Все бегом пристегнитесь!!! – И уже чуть спокойнее: – У нас нештатная ситуация, но всё под контролем! Мы снижаемся и сейчас совершим посадку в ближайшем аэропорту! Просьба...

Новый голос, паникующе-изумленный, напрочь заглушил первый:

- Что это?!! Где мы?!! Что за!!!

Андрей от этого малоцензурного вопля посильнее пригнулся – еще чуть-чуть, рубаха по швам и лопнет. Голливудская киноиндустрия твердо вбила в голову одно: после фразы «всё под контролем» обычно начинаются основные неприятности – все, что было перед этой кодовой фразой, можно считать просто прелюдией. Если повезет отсюда выкарабкаться, в жизни больше не сядет в самолет. Платить такие деньги за билет, чтобы потом упасть в этом гробу! На фига за свои деньги иметь такие приключения?! Нет уж! Господи, да он готов был всю оставшуюся жизнь пешком передвигаться, лишь бы выбраться из этой алюминиевой ловушки!

А ведь так в итоге и вышло...

Самолет вновь начал вибрировать, в истошный вой двигателей вплелся нехороший звук металлического покашливания, следом отрывисто треснуло, что-то гулко ударило по фюзеляжу. Нечто неуловимо-стремительное, мелькнув перед носом будто молния, аккуратно разрезало переднее сиденье вместе с симпатичной пассажиркой, на Андрея брызнуло красным и горячим, по салону промчался ветер. Вот теперь точно конец – это разгерметизация.

Перекрикивая весь этот шум, динамики взревели в последний раз:

- Держитесь все!!! Мы садимся!!! Мы уже видим полосу!!! Держитесь!!!

Первые приятные новости. Они же и последние...

Это была не посадка – это было столкновение с землей. Многострадальные зубы родили очередную, самую щедрую порцию обломков эмали, рот наполнился кровью, уши оглохли от адского грохота – треск разрушаемых конструкций слился в сплошной душераздирающий рев. Кресло под Андреем перекошилось, будто норовя завалиться, но не оторвалось – так и застыло наклонившись.

На какой-то миг он вырубился – сознание спасительно отключилось. Очнувшись, понял – посадка (или скорее управляемое падение) свершилась. Двигатели еще ревели, но самолет больше не трясло на ухабах. Откуда на посадочной полосе такие ухабы? Полное впечатление, что на нее сотню «лежачих полицейских» уложили.

Расстегнув ремень, Андрей разогнулся, попытался оглядеться. Куда там... Перед глазами темно как после нокаута, да и салон почему-то густо затянуло пылью. А может, это не пыль? Дым? Странный дым – сеном пахнет вроде бы. Да какая разница, чем он пахнет, – надо быстрее отсюда выбираться!

Соседнее кресло пустовало. Неужто этот лысый толстячок уже выбрался? Вряд ли, скорее его размазало по салону в первые мгновения катастрофы. На подгибающихся ногах Андрей протиснулся между перекошенных кресел, шагнул в проход, наступил при этом на что-то податливое. Взглянул под ноги. Лучше бы не смотрел – его угораздило наступить на оторванную пухлую лодыжку в крикливо-красной туфельке на массивном каблуке. Пожалуй, даже не оторванную – слишком ровный срез, будто бритвой чикнули.

Долеталась...

Откуда-то справа пробивается солнечный свет. Потянувшись туда, увидел в пыльно-дымном мареве светящийся прямоугольник распаханного аварийного выхода. Сорвало при посадке или

кто-то уже успел открыть и выбрался? Да какая разница – бегом туда, пока тут все не вспыхнуло.

При ударе здесь из пола вылезла какая-то труба, оторвав пару рядов кресел. Их припечатало к третьему ряду, сложив в неряшливую грудку из пластика и человеческих тел. Пробираясь через этот завал, Андрей нечаянно задел торчащую из обломков руку с вызывающе блестящими на запястье дорогими часами. Ладонь тут же сжалась вокруг его лодыжки. Он едва не заорал от страха и неожиданности, резво взбрыкнул ногой, освободившись, рванул вперед, уже не обращая внимания, на что наступает.

До земли было высоковато, но он прыгнул вниз не медля ни секунды. Пижонские туфли не лучшая обувь для подобных трюков – подошвы полыхнули огнем, в глазах помутнело от наворачивающихся слез. Быстрее – надо быстрее отбежать подальше. Самолет должен был лететь еще около двух часов, топлива оставалось немало, если сейчас все это рванет... Пошатываясь, он поспешно заковылял вдоль наполовину оторванного крыла, перед подозрительно шипящим двигателем притормозил, опасливо обошел его по широкой дуге. В ногах мышцы будто ватой подменили – бежать Андрей не мог. Левее и вроде бы впереди ковыляли другие пассажиры – значит, не он один сумел выбраться. Блин, а ведь многие остались там, внутри, среди этих завалов из кресел и обшивки, покалеченные или зажатые в ловушках авиационных руин. Если самолет вспыхнет, им хана. Но даже мысли вернуться назад не возникло. Чем он им поможет? Сам еле шевелится – назад ему точно не забраться. Да и погибнет без толку, никому он там помочь не успеет. Пусть спасателей дожидаются. Если повезет, дождутся...

Отойдя от крыла шагов на двадцать, он остановился, устало обернулся. Смерть будто дожидалась зрителя – над изломанным фюзеляжем взмыло облако густого дыма, из пробоины в основании крыла вынеслось пламя. Обреченные пассажиры, не успевшие вырваться, закричали хором – это было так ужасающе, что хотелось заткнуть уши. Не выдержав этого многоголосого призыва о помощи, Андрей рефлекторно шагнул к самолету, но тотчас отшатнулся – в лицо ударила волна столь жуткого жара, что на голове начали трещать волосы.

Растерянно оглядываясь, он не увидел ни толп спасателей, ни пожарных, ни вообще каких-нибудь следов аэропорта. Он вообще не понял, куда попал – идеально ровное буроватое каменно-глиняное поле. Нечто подобное иногда в фильмах про пустыни показывают. Вдали виднеются россыпи каких-то низеньких сараев, похоже, глинобитных, за ними поднимается огромная спаренная пирамида с двумя плоскими вершинами.

Да куда их вообще занесло??! Египет, что ли??! Это как так может получиться??!

От сараев быстро приближалась группа людей. Кто бы они ни были, они помогут – крики заживо сгорающих людей за спиной не утихали. Андрей поднял руку, неуверенно помахал, подзывая к себе этих «египтян». Ведер с водой у них он не замечал, но видел, что некоторые тащат какие-то палки, очевидно, пожарные багры. Сейчас они помогут...

Волна жара достала его и здесь. Вжимая голову в плечи, Андрей попятился прочь. Проковыляв несколько шагов, не выдержал, обессиленно опустился на колени. Что с ним? Неужто ранило? Или просто удар при посадке сказывается? Хлипким его не назвать, а ведь вон как развезло... Может, от сильного стресса? Страх все силы выжал? Да вряд ли, он даже не крикнул ни разу, хотя от крика сейчас заходились даже те, кто успел выбраться. Их можно понять – зрелище не из приятных... Только почему это все они с ужасом смотрят не на горящий самолет, а в противоположную сторону?

Андрей, подняв голову, уставился туда же – в сторону сараев. Местные «спасатели» со своими «баграми» были уже близко. Разглядев их, он распахнул рот так широко, что едва не порвал уголки губ, и заорал так громко, что едва не оглушил себя своим же криком.

* * *

– Дрю, ну че ты орешь?! Сейчас опять это чмо ушастое припрется и накостыляет всем по самое не могу. И все из-за тебя.

Андрей, выдравшись из паутины кошмарного сна, стряхнул с лица приставучие соломинки, медленно приподнялся. Сквозь щели ветхого сарая уже пробивалось предрассветное сияние, освещаая десяток узников. Возможно, орал он и сильно, но вроде все спят – не перебудил народ. Лишь Гнус, как обычно, чем-то недоволен. Он вообще хоть спит когда-нибудь или вечно караулит спящих на предмет криков?

– Извини, – устало произнес Андрей.

– Муть опять снилась?

– Да... как всегда... Опять снилось, как мы сюда грохнулись.

– И че?

– Да опять как на самом деле все было. Не полностью, конечно – каждый раз иначе все снится. Но конец, как всегда, выходит одинаковый: вылез нормально и... В общем, этих увидел и орать начал. Все тогда орал, помнишь, наверное.

– Ясен пень. Я тогда тоже глотку чуть не порвал в трех местах. А сейчас-то чего орешь? Считай, уже два года на них любишься каждый день – давно пора бы привыкнуть к местным нефотогеничным мордам.

– Так во сне все не так, как наяву. По-другому видишь. Иначе совсем все воспринимается, – нехотя оправдался Андрей.

– Дрю, тебе, блин, рот надо на ночь затыкать – в неделю раза два стабильно будишь всех своими воплями! Будто рожает, блин! Да еще и от этих достается из-за тебя! Они крик не любят, считают, наверное, что мы деремса, а за драки тут принято лупить.

– Кого я сейчас разбудил? Вон спят все. Тебя? Так ты вообще не в счет.

Гнус, обидевшись, зашелестел прелой соломой, пытаясь совместить две несовместимые вещи – закопаться в тонкий слой поглубже, но в то же время не добраться до утрамбованной земли.

– Дрю, да просто я рядом лежал, вот и толкнул тебя. Остальным в лом вставать тебя успокаивать. Сон-то у всех крепкий – хоть пушкой буди.

– Ладно, я же уже извинился. Спи давай.

– Какой спи? Сейчас на кормежку погонят. Слышишь, по котлу уже вроде бы скребут. Опять сейчас своей знаменитой мегакашей пичкать будут.

– Халва... Чтоб их... как же она уже достала... Гнус, так вроде же с вечера не заваривали? Или варят?

- Не, дыма нет, очаг не разжигали. Значит, без кипятка - холодной залили. Еще хуже выходит. Слышь, Дрю, а чем тебя там, в самолете, кормили? Ну во сне?

- Не помню. Вроде бы ничем не кормили.

- Должны были покормить.

- Ничего никто мне там не должен - это же сон. Да и, может, не помню - я сны плохо запоминаю. Напитки разносили... это хорошо помню...

- И че ты там заказал?

- Сок. Томатный. И эта цыпа к тому же принесла теплый. Полное впечатление, что пил обычную местную мочу - как всегда. Даже во сне не везет...

- Сок?! - Гнус обидно хохотнул. - Ну ты и лох! В билете же не указывают, кому что пить, за все уплачено сразу. Брать надо то, что подороже и посерьезнее. Я минимум водяру заказывал бы.

- Ну я за тебя искренне рад. А по мне так лучше сок выпить, чем непонятно из какой бочки налитую водку, да еще и без закуски.

- А ты конфетки бери, что перед взлетом дают. Накатил глоточек - и конфетку сразу. Хорошо-о-о-о-о. Сладенько. Хотя если конфетка с кислинкой, то лучше к такой брать коньяк. Коньяк, конечно, можно и так хлебать, но с лимончиком или конфеткой гораздо вкуснее получается. Можно еще оливкой его закусить или маслиной. Грибочек тоже ничего, маринованный. С грибочком, особенно если это груздь, можно и водочки пузырь легко придавить - с груздем даже паленка как дистиллированная роса пойдет. Все эти огурчики-помидорчики полный отстой, груздь - это тема во! Чесночка если еще раздавить к нему зубок, так и занюхивать классно выходит - от одного запаха сразу слюны полведра выступает и...

- Гнус, заткнись, пока мы тебя в своей слюне не утопили, - раздраженно донеслось из противоположного угла сарая.

- Угу. С раннего утра, гад, слипшиеся кишки дразнишь, - отозвались уже поближе.

- Это вам, барачным дистрофикам, тока на пользу - перед завтраком вам слюноотделение увеличиваю, - мгновенно отмазался Гнус. - Васильевич, вечная ему память, говорил, что местную халву без этих... как его... ну, мол, не усваивается без них жрачка вообще. Забыл...

- Ферментов, - угрюмо подсказал Андрей.

- Во! Точно! Без ферментов! Он говорил, что эти недоваренные крупы пережевывать надо получше, чтобы хорошо все перемешалось со слюной. Тогда, мол, усваиваются лучше и полностью. А без этого можно вообще не жрать - так и вылетает через дно непереваренным. Прапор вон жрет халву вообще не жуя, так я раз на его кучу посмотрел и чуть не зарыдал: можно опять лопать - что зашло, то и выпало. Зерна там всякие, травки - все лежит целое.

Прапор от желудочных разговоров тоже проснулся и голос подал немедленно:

- Мля, ну и наблюдательный же ты у нас! В следующий раз, как на дальняк пойду, тебе крикну - беги сразу следом и миску не забудь захватить с ложкой. Язва у меня! ЯЗВА! Жуй не жуй, а не переваривается у меня эта параша. Сам не знаю, почему не сдох до сих пор! Меня горячим кормить надо! Умник нашелся...

- Да ладно, Николаич, не обижайся. Тут все больные, у каждого свое...
- Язык у тебя больной. Всех перебудил.
- Так это не я, это Андрюха опять крик поднял. Я его сразу растолкал, а то было бы как в прошлый раз.
- Не знаю как там Андрей, я его не слышал. А вот твоя метла метет будто электрическая.
- Во-во! - опять из угла отозвался Лысый. - Тебе, Гнус, язык отрезать - всему коллективу огромная польза будет. Да еще и Прапору радость получится - бульончик язвеннику из языка наварим. Язвенникам бульон первое лекарство.
- Ну спасибо, нашли позитивную тему! Чуть что, так сразу Гнус!

Обидевшись на весь белый свет, Гнус завернулся в солому с головой. Андрей, поняв, что засыпать уже бессмысленно, уселся, принялся пятерней вычесывать мусор из спутавшихся волос. Голова чесалась немилосердно - будто миллиард вшей завелся. Паразитов, к счастью, здесь не было, да и вряд ли насекомые поселятся на шевелюре, которую уже два года не мыли, - побрезгуют. Хорошо кошкам, эти заразы вообще без водных процедур обходятся. А человеку куда деваться? Народ в сарае уже не спал, но подниматься следом за Андреем никто не торопился. Ловят последние минуты дремоты перед подъемом, да и вообще, давно привыкли без нужды лишний раз не шевелиться - меньше сил уходит.

Прапор, он же Прапорщик, или попросту Виктор Николаевич, самый старый из обитателей сарая, видимо, жаждал общения. Внимательно наблюдая за тем, как Андрей пытается привести шевелюру в порядок, он поинтересовался:

- Чего это у тебя лицо стало такое задумчивое? Андрюш, какая-то у тебя нездоровая печаль. Сны плохие опять достают?
- Да не, Николаич, нормально все. Задумался я просто. Разной ерундой голову забиваю. Лишь бы о пожрать не думать.
- Это да, а то все разговоры вечно крутятся вокруг этой злободневной темы... А о чем же ты сейчас думал? Уж сильно серьезное лицо у тебя было, будто у профессора.
- Да ни о чем... так... Вот смотри: у нас тут одиннадцать человек осталось.
- Девятнадцать. Еще восемь баб в своем сарае.
- Их не считаю, я про наших только. Вот есть среди нас хоть один, кто в тюрьме или зоне сидел?
- Хач сидел, и сидел серьезно. Он вечно законника из себя строил, хотя по жизни шестерка явная; Нос тоже срок отмотал, правда, по мелочи вроде бы, да и пальцы вообще не гнул.
- Носа при запуске убило, при самом первом, месяца через два, как мы сюда попали. Шар тогда накрыл дно карьера, в котором он прятался. Хач тоже еще первой зимой простудился и сгорел от жара. Я про тех, кто сейчас остался.
- Не, вроде нет таких. Может, правда, Киркоров наш сидел. Он-то о себе мало рассказывает.

В сарае дружно захохотали все обитатели, даже Киркоров изобразил нечто похожее на

радостную улыбку. В день, когда они сюда попали, при неудачной посадке самолета бедняге не повезло. Он выжил, несмотря на изуродованную шею, но голоса лишился. Вероятно, повредило голосовые связки – раны у него тогда были серьезные, непонятно, как вообще копыта не отбросил. В общем, дар речи у него был потерян полностью – никто с того дня от него не слышал ни единого слова. Надо сказать, это не мешало ему занимать в коллективе уважаемое положение – несмотря на пережитые ранения, он, пожалуй, был самым выносливым и сильным из уцелевших. А то, что при всех своих несчастьях он не потерял чувство юмора, лишь добавляло ему уважения. Что с юмором у него все обстояло в полном порядке, выяснилось в один из первых дней, когда ныне покойный Хач агрессивно поинтересовался у кашляющего кровью чуть живого пассажира, как его следует называть:

- Эй, ты, с золотым голоском: ты там живой еще? Тебя как звать-то?

Тот, с трудом приподнявшись, расчистил солому с пола, веточкой на земле нацарапал «Киркоров». У назойливого Хача больше вопросов не было.

Насколько Андрей помнил, это была первая шутка в истории их злоключений – до этого ему здесь не доводилось вообще смех слышать, а уж дружный смех и подавно.

Правда, сам Андрей ни разу так немного не называл, только коротко – Кир. Да и не только Андрей.

Прапор между тем не унимался:

- А чего ты о сидельцах спрашивал?

- Да так... Вот посмотри сам: среди нас уголовников, получается, вообще нет. И не было, если не считать Хача, да и тот бледная карикатура на карманного воришку. Ты, Николаич, механик хороший, специалист по тяжелой технике, по сути, офисный механик, летел разбираться по рекламациям на бульдозеры. Я электронщик изначально, а потом бизнесмен мелкосредний – с криминалом дел никогда не имел. Гнус наш вообще студент-гуманитарий из университета, а Декан и есть декан – из строительного института. На кого ни посмотри, все, как один, приличные люди. Но по сути все мы сейчас сидим уже второй год. Наши надзиратели с нами не общаются, модели поведения не навязывают. Им лишь бы мы работали и не убегали, ну за драку еще могут поколотить. Вот и все их требования. Уголовников среди нас тоже нет: «воспитывать» на уголовный лад нас некому. И что мы имеем в итоге? Мы дружно стали закоренелыми арестантами или, по крайней мере, пытаемся ими казаться. Переняли жаргон, терминологию, образ мышления – и все это без малейшего внешнего давления. И без причин. Вот принято так себя вести за решеткой, вот и ведем себя так. И причем в массе ведь мы люди неглупые, понимаем, что бред это. Со стороны послушать некоторые наши разговоры, так чуть ли не извиняемся друг перед другом за этот спектакль. Я уж молчу о том, как фальшиво иногда выходит. Странно слышать, допустим, от интеллигентного редактора иллюстрированного журнала фразы в духе: «Господа, как только эти носилки дотащим, я сразу на дальняк рвану, а то рыжий друг мне прямо здесь очко рвать начнет».

- Угу, – кивнул Прапор. – Вот и пойми, что было первым – яйцо или курица. Мы ведь первоначально друг друга по именам, а то и отчествам звали. А теперь?

Гнус, не выдержав, высунул голову из соломы, зловеще ответил:

- А теперь начнем в петухов народ определять. Правда, Дрю?

- Ты, сладенький, первым и определишься, если еще раз утром всех перебудешь не по делу, –

буркнул Прапор. – Так что, студент, учишь кукарекать. Андрей, я вот еще до ЭТОГО читал где-то, что опыт был такой, социологический вроде бы. Взяли кучу студентов: часть назвали охранниками, часть заключенными. Заключенные сидеть должны в камерах, охранники водят их в столовую или еще куда. Никаких требований к поведению не было, им только определили названия ролей и мелкие условия режимные. В итоге охрана начала вести себя не хуже ментов-передовиков: с постоянными шмонами и карцерами за неубранный огрызок яблока, а заключенные ударились в отрицалово, пытаясь по-всякому ломать режим. Заметь, никакого принуждения не было – сами. Лучшему другу готовы были руки заламывать. Видимо, и с нами что-то подобное... Гнус, чем трещать не по делу, глянь-ка, что там за подозрительная тишина снаружи. Уже рассвело давно, а нас никто не поднимает, да и обстановка какая-то нездоровая... уж больно тихо...

Гнус без комментариев выбрался из соломы – очевидно, и самому было интересно. Добравшись до дверей, он изучил обстановку через все доступные щели с этой стороны. Затем, перебравшись в угол, цепляясь за выбоины в стенах, добрался до крыши, ухватился за стропило, протиснулся к узкой дыре – самому большому «окну» сарая.

– Вот блин! Котел вижу – закрытый стоит на треноге. И рядом с ним вообще никого.

– Как – никого? – опешил Прапор. – Солнце уже поднялось, давно должны кормить начинать.

– Может, у них будильник не зазвонил, – несмешно пошутил Гнус. – О! Чубака топают, а с ним еще и Корявый. И дистрофиков за ними целая куча прыгает. Один мохнатый потопал к бабам, второй к нам рулит. Все, сейчас точно пожрать дадут.

– Странно... сильно опаздывают. Как бы опять не началось, – протянул Андрей.

– Не накаркай, – нервно проговорил Прапор.

С грохотом распахнулась дверь, здоровенный рыжий урод приглашающе взмахнул секирой. Андрей не мешкал – вышел сразу за Гнусом. Этого шустрого студента никому не перегнуть, пожрать он всегда бежит первым. Проходя мимо молчаливого надзирателя, брезгливо повел носом, сплюнул – гориллообразный гигант чуть ли не на гектар благоухал. От них и самих сейчас несет так, что одеколон на коже кипеть будет, но до этой твари им очень далеко.

Надзиратель и глазом не моргнул. Скорее всего, для него просто непостижим смысл этого оскорбительного жеста Андрея.

Поселение, в которое они попали после авиакатастрофы, было очень маленьким. Полтора десятка полуразвалившихся больших и малых сараев, раскиданных без какой-либо системы. На северной окраине серия глубоких ям, из которых доставали глину, за южной поднимается спаренная пирамида. Если не учитывать масштаб пирамиды и ям, то можно считать, что центр местного очага цивилизации располагается на маленькой площади, окруженной постройками. Здесь стоит единственное оборонительное сооружение – башня. Весьма ветхая, для защиты поселения приспособлена слабо, да и не используют ее уже – стоит себе, разваливается потихоньку. Если откровенно, нечего там использовать – выжгло ее при одном из неудачных запусков. А вот огромный очаг рядом с ней, наоборот, сверхпопулярен – можно считать, что центр цивилизации располагается именно в нем.

Женщин уже привели. Несмотря на то что без женской ласки Андрей обходился уже почти два года, ни малейшего вождения при их виде он не испытывал. Интересно, если бы та красотка, что сидела перед ним в самолете, не погибла, как бы она сейчас выглядела? Сумела бы держать в идеальном порядке свою великолепную прическу? Крайне маловероятно... Шампуня

здесь не было. Мыла тоже. Здесь вообще ничего не было, кроме песка, камня, глины и чахлой травы. С водой тоже не все просто: единственный ее источник располагался на дне самого большого глиняного карьера, в сотне метров от поселка. Вода мутная, скорее даже не вода, а жидкий глинистый раствор. Оттуда пили и люди, и аборигены, также там они смачивали куски глины в носилках, перед тем как вытаскивать их на площадку. Гигиена у аборигенов была на нулевом уровне – они зачастую гадили по берегам, а то и в само озерцо. Когда люди столкнулись с первыми вспышками кишечных заболеваний, проблему чистоты воды начали решать кипячением. Охрана не возражала, когда они натаскивали степной бурьян к котлу, но не разрешала оставлять в нем воду на ночь – выливали на землю, засыпая котел зерном и травами. Выжившие пассажиры в сараях отводили места под хранение стерильной влаги – делали углубление в соломе, застилая его пластиком. Пить эту теплую жижу было противно даже зимой, но другой воды не было.

Вопрос о личной гигиене при такой ситуации с водой и вовсе никого не тревожил – гигиены здесь не существовало. Максимум – соломинкой почистить зубы. Два года без ванны, без косметики, без парикмахера, без туалетной бумаги и прокладок. Нудная тяжелая работа в пыли, на солнцепеке. Зимняя ночная стужа, когда снег залетает в щели сарая и находит твоё тело даже под слоем соломы. Постоянный стресс, сжигающий нервы. Отвратительная пища и не менее ужасная вода, отсутствие витаминов и самых элементарных лекарств, изорванная одежда, превратившаяся в грязное тряпье.

Женщины превратились в жутковатых мегер.

Даже это не мешало мужчинам громогласно строить планы по покорению «женского барака». Пустая болтовня – дальше слов ни у кого смелости не хватало. Андрей на обоняние не жаловался и уже сам не мог точно сказать, от кого же воняет сильнее – от женщин или от аборигенов.

Гнус первый ухватил свою порцию, моментально юркнул в сторону. Андрей вытянул руки, сердце забилось в два раза быстрее, гулкие удары отдавались в ушах. «Адреналиновый миг»: корявые лапы раздатчика, поросшие редкими пучками грязной щетины, прибор несовершенный – размер выданной порции мог варьировать в широких пределах. Сколько этот гад зачерпнул – все твоё. В ладони упал комок сырой халвы – смеси из размоченных зерен степных злаков, какой-то непонятной крупы, трав, корешков, кусочков вяленой рыбы, волокон мяса непонятного происхождения и вроде бы толченых орехов и грибов. Все это приправлено плесенью, грязью и песком. Вкус соответствовал описанию – редчайшая гадость. А куда деваться: в местном меню всего два вида блюд – халва вареная (варится с вечера, раздается поутру, обычно с кучей мух, успевающих влипнуть в теплую поверхность) и халва моченая (котел засыпается ингредиентами с вечера, к содержимому добавляется грязная вода, утром размокшая клейкая масса раздается голодающим).

Пайка ему досталась средняя. Он не сильно огорчился – главное, что не маленькая. Добавки здесь не практикуются. Отойдя к южной стороне башни, присел, прислонился спиной к стене. Камень прохладный – нагреться на рассветном солнце еще не успел. Сойдет и так.

Свою порцию Андрей пережевывал не спеша. Те, кто слишком рьяно глотал свои пайки, вымерли еще в первый год. Врачей среди пассажиров не было, но, судя по симптомам, это было похоже на аппендицит. Так что спешить не стоит, да и не следует забывать советы покойного Васильевича по поводу благотворного влияния слюны на процесс переваривания грубой пищи. Пока все не поедят, никого на работу не погонят. Сорок девять аборигенов и девятнадцать выживших пассажиров питались из одного котла – насчет еды здесь равенство полное. Да и насчет остального в принципе то же самое – одинаковая работа, одинаковое отсутствие

гигиены, даже сараи у них одинаковые и спят на такой же соломе. Аборигены даже в очереди к котлу стоят наравне со своими пленниками – кто первый к раздатчику прорвался, тот первый и получит свою порцию. Раздатчику без разницы кому давать – человеку или лысоватой обезьяне. У аборигенов одна привилегия – у них есть оружие. Дротики и топорики у дистрофиков, стальные секиры у горилл. Но пока человек работает и пока не пытается покинуть территорию поселка, оружие ему не угрожает. Да и в случае нарушений убивать не торопятся – начинают «воспитание» с предупредительных побоев.

Лысый, присев рядом с Андреем, уточнил:

- Ты сегодня на носилках с утра будешь?
- Ну да, если туда погонят.
- Обух с тобой не пойдет, он захромал что-то сильно. Вон сам посмотри.
- Нога так и гноится?
- Угу... Нельзя ему сейчас на носилки. На замазке побудет сегодня, а там посмотрим.
- Давай тогда Кира ко мне в пару.
- С ним тебе неудобно будет, он ведь тебя выше сантиметров на двадцать.
- Про двадцать ты маленько загнул. Но с Обухом, спорить не буду, гораздо удобнее. Мы с ним сработались неплохо.
- Кроме Киркорова, с тобой никто долго не выдержит. Ослабили мы все. Ты, Кир и Обух самые крепкие у нас сейчас.
- Да знаю я... что ты мне рассказываешь...
- Давай до обеда с Кирей натаскай побольше комков. Потом я с Гнусом потихоньку дотаскивать буду, а вы на замазке отдохнете.
- А что у Кира с обувью?
- Прапор ему пластик наплавил новый на подошвы, не должны развалиться.
- Смотри, там на спуске обувь рвется влет. Если останется без «колес», труба будет.
- Не должно. Боты у него немногим хуже твоих. День точно протянут, а там, может, Обуху получше станет.
- А если Обуха боты Киру сегодня передать?
- Не, так не пойдет, у Киркорова лапы размера на три больше. Ему можно детские ванны вместо калош носить... баскетболист наш... А чего это наши охраннички не торопятся? Пожрать всем раздали, а не шевелятся... Чего это они? А?
- А я откуда знаю? Раз они не торопятся, то и мы не будем вперед бежать.
- Да это само собой. Просто интересно... У них же всегда каждый день одинаковый...

- Вон Чубака дожевывает свой навоз, сейчас начнется.

* * *

Из сорока девяти аборигенов восемь принадлежали к расе орангутангов-горилл, сорок один - к дистрофикам. Первых звали по кличкам, каждому подобрали свою. Несмотря на внешнюю идентичность обезьяны отличались друг от друга индивидуальными признаками и манерой социального поведения. Чубака - самый заросший из соплеменников, с настоящей бородой из густо растущих длинных щетинок, с мутными глазами, сверкающими из-под чудовищно мохнатых бровей. Обычно именно он назначает пленникам фронт работ, да и остальными аборигенами вроде бы командует. Корявый - этот, наоборот, лысоват, к тому же левое колено у него изуродовано, нога до конца не разгибается - от этого он вечно перекошен на левый бок. Обычно он по вечерам загоняет пленников в сараи, а утром открывает им двери. Жмот - одноглазый, по виду очень стар, щетина почти вся поседела, кожа на доспехах прогнила, и ему приходилось скреплять деревянные детали какими-то сомнительными веревочками. Жмот был бесшумным раздачиком пищи.

Дистрофикам кличек не давали. Мало того что они будто под копирку созданы, так еще и в дела пленников обычно не лезли. Правда, в случае побега именно дистрофики немедленно кидались по следам беглецов. Уйти от них нереально - скорость ходьбы у этих тварей равна скорости легкого бега у человека. Сутки - больше никто за пределами поселка не продержался. Лишь Киру однажды удалось побегать подольше, да и то лишь потому, что охрана поздно узнала про побег. Пойманных беглецов дистрофики приводили обратно, здесь их для профилактики могли жестоко отлупить обезьяны, но могли и не жестоко. После наказания бедолаг опять приставляли к рабскому труду. Поначалу бегали часто, но сейчас уже с год никто не дергается - поняли, что это бессмысленно. Даже Андрей утихомирился - шесть попыток на его счету. Больше только у Киркорова - тот до сих пор пытался сдернуть чуть ли не ежемесячно и никто уже не мог точно сказать, сколько раз за ним гонялись приткие дистрофики.

Вот и сейчас, заметив, что Чубака доедает свою пайку, Андрей безошибочно определил - сейчас начнется. Все приказы от него.

Андрей не ошибся. Чубака вытер ладони о стену башни, повернулся к ближайшим пленникам, требовательно взмахнул лапой, не оглядываясь, пошел в степь. Странно... ямы же в другой стороне, да и не разделили их. Но приказ - это приказ - и люди и аборигены потянулись за главарем.

Андрей недолго гадал, что им сейчас предстоит. Всего видов работ здесь было три. Ежедневно большая часть обитателей поселка занималась доставкой к пирамиде носилок с глиной, подсохшими фекалиями, золой, известняковым щебнем, травой. Там все это «добро» складывалось в кучу, оттуда его потом перетаскивали в глубь пирамиды, но этим занимались только аборигены-дистрофики. Если умирал пленник или абориген, тело тоже оттащивали к этой куче. Изредка к поселку приходили караваны тележек, запряженных странными гуманоидами - будто бочки с короткими мускулистыми конечностями и микроскопической головой. На тележках привозили мешки с сухой халвой, битум, остро пахнущую смолу, напичканную металлическими стружками, каменный уголь и какие-то вонючие склизкие клубни, колыхавшиеся будто живые. Продукты и битум шли в поселок, клубни, смола и уголь исчезали в недрах западной половины пирамиды. Назад, куда-то на север, тележки понемногу перевозили обломки самолета. Видимо, до авиакатастрофы они вообще порожняком возвращались.

Второй вид работы - нивелирование «стартовой площадки». Так пленники называли ровную пустошь, тянувшуюся южнее пирамиды. В длину она вытягивалась примерно на полкилометра, по ширине была не меньше сотни метров. Именно на нее пилоты посадили самолет. Обломки машины потом неделю убрали совместными усилиями пленников и аборигенов. На стартовой площадке все должно быть идеально гладким. Если день был не дождливым, то десяток-другой рабочих с утра до вечера ползали по ней на коленях, заделывая найденные щербины и неровности смесью из глины, песка и битума. Эти заплатки Чубака лично заравнивал тяжелым каменным катком.

Сегодня, очевидно, предстоит третий вид работ - сбор степных растений. Этим также занимались практически ежедневно - костру нужно топливо, а пирамиде сено. Но обычно здесь задействовались две-три группы по три-четыре пленника или аборигена. Всех одновременно гоняли нечасто - Андрей по пальцам мог пересчитать такие случаи.

Все необычное пленников всегда пугало... Неужто опять запуск? Нет, только не это...

Запуск - это местный кошмар. Самый страшный кошмар. Ужасающий в своей нелогичности, жестокости и полнейшей непонятности. Все, что связано с запуском, в разговорах людей своего рода табу - про него предпочитают помалкивать. Если кто-то его настойчиво упоминает, то немедленно оказывается в положении вульгарного матерщинника, ухитрившегося в костюме извращенца заявиться на лирический вечер духовной поэзии. Но если на подобном мероприятии ему грозит лишь моральная обструкция, то здесь могут и в глаз дать.

Не любят пленники напоминаний о самом страшном кошмаре этого мира. Единственное исключение - день запуска. Не весь день, а только после события. Тогда его обсуждать можно свободно. Бояться уже нечего: двух запусков в один день не бывает - это люди безошибочно осознали еще в первый раз.

Пережить такой кошмар два раза за день не получится - не хватит ни сил, ни нервов.

Колонна миновала дальнюю оконечность полосы. Здесь людям приходилось шагать осторожно: вся растительность вырезана под корень - развалившаяся, латаная-перелатаная обувь защищала ненадежно. Ноги были очень недовольны контактом с сухими пеньками степных трав и кустиков. Кроме того, повсюду громоздятся кучи обломков самолета. Когда их вытаскивали с полосы, всю местность вокруг усеяли осколками стекла, металла и пластика. Обух примерно неделю назад ухитрился загнать здесь в ногу алюминиевый треугольник с зазубренными краями. Вытащить его было непросто, а рана потом сильно воспалилась, и ему с каждым днем становилось все хуже. Лечить ногу нечем... Жаль, Обух на вид не кажется крепким, но силен и вынослив.

Был...

Чем дальше отходили от поселка, тем легче становилось идти. Бригады сборщиков травы здесь свирепствовали гораздо реже, так что обрезки стеблей ногам почти не угрожают. При каждом шаге в разные стороны разлетались толпы кузнечиков. Их здесь было настолько много, что среди пленников постоянно муссировались голодные идеи наловить их побольше и зажарить в котле. Пока что реализовывать не пробовали. Максимум на что сподобились - слопали несколько ящериц и одного суслика. Этой живности было здесь так мало, что серьезным подспорьем в рационе людей они стать не могли. Серьезная живность приближаться к поселку не желала, но вдали от него ее хватало. Во время своих побегов Андрей в этом убедился. Да и отряды дистрофиков нередко уходили поохотиться, приносили зайцев и здоровенных птиц, похожих на маленьких страусов. Изредка им доставались и приличные животные -

длиннорогие рыжеватые козы. Дичь измельчалась и шла добавкой к халве. А жаль, любой пленник полжизни бы отдал за хороший кусок проваренного мяса. А если оно при этом будет еще и соленным, то хоть сразу убивайте.

Чубака внезапно остановился, наклонился, ухватился за зеленый стебель степного бурьяна, вырвал растение из земли с корнем, бросил его перед собой. Это было сигналом к началу работы.

Присев на пятачке с буйной растительностью, Андрей достал из кармана узкий обломок стекла с залитым расплавленным пластиком основанием. Ухватив пучок травы, он этим примитивным ножом подрезал ее у корней, сложил в кучку. Против подобных орудий труда аборигены не возражали, хотя за найденный кусок металла могли жестоко отлупить древками дротиков и секир.

Теперь весь день люди будут резать траву своими убогими орудиями. Когда наберется приличный стожок, Андрей потащит его к общей куче, расположение которой указал Чубака. Когда возле главного надсмотрщика наберется приличная копна, дистрофики начнут перетаскивать добычу в поселок – для этого они прихватили огромные кожаные мешки. Производительность труда здесь удручающая – много травы не набрать. Почти вся добыча уходит в пирамиду, оставшегося топлива едва хватает, чтобы накипятить немного воды для питья. Даже халву частенько едят недоваренную или вообще замоченную.

Пару раз в месяц в степь уходит отряд из десятков аборигенов и пленников. Они отправляются далеко на запад, путь занимает несколько часов. Там, добравшись до глубокой балки, рубят кусты и даже мелкие деревца, назад тащат вязанки отменного хвороста. Это топливо складывают в отдельный сарай и обычно используют лишь зимой, для обогрева жилищ пленников и аборигенов. Нельзя сказать, что в развалюхах становится гораздо теплее от скудно снабжаемого очага, но хоть веселее, да и запах дыма перебивает тяжелую вонь от немых тел. Людям, попавшим в такую «экспедицию», дико завидовали. Там, на дне балки, можно было напиться вволю из ручья – вода чистейшая и холодная. Там же, бывало, попадались сочные стебли дикого лука, а в начале лета можно собирать крупную землянику. Осенью терпкий терн, боярышник, барбарис, шиповник, сладкая или горькая рябина, бузина, бывало, и орехи попадались. Охрана, конечно, не даст наесться вволю, но хоть что-то перепадает.

От гастрономических воспоминаний рот начал наполняться слюной. Проклятье, что ж ему сегодня так жрать хочется?! Вроде пайку себе неслабую урвал, да и позавтракали буквально только что – сыт вроде бы... Нет, именно при воспоминаниях о ягодах желудок рыдать начинает. Видимо, витаминов не хватает... Плохо, что Чубака народ на горке поставил, в низине, бывает, щавель попадает, пожевать хоть можно.

Монотонная работа не мешала погружаться в мир воспоминаний, но при этом Андрей из реальности не выпадал – за обстановкой следил внимательно и сразу расслышал шипящий, зловещий звук, накатывающийся от поселка. Не вставая, обернулся, увидел, что основание западной половины пирамиды утонуло в клубах пара, струями вырывающихся из нее.

Вот и накликал – о таком не зря, наверное, люди предпочитают помалкивать. Выходит, и думать про это тоже чревато неприятностями. Стоило только о нем подумать, и вот он – приветствуйте.

Привет, запуск.

Рейка послушно вошла в паз. Слишком свободно – это нехорошо. Должна с натугой заходить – под аккуратными ударами киянки, тогда крепче держаться будет. Не рассчитал немного. Пилу потоньше надо – вечно лишнее прихватывает. Ну уж какая есть. Инструментов сейчас хватает, не первый год уже здесь, но до земных им зачастую далековато. Ну и ладно, он делает полку для кухонной утвари, ей слона выдерживать не надо, так что зазоры вполне допустимы. Да и гвоздей у него полный туесок, всех размеров. Можно не экономить – в центре катастрофы стальной проволоки хватит планету по экватору обернуть, а уж сколько из нее гвоздей можно нарубить, страшно подумать. Да и свою подходящую проволоку кузнецы рано или поздно тянуть научатся в массовом порядке. Штамповку уже давно освоили, так что в таких несложных предметах, как гвоздь, недостатка никогда не будет.

Олег не спеша выбрал короткий гвоздик, приставил к рейке, размахнулся молотком. В этот миг дверь избы резко распахнулась. Если бы Олег не стал суетиться, все бы обошлось, но он отвлекся, дернулся, попытался остановить полет инструмента, но не успел – огрел себя по кончику большого пальца.

Пацан, выросший на пороге избы, звонко выкрикнул:

- Вам там новые камни привезли!

Олегу пришлось приложить колоссальные усилия, чтобы не нагрузить уши мальчика набором слов, произношение которых при детях не рекомендуется. Разрядился вполне безобидно:

- Уф!!! Шшшшшшшшш!!! Ах ты!!! А стучаться кто будет?! Пушкин, что ли?!

- Так я думал, что вы не услышите! Вы ведь с утра тут гвозди забиваете. И вообще, я спешил очень вам все рассказать!

- Что за камни?

- С севера лодка пришла, из Измаила.

- Ясно. От Монаха, значит. Новые гостинцы передал...

- Можно, я сам сперва камни посмотрю?

- Мал еще.

- Я же хорошо запоминаю! Вы же сами это говорили!

- Вот когда не хуже, чем я, начнешь разбираться, тогда, может быть, подумаю. Вас я учу пока определять на глаз самые простые минералы, которые трудно перепутать с чем-либо другим. Но это, считай, детский сад. Большинство минералов и пород определяются по совокупности признаков. Вот, сейчас покажу...

Олег поднялся, пошарил на полке с образцами, выбрал парочку, протянул пацаненку.

- Что это, по-твоему, за минералы?

- Вы меня обмануть хотите! Это ведь один и тот же минерал! Это гематит, у нас из него железо выплавляли раньше, до того как центр катастрофы нашли. Да и сейчас немного плавят.

- Ты ошибаешься. Вот это действительно гематита штуф, а вот это галька магнетита. Тоже железная руда, но минерал другой, и происхождение у него другое.

- Так ведь они похожи очень! Как я могу отличить?

- Легко. Смотри.

Олег достал с полки плоскую плитку светлого песчаника, с силой провел по нему куском гематита.

- Видишь? Рисует красную черту.

- Ага. Сам черный, а рисует красным.

- А вот еще смотри.

Олег приблизил магнетитовую гальку к гвоздику на полу, тот охотно покатился к камню.

- Видишь? Магнитные свойства хорошо проявляются. Вот это еще один дополнительный признак. И таких признаков множество - их набор присущ каждому минералу. Вас я этому научу, только не все сразу. Вы пока только азы получать начали, а ты уже решил, что стал в нашем деле профессором. Нездоровый у тебя энтузиазм. Вот полезешь сейчас без меня в принесенных образцах копать, и от суеты своей перепутаешь прилагающиеся к ним таблички. И все - образец станет бесполезным. Люди повсюду собирают необычные камни - так приказал им Монах. К каждому камню привязывается табличка из коры, на ней пишется место находки, имя и фамилия того, кто нашел. Образцы собираются в ящики, когда их накапливается много, везут ко мне. Здесь я все изучаю и, если нахожу полезный, пишу письмо северянам, описываю им свои соображения и вкладываю табличку. Какой смысл будет во всей этой работе множества людей, если таблички ты перепутаешь? Да никакого. А вдруг там попадется ценная руда? Мы и знать не будем, откуда она. А все из-за того, что кто-то был настолько тороплив, что ему даже в дверь постучаться некогда. Беги давай, без вас я ящики раскрывать не буду.

- Так ведь лодка уйдет, они вроде бы ночевать у нас не собираются. Выгрузили свои камни и смолу, а теперь загружаются железом. Спешат. Вы до их отхода можете не успеть все рассмотреть.

- А я и не спешу. Северяне здесь часто бывают, да и наши к ним постоянно ходят - письмо отправлю без проблем. Камни спешки не терпят, их жизнь - вечность, так что денек-другой подождут. Беги уж, чудик, не переживай, без тебя не начну.

Малец наконец исчез. Олег вздохнул с облегчением. Идея с обучением детей и подростков была, разумеется, ценной, с прицелом на далекую перспективу, вот только педагогическим талантом наделены не все. У Олега он напрочь отсутствовал, а за последнюю неделю он и вовсе аллергию на недорослей заработал. Проще с хайтами рубиться, чем этих короедов чему-то научить. Учиться или не желают, или проявляют при этом какой-то нездоровый энтузиазм - липнут к учителям будто репей, днем покоя вообще не дают. Учитывая, что жена вчера намекнула на вероятное пополнение семейства, и ночью покоя скоро не будет.

Делать колыбель? Или рано? Она же ни в чем еще не уверена. Женщины все же иной биологический вид - их не понять. Олег раньше был уверен, что они хоть в своем организме разбираются досконально, так ведь нет - ей тесты какие-то надо, чтобы точно убедиться. И где он эти тесты возьмет? Она сдуру намекает, что, мол, в центре катастрофы добра лишнего

много, может, попросить народ покопаться на руинах аптеки – там поищут ей ценный медикамент. Ага, счас – соберет всех работяг и пошлет их за Нару, поискать там тесты на беременность. Интересно, что они ему на это ответят? А что принесут? В лучшем случае колесную пару от железнодорожного вагона. «Извини, начальник, в тестах мы не сильны, но зато вот железяку нашли очень ценную – тебе в хозяйстве пригодится. Лови на голову». Максимум жена его сразу заявила, что скоро тот станет папой, и даже день события назвала. Хотя она у него местная, из кшаргов брал, от крестьян, которые от земли живут, а вот у Олега супруга земная, самая что ни на есть городская. Цивилизацией испорчена – двух лет на возвращение к природе маловато.

Нет, не будет он колыбель пока делать. Рановато. Да и полку эту до вечера отложит – наработался уже с мебелью сегодня. Надо все же сходить к пристани, проследить за ящиками. Толку от этого проекта Монаха пока что немного – ценных месторождений вроде бы не обнаружили, но и совсем махнуть рукой на это дело некрасиво. Северный правитель может и обидеться. Он свято уверовал в великий геологический талант Олега, считает его лучшим рудознатцем, вот и затеял сбор образцов в своих владениях. Отказывать неудобно, да и много времени изучение не занимает. А если совместить исследования с обучением детворы, так и вовсе все довольны.

К пристани Олег пошел длинной дорогой. По короткой идти теперь выйдет дольше – там сейчас мостовую укладывают. Все завалено кучами булыжников, песка и глины. С мостовой Добрыня поторопился... Конечно, весной и осенью грязновато, но если конский и свиной навоз регулярно убирать и колдобины подсыпать песком, то нормально. Поселок расширяется и улучшается с каждым днем. Притока землян, конечно, давно уже нет, но кшарги охотно тянутся или просто беглые восточники. Местных берут охотно – отличные трудяги и не обременены лишними амбициями. Крестьяне – для них местные порядки рай земной. Лет пять спокойной жизни, и местных здесь станет больше, чем землян, но при этом они будут надежно ассимилированы. Хотя и свои обычаи, конечно, привнесут – от этого никуда не денешься. Но это не беда, главное – брать от соседа только полезное, а дурное пусть забывает перед тем, как войти в поселок.

Олег, погрузившись в свои думы, обошел наконец перекопанный участок, спрямляя путь, направился в узкий проход между складом и общей столовой. Здесь навстречу подвернулся упитанный поселковый поросенок. Олег их недолюбливал – лезят повсюду, часто в дома забираются. Замок нет, а этих тварей незапертая дверь не остановит. Несколько раз ловил их на горячем, учил потом уму разуму, гоня с поленом по поселку. Видимо, на зло у них память хорошая – при виде Олега этот одиночка обреченно хрюкнул, попытался быстро развернуться в узком проходе, но не успел. Олег, размахнувшись от души, футболнул его в тугую зад с такой силой, что пальцы на ноге болезненно хрустнули.

- Ах ты тварь!!! Сало тупое!!!

Поросенок, истерически повизгивая, стремительно вылетел в параллельный переулок, развернулся с заносом, умчался куда-то к реке. Выйдя за ним следом, Олег чуть не столкнулся с Добрыней.

- О! Олег! Мы только тебя вспоминали! А чего это ты в закутке делал со свиньей? Вон как от тебя выскочила, будто ошпаренная, да и ругаешься ей вслед.

- Пойди у нее спроси, если сильно интересно.

- Да мне совсем неинтересно. Но только поговаривают про тебя, что ты их не любишь больно. С

палкой гоняешь, говорят.

- А за что их любить? Они раз ко мне в избу залезли, всем стадом. Воняло потом долго свиньями. А бить их надо только палкой. Тугие заразы - сейчас чуть ногу о зад не сломал. Не лучше ли за стеной свинарник сделать и не пускать сюда эту заразу?

- Не хватает пока на стройку народу. Там ведь работы много: изгородь хорошую еще надо сделать будет.

- На мостовую вон нашел людей.

- На мостовую нужнее.

- Ну-ну. У нас в поселке больше тысячи народу, скоро в этих стенах не будем помещаться, поневоле начнем ввысь расти. Придется нормальную канализацию делать: ломать твою мостовую, копать траншеи. Так что пустой труд ты затеял.

- Нет, Олег, зря ворчишь. Восточников мы по хуторам расселять будем и в лагерь лесорубов - там пора нормальный поселок ставить, укрепленный. Отсюда тоже часть народа переселим, чтобы чужаков своими разбавлять. Да и без этого пару тысяч наш старый поселок вместит свободно, спокойно обойдемся и без канализации. Если уж за нее все же возьмемся, то лет через пять или десять. Нечего нам грязь месить все эти годы.

- У Монаха в столице канализация есть и мостовая.

- И что? У него на севере больше десяти тысяч населения, раз в пять больше, чем у нас, ему проще с этим. Да и канализация, как я понимаю, у него не во всех поселках?

- Ну не во всех.

- Вот!

- Зато мостовая у него деревянная. Такую проще сделать.

- Может, и проще, но у нас зато лучше. Будет у нас образцово-показательный поселок.

- Сноб ты, Добрыня. Ладно, я на причал, там от Монаха опять камни привезли, прослежу, чтобы их на твою мостовую не пустили.

- Не ходи.

- Что? Уже пустили?!

- Да не, не переживай, я сам распорядился к лаборатории их отнести. Все нормально с ними. Я как раз к тебе шел это сказать и еще кое-что.

- Что?

- Мур заявился со своей волосатой шайкой. Вроде бы у этого вороватого орангутанга хорошие новости по тем чудным стекляшкам.

- Ты его расспросил?

- Нет, просто парой слов перекинулись. Я его плохо понимаю, вот и хотел тебя позвать. Да и не

представляю, как общаться с гориллой, которая через слово повторяет «украсть»?

- Ну пошли пообщаемся. Где он?

- Да не торопись ты. Они в столовой – пока все там не сожрут, не вылезут. И куда в них столько влезает? Я ему сказал, что, как пообедает, пусть ко мне идет, там и пообщаемся. Так что пошли, пивка пока по кружке тяпнем. Этого орангутанга еще нет. Ему бочонок что кружка – делиться с этой мохнатой прорвой мне неохота.

* * *

С ваксами у землян отношения сложились непростые. Олег свой путь по этому миру начал из пещеры горных троглодитов, попав к ним в плен сразу после перехода. Тогда он, правда, не знал, что эта горная разновидность косматых дикарей – наименее цивилизованная. Да и сейчас плохо различал их – для него все они на одну морду. Участь пленников из иного мира была незавидной – пещерные троглодиты использовали их исключительно в гастрономических целях. Люди, оглушенные жестоким переносом в другую реальность, были лакомой добычей, а хватать их можно было голыми руками. Олегу тогда крупно повезло – сумел вырваться из их лап, да еще и с прибылью – познакомился при побеге со своей будущей женой. А вот парочке товарищей по несчастью повезло гораздо меньше – их разделали у входа в пещеру. Еще один погиб тогда при побеге – свернул шею в бурных водах горной реки, а судьба некоторых так и осталась тайной.

По пути к Фреоне Олег не сумел избежать новых приключений – ввязался еще в одну стычку с ваксами, после чего пришлось уходить от погони, а потом еще и в бой с настырными дикарями вступать. К счастью, им повезло и в тот раз: отбились без погибших. На память остался лишь шрам на лбу. Встреча с одной-единственной тварью, выбравшейся из пекла Гриндира, закончилась для их крошечного отряда гораздо плачевнее – без потерь не обошлось. Хотя тоже повезло: могли ведь погибнуть все.

Впоследствии, уже более-менее организовавшись на берегах Фреоны, земляне постоянно страдали от набегов каннибалов. Отряды дикарей, вооруженных каменным и костяным оружием, представляли тогда серьезную опасность. У людей были лишь дубинки и деревянные копья, самое грозное оружие – у милиционера в поселке Кругова был пистолет с жалким запасом патронов. Трудновато тогда было, немало усилий пришлось приложить, чтобы отвадить троглодитов от поселений землян. Путешествия в глубь их территории тогда были полны приключений – банальная поездка по реке за солью превращалась в серьезный военный поход. «Арго» в первом плаванье на обратном пути угодил в ловушку – пришлось прорываться с боем.

Неудивительно, что земляне, усилившись, первым делом принялись за решение проблемы ваксов. Поселения дикарей по берегам Нары были уничтожены полностью за один военный поход. Тогда не жалели никого – оставляли лишь трупы и пепелища. Троглодитов проняло – вылазки в сторону землян мгновенно прекратились. Теперь они стали дичью, а люди превратились в кровожадных охотников. Лишь постоянная угроза Хайтаны не позволила тогда землянам выделить достаточно сил для полного решения «дикариного вопроса».

Как это ни странно, вопрос решили сами дикари. Южные троглодиты, «народ равнины», не выдержав военного противостояния с тамошними средневековыми государствами, пошли на союз с землянами. Они получили в свое распоряжение леса между Нарой и аномальным Гриндиром, и первым делом очистили их от остатков аборигенов. Горные ваксы уцелели лишь на западе, да и то лишь потому, что новые союзники землян не горели желанием воевать с

ними среди скал.

Нападения каннибалов стали историей. Теперь за солью можно было ходить без охраны. Это, кстати, мгновенно убило бизнес островитян по торговле ценным продуктом с другими землянами – расположение соляного промысла сохранить в тайне не удалось. Невелика потеря – это того стоило.

Несмотря на то что равнинные ваксы были честными союзниками, проблем с ними хватало. Постоянно приходилось решать их конфликты с клотами – первыми союзниками землян, да и с людьми трения случались, особенно с северянами. В общем, скучно не было.

Равнинные ваксы Олега не переставали удивлять. Он, как и большинство землян, первоначально считал, что троглодиты являются тупиковой ветвью эволюции или предками современных людей, вроде питекантропов. Увы, действительность показала, что ваксы далеко не примитивны и в принципе от людей практически не отличаются (если не брать внешность и некоторые особенности социального поведения). Вполне смышлены, легко обучаемы, быстро осваивали язык землян, в бою против хайтов способны были действовать организованно, совершать сложные маневры и устраивать эффективные засады. В лесу ваксы чувствовали себя как рыба в воде – отличные следопыты, знатоки животных и растений, гении маскировки и бесшумного передвижения. Нюх как у собаки, зрение орлиное, слух идеальный, потрясающая наблюдательность и память – прирожденные разведчики. Вакс, услышав один раз песню на незнакомом языке, способен был напеть ее спустя месяцы без единой ошибки, да еще и подыгрывая себе на кожаном барабане или гволе – примитивном струнном инструменте.

С другой стороны, ваксы были никудышными ремесленниками – максимум, на что их хватало, кое-как чинить свое оружие и производить новое, причем в небольших количествах. Хотя были у них и здесь свои достижения: они плели великолепные корзины, поражающие тонкостью работы и разнообразием. Отлично выделывали кожу и изготавливали причудливую одежду из перьев. Со своих крошечных огородов получали высокие урожаи овощей и ячменя. Ячмень пускали на пиво, для чего сами делали крепкие бочонки без единой металлической детали. Но все это лежало на плечах женщин – мужчины подобной работой не занимались.

Если вакс дал слово – вакс или сдержит слово, или умрет.

Если вакс заключил с тобой союз, вакс не станет увивать от исполнения союзнического долга – вакс будет воевать до победы или смерти.

Если вакс назвал тебя другом, то это серьезно.

В общем, Олег ни разу не пожалел, что в свое время выслушал вождя ваксов – Мура Пожирателя Голов. Удачно получилось, что удержались тогда от соблазна – не пристрелили троглодита, явившегося к центру катастрофы. Надо сказать, это был первый вакс, который пришел говорить, а не убивать.

По-видимому, ваксы, помимо явных достоинств, обладали еще и скрытыми. В их числе наверняка и ясновидение. Иначе невозможно объяснить, откуда Мур безошибочно узнавал про наличие возможности выпить пива. Ведь он сейчас должен был еще долго сидеть в столовой – ваксы обожали пожрать и старались максимально растягивать сей приятный процесс. Но нет же – стоило Добрыне взгромоздить на стол бочонок, как в дверь аккуратно постучали, и на пороге выросла волосатая фигура:

- Привет, друг Олег! Я тебя сегодня не видел еще. Добрыню видел, тебя нет.

- Привет, Мур.

- Друг Добрыня, ты приглашал меня к себе для важного разговора.

Добрыня, с грустью покосившись на бочонок и прикинув, какой ущерб его содержимому сейчас нанесет вакс, явно прилагая над собой немалое усилие, кивнул:

- Да, Мур, проходи. Присаживайся. Тебе налить?

Вакс даже приостановился от такого вопроса будто парализованный:

- Друг Добрыня, спросить воина из народа равнин, будет ли он пить пиво, это все равно что спросить рыбу в реке, будет ли она плыть.

- А ты получше говорить стал, - заметил Олег. - Русский освоил так, что даже шутишь на нем.

- Нет, друг Олег, я еще много не понимаю. И многое не могу сказать словами. Понимаю, но сказать не получается. Это как с украденным топором: рубить им получается сразу, но своим не сразу чувствуешь. Время нужно.

Добрыня, налив в кружки, дожидался осаждения пены, но Мур медлить не собирался, выдул свою в пару глотков, поставил к бочонку, заметил:

- Зачем терять время? Пена пить не мешает. Особенно если пиво хорошее. А это хорошее. Не такое, как мы варим. У нас крепче. Но все равно о-о-о-очень хорошо.

Ели ваксы медленно, а вот пиво пили быстро и выпить могли очень много.

Вздыхнув от жадности, Добрыня вновь наклонил бочонок и, наполняя кружку, спросил:

- Так что ты на пристани мне про Гриндир рассказывал? Вы там побывали, что ли?

- Нет, друг Добрыня, мы туда не ходили еще. Раньше ходили, когда жили на юге. Там Гриндир с другой стороны, там не так все. Там возле его границы во многих местах можно жить: никто оттуда не выходит. Чудовища Гриндира не покидают свою пустыню. Для них завеса ветров непроницаема. А у вас Гриндир совсем не такой. У вас из него выходят страшные чудовища. Они уже убили у нас охотника, а еще одного искалечили. Мы не стали делать деревни возле вашего Гриндира. Там хорошая земля, и богатая река есть, но там очень страшно жить.

- Ну а сиды? - спросил Олег. - Ты говорил, что там, у себя, вы их добывали иногда. Местные ваксы их тоже добывали - мы это точно знаем, не раз у них отбирали. Вы ничего не смогли о камнях разузнать?

- Друг Олег, мы пытались. Ты просил узнать, и мы пытались узнать. Мы ловили местных пожирателей кала и жгли их огнем. И спрашивали про сиды. Эти вонючки молчали. Или обманывали нас. Но мы терпеливые. Мы спрашивали многих. А потом мы проверяли их слова. И мы нашли тропу, по которой они ходили в Гриндир. В Гриндир ходят только за сидами. Туда больше не за чем ходить. Значит, тропа ведет к сидам. Но мы ее не проверили до конца. Мы не знаем, что располагается за завесой ветров.

- Там, на юге, сколько народу вы брали, чтобы зайти в Гриндир? - уточнил Добрыня.

- Мы мало ходили. Я ходил только один раз. С отцом. Отец мой был самым могучим алтанакон. Отец брал тогда с собой шестьдесят воинов. Мы зашли в Гриндир и терпели там жару, сколько

могли. Потом вышли. Потом опять зашли. Опять не нашли ничего и вышли. Потом зашли в третий раз, и на нас напали стеклянные пауки. Мы потеряли двоих воинов. И не нашли ни одного сида. Отец сказал, что Гриндир стал жадный, и мы вернулись домой. Больше не ходили.

Добрыня, в очередной раз подливая в кружку вакса, уточнил:

- Так что, при походах в Гриндир у вас всегда потери были?

- Да, друг Добрыня. Чтобы добыть один сид, приходится терять несколько воинов. Хотя бывает, что никого не теряем. Бывает, что один раз заходят и находят сразу сиды. И выходят все живые. А бывает, заходит отряд, и никто не возвращается назад. Это же Гриндир. Туда надо вести много воинов. И не задерживаться там долго. Жар Гриндира вызывает слабость. Слабый воин умирает легко. Гриндир даже хайтов делает слабыми. Слабый хайт не страшен. У слабого хайта можно украсть его топор.

- Хайтов? - вскинулся Олег. - Они что, тоже туда ходят?

- Я такое не видел. На нашей старой земле хайтов не было. У нас ходили только мы, и люди, которые жили за порогами. Здесь некоторые пожиратели кала рассказывали под огнем многое. И говорили, что хайты ходят в Гриндир. Хайты идут с севера, из-за Нары. Много хайтов. Заходят в Гриндир. Потом выходят. Но их уже не так много, как было: некоторых Гриндир тоже убивает. И они возвращаются на север.

- Им-то что надо в Гриндире? - удивился Добрыня.

- Я не знаю, друг Добрыня, но я думаю, что им нужны сиды. Народу равнины нужны сиды. Пожирателям кала нужны сиды. Людям с юга нужны сиды. Вам нужны сиды. Всем нужны сиды. Может, и хайтам они тоже нужны.

- А сейчас вы хайтов там, на западе у себя, не видели? - уточнил Олег.

- Нет. Если бы увидели, попробовали бы их убить. Если бы их было слишком много, мы бы попросили вас о помощи. Мы бы дождались, когда они выйдут из Гриндира. Они были бы слабы. Мы легко бы их убили. И украли бы их сиды. Смешно бы получилось: нам бы не пришлось терять своих воинов за завесой ветров.

- Друг Мур, сиды нам очень нужны. За них мы можем купить у восточников их крестьян и поселить на своих землях. Ты же понимаешь, что нам нужно больше людей.

- Друг Олег, мне трудно будет вам помочь. У нас сейчас война с пожирателями кала, нам трудно посылать большие отряды в Гриндир. Не хватает воинов.

- Не понял?! - удивился Добрыня. - Вы же загнали этих вшивых макак в горы. Сам же говорил, что леса от них очищены. Вот и живите в своем лесу, не надо лезть в горы.

- Друг Добрыня, мы и не лезем. Но пожиратели кала очень глупы. И их глупость рождает наглость. Они решили, что мы их боимся, раз больше не преследуем. Они спускаются со своих гор и нападают на наши деревни, убивают мой народ и воруют наше добро. Для этого они собирают большие отряды. Нам приходится держать войско возле гор. Мы пытались зайти на тропу, откуда они выходят, и убить их там всех. И поставить свою охрану, чтобы они не могли спускаться вниз по хорошей тропе. Но эти жабы бородавки в своей наглости затмили солнце! Они прячутся на высоких скалах и кидают оттуда камни и копья. Мы не можем ничего сделать. Мы не можем кидать свои копья ввысь. Мы теряем воинов. А они не теряют. Мне стыдно, но мы

не можем их убить в горах. Мы народ равнин, нам трудно там. Там все чужое.

Олег, слушая вакса, хмурился все больше и больше. Действительно, если ты вырос на равнине или в лесу, в горах тебе будет неуютно. А если учесть, что местные каннибалы знают там каждый камешек... Сам он видел лишь восточные отроги. Серьезных вершин на краю горного массива не было, но вот ущелье с отвесными стенами ему запомнилось. Во время побега из пещеры каннибалов им тогда пришлось прыгать с очень приличной высоты. При таком изрезанном рельефе парочка воинов, заняв удобную позицию, может задержать отряд в десятки врагов, попросту обстреливая их сверху. Своим союзникам земляне выделили немного арбалетов и луков, но, увы, толку оказалось мало – ваксы с этим оружием обращались отвратительно. Ну непривычны они к дистанционному бою – у них акцент на рукопашную схватку. Людоеды не дураки – не лезут в самоубийственные атаки против отлично вооруженных воинов и максимально используют знание местности. Союзники людей в тупике – чтобы победить подобного противника, им нужны миллионы воинов. Потребуется затопить горы вооруженной ордой.

Увы, миллионов воинов и близко не было. Даже если взять женщин и детей, выйдет цифра в сотни раз меньше.

Да и с каннибалами не все просто. До появления землян на своей земле они жили, не зная забот. Врагов никаких – хайты местными дикими ваксами не интересовались, а люди сюда не любили лезть из-за хайтов. Земляне, начав геноцид в ответ на агрессию, заставили троглодитов зашевелиться. Столкнувшись с внешней угрозой, они поневоле должны были начать кооперироваться и вырабатывать стратегию и тактику противостояния новому противнику. Это, очевидно, сейчас и произошло – людоеды консолидировались и научились противостоять союзникам.

Дай им волю, и через несколько лет они ничем не будут отличаться от более-менее цивилизованных сородичей Мура. Да и народ Мура, как показало время, способен адаптироваться с дивной быстротой. Столкновение с культурой землян не прошло для них бесследно: они на глазах забывали свои дикарские привычки. Жадно перенимали обычаи и привычки людей, даже в своей речи вполне естественно начали применять сложные обороты, и разговоры в духе «пришел – убил – украл» услышать теперь можно нечасто.

Иногда Олегу становилось интересно, что будет с ваксами дальше, спустя века? Постигнет ли их участь земных неандертальцев, или они прочно займут свое место среди людей, завоевав для себя место в этом стремительно изменяющемся мире. А то, что мир изменится стремительно, сомнений нет. Такой «впрыск» земной крови даром не пройдет. Уже изменился: Хайтану если не разгромили, то уж обескровили так, что те позабыли про набеги.

Пока что ваксам приходится туго: люди их злейшие враги. Единичный пример сотрудничества островитян и народа Мура не в счет. Но пример характерный: если это выгодно обеим расам, то взаимовыгодное сотрудничество вполне возможно.

Понятно теперь, зачем Мур приперся в поселок и с ходу намекнул Добрыне о Гриндире и его ценных сздах. Ваксы не столь наивны и раскрываться полностью даже перед союзником лишний раз не станут. Кинув информацию о вождельных кристаллах, заодно и поведал о трудностях войны в горах. И уж верх мастерства: указал на некоторую взаимосвязь между возможностью добычи сидов с решением проблемы горных ваксов.

– Мур, а что ты там говорил про тропу в горах? Что вы там хотите перекрыть?

- Друг Олег, мы убили или выгнали всех пожирателей кала в местах, откуда начинают расти горы. Но дальше, там, где горы высоки, они остались живы. И к ним присоединились убежавшие. Они оттуда на нас нападают. Мы делаем засады и ловим их в плен. Потом с ними разговаривает огонь. Они упрямятся, но все равно огонь сильнее – часто говорят правду. Мы узнаем от них про тропы, откуда они приходят, и строим там, в хороших местах, башни из камней и дерева. Там дежурят наши воины. Если они видят пожирателей кала, то предупреждают об этом. У нас там всегда стоит большой отряд наготове. Он выходит навстречу горным вонючкам, и они убегают или умирают. Мы так закрыли все их норы. Они не могут оттуда высовываться. И уже не высовываются. Им это и не надо. У них есть место, которое мы не можем закрыть башнями. Камни там сошли с ума. Там все из камня. Каменные зубы растут из земли. Там нет деревьев. И там сто троп. Мы не можем все их закрыть. Иначе весь мой народ придется загнать в это место. Но под огнем эти горные козявки говорили, что дальше есть река, она течет в глубокой пропасти. Через пропасть они, сильно обнаглев, сделали мост. Переходя через реку, они проходят по земле взбесившихся скал и нагло нападают на наши деревни. Я хотел дойти до реки и разрушить их мост. Но у меня это не получилось. С каждой скалы в нас летели камни и дротики. Мы шли в атаку, но, когда забирались наверх, там уже никого не было. Мы расположились лагерем на ночь. В темноте в нас опять полетели камни и дротики. Нам пришлось сжечь все факела, все кусты, что там были, мы даже жгли их дротики. Нам нужен был свет, чтобы их отгонять. Мы не подпускали их к себе. И не атаковали. Атаковать было опасно – это их земля, и она их охраняет. Мы могли все погибнуть во тьме, среди скал. Они хотели, чтобы мы вышли из своего лагеря. И мои воины хотели кинуться на них. Я не пустил никого. Мне это было трудно делать. Утром я увидел, что многие воины ранены, а некоторые убиты. Факелов больше не осталось. Я понял, что следующая ночь будет еще труднее. И мы оттуда ушли.

- Правильно сделали, – сказал Добрыня.

- Спасибо. Я рад, что ты не думаешь, что я трусил. Мы не боимся их. Но воевать с ними у нас не получается. Воевать с ними – это будто ловить воду руками. Ты сжимаешь кулак, а она вырывается у тебя между пальцев. Мы просто растеряны и не знаем, что делать.

- Ты зря не сказал это сразу. Вам не надо было лезть туда без нас.

- Друг Добрыня, мне стыдно было просить помощь против ничтожных пожирателей кала. Они не враги, они жалкие трусливые жабы. Но эти жабы скользкие. Выскальзывают из пальцев. Если бы у нас был отряд ваших воинов с мушкетами, мы бы легко дошли до моста и разрушили бы его. А потом бы построили там свою крепость. И они бы уже не могли сделать новый мост, а пройти через реку без моста очень трудно и опасно.

- Нет, – Олег покачал головой, – ты неправ. Скажи, сколько вы там, в горах, сейчас держите своих воинов?

- У нас четырнадцать башен. Оттуда смотрят за тропами. И два отряда стоят у корней гор. Двести десять воинов.

- Вот видишь. А в крепости еще воинов придется держать, и дорогу к ней охранять тоже надо будет. Получится, у тебя там будет постоянно сидеть триста воинов. Это огромная сила, вам трудно будет столько отрывать от себя.

- Друг Олег, мы должны их там держать. Если так не делать, то пожиратели кала будут разорять наши деревни возле гор.

- Я понимаю. Но у меня есть опыт войны с ними. Все просто: если им хорошенечко намять бока, они утихомятятся. Они поймут, что наказали их не просто так, а за набеги, и будут знать, что наказание повторится, если повторится набег. Лучший вариант - послать в горы сотню стрелков, при поддержке твоих воинов. Такими силами мы легко дойдем до моста и за мост тоже пройдем. По пути будем уничтожать их воинов и селения. Если поход будет удачным, в конце отпустим пленников, объяснив им, что, если повторится набег, мы вернемся в горы и пройдем еще дальше не щадя никого. Друг Мур, как ты думаешь - они повторят набег после такого?

- Если мы убьем много воинов и разрушим мост, то не повторят. Они вонючие трусы. Они увидят, что от мушкетов на скале не спрятаться. Раз не спрятаться, значит, трусливо воевать не получится. Они устроятся и позабудут дорогу в нашу сторону.

- Вот и отлично! - Олег повернулся к Добрыне. - Ну так что? Сев у нас давно закончен, народ освобожден, сможем стрелков на зачистку гор послать? А на обратном пути можно и в Гриндир. - Олег подмигнул.

- Ишь какой шустрый! Раз сев закончен, значит, мы тут баклуши бьем и дальше бить будем? Так, по-твоему, получается? Ты всех по себе не равняй! Заперся у себя в избе и целыми днями ценные доски с гвоздями переводит! И думает, что так и надо!

- Имею право. Ты сам сказал, что я отпуск заслужил. Да и то - разве это отпуск? Через день приходится к старателям бегать: без меня они не золото, а слезы намывают.

- Незаменимый ты наш...

- Друг Добрыня, можно не сотню стрелков посылать, можно десять. На трусов этого хватит, - аккуратно предложил Мур.

- Ты хоть помолчи! Десять! Я тут боюсь, что и сотни может не хватить. Наши ребята тоже с горами не шибко знакомы... Да не грусти, друг Мур. Будут вам стрелки. Мы своих союзников в беде никогда не бросаем. Надо только прикинуть, кого снять можно без особого ущерба для дела. У нас сейчас цех делают новый, металлургический, там очень много народа требуется... Даже не знаю что и делать... Вот если бы ты своих сотню дал на время похода, чтобы там на грубой работе подмогли, я бы точно сотню мушкетеров нашел, а так думать надо...

- Друг Добрыня, тебе не надо думать! Мои люди помогут вам здесь. Только они не умеют делать цеха. Это плохо.

- Да там работа «подай-принеси». Стены каменные возводим, приходится подносить много грузов. Ваксы подойдут, силы у них хватает. У нас там из ближних деревень десятка два уже ваших работает за плату, и толк от них есть. Олег, а ты вроде и раньше хотел в предгорья сходить?

- Ну да. Посмотреть на горы не мешает. Млиш говорил, что где-то там ртуть добывали в древности, нам бы не помешало, на капсюли. Может, повезет, и найдем.

- Значит, ты и поведешь этот отряд. И подготавливать тоже ты будешь, а то разлеился как котяра откормленный.

- Ну прям уж! Добрый, если у нас сотня стрелков уйдет... А вдруг хайты опять вылезут? Они в прошлом году в эту пору как раз шевелиться начали. Да и в позапрошлом, когда мы сюда попали, гоняли наших тоже в это время. «Арго» тогда захватили у местных и вашу толпу

хорошо потрепали. Хотя вроде больших отрядов не было в наших краях... Но им ведь тут и делать нечего было без нас.

- Хайты? Ты бы еще Гитлера вспомнил! Да их давно уже не видно и не слышно. После похода на правый берег они в нашу сторону даже не смотрят. Крепко мы им навешали тогда! Тем более что перед этим всю их армию на левобережье разбили.

- Насчет той армии все верно. А вот насчет «навешали на их берегу»... Я бы так не сказал... Выбили они нас оттуда с треском. Мы драпали в таком темпе, что из сапог выпрыгивали.

- Так это им просто повезло, да и зимой непривычно нашим на чужом берегу воевать. И вообще, они же не сильно гнались? Видно, их тоже тогда здорово потрепало, считай, ничья вышла.

- Угу. Мы тогда двадцать девять человек потеряли убитыми и пропавшими, а про раненых и вспоминать страшно. Две пушки пришлось утопить: сами их в прорубь скинули. Ядра побросали, порох сожгли. У северян еще больше потери были, а круговцы вообще потом недели две на восточном берегу собирались.

- Да ладно тебе вспоминать гадости разные. Не верю я, что хайты опять вылезут. Но на этот случай рацию с собой возьмете, если что, быстро отзовем вас. А ты лучше сейчас давай решай: кого из офицеров брать будешь и как туда пойдете?

- Пойдем мы просто - через арку. Выход этого телепорта как раз возле предгорий. Насколько я понял Мура, до скального лабиринта, в котором их щиплют, километров двадцать оттуда. Пешком легко дотопаем. Хотя лошади понадобятся тоже: груза нам немало тащить придется. И неплохо бы пару пушек с запасом гранат взять - в горах удобнейшая вещь. Если дашь пушки, то лучше всего к ним бы взять Дубина с десятком его опытных ребят - будет заведовать нашей артиллерией. Замок я бы Макса взял, но у него жена беременная, не знаю даже... Вроде бы не должны мы там надолго застрять, но мало ли как получится... Если с Максом не выйдет, то тогда Кабана.

- У Кабана одышка после ранения - осенью ему легкое пробило. По горам лазить нежелательно. Я с Максом поговорю. Приказывать ему не хочется, так что пусть сам решает.

- Ладно. Я тогда к Дубину сбегая, с ним переговорю.

- Не торопись, иди свои полки доделывай и заодно прикинь, кого еще брать будешь. Учти, ценных работников я тебе не отдам. И не старайся набирать только опытных вояк: перемешивай их с молодежью - пусть боевому делу поучатся. Ваксы противник несерьезный, можно сказать, учебный. А Дубин сейчас в лагере лесорубов - картечницы там на башни устанавливает, вызовем по радиации вечерком. Так что иди давай. И ты, друг Мур, тоже топай. Пошли кого-нибудь из своих ребят прямо сейчас, пусть в лес приказ донесет. Мы уже с нетерпением ждем обещанных тобою помощников.

Глава 3

За неполные два года запуски в поселке производились три раза.

Без жертв и разрушений при этом обошелся лишь один запуск.

Когда это случилось впервые, выжившие пассажиры не были к подобному готовы. Они даже не

подозревали, что им угрожают столь неприятные сюрпризы. К тому времени их жизнь здесь, или скорее существование, кое-как наладилась. Те, кто сильно пострадали при падении и пожаре, уже умерли или выздоровели. Кто не выдержал психологического шока, благополучно сбрендил, остальные кое-как пришли в себя, начали выживать уже сознательно, активно приспособившись к реалиям кардинально изменившейся действительности. Все, кроме совсем уж чокнутых параноиков, успели четко уяснить – смертоносных сюрпризов здесь не бывает. Ты, конечно, можешь умереть от болезней или лишений, но никто и ничто тебя здесь не тронет, если ты будешь соблюдать простейшие правила поведения.

Это была стабильность. Ужасающая, ведущая в тупик, но стабильность.

В день первого запуска все рухнуло – стабильность больше не вернулась.

В этот день люди потеряли шестерых. Затем в течение нескольких дней от ранений умерли еще двое. Остальным повезло больше: отделались мелкими травмами или заработали шок от очередной несмешной шутки в исполнении костлявой барышни с косой.

Андрей тогда выжил чудом – повел себя при запуске как слабоумное существо. В тот день он работал в самом опасном месте – на полосе. Тогда он еще не знал, что это место опасно, наоборот, такая работа считалась самой легкой. Он к тому же страдал расстройством желудка, и товарищи освободили его от обычного перетаскивания груженных носилок – толку от него там не было. Ползая по полосе с шаром замазки в руках, он заделывал малейшие трещинки и выбоины. Полоса была очень старой, веками ее поверхность атаковали жар и холод, воздух и вода. Держать ее в зеркально-ровном состоянии было непросто. Труд многих поколений превратил полосу в сплошную заплату из смеси глины, битума и песка, первозданные каменные участки встречались лишь на дальнем краю.

Странный звук заставил его оторваться от работы. Такого он здесь еще не слышал – будто миллион котов хором зашипели. Поднявшись, вытаращился на пирамиду. Там сейчас было на что посмотреть – западная половина исполинского сооружения погружалась в белесое марево. Струи дыма или пара вырывались из-под основания, от них, видимо, и шел этот странный звук.

Два дистрофика, работавшие в группе Андрея, вскочили, суетливо заметались между пленниками. Легкими ударами древков дротиков они заставили всех подняться, суетливо погнав народ к глиняным карьерам. Люди, не подозревая о грозящей опасности, не особо торопились. Шли не спеша, бестолково оглядываясь. Всем было интересно, что же такое с пирамидой приключилось?

До карьера их группа дойти не успела. Каких-то несколько шагов оставалось до первой ямы, когда ЭТО случилось.

Шипение перешло в громовой рев, густые клубы пара взметнулись до вершины западной половины пирамиды. В этом мареве стены сооружения дрогнули, поплыли в стороны, открывая темный зев исполинских ворот. Там, в темноте, что-то величаво пульсировало, выбираясь на дневной свет. Разглядеть подробности было невозможно – туман мешал. Будто яйцо ползет, только вот размеры у этого яйца... Какова высота пирамиды? Наверное, метров сто пятьдесят точно есть. Открывшийся проход, конечно, гораздо меньше, но все равно впечатляет.

Налетевший ветер понес облако пара к карьерам. На несколько мгновений видимость упала до нуля, а когда прояснилось, люди увидели, что пирамида «родила огурец». Точнее, роды еще не закончились, но уже видно было, что из ее недр, выталкиваемый непонятной силой, лезет гигантский желтовато-серый эллипсоид. Даже пупырышки по бокам имелись – все как у

настоящего овоща, кроме цвета и размера. Размерчик у него был... Андрею доводилось видеть кадры, запечатлевшие старые дирижабли в эпоху расцвета этого вида транспорта. Вот нечто подобное увидел и сейчас – пирамида решила родить рекордсмена среди дирижаблей.

«Огурец» наконец выбрался целиком, поблескивая влажными боками, разлегся у основания пирамиды. От его заднего конца в глубь сооружения тянулся извивающийся пульсирующий отросток – будто пуповина. Возможно, именно по этому «шлангу» в недра «огурца» подавался воздух или какой-то газ. «Дирижабль» разбухал на глазах, причем рос исключительно вбок, на глазах превращаясь в колоссальную карикатуру на морского ската.

Охранники, давно уже перестав подгонять пленников, прыгнули в карьер, оскальзываясь на глинистом склоне, ринулись вниз, на самое дно. Люди глупы – даже сейчас они не поняли, что дело пахнет керосином.

Скат, распрямляя бока, задрожал, потянулся вверх, оттолкнулся от земли, взмыл на несколько метров. Нет, земное тяготение он победить не смог – его увлекло назад. Упав, он чуть сплюснулся, колышась, будто потревоженный студень, оттолкнулся вновь, опять вернулся к полосе, пополз вдоль нее, будто едва накачанный воздушный шарик. Примерно на середине взмыл уже увереннее, воспарил на мгновение, потом резко пошел вертикально вверх. «Пуповина» натянулась, разом ослабла, поволочилась за «скатом» обвисшим шнурком.

В этот миг скат резко прервал подъем – будто разбегающийся спортсмен вдруг затормозил у начала дистанции. От столь грубой остановки тело ската заколыхалось еще сильнее – его угрожающе повело на левый бок. Андрей смотрел на это зрелище как зачарованный. Он не понимал, что это такое, но почему-то был уверен, что видит живой организм, а не искусственную конструкцию – продукт банальной технологии.

Оказывается, в этом полумертвом мире есть весьма эффектные сюрпризы.

Скат выровнялся, не теряя равновесия, весьма проворно развернулся тупым носом в сторону карьеров, под брюхом блеснула вспышка. Мгновенный огненный росчерк протянулся к поселку, ударил в стену сарая. Хлипкое сооружение разлетелось грудой тлеющих обломков. Над головой Андрея с треском промелькнул футбольный мяч, сотканный из оранжевого пламени, ударил в край карьера, взорвался. По щеке, стесав кожу, вскользь прошелся комок сухой глины, рядом кто-то истошно заорал.

Вершину башни, возвышавшейся в центре поселка, украшал исполинский арбалет, накрытый лоскутным пологом из кусков грязной кожи. Толстые доски и бревна в его конструкции поначалу были единственным свидетельством существования здесь древесной растительности – вокруг поселка, куда ни кинь взгляд, не было даже кустарников. Люди частенько гадали, для чего он там установлен, справедливо подозревая, что предназначено это огромное орудие не для красоты. Сегодня они узнали ответ.

Парочка обезьян лихо наклонила это громоздкое орудие, навела в сторону исполинского летающего ската. Промахнуться невозможно – в этой громадине, наверное, больше двухсот метров, а расстояние до него от башни еще меньше. Промаха и не было – толстая стрела, оставляя за собой еле заметную струйку дыма, ударила ската в правый бок. Тот, не заметив этот булавочный укол, выпустил очередную порцию своих огненных снарядов. Нет, все же заметил, – удар пришелся по площадке перед очагом и башне. Огромный арбалет вспыхнул свечкой, две горящие фигурки слетели вниз, забились на земле, пытаются сбить пламя.

Засмотревшись на это зрелище, Андрей некоторое время не следил за «скатом», а когда

поднял глаза, то застал лишь последние мгновения его существования.

Скат, объятый пламенем, превратившись в чудовищный голубоватый метеор, стремительно улетал в восточном направлении. Агонизируя, он пытался набрать высоту и скорость. Зачем? Может, хотел сбить пламя? Нет, такое уже не собьешь. Похоже, внутри он был пуст как мыльный пузырь и закачан горючим газом.

Уйти он все же успел далековато – пылающие останки рухнули примерно в километре от поселка.

Обернувшись к пирамиде, Андрей убедился, что она успела закрыться и туман уже рассеялся. За спиной слышались стоны и крики раненых, выжившие охранники начали выгонять людей из укрытий. Андрея тоже подтолкнули древком дротика в спину, намекая, что следует двигаться к центру поселка.

Послушно направившись к дымящейся башне, Андрей только сейчас понял, что был на волосок от гибели. Осознание этого ему не понравилось: мгновенно ослабевшие колени едва не подогнулись, а руки предательски задрожали. Идиот, он даже не попытался спрятаться, стоял как круглый дурак... любовался. Одного просмотра вполне достаточно – больше он глядеть на это не желает. Если это повторится еще раз, он будет готов – забьется с головой в самую глубокую яму.

Увы, повторилось. Дважды.

Первый раз обошлось без жертв – так что напрасно Андрей спрятался в мутной воде озерца на дне карьера. Те, кто осмелились пронаблюдать за запуском, рассказали, что все было почти как в первый раз: западная половина пирамиды раскрылась, выпустила из своего чрева «огурец». Оказавшись на полосе, тот превратился в ската. Взмыл в небеса, оборвал тонкую «пуповину», ушел на восток, быстро растаяв в небесах. Никаких пакостей себе при этом он не позволил.

Зато следующий запуск с лихвой наверстал упущенное. Этот скат превратил в руины половину поселка и прикончил полтора десятка пленников и аборигенов. Помешать ему не смогли – арбалета с зажигательными снарядами больше не было. Террор продолжался долго, но скат в итоге начал сдавать. Может, вместе с огненными снарядами он терял какие-то свои силы или по какой-то другой причине, но исполинский дирижабль начал быстро терять высоту и перестал маневрировать. Его подхватил порыв ветра, потащил к дальнему краю полосы, прямоком на обломки авиалайнера. Волочась нижним краем оболочки по земле, скат задел нагромождения металла, потащил их за собой. Видимо, при этом не обошлось без пробоев и искр – из поврежденного бока вынесся поток синего пламени. Реактивной струей скат подбросило в небо и отнесло далеко от поселка, где он, рухнув в степь, выжег вокруг себя десятки гектаров.

После третьего запуска пленники и аборигены долго отстраивали разрушенные сараи, перетаскивали к прожорливой пирамиде своих мертвецов и тысячи скрюченных, обгорелых кожисто-роговых огромных «ногтей» – все, что осталось от смертоносного ската.

Попытки обсудить это или публично вникнуть в суть происходящего пресекались уже на другой день после запуска – люди просто не хотели вспоминать лишний раз об этой угрозе. Никто не сомневался, что рано или поздно очередной скат рухнет на поселок и выжжет дотла всю округу вместе с аборигенами и их пленниками. В карьере от подобного не спрячешься. От знания этого не уйти, но зато можно заставлять себя о нем не вспоминать и не давать

вспоминать другим – вот и появилось это странное для цивилизованного человека табу.

Современный человек привык к виртуальной смерти. Кровь льется с экранов телевизоров и мониторов компьютеров, ею пропитаны страницы книг и газет. Смерть уже не шокирует и никого не удивляет. Подспудно многие считают, что, столкнувшись с ней в реальности, все будет так же. Как же жестоко они заблуждаются... И как же быстро это понимают... Для этого достаточно увидеть, как товарищу, с которым ты только что ел из одного котла, огненный шар отрывает голову. Друг, который подменил тебя на каторжной работе, превращается в обугленный огарок. Смерть собирает обильную жатву вокруг тебя, и ты имеешь хороший шанс стать ее очередной жертвой. И это реальность – от нее не уйти с помощью пульта телевизора. И если в реальности над тобой загорится надпись «Game Over», ты не загрузишь сохраненную игру для второй попытки, да и надписи, как таковой, не будет. Твои товарищи здесь умирают навсегда. И ты сейчас отправишься вслед за ними, если смерть этого захочет.

В этом мире есть новый синоним слову «смерть» – «запуск».

Запуск – это объективная реальность, одно из неизбежных явлений нового мира.

Запуск ужасающ по своим последствиям и загадочен из-за своей непостижимости.

Запуск – это постоянная угроза Армагеддона, Божий бич для этого затерянного в степи поселения.

Запуск настолько страшен, что даже говорить о нем нельзя – табу.

* * *

Сегодня пришло время четвертого запуска.

Аборигены даже не пытались гнать пленников в укрытие – укрытий рядом не существовало. Степь ровная как бритый блин: даже замаскироваться здесь негде – травы мало, да и невысокая она. Деревьев и кустов вообще нет. А откуда им взяться – здесь же на километры вокруг все выведено. Бежать к карьерам далеко, да и страшно – прямо в пасть опасности путь ведет.

Попали...

Первым голос подал Прапор:

- Ребята, давайте хоть присядем пониже – может, скат не заметит нас.

Андрей, положительно оценив совет, плюхнулся на землю плашмя:

- Ложись! Сеном припорошиться сверху!

Вряд ли такая маскировка поможет. Даже если люди станут неприметными кочками, фигурки аборигенов будут их выдавать – те и не думали прятаться. Стоят, будто суслики – таращатся на пирамиду. Тоже понимают, что убегать бессмысленно.

Из облака пара показался «огурец». Обливая почву под собой обильными потоками маслянистой слизи, он тянулся к оперативному простору площадки – там можно без помех распрямлять свои «крылья», принимая истинную форму.

Но что-то пошло не так в самом начале. Может, «пуповина» лопнула, пустив струю газа, а

может, о какой-нибудь незамеченный камешек оболочку пропорол - этого уже не узнать. Откуда появилась искра, тоже осталось загадкой. Мало ли, может, просто статический разряд. «Огурец», не выбравшись из чрева пирамиды и наполовину, резко остановился, из-под левого бока взметнулась струя голубого пламени. Несколько мгновений - и вот он уже пылает весь. Огонь пошел в недра пирамиды, оттуда, расшвыривая горящие ошметки, реактивным потоком вынесся исполинский язык пламени - наверное, до небес достал. Отсюда до места событий было более километра, но все равно донесся порыв горячего ветра.

Пламя, быстро вспыхнув, столь же быстро погасло - газ выгорает мгновенно. Пирамида так и осталась в раскрытом положении - две огромные створки застыли гигантскими закопченными крыльями. Видимо, механизм повредило. Струи пара тоже больше не вырывались, лишь потихоньку чадили кучки скрюченных «ногтей», оставшиеся от погибшего «огурца».

Аборигены синхронно направились к полосе, в сторону пирамиды. Они никого не гнали за собой, но люди, встав, привычно зашагали следом за ними - в лишние понукания давно уже не нуждались. Куда охрана, туда и пленники.

Андрей, топая за Чубакой, корчил губы в полубезумной улыбке - так искренне, наверное, улыбаются только кретины, получив в магазине бублик на сдачу. Радость, ни с чем не сравнимая радость. Обошлось - он все же пережил и четвертый запуск. Очень легко отделались, никто не пострадал. В поселке, правда, горят все сараи, ну да это ерунда. Потушат они сарай - видно, для этого их туда и гонят. А потом, наверное, починят ворота пирамиды, отстроят заново разрушенные постройки. Как же замечательно, что сегодня они не работали рядом с поселком: никто бы там не выжил. Жаль только, что ночевать негде, ну да это ерунда - на дворе тепло и сухо, можно спокойно ночевать и на улице. Это ведь не зима.

Очень удачный запуск - никто не помер.

Предаваясь радостно-идиотским мыслям, он не обращал внимания на несколько странное поведение охранников. Аборигены двигались будто ослепшие лунатики. Даже дистрофики прекратили свое постоянное дерганье из стороны в сторону - брели к пирамиде механическими куклами.

Не только Андрей не замечал ничего странного - все пленники будто ослепли. Радость от осознания, что опасность миновала, опьянила - не до наблюдательности народу стало.

Пережить запуск - это нечто. Адреналин высшей очистки.

Аборигены, почти добравшись до тлеющих останков «огурца», разом остановились, присели на корточки, замерли. Только тогда люди поняли - происходит нечто необычное. Поначалу пленники недоуменно переглядывались, не понимая, что им теперь делать. Некоторые даже неуверенно приблизились к чадящим кучкам «ногтей», ожидая приказа по их уборке. Охранники даже не шевельнулись.

Несколько минут народ переминался с ноги на ногу, уставившись на окаменевших аборигенов. Первым набрался наглости Киркоров. Немой здоровяк подошел к Чубаке, поводит у него перед глазами раскрытой ладонью, присел, вгляделся в закатившиеся зрачки охранника, пожав плечами, отошел.

Андрей, заметив, как у главного охранника из уголка приоткрытого рта потянулась струйка слюны, покачал головой:

- Да-а-а-а... Дела... Похоже, с нашей охраной не все ладно.

Народ загалдел разом – все старались перекричать друг друга. Прорвалось напряжение, вызванное запуском и в придачу отягощенное бредовым поведением аборигенов. Охрана на этот шум никак не отреагировала – все так и сидели статуями. Одна из женщин, осмелев, выбила из руки дистрофика связку дротиков. Оружие покатило по земле, никаких последствий этот поступок не вызвал.

Киркоров тут же вырвал из лап Чубаки секиру, крутанул ее в руках, довольно осклабился. Андрей сомневался, что сумеет найти общий язык со столь непривычным оружием, но и сам вдруг резко захотел обзавестись чем-нибудь подобным. Поднял выбитый женщиной дротик, из-за пояса дистрофика осторожно вытащил топорик с длинным узким лезвием.

Странно, но, получив это нехитрое оружие, Андрей вдруг почувствовал себя гораздо увереннее, а мысли внезапно стали идеально ясными. Он понял, что сейчас надо делать. Завидев, что Кир топает в сторону горящего поселка, перекивая галдящую толпу, заорал:

– Стой! Склады горят – ты ничего не вытащишь оттуда! Эй! Хватит галдеть! Быстрее разоружайте охрану! Забирайте у них все оружие, пока они не пришли в себя!

Люди и без его указаний уже всю грабили аборигенов, но его крик подстегнул процесс экспроприации и придал ему некоторую конечную идею и смысл. Воплощением идеи явилось поголовное вооружение пленников и куча брошенного оружия – все люди себе забрать не смогли. Зачем они это делают, никто еще не понимал – сработал стадный инстинкт, разбуженный поступком Кира.

Андрей, не давая народу опомниться, вскинул над головой дротик:

– Кидайте все лишнее оружие в огонь! Не оставляйте охране ничего!

Но тут коса нашла на камень – люди не спешили выполнять этот приказ. Видимо, эйфория прошла, да и не было стартового толчка – никто сейчас не подал пример.

– Дрю, а на фига жечь? – нервно прокричал Гнус.

– Когда они очнутся от этой спячки, то не смогут за нами гнаться без оружия. А если и погонятся, мы без проблем отобьемся.

– Тьфу ты! – охнул Лысый. – Кому что, а Киркорову и Дрю лишь бы в побег сдернуть! Ты мало бегал? Да некуда здесь бежать! Толку от побегов ноль! Мало тебя лупили «эти»?

– Лысый, очнись! Больше некому нас лупить – охрана, похоже, в кому впала вся! Посмотри на них – этот запуск их окончательно доконал! Ты что, все равно их боишься? Ты, наверное, и тени своей уже боишься! Лысый, уходить надо! Такую удачу упускать нельзя!

– Дрю, да ты совсем спятил! Забыл?! Тележки с продуктами и битумом забыл?! Откуда-то эти тележки приходят ведь сюда! Тут вся планета принадлежит... «этим» принадлежит. Куда нам отсюда бежать?! Побегаем и попадем все равно к ним. Ладно, если просто изобьют, так ведь могут засунуть в место, по сравнению с которым этот поселок покажется раем земным. Вон Киркоров дальше всех убежал – его один раз четыре дня ловили. И что? Сам потом палочкой на полу нам написал, что вышел к целой крепости, где ЭТИХ были сотни. Пришлось ему назад поворачивать, напрямик в лапы наших дистрофиков. Это их планета – нам от них не сбежать. Мы, мать твою, будто космические робинзоны – наш корабль сгорел, мы здесь застряли навсегда.

Андрей упрямо покачал головой:

- Ошибаешься. Нам просто не повезло с местом.

- О чем ты?

- Здесь есть люди. Другие люди. Где-то обязательно есть территории, населенные людьми. Надо просто их найти.

Прапор, перебив начавшего было орать Лысого, спокойно уточнил:

- Андрюша, о чем ты? Какие здесь могут быть люди?

- Не знаю какие, но знаю, что они есть. Помните, у дальнего карьера Хач кость нашел? Нижнюю челюсть человеческую?

- Было дело. Только не факт, что она человеческая была. Это мы так... предполагали. Да и могла от самолета попасть туда - там ведь немало народа погорело.

- Верно. Но ведь это было месяца через два после того, как мы здесь очутились. А кость выглядела очень старой и ничуть не подгорела. Так что не из самолета она была.

- Из-за какой-то сомнительной кости ты целую теорию раздул? - хохотнул Лысый.

- Нет. Это я так, напомнил. Вон посмотрите на башню. Мы с Киром решили еще раз попробовать в побег пойти. Я, когда народ на раздаче ужина толпился, пару дней назад туда залез через пролом в задней стене. Надеялся найти наконечники от дротиков, которые метал тогда арбалет. Пригодилось бы вместо оружия. Наконечников не нашел. Зато нашел нечто другое. Там, на закопченной стене, проступил рисунок. Был нарисован поселок - большой поселок, раза в три больше нашего. И пирамида за ним - наша пирамида. Она была нарисована открытой. Причем открыты были и западная, и восточная половины. И из них выползали «огурцы».

- И что ты там еще видел? «Черный квадрат» Малевича? Или «Джоконду»? - не унимался Лысый.

- Нет. Больше я ничего интересного не видел. Но и этого достаточно. Рисунок был старый, и на нем был изображен рассвет этого поселка. А мы попали сюда спустя много лет, когда здесь наступил упадок. Остались в итоге одни старики да калеки, восточная половина пирамиды больше ничего не запускала, а западная... западная работала как-то странно... неравномерно... непонятно как... Сами ведь все знаете.

- И при чем здесь люди?

- Ты окончательно отупел? - разозлился Андрей. - Ты видел когда-нибудь, чтобы обезьяна или дистрофик рисовал? Ты вообще можешь представить, что они на подобное способны?

- Сомневаюсь... - честно признал Лысый.

- Вот! Раз рисовали не они, то кто? Ясное дело - до нас, получается, здесь тоже были пленники. И пленники очень похожие на нас. Эти твари нам не сильно удивились и обращались с нами явно опытно. Помните, они сразу разделили нас на мужчин и женщин. Если бы они видели людей впервые, то не стали бы это делать.

- Почему? Они видели, что мы отличаемся между собой, и разделили нас.

- Смысл им разделять нас? Зачем, по-твоему, в тюрьмах принято держать отдельно мужчин и женщин? Я отвечу - если держать вместе, будут неизбежно вспыхивать конфликты. Откуда аборигены могли про это знать? Я тоже отвечу - они это знали, потому что уже имели дело с людьми! Ты все еще сомневаешься?! Если да, ты можешь оставаться! Эй вы! Все! Я с Киrom ухожу! Мы это решили давно, и нам сегодняшние дела только на руку! Хотите - оставайтесь! Но учтите, склад с халвой сгорел, другой пищи в округе нет! Вам волей-неволей придется уйти из поселка, если охрана не очнется! А впрочем, чего я перед вами распинаюсь! Арривидерчи!

Андрей, сорвавшись с места, кинулся за Киrom - тот, не дожидаясь окончания «митинга», уже пошел куда-то на запад. Интересно, почему на запад? А какая, впрочем, разница - они все равно понятия не имеют, в какую сторону следует идти, так что пусть будет запад. Хотя надо бы это исправить - на юг свернуть. Может, там и не лучше, чем на западе, но, если пройти далеко, должно стать хотя бы потеплее.

Догнав Кира, Андрей обернулся, не сдержал довольной усмешки - оставшиеся семнадцать пленников спешили за ним.

Правильно - им некуда деваться.

Глава 4

Добрыня впервые выбрался из поселка верхом. Он бы с удовольствием и пешком прошелся - час туда да час обратно, но лучше верхом. Неприятно, конечно, но пора привыкать к седлу. Вон даже дети малые вовсю гарцуют - чем он хуже их? Стыдно получится, если бессменный правитель островитян не научится в седле хорошо держаться. Тут практика нужна, так что если есть возможность, надо брать лошадку.

Лошадей у них теперь много - своих почти восемьдесят голов и у пришлых кшаргов десятка два. Если южане не обманут, то этим летом еще табунок на кораблях доставят. Добрыня уже прикидывал - для полного счастья его людям необходимо двести лошадей. Вот тогда хватит и на сельхозработы в период вспашки и сева, и на перевозку грузов по суше, и патрульных можно посадить на коней. А там, как знать, может, наконец появится у землян и своя кавалерия. А что, было бы неплохо. Сотня конных мушкетеров, выпущенная на берега Хайтаны в глубокий рейд, шороху наделает знатного. Попробуй их там на равнине поймай. Уже не получится такого, как при зимнем походе, когда войско землян зажали посреди заснеженной степи и изрядно потрепали. Эх, расслабились тогда! Шапкозакидательскую болезнь заработали!.. Решили, что если нашествие Хайтаны отбили, то теперь можно их всерьез не опасаться. Мол, переломили хребет гадине, остается добить. Ага... переломили... Так переломили, что драпали потом оттуда, бросая пушки и обозные телеги.

Обидно до сих пор - столько добра потеряли и столько хороших ребят там осталось. А ведь землян не так уж и много, даже небольшие потери неприемлемы - смертность из-за войн зашкаливает.

Стоп, хватит о плохом вспоминать. А то народ шептаться начнет, что Добрыня уехал чернее тучи. Надо побольше оптимизма. Не все же время им побеждать, не стоит по полгода скрипеть зубами при мысли о былом поражении. Да и поражение это можно смело считать ничьей: из Хайтаны армию землян выбили, но набеги на северян не возобновились.

Отгоняя темные думы, Добрыня принялся по-хозяйски обозревать окрестности. Позади

удаляется стена поселка, левее вздымается цепочка водяных колес. Сила реки заставляет работать многочисленные машины: поддув металлургических печей, пилорамы, прессы, мельницы, станки. Хрустальная река, выше устья Молочного ручья, жестоко стиснута плотинами и бревенчатыми стенами, – давно уже работает на благо бывших островитян. Увы, ее уже не хватает. За бревенчатой набережной, на другом берегу, коптила небо паровая машина – там располагались токарный и кузнечный цеха. Эта прорва в день поедала несколько повозок дров – Добрыня начал уже задумываться о проблемах с топливом. Лесов здесь серьезных не было, дрова доставляли от устья Нары, но в тех краях их запас небезграничен. Надо делать дорогу на запад, там леса чуть ли не бесконечные, до самых гор каннибалов тянутся. Да и Олега пора напрягать на предмет каменного угля. Рядом со старой дорогой, ведущей к центру катастрофы, давно уже тлеет подземный пожар. Люди приловчились добывать на нем серу и нашатырь, пора бы подумать и об угле. Далековато, конечно, но это только на первый взгляд. Главное, доставить уголь к Наре – она ведь рядом, а там можно по реке возить, достаточно обзавестись баржами. Если тамошний уголь сгодится на кокс, то вообще счастье настанет – древесный уголь уйдет в прошлое, как и колоссальный труд по его выжигу.

А если бы еще и нефть найти... Может, и с ней повезет? Края эти богаты полезными ископаемыми, здесь есть чуть ли не все – прям как на Урале. Так почему бы не быть и нефти?

Слева промелькнул поворот на пороховой и химический цеха. Они стояли поодаль от поселка, на разных берегах Хрустальной. Пороховой жался к реке, поближе к водяному колесу, химический, наоборот, стоял подальше. Оба бревенчатых сарая одинаково опасны – Добрыне не нравилось их близкое соседство. Зря он согласился тогда с доводами Лома: проклятому химику просто лень далеко бегать, вот и старался поближе все располагать. А вдруг рванет? В прошлом году взрыв был уже, тогда разнесло самую первую мастерскую этого чокнутого пироманьяка. Добрыня строго-настрого запрещал складировать в цехах большие запасы пороха и взрывчатых веществ, но Лом по жизни представлял собой эталон разгильдяя – нет ему ни малейшего доверия.

Но и замены ему нет – талантлив гад...

Может, заехать к нему и настучать по башке для профилактики? Чем чаще его по стойке «смирно» ставишь, тем меньше с ним проблем. Нет, на обратном пути лучше заедет.

Дорога резко свернула вправо, к старому охотничьему лагерю. Лошадь было намылилась топтать туда же, но Добрыня ее маневр пресек в зародыше, пустил прямо, по едва заметной тропке, поднимающейся на склон холма. Телега здесь не пройдет – повозки крюк делают от лагеря, но всадник точно не застрянет.

Склон густо порос степной земляникой – Добрыня заметил вдалеке нескольких детей, собирающих ягоды в лукошки. Поселковая детвора перемешалась с кшаргами и вроде бы уживались за этим занятием мирно. Это хорошо, а то уже не раз доносили, что земная мелюзга нагло задирает местных детей. С этими малолетними разбойниками сладу нет: у многих не осталось ни родителей, ни родственников, чужие люди – это не родные. Школу кое-как организовали, но толковых педагогов-воспитателей не хватает. Вот и отбиваются от рук без нормального присмотра – только и думают, где бы еще набедокурить. А детвора кшаргов неагрессивная, их дома в железном кулаке держат, воли не дают. Легкая добыча для сиротствующих хулиганов из поселка землян. Дети, конечно, на то и дети: без потасовок у них никак. Но и полную волю давать нельзя – как бы до беды не дошло, да и озлобиться молодежь кшаргов может, а детская вражда потом и во взрослую перерастет. Парочку запевал Добрыня уже в погреб сажал, на вареную рыбу и воду: через три дня были как шелковые. Если не

поймут, придумает наказание пожестче.

Лошадь поднялась на вершину холма, миновала сиротливо возвышавшуюся охотничью вышку – оттуда раньше следили за дичью и ваксами. Теперь забросили это дело: враждебных троглодитов в округе не осталось, дичь тоже убралась подальше от опасных для нее мест. Охотники перенесли свой лагерь на запад, к новым угодьям – от поселка до него теперь около двадцати километров. Через пару лет придется еще дальше переносить: лесов не останется – лучшие пахотные земли как раз в ту сторону тянутся. С землей здесь трудновато – холмы да каменистые пустоши. Почва, правда, неплохая, но ровных участков маловато, да и работы там много: от валунов приходится очищать и сорняки здесь матерые.

Вопрос о пахотных землях стоял остро. Кшаргов и крестьян от западников манила сюда дармовая земля, отсутствие аристократов-землевладельцев и защита со стороны армии землян. Если второе и третье островитяне предоставить могли, то с первым пока туго. Нет здесь достойных наделов. Вот если бы в степях Хайтаны поля распахать... Там да, там жирный чернозем – без удобрений достойный урожай можно собрать, и камней немного. А здесь только булыжники да песок и живучие сорняки с длинными корнями. Добрыня уже устал инструктировать охотников и исследователей, заставляя их искать местность, подходящую для устройства сельскохозяйственного комплекса. По его задумке там можно было расселить крестьян, а поселок остался бы промышленным центром. Это разделение сфер деятельности оживило бы рыночные отношения – вынужденный «военный коммунизм» давно уже трещал по швам, но зачатки товарно-денежных отношений все еще были несерьезными. Еще в первый год появились зародыши валюты – меновые операции проводились с применением слитков меди, кусков железа и пластинок золота. Сейчас добавились «чешуйки» от Монаха – сплюснутые кусочки серебряной проволоки с оттиском, наносимым стальным чеканом. Также использовались местные монеты, попадающие землянам от восточников и южан. Первые постоянно слали к Фреоне купцов – им требовалось практически все: соль из месторождения на Наре, золото из россыпей по правобережью Фреоны, железо островитян, медь и серебро от северян, брали также икру и соленую рыбу, пушнину. Кругов ухитрился за два года организовать в своих поселках массовое пчеловодство: леса в его владениях богаты липой, любая поляна похожа на клумбу от обилия цветов. У него восточники жадно скупали воск и мед. Южане брали поменьше, да и добираться им было далековато, но тоже начинали появляться частенько, благо тамошние аристократы создали купцам землян неплохую рекламу. В этом году их корабли уже трижды приходили от порогов. Привозили ткани и зерно, скупали золото и медь. И восточники, и западники также сильно интересовались оружием, особенно огнестрельным, но здесь им пока ничего не обломилось. Не стоит их вооружать сталью и ружьями: армия землян единственная сила, способная оградить людей от агрессивной жадности местных аристократов, мечтающих о завоевании нового народа. Сила армии землян лишь в совершенном оружии, без него местные воины-профессионалы легко сметут даже превосходящий по численности отряд уроженцев Земли.

В раздумьях Добрыня сам не заметил, как добрался до хутора Макса. В редком лесочке стучали топоры, там кшарги занимались строительством. Сам Макс трудился на поле. Раздевшись до трусов, он собирал камни. Найденные булыжники бывший главный охотник островитян таскал в деревянную тачку, отвозил их на опушку, там складывал в кучу. Хотя нет, не в кучу – землянин зачем-то возводил из них толстую стену. Поле собрался ограждать? Да это же идиотизм. Камней здесь не хватит и на десяток метров подобной стены.

Спешившись, Добрыня оставил лошадь на краю поля. Пускай попасется. Беседа у него недолгая намечается, далеко убежать не успеет.

Макс, завидев Добрыню, остановил тачку, утирая пот со лба, потопал навстречу. Добрыня,

пожав ему руку, сразу о деле говорить не стал.

- Ну привет, Максим. Что, решил Великую Китайскую стену соорудить?

- Ты о чем?

- Да я о камнях. Зачем это ты стену из них поднимаешь?

- А... Да это не стена. Просто так красивее, чем просто в кучу скидывать. Приятнее как-то.

- Ишь ты! Красивее ему! Эстет какой! Вижу я, ты здесь настоящим колхозником стал - на поле пашешь без лошади.

- Не пашу еще, но если тесть позволит, то за плугом схожу. На этом поле, думаю, успеем озимые засеять.

- Как у вас дела? Все строитесь? Изба вроде готова была еще по весне?

- Маловата она для нас, нам три избы надо. В этой тесть и теща с малыми своими останутся, вторая для их старшего сына - у него жена и двое детей, ну а третья для меня с Литали. Я ее по своему проекту поставлю.

- Ты прям целую деревню ставить решил... Как твои, не жалеют, что от Монаха ушли?

- Пока не жалеют. Говорят, что земля здесь хуже, но зато спокойнее жить.

- Зря вы так основательно строитесь. Я подыскиваю землю получше, чтобы не хуже, чем у Монаха, была почва и без этих камней. Если найдется такая, крестьян туда будем селить.

- Камни ерунда. Убрать не так уж сложно, а по весне повторять уборку, не запуская это дело. Вот сорняки сильно достали - от них все зло. Вон видишь кустик? По колено вырастает, не выше, но корень у него, похоже, до центра Земли тянется. Выкорчевать нереально, а вырастает быстро очень. Любит как раз каменистые почвы. Вот с ним морока дикая, и это, похоже, навсегда. Сколько ни пропалывай, все равно поднимается. Тесть говорит, что средство знает хорошее и выведет их, только особого доверия к его словам нет.

- Вот и я о том же. Да и удобнее жить, когда село большое. А то у нас уже десятка два хуторков вроде вашего, и раскиданы они на десяток километров вокруг поселка. Если хайты оравой набегут, то даже защитить всех не сможем, сам понимаешь.

- Мы не специально особняком живем. Где есть поля под пашню, там и селимся.

- Во! Точно колхозник! Уже начал говорить «мы»!

- А я и не отказываюсь, - ухмыльнулся Макс. - Вот посмотри на это поле: тут полторы крестьянские семьи прокормятся, а если урожай будут хорошими, то излишков хватит еще на несколько семей поселковых. За холмом там еще побольше поле есть. По моим прикидкам, пять семей здесь могут прожить: как раз их хватит, чтобы всю пашню обработать, а скот можно пасти в долинке ручья и на склонах холмов. Но шестой семье в этом месте уже тесновато будет, так что придется им искать для себя другие поля. Не получится здесь большого села. Как по мне, то лучше мест, чем по островам и берегам Фреоны, нет. Лес свести, и получатся отличные ровные поля. По весне их еще и удобрять будет речным илом. Вроде долины Нила житница выйдет.

- Не... про реку пока забудь. Рановато нам еще берега Фреоны осваивать. Если налетят большие корабли хайтов, все пожгут. Флот у нас, конечно, боевой, но слабоват и малочислен. Да и не может он постоянно дежурить. И река к тому же своенравная. Кшарги говорят, что там иногда наводнения бывают не по сезону. Зальет поля водой, и все - накрылся урожай.

- Никогда там еще наводнений таких не было. Половодье весной, конечно, очень серьезное, но в остальное время тишь да гладь. Максимум на несколько сантиметров вода поднималась, и то не часто. Я в плавнях частенько охотился, у меня там для интереса палки стояли с зарубками уровней.

- Мы тут два года всего, а ты уже решил, что самый умный здесь. Кшаргам врать ни к чему - сказали, что бывают наводнения, значит, бывают. Не станем мы там поля засеивать, нельзя нам пока рисковать. Можно, конечно, дамбы защитные насыпать, но это работа огромная, мы ее не скоро осилим. Хайты себя зимой показали: они такие же опасные, как и раньше, и я их осаду не забыл, что в первую нашу осень была, еще на острове. Тогда нам повезло, но больше испытывать везение не хочется.

- Ладно, Добрыня, о перспективах развития сельского хозяйства мы уже поговорили, теперь давай, колись - зачем приперся? Небось горюшь желанием оторвать меня от нелегкого крестьянского труда, мечтаешь сменить мне орало на меч?

- Угадал. Мур жалуется, что горные ваксы их сильно достали. Воинов он там без толку теряет, помощи просит. Олег туда пойдет, с хорошим отрядом. Вот, думаю, кого с ним послать. Тебя замом поставить при нем неплохо было бы: ты общий язык и с людьми, и с ваксами хорошо находишь и не спишь на ходу при этом. Осенью отлично себя показал, когда с хайтами на севере рубились, хорошо бы и сейчас так же поработать. Приказывать я не могу. У тебя скоро в семье пополнение намечается, так что...

- Надолго это?

- Сам не знаю. Думаю, с ваксами они быстро разберутся, но потом Олег еще по предгорьям пошарит и, может, в Гриндир наконец заглянет - Мур с этим делом помочь обещал.

- Гриндир понятно, а что значит «по предгорьям пошарит»?

- Ну мы плохо знаем горные края, интересно же. Может, что-нибудь полезное там найдем. Млиш рассказывал, что там раньше ртуть добывали.

- Млиш твой из ума выжил почти. В маразм давно уже впадает. Да и зачем нам ртуть? На термометры, что ли? По мне, так без них спокойно обойдемся. Да и ядовитая она.

- Дурак ты. Ртуть нам нужна на капсули для ружей, на трубки для пушечных зарядов, на взрыватели и детонаторы. С ней можно будет нормальную артиллерию создать, да и отказаться от кремневок и фитильных ружей. Алик говорит, что переделать наше оружие на капсульное будет несложно, вопрос только в капсулях. А там можно будет подумать и о массовом производстве гильз, и будем потом хайтов из пулеметов косить. Так что ртуть нам очень нужна.

- Я с Ломом недавно говорил, он вроде над этим работает. Собирается из свинца что-то делать, не хуже гремучей ртути начинка должна получиться.

- Балабол твой Лом. Он уже несколько месяцев химичит что-то, но толку мало. Капсули его через один срабатывают - нам такое не надо. Я его за жабры взял, так он признался, что с гремучкой проблем не будет: с ней работать гораздо проще. А насчет яда - свинец такая же

гадость, как и ртуть. Будь моя воля, сжег бы химический цех вместе с Ломом – хватит мне людей травить. Но с другой стороны, капсулы нам тоже нужны. Очень нужны...

- Ладно, уговорил. Но, Добрыня, я надолго буду оторван от своей семьи. То, что Литали может родить без меня, это еще более-менее терпимо. Но то, что я не смогу все это время помогать семье... Тут же работы непочатый край, каждый человек у нас на счету. Даже дети работают. Ты не обижайся – я не от жадности, но как-то это компенсировать надо. Сам должен понимать.

- Да понимаю я все, – кивнул Добрыня. – Давай так: у вас, как я знаю, лошади нет в хозяйстве?

- Нет. Вол есть, на нем и пашем.

- Лошадь дам.

- Насовсем?

- Да.

- Откуда такая щедрость? – удивился Макс. – Лошадей, насколько я знаю, не хватает.

- Верно, не хватает, нам их гораздо больше надо. Но и еды нам тоже надо много. Так что выделить на крепкий хутор коня не жалко. Семенное зерно же выделяли, что в вагонах нашли? Взаимы, но выделяли. А твоя работа в этом походе платой будет. Да и трофеи наверняка возьмете, не с пустыми руками вернешься.

- Что у ваксов брать? Дубинки и горшки? Трофеи, блин... насмешил... Добрыня, нам пора деньги свои вводить, а то так и будем лошадьми да рыбой расплачиваться. Если свои монеты не начекаем, то надо у восточников брать или у южан. Или по примеру Монаха чешуйки делать из серебра и меди. По мне, так лучше готовые монеты южан брать: с ними трений не было и по реке торговать проще. Но лучше свои. Своя монета – это один из главных признаков государственности. Увидят, что у нас есть свои деньги, и лишний раз поймут: мы народ самостоятельный и чужих дармоедов нам не надо.

- Думал я над этим, и не только я. Так что не считай себя самым умным. Ну так что, договорились насчет похода?

- Да. За лошадь я пойду, – усмехнулся Макс.

- А Литали твоя как? Отпустит?

- А кто ее спрашивать будет? Ты, Добрыня, давай тоже женись, и женись на местной. Вот тогда и поймешь всю прелесть семейной жизни. Женщина здесь слова поперек мужчине никогда не скажет и истерику глупую никогда не устроит. Мужчина – это воин и добытчик, женщина – мать и дом хранит. Никакого феминизма и бабских слюней. Скажу ей пару слов, и она через пять минут соберет мне узелок в дорогу. А потом проводит, и проводит так, что уйду с легким сердцем.

- Повезло тебе, значит. Олегу вон Анька может лютей скандал закатить с битьем керамической посуды, если он надолго куда-то намылится.

- Пускай разводится – мы ему богатую и покладистую невесту мгновенно найдем, – ухмыльнулся Макс. – Когда выступаем?

- Дня через два-три будь готов. Думаю, раньше собраться не успеем.
- Вы так долго готовиться будете?! Шнурки не поглажены?!
- Так ведь поход долгий. Надо хорошо подготовиться, ничего не забыть и людей грамотно подобрать.
- Ясно. Ну а нам собраться - только подпоясаться. Считай, что я уже готов.
- Лады. Поехал я обратно тогда, надо еще к Лому заскочить.
- Удачи, Добрыня. И если за холмом на землянике детей увидишь, крикни, чтобы наши домой бежали.

* * *

Островитяне изначально были легки на подъем. Если необходимо было собрать войско и послать в бой, обычно на это дело хватало несколько часов. Нищему долгие сборы ни к чему - все свое у него всегда с собой. Доспехов не было, оружия мало - подпоясался, закинул за плечо мешок с вяленой рыбой и печеными корешками, ухватил в руку копье - и все, к выходу готов. Люди жили скудно, одним поселком - все под рукой, искать никого не надо.

Но это беззаботное время осталось в прошлом. Людей теперь обременили нажитые вещи, и жили они теперь не одной кучкой. В главном поселке сейчас всего лишь около половины народа - остальные кто где. Теперь приходилось рассчитывать, кого и откуда можно призвать, и посылать за ними гонцов. Каждому бойцу надо подобрать доспехи, выделить оружие, запас боеприпасов и продовольствия - все это хранилось на складах. Основные запасы боеприпасов, продовольствия и медикаментов для нужд отряда надо перевозить на вьючных лошадях - лошадей надо выбрать лучших и сбруей обеспечить тоже лучшей. Помимо лошадей часть запасов могут понести клоты: с этими великанами тоже нужно договориться, а еще проследить, чтобы в походе они не устроили кровавую разборку с ваксами. Друг друга эти союзные племена недолюбливали, мягко говоря. Кроме того, отряд необходимо обеспечить палатками и инструментами, с собой надо взять кузнеца с полевой кузницей для ремонта оружия и доспехов, а также подковывания лошадей. Врач тоже не помешает - со сложной раной без него не справиться. Само собой, понадобится рация с запчастями, антеннами и батареями, ну и радист к ней, естественно, с опытом нужен. Раз параллельно войне отряд будет заниматься поиском полезных ископаемых и картографическими работами, то и Олегу нужны профессиональные помощники: старатели, умеющие работать с промывочным лотком, рудознатцы, знакомые с разными минералами, проходчики, привычные к проходке разведочных шурфов и канав.

Нельзя забыть никого и ничего. Если у врача не окажется шовного материала, раненый ждать не будет. Если у радиста сгорит пустячный резистор, надо иметь при себе набор запасных, а также паяльник, работающий на раскаленных углях, олово и канифоль. В горах ничего этого не найти. Если лошадь потеряет подкову, у каннибалов новую не купишь.

Подготовка отряда - прямая обязанность командира. Олегу поселок давал многое: жилье, одежду, еду, посуду - все, вплоть до досок и гвоздей для изготовления кустарной мебели. Взамен он отдавал свой труд организатора и специалиста, свой местный опыт военного и путешественника. Если он что-то забудет, спрос будет с него.

Изготовление полок пришлось забросить. Целыми днями Олег метался по поселку и его промышленной зоне. С боем согласовав с Добрыней список потенциальных рекрутов, рассылал

за ними гонцов или лично сообщал им новости. Часами ругался с Аликом, доказывая, что устаревшие фитильные крупнокалиберные мушкеты отряду в таких количествах не нужны, отчаянно выбивал дальнобойные ружья. Их было не слишком много, и прижимистый главный кузнец пытался волынить, затягивая установку замков на новую партию. Параллельно жестоко трусил Лома, требуя срочно изготовить партию разрывных снарядов с пикриновой [1] начинкой. Проклятый химик без тумачков шевелиться не желал, а там делать-то нечего – все почти готово.

Олегу за каждый гвоздь чуть ли не драться приходилось – легче хайтов рубить, чем, допустим, у Булкина с продсклада выцыганить несколько головок сыра и мешков муки. «Сыр только на великие праздники, мука тоже». Интересно, а жрать что прикажете бойцам? Рыбу? Покушай ее с месячок, а затем поштурмуй засевавших в горах каннибалов? Что, неудобно? Ласты мешают? Так это они от такой диеты отросли.

Домой Олег заваливался только вечером, и здесь его встречала любимая супруга. Любимая то любимая, но не без недостатков: она и в спокойные времена смиренным характером не отличалась, а теперь, мечтая познать радость материнства, и вовсе не расставалась с ручной циркулярной пилой. Пилила, разумеется, Олега. Женская логика: «Ты специалист по кораблям, и если тебя куда-то послали топтать пешком, то не должен идти. Пусть Макс топает туда или Кабанов». Ну да, как будто если бы Олега послали по воде, она бы этому сильно обрадовалась и пилу свою выключила. Как бы не так: знаем – проходили.

Может, на годик ее к кшаргам отправить, на перевоспитание?

Но как бы ни давили сроки и обстоятельства, свой отряд Олег подготовил вовремя. Восемьдесят три бойца, не считая Олега, Макса и Дубина. От клотов, после мучительных раздумий, решил отказаться. Напрягала даже не вероятность очередной драки союзников между собой, а некоторые странные особенности этих гигантов. Действовать придется вдаль от хороших рек, клотам это очень не понравится – они уже в сотне метров от берега чувствуют себя неуютно. Олегу удалось выбить семнадцать лошадей – этого хватит для перевозки запасов продовольствия и боеприпасов, палаток, двух небольших пушек и другого имущества. Боец должен идти налегке, не обременяя себя тяжелым грузом.

По прикидкам Олега, отряд мог целый день вести ожесточенный бой с многочисленным неприятелем – боеприпасов должно хватить. Продовольствия, увы, не слишком много – хватит недели на три, если не излишествовать. Но в этом деле обещал помочь Мур – союзные ваксы будут снабжать землян дичью и рыбой, да и сами люди по пути могут охотиться.

На сборы ушло четыре дня.

Утром пятого, попрощавшись с женой и поселком, Олег повел отряд на юго-запад. Через два часа колонна достигла каменной арки – загадочного наследия давно исчезнувшего народа. Один короткий шаг, и человек оказывался далеко к западу – в предгорьях, за такой же аркой выхода. Очень удобное устройство – сэкономило отряду несколько дней.

На другой стороне портала их уже ждал Мур с сотней своих лучших воинов. Встреча была не торжественной: люди и ваксы буднично смешались в совместную колонну и выступили на запад. Там, среди вздымавшихся на горизонте скалистых гор, их ждал бой с каннибалами.

Глава 5

Неприятности начались сразу – пленники не успели даже отойти от поселка. Обуху ходьба

противопоказана, он сегодня при сборе травы на коленях ползал, стараясь не беспокоить распухшую ступню. Но ходить на одной ноге невозможно, и секира, на которую он сейчас опирался, не особо помогала. Бедняга начал отставать с первых шагов. Одна из женщин, немолодая, с зимы страдающая почками, плелась рядом с ним на своих распухших ногах.

Большая часть народа стремилась побыстрее удалиться от пирамиды, и на отставших доходят не оглядывались. Андрей, оценив темп передвижения Обуха с «подругой», нагнал Киркорова, хлопнул его по плечу. Немой, обернувшись, вопросительно уставился на товарища:

- Кир, давай в поселок вернемся, котел прихватим. Пожар там уже затих. Все сгорело, конечно, но котел-то сгореть не мог? Пригодится он нам. Наши медленно двигаются, мы их легко потом догоним.

Кир, обернувшись на отставших беглецов, понимающе кивнул, зашагал назад.

Андрей, топая следом, поравнявшись с Обухом, успокаивающе предупредил:

- Мы котел захватим и потом догоним вас, так что сильно не торопитесь.

Уже дойдя до сараев, Андрей стал понимать, насколько же безрассудно он себя ведет. А если аборигены очнулись? У него есть связка из трех дротиков и топорик, у Кира топорик и секира. Ерунда – толпа дистрофиков и обезьян их и без оружия задавит. Вот зачем ему дался этот котел?!

Впрочем, чего он паникует? Если охрана уже пришла в себя, то все равно их догонят. Двенадцать изможденных мужчин и семь женщин на серьезный отпор неспособны.

Котел оказался на месте – так и стоял возле все еще дымящейся башни. И что там может дымить, ведь выгорела дотла еще при первом запуске. Андрей ухватил посудину за край, поднял на плечо. Не особо тяжелый, но неудобный. Плохо, что нет дужки – пропустили бы через нее древко секиры, и можно вдвоем нести.

Железный треножник-подставку ухватил Кир – он, похоже, вообще не проявлял признаков беспокойства. Немой, даже не глядя в сторону застывших аборигенов, подошел к сараю-складу, где ютились обезьяны, ударом секиры разнес тлеющие останки двери, заглянул внутрь, тут же выскочил назад. Повернувшись к Андрею, сокрушенно покачал головой. Ясно – значит, запасы ингредиентов для халвы огонь сожрал. Там до сих пор пламя бушует: пылают обломки обвалившейся крыши и мешки с продуктами. Жаль, ведь кормить девятнадцать ртов чем-то надо.

Кир, стоя у дверей, смотрел на Андрея как-то странно, будто ждал от него чего-то. И Андрей понимал, что именно от него ждет товарищ, но колебался, – не отвечал на молчаливый вопрос. Он и сам не понимал, что ему сказать. Пауза тягостно затянулась – ни Кир, ни Андрей не трогались с места. Язык заработал сам собой, нехотя цедя откровенные слова:

- Кир, с такой толпой мы не сможем двигаться быстро. Обух и эта баба едва плетутся, остальные немногим лучше их. Мы с тобой здесь самые сильные и опытные. И ты, и я неоднократно убегали, и догоняли нас нескоро. Если будет погоня, то в первую очередь кинутся по следам большой группы. Пока местные их догонят, мы, наверное, успеем уйти очень далеко – сам это понимать должен. Шансов у нас с тобой без них гораздо больше. Но если хорошенько подумать... Кир, все эти слова о том, что здесь есть и другие люди, – это же из пальца высосано. Наши домыслы. Просто теория. Да, логика есть, и факты кое-какие есть, но мы не можем точно знать, что на этой планете есть другие люди. Возможно, мы просто выдаем

желаемое за действительное – сами себя обманываем.

Немой не шевелился, на лице его не дрогнул ни один мускул. Ему тоже надо было принимать решение. Кир может и в одиночку в степи прожить, он местный рекордсмен – по несколько дней, бывало, бегал. Одному ему проще всего – никакого отягчающего балласта. Хотя, конечно, Андрея трудно к балласту причислить. Он тоже побегал неплохо и находится в приличной форме. С другой стороны, идеальный вариант – это когда пленники разобьются на мелкие группки: вылавливать их если и будут, то по очереди, и шансы у выносливого одиночки при этом будут максимальны – за ним пойдут в последнюю очередь. Первыми постараются выловить группы, по хорошо натоптаным следам.

вернуться

1

Пикриновая начинка – пикриновая кислота, взрывчатое вещество. В XIX–XX вв. активно применялась в военном деле под разными наименованиями. В России «мелинит», в Англии «лиддит», в Японии «шимоза» («шимозе»). Из-за трудностей с хранением и многочисленных несчастных случаев в настоящее время практически не используется. Активно применяется различными террористами, чему способствует простота производства в кустарных условиях. – *Здесь и далее примеч. авт.*

– Ты представь, что больше здесь людей нет. Только мы. – Андрей продолжал гнуть свою линию. – На всю планету всего лишь девятнадцать человек. Если нам удастся найти район, где нет этих аборигенов, мы сумеем там обосноваться. У нас есть пять женщин, из них три молодые. Это наше будущее – у них могут быть дети. Да не кривись ты: отмыть их, и красавицами покажутся. Других-то все равно нет. А сами мы, если пойдём... Ну ладно, бросим мы с тобой этих тихоходов – уйдём без них, налегке. Найдем себе удобное местечко, заживем счастливо и с огромными перспективами. Да? Ты об этом сейчас мечтаешь? Если так, то чур я буду в нашей паре не женой. Мужем тоже нежелательно, но если другого выбора не будет, тогда, конечно, ради вашего счастья я готов почти на все.

Кир на шутку не отреагировал. Неопределенно хмыкнул, подкинул треножник на плечо, развернулся, зашагал к полосе, в сторону удалявшейся кучки пленников.

Андрей, не сдержав торжествующей усмешки, подхватил котел поудобнее, пошел следом.

За полосой, метрах в трехстах, расселись пленники. Они терпеливо ждали Андрея и Кира. Все семнадцать. Никто не ушел, бросив отстающих. Те, кто вырвался далеко вперед, вернулись к Обуху.

Видимо, не один Андрей такой умный.

* * *

Солнце зашло за горизонт, степь растворялась в сумерках. Умолкли птицы, перестали стрекотать кузнечики – их сменили ночные сверчки.

Люди продолжали идти. По прикидкам Андрея они удалились от поселка километров на десять – двенадцать – ничтожное расстояние. Если бы он шел сам, минимум вдвое больше бы вышло. Ладно, чего уж там – выбор сделан, не стоит теперь жалеть.

Официального лидера в их группе не было, но неформальных наличествовало сразу три: Прапор, Лысый и сам Андрей. Причем последнего можно считать лидером лишь из-за физических данных. Нет, он не был атлетом. Просто ему крупно повезло: за эти годы он не заработал букет разрушительных хронических заболеваний и не покалечился. Учитывая природную выносливость, можно смело считать его звездой спорта – соперников здесь ему нет. Кира можно в расчет не брать: он, конечно, посильнее будет, но столь молчаливого мужика в роли лидера вообразить тяжело.

Все лидеры молчали: никто даже не заикался о ночлеге. Друг на друга, правда, поглядывали многозначительно, ожидая, что кто-то все же не выдержит и начнет отдавать разумные распоряжения на эту тему. Но вообще-то больше надеялись на Обуха – по привычке: бедолага с самого начала задавал темп продвижения отряда. Когда нога доставала его окончательно, он садился, тем самым давая сигнал к привалу. Вот и сейчас – если сядет, то на этом месте они и заночуют.

Суевликий Гнус, не выдержав тягостного молчания смертельно уставших беглецов, сдался первым, нервно, глотая слова, затараторил:

– Мужики, сейчас ведь совсем стемнеет, мы ноги поломаем, если так и будем шагать дальше. Когда останавливаться будем?

Андрей, оглянувшись на хвост колонны, поймал на себе взгляд Обуха. Глаза товарища сверкали столь красноречиво, что не выдержал, отвел взор. Слава богу, что не он тогда загнал себе в ногу эту проклятую железку. Страшно представить, что сейчас чувствует Обух. Один из сильнейших мужчин стал обузой отряда. Жутковато ему наверное... врагу не пожелаешь такого...

И еще Андрей понял – Обух не остановится. Он, похоже, дошел до такого предельного состояния, что уже не замечает боль. Так и будет шагать, пока не разорвется от усталости сердце, пытаясь доказать всем, что он не обуза, что он прежний, сильный и выносливый Обух, могущественный повелитель тяжелых носилок.

Ждать, когда свалится он или эта распухшая женщина? Ну уж нет. Раз так, то командовать будет Андрей.

Не останавливаясь, он указал вперед:

– Мы сейчас спускаемся в низину, это похоже на пологий склон балки. Вон, внизу, в ложбинке, кусты темнеют вроде бы. Может, там воду найдем? Еды у нас нет, но хоть напьемся. Будет вода или нет, не знаю, но заночевать можно там.

– Не вижу я внизу ни ложбинки, ни кустов, – устало заявил Лысый. – Темно там уже... не разглядеть ничего.

– Сейчас, конечно, не видно, но я еще на закате с пригорка разглядел, что четкая темная полоса идет: видимо, растительность густая. Не уверен, что внизу есть вода, но проверить-то можно? Минут за десять спустимся, если так и будем идти.

Никто не возражал. Даже Гнус ничего не сказал. Плохо дело, если у неугомонного студента сил не осталось на комментарии. И ведь прошли-то всего ничего, и не слишком быстро двигались, а народ совсем вымотался.

Как же дальше с ними идти? Андрей, конечно, и сам подустал, но при необходимости мог бы

шагать еще всю ночь. Хотя, когда совсем стемнеет, нежелательно это – не хватало еще в полном мраке ногу поломать в какой-нибудь норе.

Андрей чуть не сглазил: уже в конце спуска, когда впереди действительно показалась темная полоса непонятной растительности, одна из женщин оступилась, рухнула на бок, вскрикнула. Над ней склонился Кир, подхватил под руку, поднял. Прапор, подскочив к пострадавшей, нервно уточнил:

- Живая?

- Да, – дрожащим голосом ответила женщина.

- Ну баба!.. Смотри куда ступаешь! Если сломаешь ногу, мы нести тебя не сможем!

Андрей даже шаг не замедлил – спешил к финишу. Сбросив с плеча котел, зашарил рукой в зарослях, довольно воскликнул:

- Да это тростник! И сухой, прошлогодний, и зеленый – в этом году уже вырос! Надо воду поискать! Здесь устраиваемся, рядом с зарослями – тут трава мягкая и ровно!

Вломившись в заросли тростника, Андрей преодолел их, добрался до подъема – противоположный склон балки оказался гораздо круче. Проклятье – воды по пути не обнаружил!

Ниже затрещал тростник, оттуда выбралась здоровенная фигура, молча поманила рукой за собой. Андрей без вопросов двинулся следом – спрашивай не спрашивай, Кир не ответит.

Немой остановился на краю крошечной полянки, окруженной высокими зарослями тростника, припал на колени, зачерпнул ладонями, зачавкал. Рухнув рядом с ним, Андрей наклонился до самой воды, присосался жадно, распрямился, закашлялся. Человек не собака – лакать по звериному неудобно. Пришлось черпать ладошками.

Вода теплая, наверняка мути в ней хватает. В любом случае она должна быть несравнимо качественнее, чем поселковая бурда. Видимо, ручеек по ложбинке идет лишь после таяния снегов и крупных дождей. Сейчас дождей не было давненько, он пересох, но им повезло – осталась эта приличная лужа.

- Кир, посиди здесь, – попросил Андрей.

Он боялся, что в темноте будет трудно найти это место в густых зарослях, вот и оставил товарища живым ориентиром.

Вернувшись к остальным, увидел, что все беглецы валяются пластом, будто мертвые. Крепко вымотался народ...

- Подъем! Мы воду нашли! Давайте, пока еще немного видно, надергайте травы хоть немного и вон кусты порубите, разведем огонь. Если вскипятить не хватит, то хоть подогреем.

Схватив котел, зашагал назад. С помощью Кира начал набирать в котел воду – зачерпывали ее ладонями. Лужа не слишком глубокая, дело продвигалось медленно. При этом Андрей понял, что насчет кипятка он сильно погорячился: кружек у них нет, а если девятнадцать человек будут хлебать его из котла по очереди, выйдет затяжной цирк. Тарелок тоже нет... и еды никакой нет... Стоп – эти мысли надо из головы выбросить. Два года жили впроголодь, если

денек поголодают, ничего страшного – привычные.

Но завтра надо что-то решать, срочно... Ящериц ловить? Девятнадцать рыл накормить... Сколько же на это потребуется ящериц и где их столько поймать? Охотиться попробовать? Дротики у них есть – дистрофики-охранники охотились именно с ними. Но это ведь привычные к экзотичному оружию аборигены – люди метко бросать их не умеют. Да и с дичью тут негусто – за целый день и одного зайца не видели, не говоря уже о чем-нибудь посолиднее. Лишь несколько сусликов по пути замечал, но к ним подходить бессмысленно – мгновенно в норы прячутся. Птицы тоже близко не подпускают.

Если они не найдут себе продовольствие, через два-три дня все превратятся в полуживых доходяг. Два года лишения не шутка – резервов в организмах вообще не осталось. Им нужно поесть хоть что-нибудь, нужна энергия, иначе гнить им в этой степи.

Андрей внезапно поймал себя на мысли, что скучает о пайке халвы. Дожил...

Котел наполнили полностью. На глаз в нем ведра два с лишним, – на девятнадцать человек по два литра точно выйдет. Несли вдвоем, аккуратно – ручек нет, если уронят, то придется черпать заново.

Пленники без дела не сидели: рубили сухие стебли прошлогоднего тростника, шарили по склону, уничтожая чахлые кустики. Кир установил треногу, взгромоздил на нее котел, вопросительно оглянулся на подошедшего Прапора. Тот, скинув охапку веток кустарника, устало проговорил:

– Жажгалка у меня сохранилась, но газа в ней осталось на донышке. Андрей, стоит ли сейчас возиться с огнем? Он нам сильно нужен?

– Я просто думал, что неплохо бы кипятку сделать. Правда, кружек нет, неудобно.

– Топлива тут маловато, да и долго ждать кипятка. Все устали. Может, ну его – просто спать завалимся? Да и страшновато – мы ушли недалеко, если за нами погоня идет, то могут огонь заметить. В темноте костер очень далеко видно.

– Прапор, если за нами идет погоня, костер уже не навредит – все равно догонят... мы слишком медленно двигаемся. Хотя насчет костра ты, наверное, прав – не стоит с ним возиться. Были бы тут деревья и высокие кусты, еще куда ни шло, а этот мусор... Мгновенно выгорит, ночью не согреться возле него будет. Да и жажгалку твою побережь надо. Огниво у Жмота осталось, он им очаг в поселке разжигал... не догадались у этой твари забрать...

– Во! Я о том же!

– Эх... зря только топливо собирали.

– Почему зря? На траве расстелем: помягче лежать будет.

– Ночью замерзнем. Вон все небо в звездах. Надо лечь потеснее друг к другу, теплее будет.

Лысый, сбросив охапку тростника, хрипло скомандовал:

– Мальчики и девочки, все слышали?! На горшок и спать. Завтра у нас будет трудный день.

Народ безропотно принялся укладываться. Андрей, раскидав под собой немного тростника,

улегся сбоку от Гнуса. Тот не удержался от комментариев:

- Дрю! У тебя ко мне прямо подозрительная любовь! Ты в сарае вечно мой бок грел и здесь тоже устроился. Эй, девочки, может, вам его на перевоспитание отдать? А то совсем испортился мужик!

- Помолчи уж, - устало попросил Андрей. - Не до шуток, никто смеяться не будет.

- Говорят, смех продлевает жизнь. - Гнус упорно не желал успокаиваться. - А интересно, желудок смехом можно набить? Я уже готов траву жевать. Дрю, а что мы тут жрать будем?

Вопрос, естественно, заинтересовал многих. Андрей физически ощутил, как все насторожились.

Прапор уточнил запрос Гнуса:

- Вы с Киркоровым, когда бегали, что здесь ели?

Андрей, помедлив, нехотя пояснил:

- Я щавель собирал в низинах, барбарис осенью находил - в степи его везде хватает, а весной одуванчиков листья жевал. Бывало, земляника попадалась, а осенью шиповник и боярышник. По ручьям дикий лук попадался, а один раз на ремень нарвался. Ящериц иногда ловил, сырыми лопал, чуток подвялив. Однажды, было дело, кузнечиков насобирал штук сто, оборвал им крылья и задние лапы. Ничего, на вкус не так уж страшно оказалось. Один раз вообще повезло: гнездо птичье нашел, а в нем яйца. Яйца приличные, белые, с серенькими крапинками. В них уже зародыши крупные были, но вполне съедобно оказалось. Пробовал даже на суслика охотиться - долго караулил его возле норы. Эта тварь осторожная - нос высовывал, но выбираться не хотел. Я по-всякому пытался его достать и так увлекся, что прозевал подход погони: оглянулся, а дистрофики уже в десяти шагах за спиной. Мне бы еще часик, и я бы его, может быть, и обманул.

- Ну а Киркоров что жрал? Тоже кузнечиков?

- Что ты ко мне пристал? Кира и спроси. Я его не кормил, мы ведь поодиночке бегали.

- Так иногда вы вдвоем побег устраивали, вместе уходили.

- Ну да. Но это мы специально договаривались. Отходили от поселка вдвоем, а дальше разделялись. Думали, что погоня вся за одним пойдет, а у второго будет шанс уйти далеко и затеряться.

- Понятно, - вздохнул Прапор. - Мне так кажется, что щавелем и одуванчиками девятнадцать рыл не прокормить...

- А кузнечики? - спросил Гнус. - Их же здесь полно.

- Забудь. Я тогда часа четыре убил, чтобы наловить их горстку. Мелкие заразы и жрать там нечего. Если весь день на них угробить, может, грамм сто и насобираешь. А это крохи... бессмысленно...

- А ручей, куда нас за дровами гоняли? - вспомнил Лысый. - Там земляники полно по склонам, а на берегах дикий лук. Лягушки в воде, рыбешки какие-то шмыгают - мелкие, но много вроде.

Сделать из веток и травы ловушки и половить можно попробовать. Жаль, что сейчас не осень: осенью там терна очень много, и барбариса, боярышника, рябины.

- Тоже забудь. Ручей далеко в стороне остался. Да и мало там еды: на одной землянике и щавеле с луком не разжиреешь. А оставаться в том месте надолго опасно: я там видел тропинки и на другом склоне, - возможно, это следы групп аборигенов из других поселений. Они тоже могут приходить за топливом на зиму. Нам нарываться на такой отряд нежелательно. Так что не вижу смысла туда идти.

- А вообще какие планы тогда? - вновь вылез Гнус.

- Планы простые. Сейчас мы все поспим. Утром встанем и будем идти строго на юг.

- Почему на юг?

- Потому. На юге теплее. И не бесконечно же эта степь тянется? Климатические зоны должны сменяться по пути с севера на юг. Я всегда туда бежать старался, почти уверен, что там обязательно найдется нормальный уголок для человека.

- Дрю, а вдруг здесь вообще нет других людей? Челюсть та и другие ваши рассуждения, это же не факт еще. Мало ли... Вдруг вся планета заселена этими тварями? Куда не пойдём, везде будут только они?

Андрей ответил не сразу, но ответил, как отрезал:

- Если это так, то рано или поздно нас поймают и накормят халвой. Всем спокойной ночи, я уже сплю.

* * *

Этой ночью Андрею ничего не снилось. А жаль. Если бы хоть во сне покормили стюардессы, было бы неплохо и вообще очень полезно для психики. Жрать хотелось просто смертельно. Временами, пробуждаясь от ночного холода, он жался к телам товарищей, смутно сознавал, что ужасно хочет есть - даже во сне его не покидало чувство голода, но это не мешало ему мгновенно засыпать.

Проснувшись уже на рассвете, услышал, как кто-то пробирается в зарослях тростника. Насторожился, выкарабкался из груды тел, подхватил свой топорик. Увидев, как на противоположном склоне балки показалась удаляющаяся спина Кира, успокоился. Но на душе стало горько. Неужели немой все же решил их бросить?

Не хотелось в это верить.

Ладно, разберемся.

Пройдя к луже, смочил лицо, напился. При свете зари увидел, что вода кишит разнообразной микроскопической живностью. Наверняка и невидимых бактерий в ней немало... причем не обязательно полезных... Ладно уж, хуже поселковой жижи во Вселенной быть ничего не может, а ее частенько и сырую пили - топлива на обеззараживающее кипячения хронически не хватало.

Оглянулся на полянку, предоставившую беглецам ночлег. Народ, несмотря на рассветный холод, упрямо продолжал спать. Лишь Обух бодрствовал - присев в сторонке, возился со своей

больной ногой.

Кира Андрей догнал в конце подъема. Стоя на самой вершине, немой внимательно смотрел куда-то вдаль и на приближающегося товарища не обратил ни малейшего внимания. Андрей, еще не добравшись до него, понял – Кир не собирался бросить отряд. Кир просто хотел осмотреться.

Встав возле него, Андрей посмотрел туда же. Первое желание появилось мгновенно – надо удрать как можно дальше отсюда. Это он сгоряча так подумал: уже второй взгляд привел к новым открытиям и заставил осознать – спешить с бегством не стоит.

За балкой тянулась степь. Такое же скудноватое серо-зеленое пространство, царство травы и кузнечиков. Ни кустика, ни деревца. Примерно в полукилометре виднелся поселок. Весьма похож на старый, единственное отличие – по периметру тянется забор из кирпича-сырца. Невысокий – метра полтора, но у них в поселке вообще никакого не было. За этим поселением тоже виднелась пирамида. Она была абсолютно не похожа на ту двуглавую громадину, что была у них. Одновершинная, ступенчатая, угловато-нескладная, со сбитой макушкой. Но такая же пугающая – мгновенно вспомнились все запуски.

Интересно, а что запускали здесь?

Страха не было. Даже отсюда хорошо заметно фатальное запустение. Поселок не просто переживает упадок – поселок умер. Умер не так давно, еще не все крыши окончательно провалились, и постройки стоят почти целые... если не приглядываться особо пристально. Странно, даже башню в центре можно разглядеть. По одному типовому проекту тут все селения строили, что ли?

Кир покосился на Андрея и направился к поселку. Тот его прекрасно понял – зашагал следом. Сомнительно, что в этих руинах они найдут продовольствие, но потратить немного времени на изучение не жалко. Мало ли что они обнаружат.

Вблизи поселок оказался неприглядным – жилым селением он уже не выглядел. Все, это уже объект для археологов. Трудно сказать, когда его покинули обитатели... В том месте, где держали Андрея и других пассажиров, каждую весну несколько недель отводилось на «латание дыр». Из смеси глины, золы, песка и рубленой соломы лепили новые кирпичи, ремонтировали пострадавшие от непогоды постройки, мелкие изъяны заклеивали наскоро, кое-как. На следующий год их приходилось чинить заново, прикладывая уже побольше сил. Некоторые сараи в итоге превратились в сложную систему «заплаток» и отдельных реликтов первоначальных несущих конструкций. А некоторые вообще бросали – проще такую рухлядь оставить рассыпаться, чем поддерживать в приличном состоянии. Благо места в оставшихся сараях хватало для всех.

Стоп, а почему хватало? Ведь когда сюда упал самолет, здесь было полсотни аборигенов. И уже тогда места было более чем достаточно, даже с учетом выживших пассажиров. Смысла в лишних сооружениях не было... Выходит, раньше в их поселке обитало больше жителей? Наверняка так оно и есть... Получается, когда-то там был расцвет, а они рухнули к ним уже в период упадка?

С этим поселком было сразу все понятно: расцвет его был давненько, как и упадок – сейчас остался гниющий труп. Дряхлые сараи держались на честном слове – сложнейшая система рассыпающихся «заплаток». Нечего и мечтать о еде: даже если здесь оставили нетронутый склад продовольствия, степные грызуны и птицы давно его растащили. Здесь уже несколько

лет нет никого и ничего. Выглядит все настолько мертво, что даже фильм ужасов тут снимать страшно – нервы зрителей нужно беречь.

Кир обнаружил уцелевшую дверь. Как и в старом поселке, она была изготовлена из тонких жердей, связанных кожаными ремнями и полосками лыка. Толкнул ее древком секиры – дверь мгновенно превратилась в грудку трухлявых обломков.

Нда... похоже, давненько ее не открывали...

Андрей, не обращая внимания на изыскания товарища, направился к пирамиде. По пути его ждало открытие: он обнаружил некое подобие такой же полосы, только гораздо скромнее. Длинной не более сотни метров, шириной раза в три меньше. Но самое интересное он обнаружил на самой полосе.

Кости. Десятка три скелетов. Андрей не разбирался в анатомии, но здесь не надо быть специалистом. Перед ним были не человеческие останки – это было ясно с первого взгляда. Шесть крупных костяков, облепленных трухлявыми доспехами и кусками засохшей кожи, поросшей скудной щетиной. Стертые массивные зубы в широких челюстях, низкие черепа с покатым лбом и массивными надбровными дугами, широченные грудные клетки. Это все, что осталось от местных обезьян – сородичей Чубаки. Остальные скелеты принадлежали дистрофикам: длинные тонкие кости, вытянутые, яйцевидные черепа, мелкие зубы, местами сточившиеся до десен, гротескно вытянутые руки.

Эти создания расселись на полосе и сидели так, покуда не умерли. Крупные хищники или падальщики над ними не поработали – кости практически не потревожены. Куда же делось оружие? Кто-то забрал?

Интересно, а ведь аборигены в их старом поселке расселись так же после последнего запуска, сломавшего механизм пирамиды. Тоже собрались сидеть, пока костлявая старуха не придет? Если так, туда им и дорога. Тогда понятно, куда пропало оружие: возможно, сюда прибыл очередной караван тележек, запряженных здоровенными гуманоидами, и, застав лишь трупы, удалился, прихватив ценное имущество.

Заметив в одном из скелетов нечто странное, Андрей пригнулся, осторожно сдул пыль с грудины. В серой кости тускло отсвечивал желтоватый камень в оправе из серебристого металла. Это не выглядело как прижизненное украшение, таскаемое раньше на груди. Эта штука явно имплантирована в костяк при жизни владельца. Бегло осмотрев остальные скелеты, Андрей убедился, что у каждого в груди есть такая же странная вещица. Кроме того, он обнаружил, что кое-где кости связаны тончайшими металлическими нитями, а серебристая, почти невесомая сеточка из того же металла опала на брюшине. Будто облепляла кишечник при жизни.

Кир, не заинтересовавшись скелетами, давно уже лазил у подножия местной пирамиды, заглядывая в многочисленные распахнутые люки. Люки здесь были несолидные – «огурец» при запуске отсюда не выползет, но все равно впечатляют: пара карьерных грузовиков борт о борт спокойно проедут.

Подойдя к товарищу, Андрей заглянул в один из люков. Сперва изучил створки – у своей пирамиды это посмотреть ему не удавалось. Так и есть: они только кажутся каменными – на самом деле металлическая рама, покрытая гранитными плитками. Открывается давлением штанг, выползающих из труб, – похоже на обычные гидроцилиндры.

Внизу трудно было рассмотреть все подробно – солнечный свет туда не доставал. Угадывалось

огромное подвальное помещение, протянувшееся под всем сооружением, своды его поддерживались рядами арочных креплений. Между этими рядами шли цепочки солидных бассейнов. В каждом бассейне среди груд мусора, плавающего в грязной жиже, возвышалось... Больше всего это было похоже на половинку вытянутой дыни, с кожурой, разбитой на аккуратные шестигранные сегменты. Вроде геометрически выверенной чешуи. Размеры этих «половинок» были различны - в некоторых не более двух метров, а в самых больших на глаз не менее десяти.

И запах - будто уксус где-то внизу разлили, причем перемешали с чем-то настолько мерзким, что вряд ли раньше приходилось сталкиваться с подобной гадостью, иначе бы запомнил на всю жизнь. Ближайшая аналогия: годами не стиранные носки решили сжечь в пламени от автомобильной покрышки. Андрею не приходилось заниматься подобным непотребством или осязать такие чудовищные ароматы, но почему-то ассоциация возникла именно такая.

- Да что это там так смердит, - не выдержал Андрей, - у нас вроде бы так не воняло.

Кир, разумеется, ничего не ответил. Красноречиво сплюнул в подземелье, развернулся, зашагал назад к балке. Отлично - приятно убедиться окончательно, что товарищ не собирался покинуть коллектив. У Андрея и мысли не возникло спуститься вниз, чтобы продолжить исследования. Не верится, что там, среди этой кошмарной вони, удастся найти что-нибудь съедобное.

Он поспешил вслед за Киrom.

* * *

Лагерь уже пробудился. Народ при дневном свете легко нашел лужу - ее обступили со всех сторон. Люди пили и умывались, котел никто и не подумал наполнять. В принципе верно: варить им нечего, чая тоже не предвидится, запас воды с собой в этой неудобной посудине не потащишь.

Спускаясь, Андрей поймал на себе взгляд Прапора. Странный взгляд - выражает явное облегчение. Не столь уж странно - мужик просто доволен, что Кир с Андреем не свинтили подальше, бросив всех. Если отряд лишится самых сильных своих мужчин, шансы на выживание резко уменьшатся.

Их и без того немного.

Пить не хотелось - он хорошо напился, когда умывался. Перед выходом хлебнет еще немного, про запас - лишь бы эта толпа не смешала воду с грязью.

Миновав полосу тростника, Андрей направился к Обуху - бедняга так и сидел на том же месте, разглядывая ступню. Остановившись над товарищем, поинтересовался:

- Ты хоть воды попил?

- Да, - устало ответил Обух. - Я давно уже не сплю и раньше всех напился.

Андрей заподозрил, что он вообще не спал, но уточнять постеснялся. Вместо этого наклонился, в упор уставился на ногу товарища. Увиденное ему очень не понравилось.

Ступня раздулась настолько сильно, что непонятно, как в ботинке уместается. Но не это напрягало больше всего, а цвет. Цвет... Синюшный, какой-то неживой, ничего общего с

обычной здоровой кожей. Рана и не думала затягиваться – края ее разбухли, превратив глубокий порез в пародию на уродливый рот с запекшимися потемневшими губами. Оттуда сочилась тягучая слизь с комками гноя. Нос неприятно пощекотало запахом ядреного сыра. В принципе, если подумать, запах не столь уж и неприятный, но только если он не идет от воспаленной раны.

Да и не похоже это на воспаление. Это похоже... Андрей не врач, но вид раны и ступни ему очень не понравился.

Очень.

Обух, видимо уловив в глазах товарища нечто для себя неприятное, нервно спросил:

- Что такое? Андрюха, что там не так?

Поколебавшись, Андрей нехотя ответил:

- Я не врач, не могу быть уверен. Но в одном уверен точно – твою ногу надо показать хорошему врачу. И желательно побыстрее.

- Думаешь, совсем плохо? – почти спокойно уточнил Обух.

- Не знаю. Но воспаление сильное, сам же видишь. Ты уверен, что в ране ничего не осталось? Может, там стружка от металла или еще что-нибудь, и от этого идет нагноение.

- Откуда я могу знать. Лысый с Прапором вытаскивали, не должны были оставить, вроде неглупые мужики. Но они же не врачи, может, что-то и осталось. Или просто грязи много на той железяке было.

- Сильно болит?

- Ступня вообще не болит, но лодыжка побаливает. Особенно вот тут, над сухожилием. Дрю, ты думаешь, это заражение поднимается?

- Я ничего не думаю... Сказал же – не врач я. Не могу я диагнозы ставить. Ты идти сможешь?

- А у меня есть выбор? – невесело усмехнувшись, поинтересовался Обух.

- Нет, – честно ответил Андрей. – Мы не сможем тебя нести, люди обессилены, это нас очень замедлит. А оставаться здесь нельзя, в этом месте нечего есть. Да и опасно, наверху мы нашли развалины поселка аборигенов, не исключено, что в округе есть и обитаемые селения. Если нарвемся и нас заметят, то все будет кончено.

- Я понимаю... Я буду идти. Не так все и страшно – я ведь почти не ощущаю ступню... будто кусок дерева... как неживая...

Андрей, чувствуя себя очень неудобно, решил пояснить:

- Мне кажется, твоей ноге покой пошел бы на пользу. Может, если несколько дней полежать, и легче станет. Бывает, что потоком гноя выносит всю грязь, рана очищается. Вот только... Обух, мы не продержимся здесь несколько дней. Боюсь, если сегодня или завтра не найдем еду, народ начнет валиться с ног. Это будет конец...

- Андрюха, не грузись. Буду идти, куда смогу. Даже если... если оставите меня... Все

нормально. Я бы, наверное, тоже оставил такого... Это будет правильно.

- Никто тебя не оставит! Я не говорил такого!

- Знаю. Я так, на будущее. Если будете делать выбор между носилками и оставлением... Ну ты понял, нести меня не нужно.

- Надеюсь, до такого не дойдет. Эх!.. Обух, и угораздило же тебя эту железку в ногу поймать!

- Дрю, помни - носилки мне не понадобятся.

Глава 6

Макс преодолел последние метры, помогая себе руками. Крутой склон увенчивала скалистая вершина, riskовать здесь не стоит - если оступишься, катиться вниз придется долго. Встав рядом с Олегом, давно уже украшавшим собой макушку скалы на манер скульптуры, уточнил:

- Статуя Командора, ты жрать-то будешь или завещаешь свою генеральскую порцию мне?

- А рыло у тебя не треснет?

- Да я и три такие съем, а то и больше. Хороший аппетит - первый признак чистой совести. Олег, ты чего здесь забыл? Час уже стоишь, пошли в лагерь, стемнеет скоро.

- Сейчас спущусь. Я просто вспоминаю...

- Что?

- Видишь вон ту реку, там, у подножия?

- Ну вижу. Не река, а ручей в канаве.

- Нет, это тебе просто кажется. На самом деле воды там много. Вон где-то там, похоже на склоне той двугорбой горы, я очутился два года назад, когда все случилось. Точное место не знаю... не уверен... я тогда... Ну плохо с головой было, а потом не до разглядываний окрестностей стало.

- Да это у всех. Я, когда сюда попал, долго путал небо с землей. Потом ничего, быстро привык.

- Я не знаю, путал или нет - я прямо в лапы ваксов попал. Меня они оглушили и притащили в свою пещеру. В тот день у этих тварей настоящий праздник был, ловили по всей округе наших. Мы сопротивляться не могли, хватали нас как слепых котят...

- Понимаю. Оружия нет, оглушены после перехода, а кто соображать начал, тот, наверное, сбрендил немного. Я когда понял, что не на Земле, шок испытал конкретный.

- Да нет, шока от этого не было. Мы тогда вообще не понимали еще, куда угодили. Про другие миры и слова никто не говорил. Нас, наверное, десяток тогда был, запертых в пещере. И еще двоих ваксы сразу освеживали у входа. Вот это для нас оказался сильный шок... Причем, гады, выбрали тогда самых толстых...

- А чего тут удивительного? Ты бы на их месте тоже худыми побрезговал. Я, кстати, эту печальную историю уже пятьсот раз слышал от тебя и от Ани. Да и Алик с Кабаном

рассказывали. Причем с каждым разом были все новые и новые подробности. В первых версиях вы попросту нашли лазейку из той пещеры и улизнули, по пути жестоко набив морду одному ваксу. В последних версиях уже фигурировали разрушения пещеры и победоносный марш к Фреоне через арку телепорта.

- Вранье это, - усмехнулся Олег. - В пещере ничего не разрушили, лишь валун один отодвинули и ветки раскидали в лазе наружу. А через телепорт к Фреоне попала только группа Алика и Кабана. Я с Аней как дурак пешком топал всю дорогу.

- Тоже неоднократно слышал про ваше романтическое путешествие. Приблизительно те же пятьсот раз. Пошли вниз, ужин остывает.

- Ладно, пошли.

Военный лагерь люди поставили на плоском уступе холма. Восемь жилых палаток расположили квадратом, внутри него стояла штабная палатка и две складских. Ниже, у подножия холма, било несколько родников, давая начало чистейшему бурному ручью. По берегам его хватало травы для лошадей. Олег сомневался, что враги рискнут напасть, но и на «авось» уповать не стал: вокруг лагеря навалили заграждение из срубленных кустов и деревьев, а возле родников выложили из камня гнездо укрепленного поста. Обе легкие пушки собрали и зарядили. Артиллерия могла контролировать подходы на сотни метров вокруг.

Лагерь ваксов располагался ниже, прямо у берега ручья. Пара десятков шалашей и навесов да парусиновая палатка вождя - этим подарком Добрыни Мур гордился до неприличия. Олег не стал располагаться по соседству - здесь, у подножия крутого склона, каннибалы могли сверху напасть очень быстро и эффективно или просто скатить парочку здоровенных камней. Плохо, что Мур этого не понимает... Хотя других минусов у лагеря не имелось: под боком чистая вода и топливо со стройматериалами в рожице по другому берегу ручья. Да и риск нападения невелик, людоедам трудно будет скрыться в горах после контратаки - на лысом склоне не спрячешься.

У Мура здесь было полторы сотни воинов. В кожаных доспехах, обшитых стальными пластинами, и с металлическим оружием, поставляемым Добрыней, - секиры, палицы, короткие мечи и кинжалы, копья, несколько луков и арбалетов. Все имели опыт военных действий против южан (еще до переселения к Наре), многие участвовали в осенней операции против набега хайтов на земли Монаха и в неудачном зимнем походе в Хайтану. Это плюс - в отряде Олега было двадцать молодых ребят, навязанных Добрыней насильно, - военного опыта у них не было вообще. Самые кровавые их деяния - снятие пойманной рыбы с крючков и последующее ее умерщвление методом сухопутного удушения без доступа воды. Лишь парочка видела хоть какую-то кровь - некоторое время успели отработать в лагере охотников. Если в отряде и будут потери, то как раз среди этих «студентов войны» - в «ветеранах» Олег был более-менее уверен.

Уже подходя к лагерю, Олег наткнулся на Дубина. Главный артиллерист и по совместительству картограф экспедиции занимался геодезическими измерениями. Установив на самодельную треногу теодолит [2], найденный в хаосе центра катастрофы, он смотрел через него куда-то на запад, в сторону владений каннибалов.

вернуться

2

Теодолит – геодезический инструмент для определения направлений и измерения горизонтальных и вертикальных углов при геодезических работах, топографических и маркшейдерских съемках, в строительстве и т. д.

– Ну что ты там видишь? – издали поинтересовался Макс.

– Гору вижу, – меланхолично ответил артиллерист.

– Гору?! Вот это сенсация! Знаешь, а я ведь тоже гору вижу, и даже не одну – для этого в трубу смотреть не надо, здесь их и так отлично видно.

– Я смотрю на гору, нужную мне для привязки точки. Чем гуще сеть наблюдений, тем лучше. С той вершины, откуда вы спускаетесь, я подсек все ориентиры. И буду делать это из других точек. Наблюдения я начал от арки телепорта, к ней теперь все привязано. Несколько дней работы, и у нас будет карта всей этой местности, с относительными высотами гор от уровня арки телепорта, с нанесенными ручьями и тропами, ну и другими ориентирами.

Олег, как и всякий геолог, имел некоторые представления о геодезии и почти профессионально заметил:

– У тебя точность слабая получится, да и мозги сварятся считать эти «косинусы-синусы». Чтобы засекать точки с высокой точностью, надо сначала их закреплять. Допустим, понаставить на вершины холмов и гор высоченные шесты с белыми флагами и наблюдать потом уже их. Обратной засечкой привязывать к вершинам новые точки, на которых стоишь с теодолитом. Да и расстояния хотя бы местами проверять рулетками, а не только по дальномеру теодолита с самодельной рейкой.

– Зачем тебе такая точность? – удивился Дубин. – Ты что, ядерные ракеты собрался запускать, опираясь на мою сеть? Нет? Ну если так, то ошибка даже в несколько сотен метров вполне допустима. Или даже в километр-другой. Лучше иметь карту с такой погрешностью, чем вообще не иметь никакой. Добрыня правильно придумал, он хочет создать карту всех наших земель и их окрестностей, а потом еще у Круга и Монаха измерения такие же провести. С чего-то ведь надо начинать?

Олег не мог не признать правоту артиллериста:

– Да, наверное, вы с ним правы. Давай сворачивай свою треногу – ужин давно ждет, да и темнеть сейчас начнет.

* * *

После ужина в штабной палатке собрались на военный совет. Со стороны людей кроме Олега и Макса были Дубин и Паук, взятый в качестве радиста (чему он был не слишком рад). От ваксов были лишь Мур и его старший сын Чакис. Остальных «военачальников» приглашать бессмысленно – русский язык они не понимают или понимают слишком плохо для совета.

Мур, демонстрируя свои потрясающие картографические таланты, на распрямленном пласте коры провел куском угля грубую линию и пояснил:

– Это река, за которой прячутся вонючие пожиратели кала. До этой реки нам надо дойти. – Ткнув где-то в стороне углем, оставил темное пятно. – Это место, где мы сейчас сидим. Если проснуться утром и быстро пойти в сторону реки, то еще до полудня будем у моста. Но быстро

трудно. Друг Олег, ты видел, какие там скалы?

- Видел.

- Там трудно идти по нужной тебе дороге. Но мы бы дошли и без вас, если бы сверху в нас не бросали копья и камни. Очень неудобно идти, когда на тебя такие вещи падают.

- Согласен...

- Я думаю, с вами мы дойдем очень быстро. Мушкетами вы застрелите тех пожирателей кала, которые прячутся наверху. Будет хорошо. Весело. Никто в нас не будет бросать плохие вещи.

Макс, неопределенно проведя пальцем между точкой и полоской на «карте», задумчиво произнес:

- Я тоже рассматривал эти скалы... издали... И что-то мне весело не было... Сам не пойму, что это такое... Будто камни взбесились или развалины гигантской крепости сохранились. Похоже, скалы как стены во все стороны протягиваются, пересекаясь друг с другом. Я ничего подобного никогда не видел.

- Никаких циклопических развалин там нет, - уверенно заявил Олег. - Просто геология постаралась, как обычно. Двухвершинная гора северо-западнее нашего лагеря, по-видимому, макушка огромного магматического массива. По его периферии на поздних стадиях магматизма из застывающих расплавов образовывались мелкие интрузии - дайки [3] и жилы. Внедрялись они неоднократно и по разным системам трещиноватых зон. Лучше всего выделены магматические тела, приуроченные к системе радиальных разломов. Сужу об этом по своим наблюдениям с вершины горы. Когда местность испытала подъем и все это попало в поверхностные условия, карбонатные вмещающие породы быстро разрушились выветриванием - от них в этом районе и следа не осталось. Зато остались пересекающиеся «стены» - жилы и дайки магматических пород. Они разрушаются гораздо медленнее, и в основном из-за них образовались подобные формы рельефа. Я хорошо рассмотрел три главные «стены» - это дайки большой мощности, протягивающиеся в субмеридиональном направлении, вдоль радиальных разломов. Они наше главное препятствие - проходов в них немного, а хороших проходов я и вовсе не разглядел.

Лекцию Олега все выслушали молча. Мур, после короткой паузы, настороженно уточнил:

- Друг Олег, я не совсем тебя понял: это был русский язык?

- Присоединяюсь к вопросу Мура, - поддержал вакса Макс. - Ты сам-то хоть понял, что сказал?

Паук из своего угла и вовсе обидное ляпнул:

- У меня тоже имеется вопрос: что курил лектор?!

- Ладно, замаяли. Суть: если мы пойдем к мосту кратчайшей дорогой, нам придется тратить кучу времени на преодоление этих «стен». Наш маршрут им перпендикулярен. Мур, в этих горах есть удобные дороги, чтобы прошли лошади и провезли пушки собранными, а не по частям?

- Ходить там можно. Но лошади будет трудно. И пушки на колесах трудно протащить. И там, на горах, которые преграждают путь, очень много пожирателей кала сидит. Если мы залазим наверх, они просто от нас убегают. И гнаться за ними трудно - много моих воинов поломали

себе кости, когда торопились.

Олег провел пальцем по низу линии:

- А здесь вы не пытались к реке выйти? Ниже?

- Друг Олег, зачем нам туда ходить? Там нет прохода на другой берег. Другой берег там, это высокая скала, по ней даже пожиратели кала ходить не могут. И мостов там не может быть. Оттуда они не нападают на нас, и мы туда тоже не ходим. Зачем нам там ноги ломать?

- Понятно. Но реку эту твои воины там видели?

- Да, видели. И рассказали мне, что там видели. Пользы там нет нам. Бесплезное место совсем.

- Не скажи... Мур, а если мы доведем свое войско и пушки туда? Получится?

- Да, друг Олег, получится. Туда хорошая тропа есть. Но зачем? Там ведь не с кем воевать.

- Найдем... А если уже оттуда попробовать двигаться по берегу реки, напрямик к этому мосту? Пройти сможем?

Мур задумался, затем вполне по-человечески пожал плечами:

- Я не знаю. Мы так не пробовали. Зачем пробовать, если и так все понятно: придется все равно идти через скалы, откуда в нас будут кидать копья и камни.

- Не все так просто. Если мы пойдем по берегу, то этот путь будет параллелен главным дайкам. Мешать нам будут лишь маломощные тела, приуроченные к кольцевым разломам. Мне так кажется...

- Ради бога! Не надо опять нам мозги взрывать! - взмолившись, перебил командира Макс.

- Ладно - молчу. Выразусь примитивнее: не исключено, что там нам будет легче пройти. Дополнительный плюс - нас там не ждут. Не думаю, что людоеды хорошие стратеги и подстраховались с этой стороны. Есть шанс зайти в тыл всей этой ораве, засевшей в скалах, и отрезать их от реки. Далее можно зажать их с двух сторон. У нас, конечно, оружие хорошее, но в горах, среди этого скального ералаша... В таких местах слишком много козырей на руках у людоедов. Сунемся к ним в лоб, без потерь не пройдем. Я не хочу терять бойцов.

- Верно, - согласился Дубин. - Копья и камни со скал больших бед наделают, как ни старайся, риск «поймать подарок» очень высок. Но если пойдем от реки без разведки, то можем застрять. Не исключено, что там вообще пройти невозможно. Ты о таком не подумал?

- Не исключено, - согласился Олег. - Но разведку посылать страшновато: малая группа может угодить в засаду, крупный отряд заметят, насторожатся раньше времени. Не дело, конечно, без разведки двигаться, но в нашем случае это оправданно. Идти надо сразу большими силами.

вернуться

3

Дайка - пластинообразное геологическое тело, ограниченное параллельными плоскостями и

секущее вмещающие породы. Имеет большую протяженность по простиранию и падению по сравнению с мощностью.

- Лишь бы ноги лошадям не переломать - Добрыня нас прикончит за это... - задумчиво протянул Макс.

- Если убедимся, что там пройти слишком трудно, то развернуться можно в любой момент, - гнул свою линию Олег. - В общем, так, мы посоветовались и я решил - завтра надо выступать. Только не всем. Большой отряд оставим здесь, в лагере. Если выход к мосту окажется успешным, то здесь останется наша база с небольшой охраной - не вижу смысла тащить туда всех лошадей и припасы. Со стороны гор нападение на лагерь уже будет невозможно, но на всякий случай здесь останется резервная радиостанция. Она работает лишь с телеграфным ключом, но подать сигнал тревоги ею несложно. Неизвестно, насколько мы углубимся в территорию людоедов и сколько времени это займет, а место это мне нравится - я бросать его не хочу.

- Пушки тоже потащим? - уточнил Дубин.

Олег, задумавшись, покачал головой:

- Две, наверное, не стоит. Одну пока оставим здесь, вторую попробуем дотащить до моста. Возьмем половину своих, думаю, первый и второй взводы - там меньше всего новичков. Ты, Мур, дашь пятьдесят воинов. Лучников и арбалетчиков не надо, они все равно у тебя поголовно косые. Пусть лучше лагерь охраняют. Твои воины потащат боеприпасы. Лошадей мы возьмем лишь для пушки, но если совсем туго станет, то придется вашим и пушку тащить.

- А что будут делать остальные мои воины?

- Ждать. Если мы захватим мост, то после этого с двух сторон раздавим гадов, которые прячутся среди этих проклятых даек.

* * *

То, что Мур называл «тропой», не слишком соответствовало этому термину. Проводники вели отряд по некой условной линии - двигаться по ней можно было без большого риска сломать шею, и только. В остальном это оказалось ужасно. От лошадей пришлось отказаться почти сразу, еще не добравшись до реки. Животных побоялись вести через широкую каменную россыпь - здесь и человеку продвигаться нелегко. Одна из кобылок потеряла подкову, что при движении по скалам не удивляло.

Животных пришлось отправить назад в лагерь, разобранный пушку теперь тащили ваксы. Если с колесами и частями лафета особых проблем не было, то ствол совсем другое дело. В одиночку его не может утащить даже самый сильный вакс, вдвоем тоже неудобно. Пришлось наскоро соорудить из тонких деревцев нечто вроде носилок, и далее ствол пушки несли четыре самых сильных воина Мура. Остальные ваксы также играли в отряде роль носильщиков: почти все были нагружены мешками с ядрами и картечью, ящиками с разрывными снарядами, бочонками с порохом и пулями для мушкетов.

Как ни странно, без лошадей скорость продвижения увеличилась, теперь не нужно было выбирать для животных безопасные маршруты. Люди в этом отношении гораздо неприхотливее, легко пройдут почти везде, как и ваксы.

К реке выбрались задолго до полудня, приблизительно пятью километрами ниже предполагаемого моста. Мур не соврал – противоположный берег здесь действительно стоял почти отвесной скальной стеной. Забраться на него даже альпинисту нелегко. Река тянулась почти строго на юг, где-то там, ниже, пару лет назад в ее воды прыгнул Олег, спасаясь от голодающих каннибалов. Сейчас, глядя на ее бурные струи с высокого левого берега, ему было страшновато подумать о подобном прыжке. Ни за что бы не прыгнул тогда, если бы не обстоятельства.

Левый берег здесь тоже не сахар – хоть и пониже, но обрывист или слишком крут. Передвигаться понизу, по руслу, здесь не получится: скалы то и дело пережимали водный поток. Олег принял решение двигаться к мосту по склону долины, подальше от воды. Здесь тоже приходилось нелегко: путь преграждали скалы и осыпи, в одном месте с трудом перебрались через настоящий каньон, прорезанный в скалах крошечным ручейком. Пришлось делать крюк к месту, где через эту природную траншею можно было перебраться без риска для жизни.

Опасаясь засады, Олег выслал вперед сильный дозор из десятка мушкетеров и дюжины воинов Мура, вверх выслал боковой дозор – пару ваксов и трех своих бойцов. Эти все время на виду, большие силы им не нужны – их задача не связывать обнаруженного врага боем, а просто дать сигнал, если кого-то заметят.

Олег и сам не расставался с биноклем: жадно обшаривал взглядом все впереди и справа. Пустое занятие, ни одного врага не заметил. Даже плоские вершины скальных стен, с которых они любили обстреливать отряды Мура, выглядели безжизненными. Возможно, там сейчас скрываются сотни врагов – они просто не показываются. А зачем им мельтешить, у них только дозорные на ногах, остальные поднимаются лишь в случае появления противника. А учитывая, что с этой стороны противника не ждут, дозоры разглядеть отсюда нелегко.

Приблизительно в три часа пополудни из передового дозора примчался запыхавшийся парнишка. Подбежав к Олегу, он чуть ли не шепотом заявил:

- Там! Там мост! Впереди!

- Ты чего шепчешь? – удивился Олег.

- Так он рядом. Совсем рядом. И там ваксы. Не наши ваксы, а местные. Людоеды которые. У них там шатер стоит.

- Ну-ка пойдем посмотрим. Остальные отдыхают, привал пока!

Олег, следуя за бойцом, поднялся на пологую гривку, заросшую колючим терном. Здесь, наверху, залег весь передовой дозор – и люди и ваксы. Взглянув вперед, шустро прилег среди бойцов. Он знал, что мост близко, но представить себе не мог, что он окажется настолько близко. Кажется, если сильно размахнуться, до него можно докинуть камнем.

Пришли.

За гривкой тянулось обширное ровное пространство. Судя по кучам мусора и кострищам, оно частенько использовалось для обустройства временных стоянок – там и сейчас возвышался неказистый шатер, сооруженный из веток, накрытых звериными шкурами. За шатром в десятке метров начинался мост. Местный мост предназначен явно не для слабонервных. Через суженный на этом участке речной каньон дикари перекинули два длинных сосновых бревна. И откуда они их притащили? Между бревен без особой аккуратности навязали лыком и

кожаными ремнями толстых жердей, поверх этой основы накидали веток и охапок тростника. Перил нет, ширина тоже не впечатляет. Зато, если упадешь, впечатляет высота, с которой будешь лететь – река бурлит среди камней метрах в тридцати ниже.

Обрыв на правом берегу в этом месте резко понижался, сравниваясь по высоте с левым берегом – к реке там выходило узкое ущелье. Как будто для удобства строителей берег здесь нависал над водой выпяченным скальным уступом – именно это обстоятельство и позволило троглодитам перекинуть мост. Олег поневоле восхитился их инженерными способностями: до этого он предполагал, что каннибалы неспособны сооружать подобные объекты. Мало того что дотащили два столь длинных и тяжелых ствола, так еще и как-то ухитрились перекинуть на другой берег. Даже для людей задача непростая. Хотя...

Изучив мост в бинокль, он довольно улыбнулся. Нет, переоценил он людоедов. Они не первые, кто здесь занимался строительством – хорошо заметны остатки древнего сооружения. По обоим берегам уцелели какие-то низкие выступы, сложенные из обтесанных камней. Очевидно, перед тем как старый мост окончательно рассыпался от натиска времени, дикари успели настелить поверх него новый и просто поддерживали его теперь в приличном состоянии. Древние зодчие сэкономили им немало сил. Помимо этого в ущелье на противоположном берегу явственно различалось покрытие старой дороги, уходящей в глубину горной страны.

Мур, пробравшись к Олегу, забормотал чуть ли не в ухо:

- Друг Олег, мы дошли до моста, не увидев ни одного пожирателя кала. Я был глуп, мне надо было самому догадаться обойти эти скалы по реке.

- Не переживай. Нам просто повезло. Я не надеялся, что без стрельбы обойдется.

- Мы нападём?

- На кого нападать? Я вообще не вижу никого. Да и переполоха никто не поднимал, а ведь шум наш отряд при движении создавал приличный.

- В шатре могут быть враги. И им трудно услышать нас – реку стиснули скалы, она громко ревет внизу.

- Да, ты прав, я как-то не подумал об этом. Посиди здесь, и старайтесь не шевелиться – враги могут быть рядом. Я сейчас подготовлю наш отряд к атаке.

Олег отполз назад, на склоне гривки встал на ноги, поспешно вернулся к основным силам отряда.

- Так, бойцы, не шуметь – в сотне метров от нас мост, а рядом с ним шатер людоедов.

- Много их там? – уточнил Дубин.

- Не знаю, ни одного не видел. Ты давай пушку собирай свою. Только смотри, потише и металлом не звякай. Шум реки скрадывает звуки, но металлический лязг может и не скрыть – слишком уж специфический звук.

- Не учи ученого. Заряжать чем?

- Пока ничем. Там, к мосту когда выкатите, ясно будет. Давайте живее. Все остальные: первый взвод пойдет за мной, второй остается при орудии. Дубин, проследи за пехотой – при тебе они

будут. Готовьтесь, ребята, думаю, сейчас у нас будет первый бой.

* * *

Олег не ошибся. Хотя «бой» громко сказано.

Свою пушку команда Дубина собрала быстро, правда, клинья под лафет не подбивали – столь громкий стук не скроешь. Артиллеристы божились, что на сотню метров ее и так перекачат без проблем – не рассыплется, а там уже перед выстрелом пошуметь можно будет. С ружьями такой мороки нет – стреляй спокойно, без предварительной работы молотками. Даже зажигать фитили заранее уже не требуется – у большинства новых мушкетов кремневые замки.

В сопровождении бойцов первого взвода Олег выдвинулся к засевшему на гривке передовому дозору и скомандовал атаку.

Бойцы землян и союзников быстро прорвались сквозь чахлый терновник, оккупировавший вершину гривки, и скатились вниз. Мур, обогнав всех, первым добежал до вражеского шатра, секирой подбил жерди, сокрушив хлипкую постройку. Набежавшие косматые воины, яростно вскрикивая, начали лупить по шкурам секирами и колоть «руины» копьями. Без толку – внутри явно никого не было.

Атакующий порыв мгновенно иссяк: люди и ваксы, не встретив ни малейшего сопротивления, растерялись.

Олег не позволил им впасть в ступор:

- Первый взвод, развернуться цепью параллельно берегу; готовьтесь отражать атаку с противоположного берега или от гор. Мур, пусть твои воины разгрузят боеприпасы возле этого шатра. И пусть они от той скалы, что дальше по берегу, таскают большие камни – там их много. Будем делать укрепления.

- Хорошо, друг Олег. Может, послать несколько воинов назад? Там были маленькие деревья, они нам могут понадобиться?

- Да, так и сделайте. И топлива пусть хоть немного запасут для костров. Я думаю, что нам здесь придется ночевать.

Дубин подоспел к месту событий, его артиллеристы начали разворачивать орудие в сторону гор: оттуда атака гораздо опаснее, чем от узкого моста. Олег, отобрав приданный ему второй взвод, поставил бойцов в одну линию к первому. Тут же звонко загремел молоток – ребята Дубина наконец начали забивать свои злополучные клинья.

Этот грохот мгновенно активизировал неприятеля – людоеды наконец показались.

Олег, повернувшись в сторону горного хаоса, на одной из скал разглядел сразу парочку ваксов. Два дикаря поднялись метрах в двухстах от позиции отряда – стоя на высоченном уступе, они потрясенно разглядывали коварного врага, захватившего стратегический мост без боя.

Один из особо отмороженных бойцов, положив мушкет на землю, развернулся к врагу задом. Нагнулся, приспустил штаны, похлопал себя пониже спины. Этот неприличный жест у ваксов считался самым страшным оскорблением: яростно размахивая копьями, они завыли на все лады, проклиная наглецов и давая знать соплеменникам, что к ним подкрались неприятности.

- Стреляйте! Вон пожиратели кала! - заорал Мур.

- Стоп! - крикнул Олег. - До этих далековато, да и мало их - это простой дозор на скале. Поберегите порох. Нам они ничем не угрожают, копья и камни оттуда недоброе. Паук, включай свою шарманку и радируй в лагерь Макс, что мост захвачен и они могут начинать выдвигаться к нам.

Позиция отряда была хорошей - ровная площадка перед мостом протягивалась во все стороны метров на сто, а то и подальше. Обстрел из засады не грозил - ни один вакс не сможет кинуть копьё на такую дистанцию. Скал высоких поблизости тоже нет, и проход, из которого можно атаковать крупными силами, всего один. Причем широкий. Будь он поуже, Олег бы его, возможно, перекрыл своими стрелками, расположив их на прилегающих скалах.

Минус позиции был один: слишком открытая, ни малейших естественных укрытий. Одинокая скала или хотя бы высокое дерево не помешали бы - для наблюдения за округой. У противника, засевшего среди скального хаоса, в этом большое преимущество: сверху они легко пересчитают силы неприятеля и смогут следить за всеми маневрами. Олегу эта мысль не понравилась, он решил, что, как только вернется команда ваксов, посланная за деревьями, он их больше отсюда не выпустит. Обойдутся камнями - их тут достаточно, чтобы настоящую крепость построить, а не только временные укрепления.

Интересно, рискнут людоеды атаковать среди бела дня такой сильный отряд? Да еще и на ровном месте, а не из засады. Олег сомневался в этом. Но как знать, может, потеря моста доведет их до белого каления. В любом случае они наверняка забросят бесполезное дежурство на востоке, стянутся все сюда, позволив Макс с основными силами ворваться в их владения или хотя бы капитально укрепиться на хорошей позиции, господствующей над округой.

За спиной послышались предупреждающие крики. Обернувшись, Олег увидел, что на другом берегу показались враги. Выбравшись из ущелья, по которому в древности шла дорога в глубь горной страны, полтора десятка полуголых ваксов остановились перед обрывом. Дикари, не веря своим глазам, разглядывали непонятно откуда взявшихся врагов. Очевидно, на противоположном берегу новости еще не знали.

Ваксы стояли, ничего не опасаясь - до них недоброе ни копьем, ни камнем. Сейчас они очень сильно удивятся...

- Первый взвод! Развернуться к противнику! - скомандовал Олег.

Два десятка бойцов послушно выполнили команду.

- Наводи! Огонь!

Загрохотали мушкеты, по долине, многократно отражаясь от скал и обрывов, загуляло эхо. Крупная ружейная картечь и пули смели почти всех врагов, лишь двое чудом остались на ногах. Один, зажимая разорванное плечо, с воем побежал назад, второй, не пострадав, потрясенно присел - дикарям еще не доводилось сталкиваться с огнестрельным оружием. Видимо, ноги перестали держать от страха. Олег, вскинув свой легкий мушкет, не стал опускаться на колено, выстрелил стоя. Перед глазами вспыхнул порох на полке, приклад ударил в плечо. Увы, выстрел оказался не слишком удачный - тяжелая пуля угодила троглодиту в колено. Рухнув как подрубленный, тот истощно заорал.

Несколько воинов Мура бросились к мосту. Перебравшись на противоположную сторону, они быстро, но без лишней суеты, прикончили тяжелораненых врагов, оставили лишь одного,

подстреленного Олегом, – потащили его за собой, назад. Молодцы, без команды поняли, что «язык» не помешает.

– Мур, допроси его. Узнай, где их основные силы и где их селения.

Вакс молча поманил воинов с пленником за собой, за кучу камней, натаскиваемых со всей округи. У Олега не было ни малейшего желания участвовать в допросе. Он, конечно, не особо слабонервный, но второй раз смотреть на то, как допрашивают ваксы, не хотелось. Первый раз это случилось во время зимнего похода, в самом начале, когда войско землян дерзким наскоком захватило крепость неподалеку от берега Хайтаны. Олегу почему-то вздумалось заставить разговориться пленного ракса. «Горилла» попал в плен потрепанным: в бою ему отсекали правую руку и подрезали жилы под коленом. На вопросы он вообще никак не реагировал. Олег перебрал все известные ему языки, как местные, так и земные, – ноль эмоций. С таким же успехом можно с саркофагом фараона общаться. Мур, приняв близко к сердцу затруднения друга, вызвался ему помочь в беседе с упрямцем. И Олег сдуру на это согласился. Зря! Больших трудов ему стоило потом не очистить желудок при ваксах – мог бы опозориться, прослав неженкой. В ходе допроса несчастный ракс лишился второй руки и раненой ноги. Той ноги, что была не ранена, он тоже лишился. А еще носа, ушей и глаз. И приличной части кожного покрова. Лишь когда ему начали вытягивать кишечник через проделанную в брюхе дыру, он наконец-то, к великому облегчению Олега, испустил дух. Так ничего и не сказав.

Лишь потом Монах удосужился просветить Олега, сообщив, что хайты никогда ничего не говорят на допросе. Хоть через мясорубку их пропускать – ни звука не издадут. Однажды в руки северян попал ракс, который до этого с пленными людьми довольно бодро общался – то есть явно был способен членораздельно разговаривать. Увы, он тоже на допросе молчал как двоечник-разведчик.

В общем, с жутковатой методикой допросов в исполнении воинов Мура Олег уже был знаком и углублять это знакомство не желал.

Паук, растянув антенну, связался со своим помощником, оставленным в основном лагере. Тот, приняв его радиogramму, ответил условным сигналом, обозначавшим, что информация принята.

Все, теперь оставалось только ждать подхода отряда Макса. Олег ничего другого придумать пока не мог. Начало боевых действий пошло несколько не так, как он планировал. Каннибалы проявили редчайшее разгильдяйство – даже не заметили, что у них мост захватывают. Обошлось без серьезного боя, а расстрел группы дикарей нельзя считать полноценным сражением. В итоге вожденный мост захвачен, но боевые отряды людоедов, прячущиеся среди скал, потерь пока не понесли.

Что они теперь будут делать? Неизвестно... Вряд ли они останутся на месте, окруженные с двух сторон и без снабжения. Расстрелянные дикари тащили сюда корзины с рыбой, переложенной диким луком, – очевидно, несли воинам пожрать. Теперь линия снабжения перерезана, мост захвачен. Нет, не стоит обольщаться: горы тут, конечно, труднопроходимые и речное ущелье преодолеть нелегко. Но нелегко это не значит невозможно. При остром желании все возможно. Не исключено, что вражеские воины уже спускаются к тайным тропам, по которым переберутся на западный берег. Конечно, путь их будет не столь комфортен и быстр, как по мосту, но результат-то один – дикари имеют возможность уйти.

Если уйдут – отлично. Олега это вполне устраивало. Атаковать западный берег, имея в своем

тылу противника, как-то слишком уж смело. В первый год, может быть, он так бы и поступил, но теперь все иначе. Земляне приспособились к этому миру и крепко уяснили, что главное в любой драке – беречь друг друга. Потери неприемлемы, и так уже слишком многих потеряли.

Идеальный вариант, если троглодиты решатся на атаку отряда. Соберутся за скалами и ударят через проход. Залп сорока мушкетов и пушки по толпе нанесет им такие потери, что можно будет не опасаться выживших. Вряд ли их здесь тысячи, такая толпа смела бы отряды Мура без проблем, и стальное оружие союзников не спасло бы. Скорее сотни – может, двести или триста. Один удачный залп способен отхватить от такого войска половину, выжившие будут настолько деморализованы столь быстрым разгромом, что и мечтать о реванше не посмеют.

Между тем дикари заметно активизировались. Поодиночке и мелкими группками они то и дело показывались на окружающих площадку скалах, размахивали оружием, кричали обидное, показывали неприличные жесты. В ответ люди и союзники делали то же самое. Кроме того, допрашиваемый пленник иногда начинал орать так страшно, что все это перекрикивание мгновенно затихало.

К Олегу подошел Дубин:

- Слушай, вон на той плоской скале полно дикарей. Я минимум пятерых насчитал – то вылезут, то спрячутся. Если пухнуть по ним гранатой, посечет всех осколками. Дистанция невелика, достанем легко. Только пристреляться надо будет, под таким углом мы еще никогда не били: вверх же придется пушку задирать, ставить на камни. У меня таблиц на такие углы нет.

- Нет, – возразил Олег. – Пока никакой стрельбы. Пушечный обстрел может их напугать, а нам это не нужно. Нам надо заставить их себя атаковать, напуганные, они на это не решатся.

- Понятно. Извини, не подумал. Выковыривать их из этих скал действительно сложно будет. Ты прав, надо атаку на себя спровоцировать. Если зашевелятся у прохода, я картечь прикажу заряжать.

Едва отошел Дубин, появился Мур:

- Друг Олег, мы больше не можем говорить с вонючим пожирателем кала. Он оказался настолько наглым, что решил умереть. Все не рассказал.

- А что вообще рассказал?

- Он сказал нам, что все селения на этом берегу давно покинуты: вонючки ушли за мост, на земли самого сильного вождя гор. Зовут этого вождя Твнкилд. Мне трудно говорить его имя, я мог сказать неправильно.

- Я тебя прекрасно понимаю, у самого те же проблемы... Так это войско Твнкилда на ваши деревни набеги устраивает?

- Нет, так говорить неправильно. Здесь остались только чужие воины, не из народа Твнкилда. Это воины из народов, которых мы уже победили. Твои воины и мои выгнали их из своих селений, и они пришли в горы, хотели жить с народом Твнкилда вместе. Он принял женщин. Принял детей. Убил стариков для котлов. А воинов не пропустил – сказал, что они должны заслужить право жить на его землях. Воины остались в этих скалах и защищали мост от нас.

- Странно... Если это так, то очень странно... Ты же говорил, что местные дикари в горах себя ведут как рыбы в воде в отличие от вас? А получается, они не должны в этом вас превосходить,

потому что жили в лесах и по берегам Нары. Там ведь гор нет.

- Да, Олег, я тоже удивился, когда он это рассказал. Я не поверил этому бородавчатому хорьку, и отрезал ему уши. Наверно, они ему мешали правильно понимать мои вопросы. Он сразу сказал нужные слова. Он сказал, что до войны с нами на этом берегу тоже были селения пожирателей кала и их жители тоже ушли к Твнкилду, когда пришли мы. Но воинов он тоже не пустил, и они тут воюют вместе с теми, кто пришел из лесов и от Нары. Поэтому вонючки так хорошо знают эти горы.

- Понятно. А он не рассказал, сколько их тут?

- Он сказал, что Твнкилд каждый день присылает им еду, достаточную для ста воинов. Но им этого не хватает, поэтому воюют немногие. Остальные ловят рыбу, ищут съедобные корни и травы, охотятся в предгорьях. Если кто-то умирает от ран или болезней, они его тоже съедают. Их это радует, потому что Твнкилд запретил присылать им мясо и не оставил им ни коз, ни свиней.

- Все с этим Твнкилдом понятно... Думаю, его народ не особо силен, и он просто опасается за свое положение: воины беженцев - это большая сила, тем более у них есть опыт военный.

- Я тоже думаю, что главный пожиратель кала боится этих воинов, - согласился Мур.

- Да. И он нашел чудный способ от них избавиться: пусть вымирают в войне с вами. Заодно и вас ослабят. Удобно устроился, двух зайцев одним выстрелом - прям Макиавелли местный...

- Маки... Кто? - не понял вакс.

- Неважно. Если он дает еды на сотню, сколько же их может быть...

- Пожиратель кала нам это не рассказал.

- Я понял. Не думаю, что их намного больше - хорошо, если пара сотен осталась. Нет, Мур, не пойдут они в атаку. Раз это ваксы из лесов на востоке и от Нары, то они нас хорошо знают и помнят, на что мы способны. Прекрасно понимают, что атаковать нас - это самоубийство. Это местных мы еще могли обмануть... Ладно, будем здесь укрепляться, ждать подхода Макса.

- Друг Олег, а может, проберемся на их берег? Возьмем половину наших людей и нападём на них. Этот умерший сын древесного клопа рассказал нам, что тут рядом большое селение пожирателей кала. Мы нападём и всех убьём.

- Нет. Пока не подойдет Макс, мы отсюда никуда не сдвинемся. Нам нужно побольше воинов, чтобы оставить часть на охране моста. Вряд ли мы сегодня успеем выступить. Так что до темноты надо хорошо укрепиться, чтобы ночь прошла спокойно. Да и охрана потом останется на хорошей позиции.

Люди и ваксы почти все занялись перетаскиванием камней и возведением баррикад. Лишь артиллеристы Дубина и десяток стрелков не принимали в этом участие: держали окрестности под наблюдением.

Прошло около трех часов после захвата моста, когда Олег первый раз услышал пушечный выстрел. Близкий раскат, затем многократно отраженное трескучее эхо - явный выстрел с последующим разрывом гранаты. Спустя пару минут еще один, и далекие хлопки мушкетов. Макс нарвался на противника.

Олег поспешил к Дубину:

- Давай начинай беглый огонь по округе. Каждые три-четыре минуты посылай ядро или гранату – надо заставить их понервничать. Первым делом вон по той скале пробей разик.

- Так на ней никого не было, – удивился Дубин. – Я внимательно следил, на этой скале точно никто не показывался.

- Я знаю. Но зато на нее можно легко забраться с нашей стороны. На всякий случай пальни по ней, вдруг там кто-то хорошо спрятался.

- Боишься, что оттуда атакуют нас?

- Дубин! Тебе сказали стрелять – стреляй! Остальное мое дело! – И уже спокойнее пояснил: – Не боюсь я атаки. Наоборот, сам хочу туда команду стрелков послать, с лучшими мушкетами. Пусть думают, что мы начинаем выдвижение навстречу отряду Макса.

Дубин начал отдавать приказы. Пушку навели на облюбованную Олегом скалу, выпустили ядро. Оно пошло с сильным перелетом, улетев в неведомые дали. Очевидно, не столь уж неведомые, поправку Дубин взял удачно – следующее ядро ударило уже рядом с плоской вершиной. Третье накрыло ее, выбив облако каменной пыли.

- Сюда бы миномет, – вздохнул Дубин. – Навесом из этой пушки стрелять сущее наказание.

- Да норма, попали же.

- Ну что? Все? Вроде бы никто там и не шевельнулся.

Олег, недоверчиво посмотрев на обстреливаемую скалу, уточнил:

- А гранату можешь туда запустить?

- Можно. С первого выстрела, правда, не получится – вес другой, да и заряды у нас не унифицированные. И трубку рассчитать трудно, может удариться о камни и укатиться, а разорваться уже внизу. Говорил же тебе, таблиц на такие углы нет. Вон под колеса камни подкладывать пришлось.

- Ну ты попробуй! Мы в тебя все верим!

Первая граната срикошетила куда-то за скалу, хлопнула там. Вторая и третья тоже ушли впустую. Лишь с четвертой вышло удачнее: она разорвалась в десятке метров от вершины, чуть выше ее. Железная оболочка с подложенной под нее осколочной матрицей разлетелась сотнями осколков, исхлестав всю площадку. Если там действительно кто-то сидел в засаде, после таких приключений он бы как минимум попробовал оттуда удрать, а как максимум уже был не в состоянии двигаться на своих ногах.

Олег, успокоившись по поводу возможной засады, послал туда десяток стрелков из первого взвода – самых опытных бойцов. Ребята быстро забрались по опасной тропке, сигнализировали, что все в порядке, и тут же открыли стрельбу по одним им видимым целям. В отличие от артиллеристов, они процесс не затягивали: жгли порох с максимальной скоростью. Очевидно, целей им там хватало – с этой скалы можно было обстреливать дозоры на окрестных скалах и бить ваксов, убегающих от пушечного обстрела.

Олегу стоило немало труда удержать себя от соблазна и не залезть следом за ними. Нет, сейчас его место здесь – и без него прекрасно постреляют.

Интересно, как там Макс? Трубка УКВ-радиостанции молчала – горы мешали прохождению сигнала. Резервная КВ-станция осталась в главном лагере.

Теперь оставалось только ждать.

* * *

Макс появился лишь под вечер.

К этому моменту укрепления были закончены. Перед мостом по обе стороны поставили два кольца баррикад – оттуда можно вести круговую оборону малыми силами, никого не подпуская к стратегическому объекту. Помимо этого рядом с разрушенным шатром поставили низкий квадрат большой баррикады, за которой могло укрываться все войско землян и ваксов. Здесь вся армия сможет располагаться на ночлег. Из жердей и шкур от разоренного шатра соорудили навес, под ним расположили рацию и запасы пороха (Пауку это соседство очень не понравилось).

Костры жгли за пределами укрепления, подальше от складированных боеприпасов. Все, кроме часовых, расселись вокруг огня в предвкушении ужина. В котлах кипела густая похлебка из сухого мяса и проса, щедро сдобренная специями. Помимо мешков со «стратегическим запасом» продовольствия, у бойцов еще оставались личные сухпайки – вяленая и копченая рыба, сухие лепешки с молотыми орехами, немного сыра. По прикидкам Олега дня на три войску прихваченной еды хватит, а больше, наверное, и не потребуется. Затевать здесь долгую войну в его планы не входило.

Вопрос с местными людоедами надо решить быстро.

Отряд на скале издали засек приближение своих, сигнализировал вниз. Так что в горном проходе Макса ждал «комитет по встрече»: Олег с Муром и десятком ваксов.

Увидев, что с Максом всего лишь около двадцати стрелков и не видно ни пушки, ни лошадей, Олег нахмурился:

- Что случилось?! Где пушка?! Где лошади?!

- Спокойно Олег. – Макс легкомысленно махнул рукой куда-то назад. – Там последние ноги можно поломать на одной из твоих долбанных «даек». Пришлось на ней оставить пушку и десяток стрелков, а лошадей я отправил назад, в главный лагерь.

- Не понял? Как оставил?

- Молча. Там очень удобная позиция: наверху широченная площадка, и к ней ведет лишь одна тропа. Пара дураков с мушкетами в таком месте могут армию удержать. Я, когда понял, что перебраться будет трудно, решил это местечко взять под контроль. Там очень удобно засады устраивать – миллион позиций для засад. Пришлось артиллерией выбить засевших наверху людоедов, потом по частям занесли туда пушку, собрали, и все – у нас теперь есть отличная дорога! Лошади по ней не пройдут, но вот делать засады против нас будет нелегко. Мы теперь контролируем лучшие места.

- Укрепились они там хорошо? Смогут дня два продержаться на позиции?

- Без авиации их оттуда не выбить. Еда у них есть, воду всю тоже им оставили. Два-три дня просидят там без проблем.
- Понятно. Ну что ж, тогда одобряю твое решение.
- А у вас тут как дела?
- Пойдем. За ужином все узнаешь.

Глава 7

Человек в хорошей физической форме, не имея спортивных навыков и выдающихся атлетических талантов, по ровной местности, не усложненной препятствиями, способен за один час пройти около пяти километров. Тренированный ходок может без проблем и до семи разогнаться, поддерживая такую скорость чуть ли не целые сутки. Это, разумеется, в идеале – по приличной тропе и без груза.

Беглецы за час делали около километра, не больше. Конечно, плелись они гораздо быстрее, вот только надолго их не хватало: приходилось часто устраивать долгие привалы. Даже это помогало мало, к полудню большая часть отряда представляла собой набор выжатых досуха тряпок. Темп продвижения от этого, естественно, не увеличился. Андрей практически не уставал, как и Кир, ну и еще несколько мужиков выглядели неплохо, но остальные...

Обуху теперь приходилось помогать идти, как и больной женщине. Передвигаться они могли и сами, вот только с их темпом передвижения за час и полкилометра вряд ли сделаешь. Не хотелось даже думать, что будет, когда они упадут.

С едой вопрос оставался столь же злободневным – еды вообще не было. Нельзя же считать полноценной едой редкие листики степного щавеля, собираемого по пути. Андрей с утра терзал мозг, пытаясь придумать способ накормить людей. Кроме анекдотически-фантастических вариантов, ничего больше на ум не приходило. Он начинал мечтать о встрече со стадом невероятно тупых коз, которые подпускают людей так близко, что те в упор переколют их дротиками. После этого беглецы разведут огромный костер и наварят полный котел мяса. Ну или, например, выйдут к тропе, по которой возят тележки с продуктами и битумом. И надо же будет такому случиться, что у одной из тележек отвалится колесо, и ее бросят со всем содержимым. В этом варианте котел наполняется привычной халвой. Не мясо, конечно, но брюхо тоже набить можно.

Бред. Ничего реального в голову так и не пришло. Впрочем, один реальный вариант все же оставался – заняться каннибализмом. Но к подобному Андрей был морально не готов.

На привалах люди, наслушавшись вечерних разговоров, пробовали ловить кузнечиков. Но быстро убедились в правоте Андрея и это бесполезное занятие забросили. По пути уничтожали подчистую встреченные ростки щавеля, вырывая их с корнями – от этого толку было побольше. Даже жалеть начали, что слишком поспешно ушли от того места, где ночевали. Там, во влажной низине, щавеля должно быть гораздо больше.

Дело уже шло к вечеру, когда Кир, шагавший впереди, резко остановился, предостерегающе поднял руку. Народ дружно присел на пятые точки, лишь Андрей и Прапор не плюхнулись следом за всеми – поспешили к замершему Киру.

Немой указал вперед. Приглядевшись, Андрей разглядел какие-то темные пятна,

выделяющиеся на фоне степи. Подробности, к сожалению, были недоступны – у него была близорукость. Прапор увидел больше:

– Сарай! Поселок там!

– С пирамидой?!

– Нет, просто несколько сараев. И, похоже, все заброшено, как в том месте было, где мы ночевали. Да, точно заброшено – крыши провалились.

Андрей покосился на запад, солнце там уже касалось горизонта.

– Ладно, попробуем тогда там переночевать. Может, найдем воду, возле поселка должен быть какой-нибудь источник.

Обух подняться не смог. Опираясь на плечо товарища, он неосторожно ступил на большую ногу. Закричав, рухнул как подкошенный, свернулся в клубок, подтянул колено к груди, обхватив его двумя руками.

Андрей присел возле него, осторожно тронул за руку:

– Ты что, Обух? Сильно больно?

Тот, хрипло дыша, сквозь зубы процедил:

– Все. Я больше не могу. Бросайте меня. Мне конец, я гнию заживо. Не могу я больше! Вот же повезло так повезло...

– Заткнись! Эй, ребята, давайте сюда все секиры. Одну ему под шею, одну под спину, и одну под ноги, и вшестером донесем. Так что не вздумай! Обух, мы уже возле места ночлега. До завтра отдохнешь и пойдешь с новыми силами! Ты эту истерику бросай!

Андрей, успокаивая товарища, сам себе не верил. Это понимали все, в том числе и Обух. Но никто не сказал ни слова против. Значит, еще не окончательно озверели, раз готовы мириться с такой обузой.

Нести Обуха было неудобно, а уж насколько это было неудобно ему... покоиться на трех дровяках... Бедолага... Андрей, поддерживая его голову, намочил ладони – кожа раненого была покрыта бисеринками пота, да и пылала огнем. Трудно сказать, какая у него температура, но то, что повышенная, несомненно.

Андрей понял – Обуху действительно конец. Ему не выкарабкаться. У него билет в один конец: будет медленно умирать из-за какого-то куска авиационной детали, пропоровшего ступню. Сколько он протянет? Может быть, часы, а может, и дни... Если им и завтра его придется нести, некоторым это не понравится... С точки зрения здравого смысла его, конечно, надо оставлять. Сможет это сделать Андрей? Если бы ему приказали или навязали это, то смог бы. А кто сейчас прикажет? Ведь он здесь самый главный, он больше всех отдает приказов. И ему подчиняются без возражений.

Сам себе не прикажешь...

А потом чья очередь настанет? Больной женщины? Она ведь тоже долго не протянет... А после нее кто?

Весело у них станет – чудная обстановка дружбы и взаимовыручки...

* * *

Поселок был заброшен не столь уж давно, как показалось издали. Крыши, вопреки словам Прапора, не провалились – просто прохудились местами. Двери висели на кожаных петлях и пока что не желали рассыпаться при попытке их открыть. Внутри запустение и пыль да остатки гнилой соломы. Следов пожаров и разрушений не было. Не было и объектов, напоминавших пирамиду. Несколько сараев и одинокая башня. Если бы не стандартная планировка поселка и такой же тип строений, можно было бы подумать, что жили здесь другие существа – стандартные поселения аборигенов уже не представлялись без циклопических сооружений загадочного назначения.

Андрей выбрал для ночлега площадку возле очага:

– Так, остановимся здесь. Давайте, пока светло, натаскайте травы: на этой утрамбованной земле лежать будет неудобно. В сараях есть солома, хоть и трухлявая, но тоже сойдет. Кир, ты руби везде двери и перекрытия – на дрова пустим. Лысый, я вижу там за поселком овражек, и туда ведет хорошая тропа. Думаю, внизу может быть вода. Возьми кого-нибудь, и проверьте это. И котел не забудьте прихватить.

Раздав подчиненным ценные указания, Андрей взялся за топорик, помогая Киру. Эх, жалко, нет кружек или мисок, на таких дровах можно легко вскипятить котел. Вот дался ему кипяток – как будто им нажраться можно...

Круша дверь одного из сараев, он своим шумным вандализмом напугал мышь – зверек, прошмыгнув рядом с ногой, юркнул в кучу соломы. Андрей было бросил топор, собираясь начать охоту, но вовремя одумался: такой скудной дичью он вряд ли насытится. Смех один. Да и попробуй ее здесь поймай...

Куча дров росла на глазах. Решив, что Кир и без него прекрасно справляется, Андрей пошел к овражку, проверить «водоносов».

Гнуса и Лысого он поймал на горячем. Бросив котел возле крошечного ручейка, тихо струившегося по дну оврага, они ползали по травянистому склону и жадно жевали щавель.

– Ну сволочи! – возмутился Андрей. – Я вас за водой послал, а вы что делаете?! Не одни вы голодные, надо всех звать, если нашли еду!

Лысый, выплюнув зеленых комков, грязно выругался и отвесил Гнусу злобный подзатыльник, пояснив свои действия:

– Да не ори ты! Это не щавель! Этот тупой студент лапши мне умудрился на уши навешать: сказал, что если траву пожевать хорошо, чтобы со слюной смешалась, и запить водой, то можно наестся.

– И как тебе этот салатик? Вкусно? – с сарказмом поинтересовался Андрей.

– Сам попробуй – узнаешь! – Лысый, сплюнув, направился к котлу.

Гнус вообще ни слова не произнес – только плевался и украдкой бросал виноватые взгляды.

Андрей, попив из незамутненного родника, дававшего начало ручейку, забрался на

противоположный склон оврага, достиг вершины откоса, замер, осмотрелся. Ничего интересного – все та же унылая степь. Скатерти-самобранки с расстеленными гастрономическими дарами поблизости видно не было.

Что-то ему здесь не понравилось. Что-то не так... Взгляд раздражает нечто невидимое, неуловимое. Андрей не сразу понял, что именно его беспокоит. Хотя... Вот оно – растительность здесь очень скудная. Чахлая, низкая трава, местами вообще голая земля. Как будто здесь команды сборщиков топлива день и ночь работали, но этого не может быть – нет следов.

Лишь шагнув вперед и покрутив головой, уловил некую странную упорядоченность. Присел, пригляделся... Так и есть! Вспомнилось детство – деревня, дедовский дом, грядки огорода. И поля за околицей. Некоторые поля годами стояли невспаханные, но все равно следы обработки не пропадали. Там издали было хорошо заметно направление вспашки в виде фрагментов параллельно идущих борозд.

Нечто подобное Андрей заметил и здесь, только гораздо менее явное. А еще здесь было очень много камней, и почва серовато-желтая, почти без перегноя. Глина да песок. Если кто-то здесь занимался сельским хозяйством, то место для этого он выбрал не лучшее. В степи почти везде отличные черноземы, обещающие богатый урожай. Хуже земли для обработки, чем здесь, Андрей еще не встречал. Ну если не считать полосу перед пирамидой и изрытую карьерами окраину поселка.

Встав, он внимательно изучил окрестности, обращая внимание на характер почвы. Так и есть, куда ни глянь, такая же скудность растительности, россыпи камней и серовато-желтые проплешины. Хотя имеются и исключения – края и склоны оврага покрыты пышными зарослями изумрудной травы. Если обильную растительность на склонах еще можно объяснить хорошей увлажненностью, то на краях оврага уже нет.

Даже о такого неспециалиста как Андрей наконец-то дошло: земля здесь сильно истощена. Вероятно, те, кто ее обрабатывали, не заботились о передовых агрономических методах. Здесь не было грамотного севооборота, не было обильных удобрений. Почву усиленно эксплуатировали до полного истощения, после чего бросили. Скорее всего, поселок переместили в другое место, и теперь там занимаются тем же самым.

Степь большая, землю не жалко.

Кто ее возделывал? Андрей не стал заблуждаться и по этому поводу: архитектура поселка явно намекала на аборигенов. Теперь понятно, где производится зерно для халвы. И стало ясно, откуда в здешних сараях солома: именно матерая солома от культурных злаков, а не стебли диких степных трав.

Что же получается? А получается, что селения аборигенов узкоспециализированные. То, где держали в плену пассажиров, занималось исключительно изготовлением «огурцов-скатов». К работе в пирамиде пленников не допускали – ею занимались исключительно аборигены, что лишний раз доказывало важность этой странной деятельности. Работы по нивелированию площадки, очевидно, облегчали запуск и считались вспомогательными, как и сбор топлива, и добыча глины – пленников для этого использовать разрешалось.

Заброшенный поселок, найденный утром, производил те самые «половинки дынь». Андрей с Киром прекрасно разглядели их «туши» в бассейнах: размер у них сильно различался, отображая разные стадии роста. Что это такое, неизвестно. Возможно, такие же загадочные

объекты, как и в «родном» поселке, появляющиеся при запуске.

Интересно, а там из угловатой пирамиды тоже были свои смертоносные запуски?

С этим поселком все ясно – запусков здесь не было. Здесь попросту обрабатывали поля, это было главным занятием обитателей.

Поможет ли беглецам знание о специализации вражеских поселений? Этого Андрей не знал, пока что в таком знании он не видел ни малейшей пользы.

С другой стороны, за два дня бегства они повстречали уже два брошенных поселка и натоптанную тропу, по которой ходили аборигены и двигались их тележки. Возможно, им пока что просто везет и они чудом избегают обитаемых селений. Но, наверное, не стоит уповать на вечное везение – надо начинать посылать вперед дозоры из одного-двух мужчин. Заметить одиночек гораздо сложнее, а они бы могли издали засекают угрозу и предупреждать остальных. Да, так и надо сделать – иначе точно нарвутся на проблемы. Если бы этот поселок был обитаем, сегодня бы их уже схватили – такая толпа в степи заметна издали.

Хотя имеются и свои плюсы, пленников наверняка накормили бы халвой.

* * *

Вечер, как и вчера, прошел без ужина, но зато с ярким и жарким костром. Очаг подкармливали обломками дверей и крыш. Большой огонь, правда, старались не разводить – высокое пламя в ночной степи можно разглядеть издали.

Большая часть беглецов еще в сумерках расположилась вокруг очага на скудных ложах из старой соломы и степной травы, постаравшись побыстрее заснуть. Лишь некоторые не спешили с этим, занимаясь своими делами или просто тупо сидели перед костром. Разговоров не было, общаться не хотелось.

Андрей был одним из тех, кто не стал ложиться сразу. Пользуясь наличием огня, он занимался ремонтом обуви. В принципе состояние его ботинок было вполне приличным, но это не давало ему права доводить дело до серьезной проблемы. Если обувь придет в негодность, он превратится в Обуха номер два. Боты у него хорошие, с этим ему повезло. Изначально он попал сюда в пижонских туфлях – не самая лучшая обувь в такой ситуации. Потом уже, когда сумел доказать коллективу, что его физическая сила и выносливость полезны всем, ему достались крепкие ботинки умершего Хача. Крепкие-то крепкие, но при постоянных спусках в карьеры и подъемах обратно по склону, сложенному сухой глиной вперемешку с камнями... Эти испытания сказывались на состоянии обуви крайне отрицательно. Сапожного инструмента здесь не было, не было также клея и дратвы. Все, что доступно для пленников, пластик, собранный на месте авиакатастрофы.

Счастье, что сгорело там не все.

Зачищая поверхность деталей обуви своим стеклянным ножичком, Андрей капал на нее расплавленным пластиком. Остывая, пластик образовывал плотную пленку – оторвать ее почти невозможно. Окружая такой пленкой всю поверхность вокруг пострадавших участков, можно в итоге по ней прилепить заплатки, сделав их из развалившейся обуви других пассажиров, или просто залить все тем же пластиком.

Обувь, конечно, от столь варварского ремонта постепенно теряла эластичность, да и лопалась иногда вместе с пластиком, но другого метода в их положении никто придумать не смог.

Сейчас Андрей сражался с прохудившейся подошвой – возле левого носка вот-вот дыра протрется. Ну здесь все просто: пластик надо не жалеть – главное, уложить его ровным слоем, без резких бугров, иначе давить будет, да и оторваться может при неудачной встрече с камнем.

Залив переднюю часть подошвы пластиком, Андрей подносил к нему горящую палку, заставляя размягчаться, и быстро заравнивал, надавливая плоским камнем. Еще немного, и выйдет идеальная поверхность.

Еще месяца два такой ходьбы, и придется из пластика делать валенки – эти ботинки твердо решили, что пора бы им сдохнуть. Хотя есть и другой вариант – задушить во сне Прапора и разуть – размер у них одинаковый, а ботинки у того немного получше.

Забывая себе голову разной ерундой, чтобы поменьше думать о голоде, Андрей так увлекся ремонтом, что не заметил, как к нему подошел Прапор. Встрепенулся, лишь когда тот присел рядом, склонился, изучил ботинок, покачал головой:

- Андрюха, у тебя уже пластика больше, чем кожи, – совсем ботинки плохи становятся.

- В первом же магазине куплю себе новые, – не отвлекаясь от работы, буркнул Андрей.

Прапор, склонившись еще ниже, чуть ли не в ухо прошептал:

- Ты надумал, что с Обухом делать будем?

Андрей, помолчав, так же тихо ответил:

- Утром подумаем.

- А чего тут думать? Ты всерьез считаешь, что утром ему может стать лучше? Ему уже никогда лучше не станет: он бледный, будто обескровленный, а рана превратилась в вонючую язву. У него нога так опухла, что вот-вот штанина лопнет. Ему конец.

- И что ты предлагаешь?

- Я? Я ничего не предлагаю, я у тебя спрашиваю.

Андрей, покосившись на Обуха, увидел, что тот не спит: лежит на спине, напряженно всматриваясь в сторону людей, обсуждающих его судьбу. Услышать их он не мог, но что-то чувствовал. От его тоскливо-обреченного взгляда Андрей вздрогнул, поспешно отвел глаза, чуть ли не шипя, произнес:

- Раз ничего предложить не можешь, то иди спать. Утром посмотрим и утром решать будем. А сейчас спать.

* * *

Решать Андрею ничего не пришлось – за него все решил Обух.

Сам решил...

Ранним утром, упрямо пытаясь спать, несмотря на предрассветный холод, достающий до мозга костей, Андрей был разбужен пронзительным женским криком. Вскочив, он очумело уставился на источник шума.

Кричала женщина, страдавшая от проблем с почками, – та самая, что вечно плелась рядом с Обухом. Болезнь раздула ее чудовищно – ноги у нее сейчас были как у слонихи, тело распухло, щеки и губы обвисли. Чудо, что она все еще могла передвигаться самостоятельно – такую тушу изможденные беглецы тащить не смогут.

Обух повесился на своем старом ремне. Прицепил петлю к древку секиры, уложил оружие на подставку для котла, заполз в петлю головой, лег лицом вниз. Так лежал и удавился. В принципе неплохо придумал: деревьев нет, на дряхлых потолках местных сараев тоже не повесишься. Похоже, злополучная железная тренога – единственная подходящая для этого вещь.

Но изощренным удушением Обух не ограничился. Перед тем как сунуть голову в петлю, он рядом с треногой на плотной земле оставил надпись, которую лишь с большой натяжкой можно было считать классической предсмертной запиской: «Сварите меня в котле и съешьте. Иначе не выживете».

Что сказать... очень оригинальное письмо самоубийцы...

Народ, разбуженный криком, увидел и тело, и красноречивую надпись. Женщины, сбившись кучкой, дружно рыдали, пытались утешить свою больную подругу. Мужчины отнеслись к самоубийству Обуха поспокойнее: за последние два года они всякого навиделись, в том числе и самых разнообразных смертей. Почти привыкли. Вытащили тело из петли, уложили возле стены башни, обступили, уставились на покойника. Все молчали, но кое-кто иногда бросал на Андрея косые взгляды.

Хорошо хоть в сторону котла не косятся...

Вот что ему прикажете делать? От него сейчас люди ждут решения. Но он не лидер, он в этой роли случайно оказался. И дорого бы сейчас заплатил, найдись на его роль кто-нибудь другой. Желательно с жестким характером и не обремененный предрассудками цивилизованного человека. Потому что лучший выход для беглецов – это последовать совету Обуха. Мяса в изнеможенном мужчине не столь уж много, но хватит на несколько дней. А там, возможно, они найдут еду – НОРМАЛЬНУЮ еду.

Или еще кто-нибудь вовремя повесится, завещав свое тело на гастрономические нужды коллектива...

Чувствуя, как желудок напрягается в предвкушении рвотного спазма, Андрей отвернулся от тела и, чуть ли не крича, яростно выдал краткие тезисы своих умных мыслей по этому вопросу:

– Да чтоб вас вонючими... в ... рты! Всех! Идите вы все в глубокую задницу! Все идите! Я человека жрать не буду! А кто будет, с тем я дальше не пойду! Или рою могилу, или разбегаемся – не по пути нам! Все! Кир, ты как?! Ты со мной?!

Только тут Андрей заметил, что немого в общей толпе нет. Он стоял в стороне, между сараев, вглядываясь куда-то в сторону восходящего солнца.

– Кир? Ты чего?

Немой, резко отскочив, отчаянно замахал рукой, подзывая к себе.

Заинтригованный Андрей подошел к товарищу, подчиняясь его предупреждающим жестам, осторожно выглянул из-за сарая. Несмотря на ослепляющий солнечный свет, он мгновенно

разглядел подбирающиеся неприятности – к поселку подходил отряд аборигенов.

Близорукость мешала ему разглядеть детали – до кучки двуногих фигурок было около двухсот метров. Но главное он понял: их около десятка и у них есть оружие – палки в руках хорошо заметны.

Вот и все – закончился их побег. Это не погоня – аборигены идут с другой стороны, но разницы уже нет, потому что направляются они напрямик к поселку. Убегать поздно, в ровной степи их сразу заметят. Прятаться тоже бесполезно – здесь полно их следов, да и очаг дымится. Не заметить это невозможно.

Впрочем, Кир думал иначе. Укрываясь от глаз аборигенов, он обошел толпу галдящих мужчин и плачущих женщин, юркнул в самый разрушенный сарай. Андрей не задумываясь кинулся вслед за ним, на бегу крикнул:

– Сюда идут аборигены! Похоже, дистрофиков кучка. Их не слишком много: хватайте оружие и прячьтесь в ближайшие сараи. А вы, женщины, посидите здесь! Может, они не поймут, что нас много, и, схватив вас, успокоятся, расслабятся. И мы тогда по ним с разных сторон ударим.

Андрей сам не верил в тот бред, который нес. Но что-то ведь говорить надо?

Влетев в сарай, он присел возле дальней стены, рядом с Киrom. Расслышав за спиной шум, обернулся, увидел, что следом за ним сюда заскочил и Гнус.

– Тебе чего здесь надо?!

– Я с вами буду, – как-то виновато пролепетал парень, присев возле Кира. – Дрю, ты не думай, я не боюсь. Я с вами выйду, когда драться начнем. Мне просто с вами как-то спокойнее.

– Ладно. Молчи только, они уже рядом.

Этот сарай давненько не ремонтировали – остатки стен держались на честном слове, и дыр зияло немало. Но Андрей через них не сумел разглядеть приближающихся аборигенов, их скрывали соседние сараи.

Кинулся к противоположной стене, уселся на кучу крошащихся обломков кирпичей, осторожно выглянул через широкий пролом. Вот блин – его последний приказ был выполнен как-то неправильно. Из семи женщин возле очага остались лишь три – четыре явно спрятались вслед за мужчинами. Мужчины, правда, все поняли правильно – никого не осталось, если, конечно, не считать Обуха.

Андрей только сейчас понял, что упустил прекрасную возможность для бегства. Мог ведь под прикрытием построек попытаться добраться до овражка. А внизу уже можно без опасений двинуться подальше – из поселка его не заметят. А там бы выбрался в степь и, не обремененный больными и ослабевшими, развил бы максимальную скорость. Может быть, даже удалось бы уйти...

Ну почему у него постоянно такие малодушные мысли? Ничего героического в голову не приходит никогда – только подобная трусливая ерунда. Ну не тянет его в бой – хоть убивайте! Будь это в кино, все бы сейчас закончилось по-киношному стандартно: аборигены, войдя в поселок, были бы жестоко перерезаны за сорок две секунды. Главный герой при этом получил бы неопасную, но живописную рану. Трогательно трепеща пятисантиметровыми ресницами, его бы перевязывала сногшибательная белокурая девушка, используя в качестве

перевязочного материала кружевное нейлоновое белье. Герой, придав своему лицу форму макета одиннадцатикубового ковша для шагающего экскаватора «НКМЗ» ЭШ-11/70 (первый признак мужественности), ласково утешал бы ее эротической фразой «все под контролем». А в это время, волоча за собой четырнадцать метров размотанного кишечника, к его спине медленно подползал дважды смертельно раненный главный злодей с противотанковой миной в зубах. И лишь в последний момент его бы прихлопнул чугушной крышкой от канализационного колодца друг главного героя – актер второго плана, причем непременно афроамериканец. В конце был бы долгий поцелуй главного героя с той самой белокурой «медсестрой» – это если фильм строго с надеждой лишь на кассовость, без особых претензий на истинный вкус и с не слишком большими надеждами на получение кучи престижных академических наград. В противном случае целоваться главному герою придется с черногубым афроамериканцем – это существенно повышает шансы на торжественное вручение нескольких позолоченных статуэток.

Ничего этого сейчас не будет. Красавиц здесь нет, есть грязные фурии, в которых женственности осталось меньше, чем в самке макаки. Героев тоже не имеется – ни главных, ни второго плана. Есть кучка тощих оборванцев, не осмеливающихся сожрать труп своего товарища. Местные злодеи – аборигены, и они не столь глупы, как киношные злодеи, – сейчас тщательно обыщут поселок, повытаскивают струсивших беглецов из сараев, соберут в кучу и погонят к новой пирамиде, к новым запускам и к новым порциям малосъедобной халвы.

Никаких проблем у аборигенов не будет, пленники все как один трусливые бараны. Два года жили, беспрекословно подчиняясь этим вонючим тварям, самостоятельности в них ни на грош не осталось.

Эх, сюда бы того героя с экскаваторной мордой. Вот если бы он скомандовал атаковать, народ мог бы и подчиниться – сработала бы привычка повиноваться сильному.

Сами не пойдут...

* * *

Аборигены не заставили себя долго ждать.

Тонкие фигурки, суетливо озираясь, держа дротики на изготовку, обступили трех жмущихся друг к дружке женщин. Андрей инстинктивно отодвинулся от пролома – опасался, что его заметят. Так, имеется семеро дистрофиков, одна горилла и...

Вот же блин!!! Он был прав!!! Здесь действительно есть люди!!! Он знал!!! Знал!!!

А толку-то теперь от этого знания?

Три человека: парень лет двадцати – невысокий, но крепкий, с длинными волосами, опускающимися ниже лопаток; зрелый мужик неопределенного возраста с пышной бородой, чуть лысоватый, ниже парня ростом, но гораздо шире в плечах, и молодая женщина. Женщина, достойная внимания, – фурией такую точно не назовешь. На вид вряд ли более двадцати пяти лет, высокая, хорошо сложенная, каштановые волосы подстрижены коротко, но не без изысков. Красавицей назвать трудно, но что-то в ней интересное есть – эдакая интересная амазонка с крепкой спортивной фигурой.

Андрей рассматривал людей жадно, не упуская ни единой детали. Парень одет в кожаные штаны и кожаную куртку, обшитую костяными и железными бляшками – наверное, это местный легкий доспех, на ногах у него что-то вроде мокасинов. Мужик постарше в ветхих

матерчатых штанах, хитроумно обшитых полосками толстой кожи, в драной ватной куртке, обут в войлочную обувь, похожую на короткие валенки с кожаной подошвой. Женщина и без того приковывала к себе максимум внимания, а ее разнообразная одежда только усиливала этот интерес. Штаны из отличной лайковой кожи, плотно обтягивающие широкие бедра. Под короткой кожаной курткой, подбитой мехом, виднеется темное железо кольчуги, спускающейся почти до середины бедер. На груди доспеха тускло отблескивает круглая стальная пластина. На левой руке из-под короткого рукава куртки выглядывает темный наруч, закрывающий предплечье. Ноги обуты в высокие, некогда щегольские сапоги – сейчас потертые и потрепанные от долгого использования.

Все трое носили шлемы: у парня низкий угловатый горшок из кожи и дерева, у зрелого мужика колпак из полосок железа, обтянутых толстой кожей, у женщины стальной, островерхий, с тонкой стрелкой, прикрывающей нос.

Заметно, что эти люди сильно потрепаны жизненными невзгодами: одежда местами прохудилась, запачкалась изрядно, да и видок далеко не бодрый. Но в сравнении с товарищами Андрея они смотрелись на несколько порядков лучше.

Особенно женщина – будь обстановка поспокойнее, Андрей бы в нее сразу влюбился.

Интересно, а воняет от этой милашки так же, как и от пассажирок? Не хочется в такое верить.

Андрей не ошибся – аборигены не обманулись. На их месте даже полный дурак понял бы, что здесь явно побывали далеко не три женщины. Народ, разбегаясь по укрытиям, наделал немало глупостей. Было заметно, что на лежке из соломы и травы ночевало два десятка человек – никто не догадался скрыть эти красноречивые следы. Вдобавок люди позабыли немало личных вещей: даже Андрей ухитрился оставить там свою связку дротиков.

Дистрофики-аборигены, разбившись на две группки, кинулись в ближайшие сараи, обезьяна с секирой осталась возле схваченных женщин.

– Дрю, ну что делать будем? – в самое ухо испуганно прошептал Гнус.

В голове Андрея за какую-то долю секунды пронеслись неприглядные картины его дальнейшей судьбы: утренняя и вечерняя скудная кормежка тошнотворной халвой, стертые от грубой пищи зубы, тело, покрытое язвами от вечной антисанитарии, больные суставы, разрушенные постоянной тяжелой работой и зимовками в холодных сараях, чахоточный кашель и мучительные боли в истерзанном желудке. Сколько он так протянет? Не слишком долго... Однажды утром он не сможет подняться. Аборигены для начала его изобьют, заставляя идти на работу. Он попытается выползти из сарая, но его потуги будут выглядеть смешно и неубедительно. Больного оставят в покое – дадут несколько дней, чтобы поборол свою немощь.

Увы, отдых ему не поможет. И тогда ему без лишней жестокости по-будничному проломают голову секирой и оттащат тело в недра пирамиды, где его поглотит нечто безлико-ужасающее, которому для новых запусков надо много ингредиентов, в том числе и человеческих тел.

Он будет дико завидовать Обуху – ведь Обух все же от них сумел уйти.

Андрей встал, выхватил топорик, заскрежетал зубами, кинулся к двери. Даже сверкнувшее в голове видение собственного изрубленного тела, утыканного дротиками, его не остановило ни на мгновение – он неожиданно для себя вдруг перешагнул через ту незримую черту, после которой подобные мелочи уже не парализуют страхом. Пугают, конечно, но пугают с пользой для дела – добавляя в кровь лишнюю порцию бодрящего адреналина.

- Бей их! - истошно заорал он на бегу.

Рывок его был коротким - к ближайшему сараю. В дверях, вглядываясь внутрь сарая, стоял один абориген, еще двое кого-то там лупили дровками дротиков. Сопровствления им не оказывали, так что беглецов они били без лишней злобы - просто для профилактики.

Стоящий в дверях дистрофик шустро обернулся на крик, вскинул было дротик, но метнуть уже не успел - Андрей врезал ему ногой в живот. Инерция разогнавшегося тела, приплюсованная к удару, мощная штука - тощее тело влетело в помещение, впечаталось в стену спиной, сползло на земляной пол, замерло.

Ворвавшись в сарай, Андрей рубанул ближайшего аборигена топориком. Удар вышел не слишком удачным - лезвие прошло по предплечью противника, сняв мясо почти от локтя до запястья, будто стружку. Кроваво, но не смертельно. Тем не менее метатель дротика отнесся к ранению весьма серьезно - по-собачьи завизжал, бросил оружие, начал кататься по полу сарая, явно испытывая сильнейшую боль.

Последний абориген, оставшийся на ногах, ухитрился проскочить мимо Андрея, кинулся наружу - ему явно не нравилась мысль о драке в тесном помещении. Увы, сегодня был не его день. В дверном проеме, преграждая путь, показался Гнус. Трясаясь от страха и возбуждения, он угрожающе замахнулся топориком, заставив противника попятиться назад, напрямик под удар Андрея. На этот раз рука не дрогнула - лезвие с сочным хрустом сокрушило затылок.

Гнус, обернувшись, проворно заскочил внутрь. Вовремя. Вслед за ним влетел дротик, за спиной Андрея кто-то вскрикнул. Здесь, у дальней стены, скорчилось сразу трое мужчин - в кого из них попало, Андрей смотреть не стал, закричал не оглядываясь:

- Хватайте оружие! Там еще четверо осталось, и обезьяна с ними! Давайте же, надо их тоже прибить!

В дверь влетел еще один дротик, ударился вскользь о стену, выбил облако глиняной пыли, упал на пол. Андрей, подхватив его, пригнулся, рванул наружу. Он не хотел оставаться здесь - этот сарай прекрасная ловушка. Если сюда ворвется обезьяна, ему конец - против такой туши в прямом бою он не выстоит и пяти секунд, а маневрировать внутри негде.

Четверо оставшихся дистрофиков встретили Андрея дружным залпом. Не кинься он резко влево, утыкали бы, как подушечку для булавок. К сожалению, столь резкое изменение направления движения сыграло против него - он потерял равновесие, попытался, несмотря на это, рвануть за угол. Увы, неудачно - вписался в стену. Упав, пополз, срывая ногти о сухую землю - надо успеть спрятать свое драгоценное тело за спасительное укрытие. Оглянувшись, сквозь адреналиновую пелену перед глазами разглядел фигурки врагов.

Не успеет, они уже замахиваются.

В следующий миг за спинами врагов показалась женщина. Та самая - чужая. Оружия у нее не было. А жаль, судя по ее последующим действиям, с оружием она бы вообще в одиночку со всеми справилась.

Первый абориген рухнул, заработав удар каблуком сапога под колено. Второго амазонка просто толкнула в бок, заставив его налететь на третьего метателя, отчего оба грохнулись возле очага. Четвертый, шустро отскочив, чуть ли не в упор метнул в женщину дротик. Наконечник не смог пробить ее кольчугу, но удар вышел сильным и, очевидно, болезненным - вскрикнув, женщина упала на пытающегося подняться первого противника, забарахталась с

ним в обнимку.

Все это произошло настолько быстро, что Андрей едва успел подняться. Кинувшись на подмогу незнакомке, он видел, что фатально не успевает – четвертый абориген уже готовил к броску второй дротик. Из сарая выскочил Гнус: от страха он, видимо, сбрендил и, где-то потеряв свой топорик, мчался на врага с большим глиняным кирпичом в руке. Краем глаза Андрей наконец разглядел Кира: здоровяк показался из-за башни, он там рубил своей секирой кого-то невидимого. Судя по яростным крикам, в этом деле немой там был не одинок – видимо, крик Андрея все же вдохновил народ на подвиги.

Абориген, используя дротик как копье, ударил девушку в живот. В следующий миг Андрей налетел на него, впечатал в стену, почти без замаха огрел топориком по голове. Чувствуя спиной, что сейчас начнутся проблемы, он бросился к углу башни. Вовремя – в стену ударило сразу два дротика, причем один задел парню плечо.

Развернувшись, Андрей бросился на двух противников, тех самых, которых женщина сбила с ног. Они уже поднялись и горели жаждой реванша. Его спасение лишь ближний бой – бесконечно уворачиваться от дротиков невозможно, рано или поздно везение закончится. Ближний бой его не пугал, пока что эти твари вели себя в нем беспомощно, пытаясь всячески увеличить дистанцию.

Гнуса метатели не видели, все внимание этих тварей было направлено на Андрея. А зря, студент, подбежав к противникам и щедро размахнувшись, со всей дури вlepил кирпичом по макушке уже замахающегося аборигена. Кирпич разлетелся вдребезги, оставив на память о себе облако глиняной пыли, худая тварь рухнула мордой в дымящийся очаг. Второй, видимо с перепугу, кинул свой дротик кое-как, не прицелившись. Андрей даже дергаться не стал – смертоносный снаряд пронесся далеко в стороне, закончив свой путь в груди одной из женщин, так и продолжавшей стоять у стены башни.

После броска абориген попытался было драпануть в сторону степи, подальше от надвигающегося Андрея, но Гнус ему помешал – схватил за руку, попытался заломить. Довести начатый прием до конца Андрей не дал – тукнул топориком врага в висок.

Развернулся назад, в сторону последнего из четверки, с которым боролась женщина. Все, уже не борется – абориген лежит неподвижно, с неестественно вывернутой шеей, незнакомка весьма резво поднимается, ей помогают двое пленных мужчин, пришедших с ней. Видимо, опасных ран не получила – кольчуга спасла. Интересно, а почему у нее не отняли такой замечательный доспех?

Здесь все. Надо идти за башню, где Кир с помощниками воюет против обезьяны. Хотя стоп, что это за дикие крики из того сарая, где Андрей начал бой?

На пороге показался абориген, замахнулся, швырнул дротик. Счастье, что не в Андрея – в сторону спутников женщины. Кинул бы в Андрея, убил бы – тот от удивления на мгновение в ступор впал. Было чему удивиться: когда он покидал этот сарай, там оставалось трое живых мужчин, один дохлый метатель, один с покалеченной рукой, и еще один вроде бы без сознания у стены валялся. Судя по всему, именно он и очнулся. А куда эти идиоты смотрели? Их же там трое оставалось!

Странно, как много разных мыслей может помещаться в голове в такой момент. Хорошо, что они не мешают драться – Андрей, наклонившись будто игрок в американский футбол, летел на врага. Этот тоже не стремился ввязываться в ближний бой, шустро развернулся, бросился в

степь. Недостаточно быстро – дротик, просвистев у Андрея над ухом, впился противнику между лопаток. Взвизгнув, абориген плашмя рухнул на землю.

Андрей покосился назад – так и есть, женщина уже хватала второй дротик. Хороший бросок, даже для амазонки удивительная меткость. Ее лысоватый товарищ деловито добивал раненых – уже успел обзавестись топориком. Не доверяя своим глазам, Андрей добежал до подбитого женщиной врага, рубанул его по голове. Уже почти привычно ощутил, как лезвие ломает преграду костей черепа. Все, после такого не поднимется.

- Гнус! Добивай раненых! Возьми топорик и добивай! По голове их руби! Быстрее!

Сам же кинулся в сарай, там должен оставаться раненный в руку противник.

Увы, здесь его ждал очень неприятный сюрприз. Нет, раненый был на месте, так и валялся, повизгивая, на полу – его Андрей сразу добил ударом по голове. Сюрприз был в том, что и мужчины были здесь. Возможно, эта разновидность аборигенов и не любила ближний бой, но поработать топориком без лишнего риска они умели. Все трое были убиты ударами по голове. Струсившие мужчины, видимо, пытались прикрываться руками – рубленые отметины виднелись на предплечьях. Бред – их спокойно изрубил один-единственный вонючий дистрофик. Губатый, Шило, Афоня – три взрослых мужика даже не попытались дать отпор. Сдохли, как тупые бараны на бойне...

Это в голове не укладывается...

Задерживаться в пропитанном смертью сарае Андрей не стал – выскочил наружу, помчался за башню. На бегу махнул рукой товарищу:

- Гнус, хватай дротики и пулей за мной – нам еще обезьяну надо завалить. Похоже, она до сих пор живая!!!

Андрей не ошибся – здоровенный абориген был жив и чувствовал себя превосходно. Вокруг него скакали Прапор и Кир, уворачивались от его ударов и неуклюже пытались достать своими секирами. У ближайшего сарая боевито суетился Лысый – он швырял в противника кусками кирпичей. Еще двое мужчин лежали неподвижно, под ними растекались кровавые лужи, третий – бедняга Болт, поскуливая, неуклюже отползал от места схватки – у него была отсечена рука, причем с куском плеча. Конечность волочилась за ним на лоскутах окровавленной одежды и сухожилиях. Кровь била фонтаном – Андрея едва не замутило от жуткого зрелища.

Болту конец.

Последний абориген оказался настоящей машиной смерти – троих бойцов зарубил. Еще немного, и добыт оставшихся – против него необученные люди были почти беспомощны. Резво отбив неуклюжую атаку Прапора, он, обманно замахнувшись, заставил его попятиться, и, не завершив замаха, коротко ткнул мужика в лицо древком секиры. Тот плашмя плюхнулся на спину. Обезьяна торжествующе взревела, попыталась добить, но вынуждена была развернуться на отчаянную атаку Кира.

Андрей сдуру позабыл прихватить с собой дротики. Подходить к разъяренному аборигену он побоялся и просто издали швырнул в него топориком. Увы, неудачно, оружие, стукнувшись о доску доспеха рукояткой, отскочило, не причинив вреда. Но удар заставил обезьяну развернуться в сторону новой угрозы. Андрей, поймав на себе недобрый взгляд глубоко посаженных поросячьих глазок, произвольно попятился.

Эта заминка спасла Прапора - тот смог встать на четвереньки и шустро отползти к сараю, где начал подниматься на ноги. Кроме того, в этот момент из-за башни показалась женщина. В отличие от Андрея, про дротики она не позабыла. С ходу оценив ситуацию, она как-то странно размахнулась от груди, выгнув руку так, что на предплечье легло древко. При этом чуть присела, развернулась от противника, а затем, упруго крутанув корпус, послала дротик в цель, усилив бросок за счет скорости раскручивающего тела.

Загадочная техника броска сработала идеально: дротик ударил в спину обезьяны с такой силой, что абориген потерял равновесие, припал на колени. Взревев, описал над головой полукруг, отогнав оживившегося было Кира, поднялся, развернулся, грудью встретил второй дротик. На этот раз удар пришелся в шею, выбив кровавый фонтан из разорванного горла. Несмотря на страшные раны, громила кинулся на женщину, занося секиру над головой.

Женщина не стала дожидаться неприятностей - рванулась в сторону, обходя аборигена слева. Тот, уже набрав скорость, не смог ее погасить оперативно и достать шустрю амазонку не успел. Более того, ярость выбила из обезьяны последние остатки здравого смысла. Он позабыл про все - его интересовала сейчас только жестокая метательница. А вот Кир про него не забыл: коварно подбежав со спины, с сильного замаха опустил массивное лезвие секиры врагу на голову.

Деревянный шлем лопнул, как половинка арбуза. Но череп владельцу он все же сберег - абориген от удара упал на колени, хотя было видно, что он просто оглушен и сейчас продолжит бой. Но Кир ему это не позволил - коротко рубанул еще раз, уже по плечу, и почти одновременно врезал ногой в затылок, заставив противника носом вспахать землю. После этого замахнулся вообще без изысков - таким ударом дрова колют. Лезвие секиры ударило врага в лопатку: доспех, кости, мясо - все прорубило. С натугой выдернув оружие из раны, Кир начал бить раз за разом, будто мясник, издевающийся над безобидной тушей давно уже умерщвленной коровы. Уже после первых ударов абориген перестал пытаться подняться, но немой бил снова и снова, яростно выдыхая при каждом ударе.

- Кирыч, стой! - заорал Прапор. - Да стой ты! Все! Надо остальных бить!

- Нет уже остальных, - громко сообщил Андрей. - За башней они валяются... все готовые...

Киркоров, последними ударами отделив руки аборигена от тела, отошел от поверженного врага, обернул к Андрею забрызганное кровью лицо, безумно усмехнулся, отсалютовал ему секирой.

Битва была закончена.

Чувствуя, что еще немного и упадет, Андрей поспешно присел - колени подогнулись от постыдной слабости. Рядом, размазывая по лицу чужую кровь, расселся Кир. За спинами их хрипел умирающий Болт. Правее, у сарая, пуская кровавые сопля, Прапор, постанывая, очищал рот от осколков зубов - удар древком секиры, похоже, серьезно проредил ему челюсть. Рядом с ним, согнувшись в три погибели, блевал Гнус - пустой желудок выдавал лишь мутные сгустки желчи. Тошнотворно воняло кровью и экскрементами и еще чем-то кислым, металлическим - так пованивало обычно от аборигенов, только не столь сильно. Выходит, мертвые они смердят еще хуже?

Посреди всего этого бедлама и морально-физической опустошенности незнакомка выглядела несокрушимым островком стабильности. Ноль эмоций: спокойно подошла к изрубленному аборигену, вытащила из его шеи перекосившийся дротик. Второй, попавший в спину, не

тронула – Кир своей секирой сломал ему древко.

Лысый, удивленно таращась на женщину и ее подошедших спутников, потрясенно поинтересовался:

– Откуда они взялись?

Андрей, невесело усмехнувшись, с сожалением произнес:

– Теперь верите мне? Здесь действительно есть люди. Знакомьтесь, – и фривольно, не боясь, что его могут понять, добавил: – Красивая амазоночка, я бы с ней на сеновале повалялся бы с удовольствием. Эх, подержать бы такую за ножки... И с ней двое ребят... тоже местных... Лысый, ты у нас вроде полиглот, может, попробуешь разные языки? Может, они поймут хоть что-то?

Вульгарные фразы звучали слишком уж фальшиво, голос дрожал до периодического заикания. Ясно было, что Андрею сейчас до женщин дела нет, просто развязавшийся язык не желает держаться за зубами, вот и несет разную чушь.

Женщина, вытирая лезвие дротика пучком травы, хладнокровно, на чистейшем русском языке сообщила:

– Если у вас с русским проблемы, можно и на английском, – обернувшись к своим спутникам, она обидно добавила: – Видали, какой дурак этот заикающийся бабник? Хотел, наверное, с нами на китайском пообщаться. За кого, интересно, он нас принимает?

Парень нервно осклабился в подобии улыбки; зрелый мужик, не реагируя на слова женщины, присел возле уже затихшего Болта, принялся деловито стягивать с него ботинки. Протянув их парню, он скороговоркой произнес сущую бессмыслицу:

– Банакора итур ако намиката.

Андрей готов был поспорить на всех кузнечиков в этой степи, что ничего подобного ему слышать не доводилось. Он не был великим полиглотом и из языков хорошо знал лишь два: русский письменный и русский устный. Но слышать иную речь приходилось частенько: таких интонаций и такого произношения он не мог припомнить. Похоже на что-то азиатское, только вот человек этот выглядит стопроцентным европейцем. Стоп, что-то не так. Господи, да ведь он и впрямь идиот! Он просто король идиотов! Ведь эта женщина говорит по-русски. Как? Это что, абсурд? Он бредит? Может, ему в бою голову проломили, и умирающий мозг напоследок решил побаловать хозяина сюрреалистическими картинками?

Парень, примерив предложенные мужиком ботинки, с сожалением констатировал:

– Не, великоваты эти на меня. Пойду я по остальным проверю, а то мои мокасины совсем протерлись, будто босиком шагаю.

– Так вы... Так ты русская? – наконец-то смог выдохнуть Андрей.

– Отец наполовину русский, наполовину белорус, мама наполовину еврейка, наполовину украинка, так что считай меня кем тебе удобно, – спокойно сообщила женщина. – Что-то не так?

Боги, ну и вопрос! Да здесь все не так!

- Если ты думаешь, что я антисемит, то ошибаешься. Хотя, конечно, мне, черт возьми, абсолютно непонятно, откуда здесь появились евреи. Ведь это место ни капли не похоже на Землю Обетованную! И про русских мне тоже очень интересно. И про белорусов с украинцами. Это ведь не Земля. Откуда вы здесь взялись?

Женщина, недоуменно уставившись в глаза Андрею, с немалым удивлением, приправленным толикой фальшивого сочувствия, поинтересовалась:

- Ты что, менингитом неудачно переболел или у тебя от рождения мозг атрофирован?

Глава 8

По горам загуляло эхо очередного выстрела – пушечное ядро по крутой дуге ушло на другой берег, перелетело через скалы, нависающие слева над древней дорогой. Эх, опять неудачно. Чуть-чуть пониже, и накрыло бы укрывающихся там ваксов.

Артиллерия вела обстрел противника почти с рассвета. За три часа выпущено более полусотни чугунных ядер и разрывных гранат. Обычно впустую – стрелять под такими углами пушка не приспособлена, и подкладываемые под колеса камни не слишком в этом помогали. Дело дошло до того, что Дубин расположился со своим теодолитом сбоку от орудия и поставил возле лафета бойца с рейкой. Теперь он что-то сосредоточенно подсчитывал и постоянно вносил поправки. Такое впечатление, будто главный артиллерист корректирует огонь из главного калибра линкора, пытаясь накрыть загоризонтные цели. На деле все несравнимо проще: кусок обсадной трубы, перемотанный сотнями метров толстой стальной проволоки и заточенный в бронзовый расплав. Выглядит неказисто – совсем не похоже на главный калибр линкора. Да и противник не столь далеко – засел в сотне метров от пушки, укрываясь среди скал, высота которых здесь не превышала двадцати метров.

Увы, даже камлания с теодолитом помогали мало – в лучшем случае процентов двадцать снарядов наносили противнику ущерб или хотя бы сильно пугали. Еще часа два такой стрельбы, и отряд останется без боеприпасов для пушки, а таскать их из главного лагеря далековато.

Олег не переживал по поводу нехватки снарядов. Если дело совсем станет туго, просто начнут стрелять еще реже. Враг не должен расслабляться, пусть побегают под ядрами – это бодрит.

А вообще-то надо всерьез подумать о минометах, в таких условиях это идеальное оружие.

Полутру, увидев, что вождь дикарей расставил своих воинов на скалах, Олег не удивился: он ожидал чего-то подобного еще вчера. С точки зрения тактики, у людоедов сейчас великолепная позиция. Если отряды союзников перейдут на правый берег и попробуют пройти по древней дороге, на них посыплются камни и копья. Эти примитивные снаряды способны нанести серьезный ущерб. Ответная пальба из мушкетов будет, наоборот, малоэффективной. Стрелять снизу вверх неудобно, да к тому же враги среди скал хорошо укрыты.

Почему тогда Олег с вечера не занял эту идеальную позицию своими стрелками? Ведь тогда бы он сейчас контролировал дорогу. Да, с этой точки зрения он, казалось бы, допустил ошибку. Но с другой стороны, его сюда послали не дороги контролировать – он должен объяснить дикарям, что устраивать набеги на союзных ваксов не следует. Объяснить им это, «устанавливая контроль над дорогой», не получится – людоедам плевать и на все дороги, и на их контроль, и на всех родственников тех, кто этот контроль устанавливает. Их этим не пронять. А вот если устроить им разгром, перебив при этом кучу воинов – совсем другое дело.

Местный вождь должен понести потери среди своих старых верных воинов, а не тех полурабов, которых он заставлял охранять скальную цитадель на пути к своим землям. Сейчас он этих головорезов направил на скалы, их теперь можно накрыть оптом – всю толпу. Будь на этих скалах бойцы Олега, неизвестно, что бы из этого получилось, но вряд ли Твнкилд повел бы свою армию в прямую атаку на шеренги мушкетеров, засевших на отличной позиции. Скорее всего, попросту бы отошел подальше, смирившись с потерей моста. Ищи их потом по этим горам – здесь при желании можно мотострелковую дивизию спрятать, не то что толпу дикарей.

Еще вчера, в обход пробираясь к мосту, Олег не забывал изучать окрестности. От его внимания не ускользнул и противоположный берег. Почти на всем протяжении по нему можно было пройти без особого труда. Пожалуй, даже пушку на колесах нетрудно при желании протащить. Имейся возможность туда переправиться, Олег бы без колебаний провел свою маленькую армию именно там – с большими удобствами. Он даже присмотрел удобное местечко: узкое ущелье, выходящее к речному берегу, – по нему можно легко попасть наверх. Одна проблема: перед этим придется преодолеть бурную реку, а потом метров пятнадцать почти отвесной скалы.

С пушкой туда забираться трудновато...

Олег еще до рассвета послал первый взвод: два десятка опытных бойцов и пятнадцать воинов Мура – если дело дойдет до рукопашной, один вакс в доспехах со стальным оружием стоит минимум трех людоедов. С ними были два альпиниста. Может, «альпинисты» громко сказано, но с этим делом ребята знакомы, и, на взгляд Олега, снаряжение они подготовили вполне профессионально. Макса отправил командиром: этот осторожный и неглупый парень не должен наделать ошибок.

Чтобы обмануть вражеских наблюдателей, отряд этот отправили назад, в сторону основного лагеря. Там, скрывшись от глаз противника за скалами, он поменял направление движения. Далее Макс должен был выйти к реке пониже, переправиться, подняться наверх по примеченному ущелью, зайти противнику в тыл.

Теперь остается только ждать, развлекая дикарей пушечной стрельбой. Мерзавцы после каждого промаха выскакивали из укрытий и начинали демонстрировать в сторону противника оскорбительные жесты. Те им отвечали тем же. Поначалу пантомима была на порядок оживленнее, чем сейчас, – люди и ваксы уже устали от монотонного обстрела, а людоеды приуныли после нескольких удачных попаданий, потеряв нескольких воинов убитыми и ранеными.

Олег ночью выспался плохо, в речном ущелье было холодновато, а под утро еще и ветерок поднялся. Отвык он от таких экстремальных ночевков, обленился... Присев на бочонок из-под пороха, любовался противоположным берегом, отчаянно пытаюсь при этом хоть немножко подремать. Ничего не выходило, после пушечного выстрела под ухом не то что мертвый проснется – мужик преждевременно родить может.

Рядом на плоском камне лежало несколько листов бересты, усыпанных темноватым крупным песком. Это были шлихи [4], полученные рабочими Олега после опробования отложений местной реки. Четыре золотодобытчика, привычные к лоткам и киркам, прошли неглубокий шурф на берегу и помимо этого взяли несколько проб на речных косах. Война войной, но забывать про другие задачи похода не следует.

Очистив шлихи магнитом, Олег изучил их с помощью лупы и скромного набора химических реагентов. Он обнаружил несколько крошечных песчинок золота и пару зерен касситерита –

руды олова. Улов скудный. Золото его не интересовало – рядом с главным поселком есть отличные россыпи, нужды в поиске новых нет. С касситеритом тоже проблемно: олово, конечно, не помешало бы, но одиночные зерна еще не означают, что рядом месторождение. Этот ценный минерал мог попросту вымываться где-то наверху из скромной пегматитовой жилы, где добывать его бессмысленно – слишком скромные запасы, да и содержание мизерное. Хотя надо бы запомнить, может, и обзаведутся когда-нибудь своим оловом. Пока что на бронзу его приходится закупать у южных купцов.

Из курьезов можно было отметить потертую серебряную монетку, найденную при промывке пробы. Время и река потрудились на славу, от надписей и рисунков остались лишь фрагменты. находка, возможно, ценная с точки зрения археологии, но Олегу она была так же интересна, как идиоту тригонометрия.

Самого главного не было: ни малейших следов ртутного месторождения. Но Олег не отчаивался, глупо надеяться, что искомое встретишь чуть ли не в первый день пребывания в горах.

После очередного выстрела запищала вызовом трубка УКВ-радиостанции. Обычная туристическая пластмассовая поделка, одна из нескольких, найденных в центре катастрофы. Вполне приличная вещь – на ровной местности связь до пяти километров без особых проблем держит. Одно неудобство – аккумуляторы. Родные, увы, помахали ручкой, больше не держат заряд. Вот и приходится с элегантною трубкой таскать целый ящик со свинцовыми батареями, соединенный с аккумуляторным отсеком пуповиной сдвоенного провода.

Поднеся трубку к уху, Олег нажал кнопку вызова, сигнализируя, что услышал сигнал. В динамике тут же зашипело, вполне узнаваемый голос Макса сообщил:

- Мы рядом. Уже видим ваш лагерь на другом берегу. До людоедов от нас метров триста. Ближе не выдвигаемся, боимся, что засекут нас – спрятаться по пути негде. Прием.

Олег, нажав кнопку передачи, уточнил:

- А если вглубь пройти, там нельзя как-нибудь поближе подобраться? Прием.

- Не знаю, но вряд ли. Тут все плоское, будто блин, и зарослей нет почти. Так и идет площадка до самого ущелья, где дорога. Начнем искать обходы, спалимся сто процентов: заметят нас – они ведь совсем рядом, ими тут все кишит. И еще, мы по пути следы видели. Похоже, людоеды с вашего берега ушли, так же как и мы, залезли на этот берег. Труп один видели внизу, наверное, со скалы сорвался, когда вверх карабкался. Прием.

- Ладно, понял. Давай перпендикулярно берегу разворачивай цепь, и топайте на ущелье. Как заметят вас, сразу давайте залп. Шумите побольше. Вам главное – их напугать, чтобы удирали по самому краю обрыва, держась от вас подальше. Прием.

- Понял. Через пару минут начнем выдвижение. Конец связи.

Поднявшись, Олег потянулся, хрустнул суставами, задорно прикрикнул:

- Ну что, спите уже небось?! Строиться по десяткам! Второй взвод, выдвинуться на правый берег! Остальные переходят мост после первого залпа!

Засидевшиеся бойцы раскачивались недолго, уже через минуту после команды первый взвод начал переправу. Мост еще вчера оборудовали каким-то подобием перил, натянув по бокам

пару веревок, но все равно быстро шагать по этому сооружению нежелательно – бойцы редкой цепочкой, осторожно ступая по неказистому покрытию, потянулись в сторону противника.

Олег, подхватив свой мушкет, встал возле моста, контролируя переправу. Вздвогнув от близкого пушечного выстрела, скомандовал:

- Дубин, стоп! Прекратить обстрел! Своих сейчас заденете с такими перелетами!

Наверху нестройно прогремел мушкетный залп.

- Вперед, ребята! Выстройтесь перед ущельем! Как только они побегут, начинайте палить! Без приказа бейте, по видимому противнику!

Дальность эффективной стрельбы ружейной картечью не превышала сотни метров, на такое расстояние дикари камни недобросят, а их можно будет доставать, если они и впрямь побегут возле полого наклоненного края нависшей скалы. Ближе подходить опасно, да и бессмысленно – кромка обрыва, нависнув над головами, прикроет людоедов. Этой мертвой зоны лучше избегать. Эх, сюда бы выкатить пару пушек да садануть в спину бегущим крупной артиллерийской картечью. Нет, не стоит о таком и мечтать: перетаскивать орудия по столь ненадежному мосту рискованно.

Наверху вновь загремели мушкеты, уже без всякого подобия залпа – вразнобой. На глазах Олега парочка дикарей выскочила из-за кучи камней, шустро помчались вдоль края обрыва. За ними поднялось сразу десятка три – рванули следом. Ну слава богу, не на Макса повернули – без оглядки улепетывают.

Бойцы не растерялись: вокруг загремели десятки мушкетов, картечь и пули выбивали наверху облака пыли, хлопали по телам врагов. Вот вниз с криком полетел первый раненый, за ним уже молча еще двое. Несколько упало наверху – кто-то замер неподвижно, кто-то орал, зажимая кровоточащие раны.

Приметив особо нарядного вакса, с настоящей короной, сделанной из разноцветных перьев, Олег взял его на прицел, потянул спусковой крючок. Когда перед глазами рассеялся дым от выстрела, с сожалением увидел, что дикарь удирает как ни в чем не бывало. Эх... винтовку бы сюда, из винтовки Олег хорошо раньше палил. А из этой трубы... Конечно, мастерские Алика выдают все более совершенные образцы, вот только со стволами та же проблема – приспособливают под них разный хлам, найденный в центре катастрофы. А в оружии ствол – это главное: с плохим стволом меткой стрельбы не бывает.

Несмотря на частые промахи, математика работала на стороне землян: в спины врагов прогремело около полусотни выстрелов и пощипало их изрядно. Олег насчитал девять убитых и тяжелораненых, а скорее всего, их больше. Учитывая, что ребята Макса тоже не по мишеням палили, противник наверняка потерял не меньше полутора десятков воинов. Для боев с Хайтаной цифра ничтожная, но для ваксов это колоссальный урон – в приличной деревне у каннибалов обычно пять – семь воинов, а в маленькой и вовсе два-три.

Наверху опасно прокричали:

- Ребята, не стреляйте, тут их больше нет! Мы выходим!

На карнизе показался Макс в окружении своих бойцов, приветственно вскинул руку над головой. Олег, ответив аналогичным жестом, сразу перешел к делу:

- Вы там много накопили?
- Нет, нас почти сразу заметили, издалека пришлось палить. Но с десятков перебить успели.
- Отлично! Проблем не было?
- Нет, все живы и здоровы, только ноги стоптали по этим камням скакать.
- Оставь здесь половину второго отделения, чтобы с этой скалы нас не обстреливали, если кто-то из удравших волосатых туземцев вдруг решит вернуться. Остальные двигайтесь вдоль края, вместе с нами. Если впереди будет засада, почистите сверху.
- Вряд ли там засады будут, они драпали как зайцы, их теперь и на лошади не догнать.
- Но-но! Поговори у меня! Вперед!

* * *

Макс оказался прав: каннибалы даже не пробовали устроить засаду на пути противника. Олег, оставив на мосту приличную охрану при пушке, продвигался в глубь вражеских земель с крошечными силами – тридцать стрелков и столько же воинов Мура. Он уже начал задумываться о смене стратегии. Если отказаться от укрепления линии, по которой они продвигаются, и перемещаться одним автономным отрядом, не обеспечивая себе охраняемый путь для снабжения и отхода, то им здесь будет не страшно даже тысяча людоедов. Но бросать второй лагерь у моста все равно нельзя, да и лошади переломают себе ноги, если таскать их за собой. Видимо, в древние времена через скальный хаос дорога проходила по мостам и насыпям. Увы, время все это давно уничтожило, и теперь там даже человеку несладко приходится. А если отряд потеряет лошадей, Добрыня поступит с Олегом нехорошо. Оставить их в предгорьях? Все равно без присмотра не бросишь, придется с ними оставлять и бойцов. Как ни крути, идти по этим горам единым отрядом не получается.

вернуться

4

Шлих – остаток из тяжелых минералов, концентрирующихся при перемыве рыхлых или предварительно измельченных монолитных горных пород. Шлих получают при промывке шлиховых проб с помощью специальных приспособлений и устройств (в данном случае промывочного лотка) и используют для изучения минерального состава горных пород и определения содержания полезного компонента. В зависимости от целей и режима промывки получают либо серый шлих – в нем остаются легкие минералы (кварц, полевой шпат), либо черный шлих, содержащий лишь тяжелые минералы.

Примерно через пару километров после моста обрывистый склон по левой стороне от дороги стал постепенно выполаживаться и вскоре сошел на нет – отряд Макса соединился с основными силами. Теперь засад точно не будет, над дорогой ничего не нависает.

Движение продолжили напрямик по древней дороге. На это было две причины. Первая – вчерашний пленный рассказал, что возле нее неподалеку есть крупное селение, в котором обитает сам вождь Твнкилд, это местная «столица»; вторая – Олегу было очень интересно, куда вообще ведет этот древний путь.

Древние не дураки, просто так столько труда на бесполезную дорогу не потратили бы. Что их могло привлекать в горах? Добрыня рассказывал, что Млиш вроде в каких-то очень древних книгах вычитал, что где-то здесь в древности добывали ртуть. К сожалению, Олегу с Млишем на эту тему поговорить не удалось – старик совсем расклеился в последнее время, слег. Но сомневаться в его словах не приходится, старый мудрец не любил выдавать совсем уж недостоверную информацию. Значит, под его заявлением было какое-то серьезное основание.

Возможно, дорога ведет как раз к ртутному руднику? А почему бы и нет? Вряд ли в горах всерьез занимались сельским хозяйством или развивали города. Но если ничего этого не было, то зачем строить столь капитальную дорогу ради ртути? Для чего вообще древним нужна была ртуть? На Земле в древние времена вроде бы ее использовали для нанесения позолоты и какие-то лекарства из ее соединений делали – у тогдашних медиков ртуть была единственным спасением от сифилиса. В таком случае потребность в ядовитом металле была невелика – сомнительно, что здесь ежегодно покрывали позолотой всю территорию страны и в придачу лечили сифилитиков. Наверное, на их нужды вполне должно было хватать десятка мешков киновари [5].

Стоит ради пары десятков мешков, добываемых за год, строить целую дорогу? Олег такой ерундой заниматься не стал бы. Но у прежних хозяев этих земель могла быть другая логика. Не исключено, что ртути им требовалось гораздо больше – мало ли для чего. Может, они еще в те годы научились использовать ее при добыче золота и потребляли тоннами? Да и дорогу могли сделать попросту для контроля горного региона, по ней можно быстро перемещать отряды солдат. Возможно, и в древние времена людоеды пытались захватить эти края, вот и понадобились удобные пути для армии.

В любом случае других капитальных дорог отряды Мура нигде больше не обнаружили – это единственная. Грех не проверить.

К селению вышли после полудня, отойдя от реки километров на двенадцать. Олег уже начал подозревать, что пленник соврал.

Не соврал.

Дорога, петляя среди гор, вывела отряд к длинной долине, уходящей далеко на запад, чуть подворачивая к югу. С севера здесь резко повышались горы, ограждая каменными стенами местность от холодных ветров. С юга горы были не столь суровы – вроде высоких холмов. На их плоских склонах местами виднелись остатки искусственных террас и ирригационных сооружений. Такие же следы можно было разглядеть и на северных склонах, там, где скалы отступали. Все же Олег оказался неправ: сельское хозяйство здесь было развито. Вполне вероятно, что в древности здесь могли выращивать виноград – почти идеальные условия для него.

Но главное внимание привлекло не это. Главное Олег углядел вдаль, на закруглении долины. Там, на другом берегу крошечной речушки, виднелись десятки конусовидных холмиков – очень похоже на древние отвалы. За ними можно было рассмотреть многочисленные провалы – возможно, старые карьеры. Именно ради их содержимого сюда была проложена дорога. Ну, может быть, еще и виноградники поспособствовали, как попутный бонус.

Второе, что его привлекло в том месте, – между цепочкой отвалов и рекой стояли жилища ваксов. Около сотни хижин. Такого большого селения Олег еще не встречал. В давнем походе по Наре они как-то сожгли деревню, где было полтора десятка строений, тогда это им показалось чуть ли не мегаполисом. Даже в селении союзных ваксов, где обитал род Мура, не

насчитывалось и полсотни построек. Этот Твнкилд хорошо устроился...

Не заметить селение было невозможно – оно сейчас издали бросалось в глаза. Человек поневоле первым делом замечает нечто необычное, а дымный столб, уходящий в небеса, нельзя считать обычным делом.

Горела восточная окраина: полдюжины хижин, сооруженных из тростника и тонких жердей, пылали высокими кострами. Вокруг них металась дюжина ваксов, но никто из них даже не думал о тушении пожара: дикари азартно лупили друг друга – в этой потасовке даже женщины принимали участие.

Макс, не выдержав, прервал затянувшееся молчание товарища:

- Олег, ну что там такое?

Тот молча протянул бинокль.

- Что за... Да они там между собой дерутся! Не дерутся, они убивают друг друга! Ну ни фига себе!.. Как это тебе?!

- Интересно, что все это значит... Я сомневаюсь, что они решили суицид своему племени устроить при нашем приближении.

- Да они, похоже, и знать про нас не знают – друг другом увлечены. Их там сотни две бегают по деревне, и все лупят всех, непонятно за что и без всякого порядка. Хотя нет, там вон отряд целый организованно бьет кого-то. И против него тоже организованные группы действуют. В честь чего это у них такой праздник?.. Может, на них напало другое племя?

Олег, не ответив, отобрал у Макса бинокль, протянул поводья союзников:

- Мур, взгляни, может, хоть ты поймешь, что за ерунда там происходит.

Вакс, ухватив бинокль, неуверенно припал к окулярам – с оптикой он уже сталкивался, но обращался с ней неумело и неуверенно. Нашарив селение, непроизвольно ухватился за секиру, будто собирался ею разить столь странно приблизившихся врагов. Устыдившись своей дикости, не стал отдергивать руку – погладил древко оружия, делая вид, что именно это и хотел проделать.

- Друг Олег, я вижу разные народы. Один совсем незнакомый, у них хорошее оружие, и их больше всего. И несколько мелких народов. С мелкими народами мы уже в горах воевали – они презренные пожиратели кала, прятавшиеся на скалах. А воинов крупного племени я видел лишь сегодня, когда мы прогнали их от дороги утром.

- Ясно. Я думаю, что на селение напали воины, которые раньше сидели в скалах у моста. После нашей атаки они ночью переправились по тайным тропам и теперь, когда местный вождь потерпел от нас поражение, решили воспользоваться моментом – отомстить ему за все хорошее. Странно, что раньше этого не придумали... видимо, побаивались его силищи... Те, кого там больше всего, местные. Подданные этого самого Твнкилда.

- И что мы будем делать? Ждать, когда они друг друга перережут? – уточнил Макс.

- Нет. Вечно их драка продолжаться не может. Рано или поздно они узнают, что мы рядом. Боюсь, ради такого события они позабудут о былых распрях и обидах, мгновенно объединятся

против нас. Как ни крути, мы их общий враг. Надо нападать сейчас, с ходу, пока они еще не устали колотить друг друга.

* * *

Когда отряд Олега добрался до восточной околицы селения, здесь уже горело больше десятка хижин. Пламя и дым пожара сыграли нападающим на руку – скрыли их продвижение. Ваксы, дерущиеся друг с другом, не желали дышать дымом и свои боевые действия перенесли в глубь деревни. Так что ни одного врага на окраине не попало, здесь бегали только перепуганные свиньи, козы и куры.

Олег не стал вести бойцов через огонь – направил отряд в обход, к заросшим отвалам, оставшимся после древних горняков. Маневр не прошел незамеченным – стоило выйти из-за дымовой завесы, как откуда ни возьмись из ближайшего переулка выскочило полдесятка дикарей. Размахивая палицами и топорами, они с истерическими криками помчались на нового противника.

К счастью, Мур быстро разобрался с угрозой, его воины приняли на копья обнаглевших каннибалов, так что не пришлось себя выдавать пальбой из мушкетов. Один троглодит, впрочем, успел развернуться назад – боевая ярость не выбила из его головы остатки разума. Но этот запоздалый маневр его не спас – затылок слишком умного дикаря догнала стрела Макса.

вернуться

5

Киноварь – темно-красный минерал, сульфид ртути, основная руда для добычи ртути.

- Быстрее! Вытянитесь в одну шеренгу вдоль околицы! Бегом! Если опять атакуют, стреляйте сами, не ждите приказа!

Бойцы не успели выполнить команду: дикари набросились сразу с нескольких сторон. Вразной загрохотали мушкеты, атака людоедов закончилась толком не начавшись – перепуганные враги зайцами прыснули прочь от шеренги землян.

- За ними! – заорал Олег, двинувшись к ближайшему переулочку.

Бой среди хижин для войска, вооруженного огнестрельным оружием, не самая лучшая идея. Но не сейчас. Олег прекрасно видел, что дикари и не помышляют об отпоре. Дай им время, и рассеются по долине. И, возможно, больше толпой не соберутся. Где он их потом будет искать?

Из-под хижины выскочила озверевшая псина, с рычанием попыталась вцепиться в ногу. Олег брезгливо лягнул собаку по носу, размахнулся мушкетом, но тварь увернулась от удара прикладом, с визгом скрылась за углом. Хорошо, что не цапнула. Не хватало для полного счастья бешенство заработать от местных шавок.

Бойцы, потеряв строй, преодолели селение. Впереди журчала горная река, через нее суетливо переправлялись драпающие воины противника вперемешку с женщинами и детворой. Люди начали стрелять вразной, поспешно перезаряжая оружие. Ваксов расстреливали как в тире: на речном перекате по пояс в воде не побегаешь – великолепные мишени.

Олег выпустил заряд картечи в спину ближайшего троглодита чуть ли не в упор. Быстро опустил мушкет прикладом к земле, кинул в жерло ствола бумажный патрон – цилиндр из низкокачественной бумаги, изготавливаемой в поселке, наполнен он был порохом. Вдавил его шомполом до казенной части, заодно при этом порвав, следом заколотил плотный пыж с надетым на него аккуратным цилиндром из тонкой бересты, заполненным картечью. Особо шустрые ребята ухитрились это проделывать за пятнадцать секунд, у Олега уходило чуть ли не в два раза больше времени. Подняв мушкет, оттянул курок, сыпанул на полку пороху из подвешенной на шее пороховницы.

Готово.

Пока он возился с перезарядкой, река почти опустела – выжившие ваксы уже добрались до противоположного берега. Прямо напротив Олега плечистый людоед пытался вскарабкаться на низкий обрыв – наверху юркнет в кусты, и поминай как звали. Река здесь неширокая, до врага не более тридцати метров. Не спеша поднял мушкет, взял вакса на прицел, потянул спусковой крючок. Кремневый ударник хлопнул по стальному конусу, разбросал сноп искр, и все – выстрела не последовало. Как же это достало! Взвел повторно. На этот раз осечки не было – дикарь, уже забравшийся наверх, покатился в кусты, подтолкнутый в спину порцией крупных свинцовых картечин.

Увидев, что некоторые земляне и ваксы-союзники с нездоровым энтузиазмом рванули вниз, явно намереваясь форсировать реку, Олег заорал:

- Всем стоять! В воду не лезть! Все назад! Проверить селение! Там наверняка полно гадов попряталось!

Переправа через такую быструю реку дело хлопотное, требуется приложить немало усилий, чтобы уберечь порох от влаги. Эх, как же раньше все просто было, до появления этих дымных стрелялок...

Бойцы кинулись обшаривать селение. Макс, подскочив к Олегу, уточнил:

- Пожар тушить или как?
- Не надо. Пусть все сгорит.
- А ночевать мы где будем? Под звездным небом?
- Ты всерьез мечтаешь спать в этих вонючих сараях, кишущих блохами?
- Ты прав, лучше уж на улице.
- Пошли пару групп хороших стрелков на эти отвалы, пусть контролируют подходы с юга.
- Какие отвалы?
- Вон те холмики. Это, похоже, отвалы древних работ горных.
- Ясно. Сейчас пошлю. И ты не оставайся на берегу один, недобитых много осталось. Мы, похоже, с полсотни накрошили, но убежало их гораздо больше.
- Не останусь. Беги давай.

* * *

В селении и на берегу осталось семьдесят два вражеских труп. Не все они, разумеется, были убиты бойцами союзников – многие пали в междоусобной схватке. Некоторые, заработав картечь в спину, исчезли в бурных водах горной реки, несколько валялось в кустах на другом берегу. Неизвестно также, сколько ушло смертельно раненных, сдыхающих сейчас где-то в зарослях. Но с учетом вчерашних и сегодняшних утренних потерь враг был потрепан жутко – не меньше сотни воинов ушли в края хорошей охоты и сладкого мяса.

Сколько воинов осталось у Твнкилда? Этого Олег не мог знать, но зато об этом могут поведать его подданные – целых четыре раненых дикаря попали в плен. Их передали Муру, но при этом указали, что при допросе они не должны умереть – у Олега на них были свои планы. Так что пусть пытается без излишеств.

Оставив бойцов возводить лагерь возле захваченного селения, Олег с парой стрелков поспешил к отвалам: ему не терпелось побыстрее найти ртуть. Нудная война в этих тесных горах его достала, скорей бы отсюда свалить подальше. А находка ртути этот миг приблизит – выслушав список побед и достижений, Добрыня наверняка прикажет отсюда убираться.

Надоело, нечего здесь задерживаться.

Увы, следов ртути Олег не обнаружил. Отвалы не представляли интереса: глина, песок да щебень – явно убранные наносы. В ближайшем карьере понял, что добывали здесь вовсе не киноварь. Забой был выложен белым мрамором – ни малейших следов ртутного оруденения не наблюдалось.

Понятно... Так вот для чего в древности нужна была столь капитальная дорога – по ней транспортировали мраморные блоки. Там, на востоке, в городах, они превращались в статуи и облицовочные плиты. Ему доводилось встречать в руинах местных городов скульптуры из этого красивого камня.

Плохо дело. Возможно, добыча ртутной руды и впрямь ограничивалась несколькими мешками в год. Время от времени посылали ватагу рабочих наломать киновари. Найти такое место по следам дорог, отвалов или руин вспомогательных сооружений не получится.

Очень плохо, ртуть им нужна. Придется засылать смысленных ребят к восточникам и южанам – может, у них удастся ее купить.

Впрочем, Олег не терял надежду – вернувшись назад, он послал своих рабочих заниматься опробованием. Держа в одной руке мушкет, а в другой промывочные лотки, они потянулись к реке – перемывать вывалы шурфов и закопушек, галечники на косах. Речка интересная, она собирает воду со всей долины. Множество ручьев несут в нее обломки пород со своих склонов. Кто знает, может, и повезет. Хотя надежды немного: киноварь мягкий минерал и далеко от месторождения вода его не унесет – сотрется по дороге.

Но на поиске ртути свет клином не сошелся: Олег до вечера не присел. Занимался обустройством лагеря, выбором оптимальных мест для постов и многим другим. Ему даже пришлось лично выбирать свинью для украшения скромного солдатского ужина – хозяйственные бойцы нахватили с десятков этих животных. Весьма кстати, продовольствия с собой взяли немного – больше налегали на боеприпасы.

Ужин устроили уже в сумерках. Шестьдесят землян и ваксов расселись вокруг огромного костра, разведенного по центру круглого каменного укрепления. Этот костер был предназначен не для приготовления пищи – просто нет ничего приятнее, чем вкусно поесть у хорошего огня, отмечая победу. Свинину жарили на других – поменьше, устроенных за

ограждением. Олег после долгих колебаний разрешил открыть три бочонка трофейного пива. У дикарей оно крепкое, но на такую толпу не хватит – не опьянеют. А вот нервы подлечатся – долгие переходы и последующие бои сказывались на психике не лучшим образом.

Держа в одной руке толстый прутик с нанизанной узкой полоской прожаренного мяса, а в другой деревянную походную кружку, наполненную пивом, Олег, встав, как командующий произнес первый тост:

– Выпьем за наших друзей – Мура и его сильных воинов! Сегодня они потрудились на славу! Надеюсь, мы еще немало боев проведем плечом к плечу. Мне с ними нравится!

Олег, разумеется, немного лукавил. Сегодня победу одержали мушкеты в руках землян. От союзных ваксов толку было не слишком много. Но не стоит забывать про дипломатию – доброе слово любому приятно.

Мур поспешно перевел слова Олега для своего войска, не забыв при этом еще и про храбрость и удачливость своей армии пару слов от себя вернуть. У ваксов, как ни странно, тоже принято было говорить тосты, и на перевод Мура они отреагировали по-привычному бурно: вскинув кружки над головой, как бы отсалютовали Олегу. При этом троглодиты хором испустили столь дружный вопль, что в загоне проснулись свиньи, поддержав воинов испуганным визгом.

Вождь ваксов, выхлебав свою кружку, поспешил налить добавки: ему не терпелось поскорей произнести ответный тост.

– Друг Олег! Друг Максим! Все другие друзья! Вы сегодня храбро сражались! Вы наказали пожирателей кала: убили их воинов, сожгли их деревню, украли их скот. Я хочу выпить за вашу храбрость, за вашу удачу, за ваше оружие! Пусть у вас всегда будет много добычи! И пусть все ваши враги станут нищими!

Олег, вполуха слушая речь дикаря, заинтересовался его новой боевой раскраской. Ваксы по своему обычаю перед боем разрисовывали лица рыжей охрой и толченым древесным углем. К этому люди давно привыкли – видели не раз. Но сегодня у Мура на лице было нечто новенькое: рисунок тот же, вот только нанесен ярко-красной краской. Ничего подобного видеть до сих пор не доводилось.

Хотя почему не доводилось? Воины, засевшие сегодня на скале, были разукрашены похоже. И в этом поселке у многих такие же ярко-красные рисунки были.

Олега охватило позитивное предчувствие.

Протиснувшись к Муру, он указал ему на лицо:

– Краска! Откуда ты взял такую краску?!

Вождь, запив полупережеванное мясо обильным глотком пива, невнятно ответил:

– Олег, это хорошая краска. У меня ее теперь очень много. Ты хочешь и себе нанести боевой рисунок? Я могу приказать Иуму Пожирателю Пальцев, он украсит твое лицо быстро и красиво – ты сразу понравишься нашим женщинам, несмотря на то что худой.

– Нет уж! Спасибо! Дамы обойдутся! Я просто хочу знать: откуда ты взял эту краску?! Я никогда не видел ее еще. Откуда?!

- Друг Олег, странно видеть твое волнение из-за какой-то краски. Не волнуйся, у нас ее еще много. Мы ее украли в доме алтанака. Там много рыжей охры, много толченого угля и много кровавого камня. Нам надолго его хватит для украшения лиц.

- Кровавый камень? Ты можешь мне его показать?

- Прямо сейчас? Даже не допив пиво?

- Да! Сейчас! Если это окажется то, о чем я думаю, то сразу прикажу открыть еще один бочонок.

Мур, одним невообразимо быстрым глотком прикончив содержимое кружки, поспешно выдохнул:

- Ну тогда поспеши за мной, сейчас покажу!

Вождь, чуть ли не раскидывая народ со своего пути, кинулся к груде трофеев. Сняв крышку с корзины тонкого плетения, он сунул в нее руку, вытащил горсть темных камней, протянул Олегу. Тот, взяв их, еще не разглядев, почувствовал – это оно. Характерная металлическая тяжесть, такую огромную плотность имеют лишь рудные минералы, причем далеко не все. А уж изготавливать красную краску можно только из одного.

Разглядев увесистый темно-красный камешек, скрывая азартное возбуждение первооткрывателя, чуть слышно произнес:

- Мур, с меня бочонок.

Глава 9

Из поселка аборигенов после запуска ушло девятнадцать пассажиров – двенадцать мужчин и семь женщин. После утренней схватки их осталось только восемь: пять мужчин и три женщины. Обух удавился сам, не желая быть обузой отряду, трое погибли в сарае, не найдя в себе даже капли смелости, чтобы вступить в бой с единственным метателем дротиков – тот им разнес головы своим топориком. Еще трое мужчин пали от тяжелой секиры гиганта, кроме них он успел зарубить двух женщин, прячущихся в сарае. Одну женщину убило шальным дротиком – абориген целил в Андрея, но вместо него угодил по закону подлости в самую молоденькую и крепкую. Также умерла больная женщина, та самая, с проблемами почек. Ее не зацепили – сама умерла. Очевидно, уставшее сердце не выдержало такого жестокого стресса.

Ну что ж, как ни цинично это звучит, но еще одной проблемой стало меньше... После Обуха она оставалась последним тормозом отряда. Жаль, конечно, но...

Отряд потерял одиннадцать человек, зато приобрел троих новых.

Но с этими новыми все неясно...

Андрей, путаясь и запинаясь, вкратце поведал женщине историю своих злоключений, надеясь на ответный рассказ. Увы, зря надеялся. Выслушав его очень внимательно, она сказала всего лишь одно слово: «Понятно», – после чего алчно ударилась в сбор трофеев.

Андрей обиделся и ненадолго оставил ее в покое, но вскоре вновь попытался узнать, кто же они такие.

Женщину он нашел возле очага. Вытряхнув на землю содержимое мешка аборигена, она на пучок сухой травы отбирала съестное.

- Что, проголодалась?

Женщина, кивнув на красноречивую надпись, оставленную удавившимся Обухом, невозмутимо ответила:

- Вы, как я вижу, тоже здесь не особо пиروвали. И как? Никого еще попробовать не успели?

Андрей, содрогнувшись, покачал головой:

- Нет, я бы лучше сдох от голода.

- Напрасно, - чуть насмешливо заявила женщина. - Ведь главное - выжить. Не думаю, что ваш умерший товарищ на такое бы обиделся. И кстати, я не рекомендую вам есть мясо хайтов - местные говорят, что оно не держится в желудке.

- Хайтов?!

- Да. Эти твари, которых мы сейчас убили, имеют общее название - хайты. Земли, на которых они обитают, называются Хайтана. Каждая разновидность созданий Хайтаны именуется по-разному: метатели дротиков - триллы; горилла с секирой - ракс. Этим у них больше всего - основа армии. Существуют и другие разновидности, но их не так много.

Как много информации и в то же время как мало - только вопросов прибавилось.

- Послушай... Не знаю как тебя...

- Рита.

- Маргарита?

- Просто Рита! Ради бога, только не называй меня Марго!

- Понял. Рита значит просто Рита. А я Андрей - вот и познакомились. Послушай, Рита: может, ты все же расскажешь, что все это значит? Откуда вы? Откуда тот мужчина, который с вами? Который говорит на незнакомом языке? Ты, конечно, неплохо помогла в этой драке, но сама прекрасно понимаешь - все же мы вас спасли. Невежливо отмалчиваться.

Устало вздохнув, Рита ответила:

- Я ничего не скрываю. Мы с Сержем попали сюда с Земли, как и тысячи других людей. Лекс местный - простой лучник из армии восточников. Здесь я жила у островитян, практически с первых дней. Серж обитает на другом берегу Фреоны, он из поселка Кругова. Во время зимнего похода мы попали в плен. Сразу сбежать не получилось, но потом, когда нас гнали на запад, сбежали два раза. Оба раза нас ловили и гнали все дальше на запад. Этот раз был третий.

- Стоп! Я ничего не понял!

- Я потому тебе и не рассказывала ничего! Чем больше тебе говорить, тем больше у тебя будет вопросов! Так что давай по-быстрому спрячем трупы и уберемся отсюда подальше. Через этот поселок проходит натопанная тропа, оставаться здесь опасно. Потом ты узнаешь все, что тебя интересует, а сейчас не до болтовни.

- Понял. А ты знаешь, куда надо идти?

- С этим сложнее. Нас слишком далеко увели от Фреоны, гнали все время на запад и северо-запад. Назад дороги нет – если двигаться к востоку, через все их поселки... Схватят нас тогда рано или поздно. Так что мы решили уходить на юг. Надеемся выйти к предгорьям, там вроде бы хайтов нет. А дальше уже свернем к востоку. Рано или поздно выйдем к Наре, а по ней к деревням союзных ваксов. Там все реки, наверное, текут к Наре. Думаю, не заблудимся.

- Ничего не понял, но я тебе доверяю. Надеюсь, ты все же расскажешь о вас подробнее, а не так... Мы сами, кстати, шли на юг.

- Правильное решение.

- Да нет, я просто рассчитывал, что на юге степь эта исчезнет и теплее будет. Про людей мы не знали. Откуда нам было знать?

- Все равно правильное. Проследи за своими людьми, чтобы никто не слопал продукты трофейные. Народ ведь на нервах, прирежут такого сразу, да и перекусить не помешает. Вода здесь есть?

- Да, в овражке за околицей. Хорошая вода, можно похлебку приготовить. Вон есть мешочек с крупой.

- Нет, огонь разводить здесь опасно. Пожужим вяленого мяса и рыбешек, запьем водой и быстрее уходим. Трупы затащим в дальний сарай, надеюсь, их там не скоро найдут.

- Не скоро? Думаешь, будут искать?

- Запросто. Да и воронье слетится, если глубоко не закопать, привлечет внимание. А глубоко закапывать нам некогда.

- Это была погоня, высланная за вами?

- Да.

- Рано или поздно их хватятся, когда не вернуться.

- Разумеется. К тому времени мы должны быть уже далеко. Так что поторапливайтесь.

* * *

Нельзя сказать, что отряд, потеряв своих самых тихоходных членов, стал двигаться со скоростью группы закаленных спецназовцев на марш-броске, но разница была заметна. Наверняка не меньше трех километров в час делать начали. Могли бы и больше, но часто приходилось останавливаться – Рита заразила всех своими опасениями по поводу вражеских глаз, кишащих на каждом квадратном миллиметре степи. Так что приходилось высылать одиноких разведчиков ко всем подозрительным местам – одиночку заметить тяжелее.

Андрей попытался на ходу поговорить с Ритой, но разговор получился каким-то несимметричным. Она больше слушала или сыпала вопросами, так что приходилось распинаться самому. Амазонку интересовало многое: она выпытывала о малейших подробностях запусков, также ее интересовала информация по найденному вчера заброшенному поселку. Да что ее только ни интересовало – она даже требовала вспомнить, с

какой регулярностью приходили караваны тележек, сколько их было и какое количество грузов при этом привозили.

С ней было приятно пообщаться, но как источник информации она не годилась. В итоге Андрей на это дело плюнул – это похоже не на обоюдно выгодный разговор, а на допрос. Перешел к Сержу, молодому парню из какого-то загадочного «поселка Круга». Здесь дело сразу пошло на лад. Сергей почти ничего не спрашивал, но зато говорить мог без умолку. Главное, вовремя задавать ему наводящие вопросы, иначе он начинал увлекаться, сворачивая разговор в малоинтересные области.

Остальные беглецы, подтянувшись, жадно прислушивались к их беседе. Тут было о чем послушать – от раскаленного потока новостей мозги начали плавиться.

Беглецы узнали, что два года назад в этот враждебный мир они попали не в одиночестве – сюда угодило множество людей. Основная часть более-менее компактно сгруппировалась в обширном районе возле огромной реки Фреоны. Там они со временем объединились, понастроили поселков. У них образовалось три независимых сообщества: самое крупное – северяне; раза в два поменьше – южане, к которым принадлежал и сам Серж; самая маленькая группа – островитяне Риты. Последние изначально жили на островах Фреоны, но после рейда вражеских кораблей и бурного половодья решили переселиться на берег. Название «островитяне» осталось как память о прошлом.

Землянам в этом мире перепало немало неприятностей: они поначалу много натерпелись от дикарей-ваксов, отягощенных массой неприятных привычек, вроде склонности к каннибализму. Затем пришлось вести кровопролитные войны с хайтами, разрушавшими поселки землян и угонявшими пленников на свои земли. Переселяться с этого беспокойного места было некуда: безопасных диких земель в этом мире не имелось, а в цивилизованных районах их не очень-то ждали. Да-да – в цивилизованных. Помимо хайтов и ваксов здесь жили и вполне обычные люди: средневековые государства располагались на севере, востоке и юге от местообитания землян. Аборигены не были пацифистами, на их землях постоянно велись междоусобные войны. Помимо этого население массово погибало при опустошительных эпидемиях. Плюс правовой беспредел, жуткая нищета, повальная неграмотность. Про «права личности» и «общечеловеческие ценности» здесь никто и знать не знал. Если ты живешь на земле, то ты или рыцарь, или холоп. «Бесхозный» человек, попав во владения местного феодала, рисковал превратиться в жалкого раба. В общем, уходить людям было некуда. Спрятаться в лесах, подобно беглым крестьянам, и дрожать там от каждого шороха, тоже не получится – спрятать можно десятки людей или сотни, тысячам спрятаться сложнее.

В общем, попали – ни убежать, ни укрыться.

Впрочем, никто уже и не помышлял о переезде. Используя знания, принесенные с Земли, люди достаточно быстро сумели освоиться в этом негостеприимном мире и добились определенных успехов. Они разделались с ваксами и сумели отбить набеги хайтов. В жестоком осеннем сражении Хайтана потеряла большую часть своего сильного речного флота и огромной армии вторжения. В этом бою объединенная армия землян выступила совместно с войском восточников. Перед лицом общего врага они сумели не заикнуться на старых обидах и на высоком берегу Фреоны переломили хребет вражескому войску.

Вдохновленные успехом, люди обнаглели настолько, что решили нанести ответный удар по Хайтане. Откладывая это дело не стали – дождавшись, когда зимняя стужа скует реку, они выступили в военный поход. Вначале все шло просто замечательно: совместное войско землян и восточников громило крепость за крепостью, не встречая серьезного сопротивления. Им

удалось также найти и уничтожить остатки вражеской флотилии – хайты вытащили свои корабли на берег небольшой реки, впадающей в Фреону. В нескольких поселках освободили пленников, враги не успели их угнать в глубь своих земель.

Удачное начало похода стало причиной последующих трагических событий. Конница восточников начала опасно увлекаться дальними рейдами. Действуя автономно, не обременяя себя пехотой, рыцари совершали быстрые переходы, громя на своем пути все, кроме хорошо укрепленных крепостей. С одной стороны, это было на пользу общему делу, с другой, стало важной причиной поражения.

В один из таких рейдов восточники нарвались на теплый прием.

К этому моменту шла третья неделя похода. Люди, не встречая серьезного сопротивления, расслабились: более двухсот хайтов за раз никогда еще здесь не встречали. В народе крепла уверенность, что Хайтана оказалась колоссом на глиняных ногах. Все – враг разгромлен, осталось добить остатки и топтать домой.

Конница восточников попала в достаточно грамотно поставленную засаду.

Сперва они не поняли, что это засада, – просто в одно не слишком прекрасное утро обнаружили, что к захваченному поселку, в котором они расположились на ночлег, подбираются шеренги вражеской пехоты. Пехоты рыцари не боялись. Облачились в доспехи, сели на коней, взялись за пики, весело помчались на врага. Пехота хайтов не умела держать удары латной конницы, но это им и не потребовалось. Лишь только восточники завязли в ее рядах, показались фраки – страшнейшие всадники хайтов.

Андрей попытался узнать, чем именно так страшны эти создания, но Сергей в ответ напел столько всего, что, если верить его словам, фраки представляли собой нечто вроде тяжелого танка на конских ногах. Вооружен этот танк несколько нестандартно: механизированным агрегатом для отсечения голов и конечностей всем, кто окажется в радиусе сотни метров от всадника.

Фраков восточники боялись.

Рыцарская конница была сметена, смешана с грязью и втоптана в заснеженную почву зимней степи. Жалкие остатки смогли спастись, пробив себе путь через массы пехоты. Потрепанные восточники вернулись к остальной армии, принеся плохие новости.

Новости эти привели к разброду в рядах союзников. Дело в том, что многие рыцари наверняка попали в плен – это были далеко не последние люди в феодальном сообществе восточных королевств. Уцелевшие требовали немедленно нанести ответный удар, чтобы освободить своих «VIP-персон». Главнокомандующий армии землян – правитель северян Монах, наотрез отказался выдвигаться навстречу противнику. Он предпочел встретить его на подготовленной позиции, справедливо указывая на опасность, исходящую от большого количества фраков.

Увы, восточники не вняли ни голосу разума, ни его уговорам. Бросив землян, они самостоятельно выступили навстречу угрозе. Монаху ничего не осталось делать, как повести свое войско следом, иначе противник мог бы разгромить армии союзников поодиночке. Но в тот момент даже он не верил, что хайты подготовились к бою очень серьезно.

В пологой долине безымянной речушки разразилась самая страшная битва за всю историю злоключений землян в этом мире. Южане Кругова, островитяне и северяне выставили более полутора тысяч солдат. Около трети имело примитивное огнестрельное оружие, еще сотни

четыре были с луками и арбалетами. Кроме того, наличествовала и артиллерия: девять пушек и парочка полевых баллист. У восточников оставалось двести с лишним всадников и около двух с половиной тысяч пехотинцев. Если всадники являлись достаточно серьезной силой, то о пехоте это сказать было трудно. Большинство пеших ратников простые крестьяне, оторванные от сохи, – стеганные куртки, кожаные шлемы, легкое копьё и плотницкий топор за поясом. Основная задача таких вояк в походе простая: они занимаются обозной работой, обустройством лагерей и обслуживанием своих рыцарей. Кроме них было сотен семь серьезных головорезов: феодальных замковых стражников, королевских пехотинцев и просто наемников-профессионалов. Эти были неплохо экипированы и вооружены, да и опыт военный у большинства имелся.

Сколько воинов выставила Хайтана – неизвестно. Сергей, путаясь в цифрах, уверял, что одних фраков было не меньше двух тысяч, но время от времени намекал, что сам стоял в не слишком удобном месте, чтобы хорошо все видеть, да и не обучен был подсчитывать число противников в строю. В одном он был почему-то уверен твердо: их было невероятно много – столько их еще никто никогда в одном месте не видел.

В начале боя рыцари восточников ложной атакой смогли оттянуть на себя большую часть фраков и увели их за собой в степь. На оставшуюся пехоту восточников и землян навалилась лавина вражеской пехоты. Метатели дротиков – триллы, те самые, которых Андрей обзывал дистрофиками, и раксы – похожие на обезьян гиганты с секирами. Артиллерия и мушкеты имели неплохие шансы остановить эту орду, но тут люди столкнулись с кое-чем новеньким – такого они еще не видели.

В передних рядах вражеского войска двигалось нечто непонятное. Сергей, описывая это, сравнивал увиденное с гигантской черепахой, движущейся по земле с помощью многочисленных щетинок. Размером эта штука была метров пятнадцать и в высоту метров пять. Хайты, попав под артиллерийский обстрел, остановились, и «черепаха» ползла дальше самостоятельно – в одиночестве.

Артиллеристы, справедливо усомнившись, что эта штука направляется к ним с дружескими намерениями, открыли по ней беглый огонь. Увы, ядра бессильно отскакивали от прочного панциря, не причиняя урона. Разогнавшись до скорости спортсмена-велосипедиста, «черепаха» налетела на ряды человеческой пехоты.

Люди перед ней быстро расступились, как бы приглашая ее следовать в дальние дали, куда-нибудь за горизонт, к глубоким омутам Фреоны, но не тут-то было. Там, где у порядочной черепахи располагается голова, у этой твари было какое-то ее подобие. И из этого «подобия» в людей ударили зеленоватые струи тяжелого газа. Те, кто попал под эту химическую атаку, о бое больше не помышляли – надрывно кашляя и пачкая снег кровью, они на четвереньках расползались в разные стороны. Сергею издали показалось, что они к тому же еще и ослепли: совсем не смотрели, куда двигаются, – многие даже напрямиком к хайтам поползли.

«Черепаха» практически мгновенно смяла центр армии. Вражеская пехота тут же возобновила атаку. Залпы мушкетов нанесли им страшный урон, но не остановили – вслед за страшным чудовищем они вломились в ряды союзников, начав разрезать человеческое войско пополам.

От полной катастрофы спасли артиллеристы: они, рискуя угодить под газ, практически в упор выпустили несколько ядер по монстру. Очевидно, залп вышел удачным – тварь получила повреждения. Нет, она не остановилась, она продолжала двигаться и атаковать, только вела себя при этом будто слепая. Людям повезло: «черепаха», потеряв ориентацию, развернулась назад, пошлепала по рядам хайтов, щедро поливая их своей смертоносной гадостью.

Увы, к тому моменту войско людей уже было разделено на две части. Рубились врукопашную, простора для пальбы из мушкетов не было. Централизованное командование тоже потеряно. Военачальник островитян, Олег, спасая положение, повел свой отряд выше по долине, к крутому склону. С собой он забрал и артиллерию. Пушки после выстрела отгоняли вперед, по ходу движения, там быстро перезаряжали и, пропустив войско мимо, опять палили. Так, под прикрытием артиллерийского огня, островитяне ухитрялись не подпускать к себеседающих хайтов. Артиллерийская картечь, по словам Сергея, валила хайтов сотнями. Тех, кто ухитрялся прорваться через этот картечный ад, останавливали мушкетеры.

Враги будто обезумели – упрямо наседали на островитян, почти оставив в покое остальные отряды. Очевидно, их сильно бесили пушки – наверное, сильно обиделись из-за той неприятности, что произошла с «черепашкой». Это позволило остальным отрядам землян и восточников более-менее эффективно начать отступление в том же направлении. На крутом склоне была возможность вновь сгруппироваться и, отбив пехоту, начать организованное отступление к Фреоне. Если вернуться фрики, им будет нелегко атаковать людей снизу вверх, а вот картечи самое раздолье при этом будет.

В этот момент Сергей попал в плен. Точнее, он споткнулся, упал, и сверху на него навалилось чье-то тело. Попытался выбраться и потерял сознание от сильного удара по голове. Что это было, он так и не понял. Когда очнулся, по полю, усеянному телами и брошенным оружием, бродили шеренги триллов, выискивая живых. Заметив его, они загнали безоружного парня в группу таких же бедолаг, после чего поход по земле Хайтаны он продолжил уже в качестве пленника.

То, что произошло на поле боя дальше, он знал лишь по рассказам других пленников, которым повезло увидеть большее. Но Андрея устраивала и такая информация, не из первых рук – слушал он по-прежнему внимательно. Островитяне вроде бы сумели хорошо закрепиться на склоне, став ядром нового построения войска. Бежать было некуда – с пехотой врага, дышащей в затылок, не особо побегаешь. Дружными усилиями хайтов отбросили назад.

После этого начали отступление. Скорее, даже не отступление, а попросту слабо организованное бегство. Бросили обоз, бросали тяжелое оружие, бросали раненых и не хоронили убитых и умерших. Все это при постоянных наскоках фриков, спастись от которых помогало лишь огнестрельное оружие. Пороха оставалось все меньше и меньше, силы таяли, люди ели павших лошадей. Островитяне наконец отказались продолжать драп и заняли оборону в захваченной в начале похода крепости. Остальные этому только обрадовались: понадеялись, что фрики останутся здесь и, пока не захватят крепость, преследование не возобновят.

Увы, расчет не оправдался. Фрики напали снова, и на этот раз пушек у людей не было – все остались у островитян. После кровопролитного боя выжившие разделились на множество мелких отрядов и продолжили бегство уже отдельными группами. Многие при этом попали под удары противника. Кое-кто, возможно, добрались до своих земель без приключений – на это указывало отсутствие пленников из некоторых отрядов. Так же не встречалось пленников островитян, кроме тех, кто, подобно Рите, попал в плен в начале разгрома.

Или у них в итоге все окончилось хорошо, или просто пути Сергея не пересеклись с пленниками оттуда.

А может, и вообще все гораздо проще оказалось: пленных не было – обида на артиллерию вылилась в поголовную резню. Хотя Сергей не сомневался, что полностью разделаться с землянами хайты не смогли. Максимум выгнали их со своих земель. Да и на новые нашествия у

них вряд ли хватит сил: уж слишком велики были потери.

Андрея заинтересовал эпизод с загадочной «черепашкой», и он попытался выяснить подробности. Увы, Сергей был от нее далековато, детали не рассмотрел, да и не до разглядываний было. Он даже не мог точно сказать, было ли это живое существо или механизм. Еще добавил, что те из пленников, кто попал под действие зеленого газа, долго не протянули – умирали они в страшных мучениях, выкашливая куски гниющих легких.

Дальнейшая судьба Сергея чем-то напоминала судьбу Андрея и его спутников. Их погнали на запад, в глубь Хайтаны. Пленники были этим недовольны: известно, что люди, которых угоняют слишком далеко, назад никогда не возвращаются. Или оттуда трудно удрать, или... Мало ли что там с ними делают?

При любой возможности пленники старались устроить побег. Поначалу у некоторых даже кое-какое оружие в виде припрятанного ножичка имелось – хайты не слишком дотошно обыскивали свою добычу. Да и обыскивали странно: не забирали доспехи и не заставляли их снимать. А под кирасой много чего можно держать.

Сергею хронически не везло – все его побеги заканчивались быстрым возвращением в загон. Лишь один раз ему удалось побродить по степи целых четыре дня, прежде чем его, голодного и замерзшего, не настигла погоня. В тот раз это получилось благодаря тому, что побег был массовым – ушло около десятка и все поодиночке двигались, сразу выследить не получилось.

Как бы он ни стремился назад, на восток, его все дальше и дальше уводили на запад. Конечная цель пути оставалась неизвестна и пугала своей мрачной таинственностью. Хайты не спешили, мелкие группы пленных сгоняли в один загон, пока не набирался приличный отряд, и уже потом толпой их гнали дальше. Через пару дней могли вновь разделить, разведя людей в разные стороны, чтобы в итоге опять оставить в пыльном поселке в ожидании нового сбора. Иногда в ожидании такого сбора приходилось сидеть в загоне по месяцу и более. Пленники обменивались новостями, отсыпались, строили планы новых побегов и заводили полезные знакомства.

В одном из таких загон Сергей познакомился с Ритой и Лексом. Рита, по его словам, была личностью легендарной и известной не только среди островитян. Прославилась она в первые дни пребывания в этом мире, сумев захватить у хайтов целый корабль. История с захватом, правда, была несколько мутноватая: Сергей сильно путался и противоречил сам себе. Но одно несомненно – благодаря этой амазонке островитяне обзавелись настоящим кораблем. В дальнейшем они на нем совершили несколько удачных плаваний на юг, торговали там с тамошними аборигенами. По словам парня, благодаря этой торговле островитяне смогли круто подняться и стать одним из центров объединения землян.

Сколько Рите лет, Сергей не знал (а Андрею это было очень интересно), но знал, что мужа у нее до сих пор нет и она вечно лезет во все заварушки. В зимнем походе Рита вообще была единственной особой слабого пола – война не женское дело. Восточники даже обозных шлюх оставили на левом берегу Фреоны, опасались тащиться с ними в Хайтану.

Островитяне ценили военные умения Риты настолько, что поставили ее командовать целым отрядом. Отрядом непростым – нечто вроде местного спецназа. Группа ловких бойцов в легких доспехах и с лучшим оружием первой оказывалась на стенах вражеских крепостей, устраивала диверсии, проводила разведку.

Риту уважали даже восточники, а при их отношении к женщинам этого добиться непросто.

Сергею повезло – с такой спутницей у него был шанс на удачный побег. Сам бы он больше бегать не решился, надоело огребать тумачи после поимки и жевать траву в скудной степи. Сговорившись с остальными пленниками, они во время очередного перехода в новый загон дружно рванули в разные стороны. Первоначально в их группке был еще один парень, но во время побега его ранили дротиком, и он остался лежать возле дороги, зажимая ладонями пробитое бедро.

От рассказов Сержа у Андрея голова кругом пошла. Столько новой информации... Яркая жизнь, наполненная непрерывной борьбой за выживание и войнами с врагами. Изобретательность загнанных в ловушку землян поражала: за пару лет они смогли обжить земли, в которых аборигены боялись показываться без серьезной армии. Наладили хозяйство, занимались торговлей, вооружили армию и речной флот, устраивая грандиозные сражения на суше и на водах огромной реки. Как же это все не похоже на жалкое прозябание уцелевших пассажиров...

Андрею и его спутникам просто не повезло – самолет унес их слишком далеко от человеческих земель. Их угораздило попасть в глубь Хайтаны – напрямик в лапы врагов.

По словам Сергея, отсюда возврата нет – слишком далек и опасен путь.

Но надежда умирает последней...

* * *

Дневной переход прошел без происшествий. Пару раз попадались подозрительные следы, но Лекс, будучи до армейской службы охотником, заверил, что хайты там прошли давненько. Зброшенных поселков тоже не попадалось, не прибавилось и еды – все те же редкие суслики да ящерицы. Правда, несколько раз видели зайцев, но эти шустрые создания близко не подпускали – едва люди подходили к их укрытиям, сразу задавали стрекача.

Зато не было ни малейших проблем с водой: отряд пересекал балку за балкой, и почти в каждой по дну струился ручеек. В одном месте даже попалась чуть ли не речка – двухметровый полноводный поток. По берегам здесь росли кусты и деревья, на склонах хватало земляники и щавеля, а на песке вертикально вздымались стрелки дикого лука. Андрей даже разглядел мелких рыбешек, снующих в воде, и мгновенно загорелся желанием остановиться здесь для долгого отдыха с последующим ночлегом.

Но Рита, осмотрев окрестности, прямо не возражая против его решения, показала ему красноречивые следы: многочисленные пеньки от срубленных деревьев и кустов да разный мусор по берегам – кусочек выделанной кожи, обугленные деревяшки. Их явно принесло сверху, скорее всего там, у воды, располагается поселок аборигенов.

Очень хотелось остаться здесь, но еще больше не хотелось попасть в плен. А может, и не в плен: неизвестно, что с ними сделают, если узнают о гибели восьми воинов. Так что, собрав волю в кулак, пришлось вести людей дальше, не задерживаясь в этом чудесном оазисе. Народ, понимая, что так будет лучше, с тоской оборачивался назад, урчанием недовольных желудков комментируя расставание с дарами богатой долины речушки.

Жалкие крохи трофейной еды, слопанные утром поспешно, среди окровавленных тел врагов и друзей, полноценным питанием назвать было нельзя, тем более если учесть постоянное голодание последних дней. Аборигены, к сожалению, в своих мешках тащили слишком мало продовольствия. Хватит вечером сварить жиденюкую похлебку, а потом опять ждать манны небесной придется.

Кстати, будет теперь чем хлебать эту похлебку. Кружок и мисок пока не предвидится, но зато появились ложки. Мастеровитый Лекс на каждом привале мастерил их из бронзовых чешуй, содранных с доспеха убитого ракса, и веток, нарезанных возле речушки. Восточнику эта работа доставляла явное удовольствие, он до ушей при этом улыбался.

У каждого свое хобби – если человеку нравится мастерить ложки, то почему бы и нет?

На ночлег расположились в узком, но глубоком овражке. На дне его бил маленький родничок, рядом с водой, чуть выше по склону, протягивалась ровная площадка – будто речная терраса. Как раз хватит десятку человек расположиться. Из минусов лишь отсутствие деревьев и больших кустов: придется для костра собирать мелкие ветки и траву. Зато можно не опасаться враждебных глаз – в глубоком овраге огонь можно разводить безнаказанно, со стороны будет незаметно.

Не дав людям даже присесть, Андрей приказал мужчинам заготавливать топливо для костра и траву для лежанок, а женщин послал на склоны оврага поискать листья щавеля, пока еще не стемнело. Ему понравилось, что даже независимая Рита восприняла его слова серьезно и беспрекословно поплелась за остальными женщинами.

На ужин сварили остатки трофейных продуктов: кинули в котел каменно-твердые полоски вяленого мяса, раздавленных высушенных рыбешек, крупу, какие-то вялые корешки, напоминавшие белую морковь. Туда же кинули и собранный женщинами пучок щавеля, а Рита сыпанула жменю какой-то подозрительной трухи. На немой вопрос товарищей ответила подробно:

– Это травка такая, душистая, вроде черного перца. Вкус гораздо приятнее будет. Не переживайте, не отравитесь.

– Рита верно говорит, – поддержал ее Серж. – Степной перец, кстати, и от желудка помогает. У кого понос или боли сильные – это лучшее средство.

При таком образе жизни проблем с желудком не может быть лишь у того, у кого желудка нет. Так что инициатива Риты была воспринята коллективом благосклонно.

Похлебка получилась жидковатая. А с чего ей быть жирной? Десять человек сгрудились вокруг котла, торопливо работая ложками. Это было нелегко: толстых, конечно, среди присутствующих не было, но, даже встав к посудине боком, люди сплелись в сплошное плотное кольцо. Лишь Рита будто аристократка устроилась – зачерпнула себе порцию шлемом и спокойно хлебала, присев в сторонке.

Теплая похлебка, наполнив желудки до краев, создала ощущение ложной сытости. Усталых беглецов разморило, все лениво разлеглись вокруг костра. Топливо не жалели, пусть горит без остатка, все равно завтра ничего кипятить не надо будут – ведь есть больше нечего.

Андрей, все еще не насытившийся рассказами Сергея, решил хоть немного его попытать перед сном. Да и приятно поболтать у костра.

– Сергей, а у вас там, где вы живете, кто всем командует? Вы себе выбираете начальника или как?

– По-разному везде. У северян Монах. Он, считай, царь там. Сам и судит, и управляет, и армией командует – везде ухитряется успевать. Поначалу он сильно лютовал, сбивая там народ в кучу. Даже на кол сажал людей – за малейшую провинность в зад кол приказывал заколачивать.

Может, и верно: он быстро смог отпор дать хайтам. Там, на севере, с ними много проблем – Хайтана ведь сразу на противоположном берегу начинается. Разброд надо было быстро пресекать. С тех пор он у них вроде диктатора и остался. У островитян не так все. Там сперва Олег рулил. Но потом почему-то командовать стал Добрыня – подвинул его. И выборы там какие-то вроде бы проводились. Но так... не выборы, а балаган вышел – и так всем понятно было, кто победит. Добрыня там тоже вроде царя-батюшки, но без живодерства руководит – спокойный он. Да и в спорных вопросах есть суд, который не подчиняется ему, и решения суда Добрыня должен уважать. Вроде бы было раз, что кто-то кого-то там прибил, и Добрыня велел одно, а суд другое. В итоге выполнили приказ суда. Хотя я точно не уверен. У нас в лесах тоже свой царек имеется – Кругов. Только по сути он лишь военный руководитель, и плюс ему полностью подчиняется самый большой наш поселок. Во всех других поселках свои начальники, их жители сами выбирают. Для каждого поселка назначен единый налог. Но его размер может увеличиваться, если поселок выставляет слишком мало воинов для армии при войне. Если плохо их вооружает, тоже могут увеличить. Потому у нас и невыгодно мелким поселением жить. Те, кто живет в одиночку, на хуторках, все равно формально привязаны к какому-нибудь поселку. Кто не согласен с налогами, может катиться на все четыре стороны. Но уходят мало – кто хотел, тот сразу ушел. Остались надежные люди. Да и куда идти? Везде то же самое, если не хуже.

– Налоги? Так у вас деньги есть?

– Ну своих нету. Ходит у нас немного монет восточников и южан, но так... несерьезно... Налоги у нас воском платят. Медом тоже можно или рыбой. Но рыбой невыгодно, чуть ли не тонны приходится перетаскивать. Фреона богатая река, и рыбы в ней полно, так что дорого она не ценится. Охотники еще по зиме пушнину разную бьют – лисиц, куниц, белок. Есть бобры и речные нерпы, выдры попадаются, ондатры и нутрии – у них тоже мех ничего. Я одно время норок ловил, ох и вонючее же это дело! Вот эти меха на налог хорошо идут, не хуже воска.

– А воск у вас откуда?

– С воском нам повезло, – с явным оживлением заговорил Серж. – У нас в лесах полно пчел, чуть ли не в каждом дереве дупло, забитое сотами. Преувеличиваю, конечно, но их действительно много. На наших землях самые большие пойменные леса – таких больше нигде нет. А пчелы местные такие места обожают. На первых порах мы диких пчел грабили, а потом начали ловить их при роении, помещали в свои колоды. Да и старые семьи перетаскивали к себе: работа та еще с ними – эти гады, когда злые, залезут к тебе, как ни укрывайся. Вот потому я такой здоровый и красивый – пчелиного яда нахватался. Он ведь очень полезный.

– Да уж... Я бы вряд ли сумел пчел разводить...

– А кто сумел бы вот так, с бухты-баряхты, ничего не понимая? Я до того, как сюда попал, мед только в банках видел. Нашлись умелые мужики, научили других. И пошло дело. Местные ведь, оказывается, пчеловодством вообще не занимаются – тупо собирают соты у диких пчел. В их краях народу много, диких семей не хватает уже давно, да и забор неграмотно проводят, губят пчелок. До пасек они у себя еще не додумались. Так что воск и мед с руками готовы отрывать – сколько им ни дай, все мало. Пока у нас все больше в колодах рои держат, но и ульи уже приловчились делать приличные – с ними вообще красота. Кругов это дело быстро под свой контроль поставил, ведет с восточниками торговлю. Потом смотрит, кому чего не хватает, и подкармливает товарами – ткань дает, зерно, коз и свиней, кур и гусей, оружие, посуду. Овец тоже дает, коровы появились, лошади есть. Чем больше ты ему одно место вылижешь, тем больше получишь. Так что явной оппозиции у нас нет. Да и смысл менять шило на мыло? Появится Круг номер два – какой толк от этой перестановки? Демократии здесь вообще нет и

не будет, наверное. Пока парламент решит, сколько солдат посылать в бой, к ним уже ворвется толпа раков. Одна голова должна быть – иначе здесь выжить не получится. А пчелам и вовсе безразлично, демократия у нас, или диктатура, или какой-нибудь сатанинско-гомосексуальный фашизм. Если бы люди вкалывали, как они, все бы в золоте купались. С утра до вечера жужжит пчелка – нектар таскает. Мало того что себя должны обеспечить, так еще и нахлебников вроде нас.

Голос Сергея при словах о насекомых опять начал наполняться нездоровым энтузиазмом – становилось очевидно, что пчелы были для него крайне важной темой, чем-то близкой к смыслу жизни.

– Мне бы раньше кто сказал, что я буду их разводить, не поверил бы. Боялся их как ос или шершней. А ведь зря, пчела просто так тебя не тронет, а если ужалил, так сам в этом и виноват. Незачем ей просто так человека жалить – после этого ведь бедняжка помирает. У меня сейчас пять колод и четыре улья своих, и я вам честно скажу, ульи один другого лучше, а от колод надо отказываться. Лучше уж заплатить мастерам и позабыть про возню с этими бревнами, чем потом с ними корячиться. Меду накачал – на полпоселка хватит. Летом, конечно, повозиться пришлось с ними, пока привык к этому делу, пока научился вывозить на нужные поляны... Времени много ушло... Давилку свою хотел сделать, да потом подумал: а на фига мне она? Я же не бомж беспризорный, при большом поселке живу, уж где подавить всегда найдется. А осенью еще получил сироп от Круга, в обмен на мед и воск. По плавням тростник растет со сладковатыми стеблями – мы его сахарным называем. Сахара из него никто еще не добыл, но патока получается знатная. Вонючая, правда, люди ее не жрут, только на брагу пускают и самогон, но на подкормку пчелкам пойдет. Осенью я их подкормил, а как пошли морозы, опустил ульи в омшаник. И сразу призвали меня для похода в Хайтану. Как там мои пчелки теперь? У чужих людей ведь остались... Надеюсь, все у них хорошо. Вернусь, и они пожужжат мне радостно. На роение не попал уже, конечно, и ждать теперь придется до следующего года, ну да ладно – и девяти семей пока хватит. А уж на будущий год я развернусь, десятка три котов [6] поставлю – места знаю верные.

– Слушай, пасечник, ты скажи, а северяне и островитяне чем налоги платят? Тоже воском и медом?

– Не, у них не так все. У северян народ разбит на коммуны, по роду занятий и месту проживания. Каждой коммуне указан вид налога, его объем и сроки выплат. Если ты рыбак, то рыбой снабжаешь гарнизон в ближайшей крепости. Охотник дает мясо и шкуры, кто с земли живет, тот отдает зерно и овощи. Мастерские мужики изделия по заказу делают: что Монаху надо, то им и заказывают. По слухам, дерут с них по три шкуры, но народ особо не жалуется – все к ногтю придавлены. Кто сильно недоволен, те сбегают часто. Хотя мастерским этот путь закрыт: Монах договор составил, чтобы их не принимали ни мы, ни островитяне, и запретил специалистам бегать. Если поймают, шкуру спустят. У островитян проще: как при коммунизме живут – все пахнут и ни у кого при этом ничего нет. Пока что этот номер у них проходит – при постоянной угрозе деваться просто некуда. Но уже в прошлом году послабления были и у них: крестьянам, живущим отдельно, выдавали семена и назначали единый налог зерном. И у них тоже пчел разводят – есть хорошие поляны цветочные, и лип хватает, и узкий лес по пойме идет. Гречиху вроде бы у местных покупали – это вообще не мед, а песня получается.

Серж, хитро повернув тему к любимым пчелам, опять нездорово оживился. Сбить его с этой темы уже не удалось. Андрей так и заснул под нескончаемые рассуждения о котах со смазанными прополисом летками, о старых матках и о тактике подсовывания проблемным семьям чужого приплода.

На текущую воду можно любоваться бесконечно. Особенно если точно знаешь, что тебя впереди ожидает адское пекло.

Эх, будь Добрыня добрее и полностью соответствовал своему редкому имени, не послал бы он сюда уважаемого горного инженера, адмирала и полководца (в одном лице). После того что Олег проделал, положено в оплачиваемый заслуженный отдых посылать на курорты, навешав перед этим орденов и обеспечив бесплатным молоком. Мало того что отряд в считанные дни разобрался с горными людоедами, мало того что обнаружили ртутную руду, так эту киноварь им сами людоеды и доставили.

Целых двадцать корзин киновари. Олег, отпустив пленных, велел им передать своим вождям, что люди отсюда уйдут, только если получают камень для красной краски. И чтобы не выглядеть рэкетиром-нищевродом, впридачу пятьдесят свиней и столько же коз потребовал. В противном случае поклялся, что не уйдет отсюда, пока не сожжет все селения и не убьет последнего каннибала.

Дикари перед лицом опасности позабыли про былые разногласия: двадцать корзин в лагерь принесли ваксы разных племен, среди них были и местные, и те изгой, которых вождь раньше держал за рекой. Олег через них передал Твнкилду неприятные новости, заявив, что тот каждое лето и каждую зиму должен приносить столько же киновари к мосту. Цифру эту он назвал после согласования по рации с химиком Ломом необходимых объемов поставок. Назвал с запасом, пусть лучше в четыре раза больше будет, чем не хватит. Судя по всему, ртутной руды у них много, раз так быстро собрали.

Твнкилду предстояло сделать выбор: или наплевать на требования землян, или выполнять. В первом случае он рисковал увидеть на своей земле злых островитян со смертоносными мушкетями. Во втором случае, потеряв несколько жалких корзин с рудой, он получал нечто большее - целые полгода жизни без нежелательных гостей.

вернуться

6

Кот - в данном контексте специальная ловушка для ловли пчелиных семей в период роения (современный сленг пчеловодов).

После всего случившегося на его месте даже полный идиот выбрал бы второе.

Само собой разумеется, что Твнкилду помимо прочего передали пожелание никогда не видеть ни его самого, ни его подданных за пределами горной страны. Граница, за которую им не рекомендовали переступать, пролегла по той самой реке с мостом.

Жаль, конечно, что Олег сам не взглянул на месторождение, ну да ладно, может, когда-нибудь еще посмотрит. Нагло требовать прогулки не хотелось, как-то несолидно для могучего завоевателя копаться в развалах сырья для банальной краски.

Олег, стоя на берегу небольшой реки, вновь предавался воспоминаниям. Здесь он уже бывал два года назад, когда, выбравшись из пещеры каннибалов, шагал по лесу неизвестно куда, а именно в сторону понижения рельефа. Сперва его путь пролегал по берегу ручья, а потом уже

добрался до долины этой реки. Где-то ниже их группа поставила лагерь и собрала плот. И там им пришлось столкнуться с тварью, вышедшей из жаркой печи Гриндира.

Человек, никогда не заходивший в аномальную пустыню, не поверит, что в пяти минутах ходьбы от этого симпатичного лесистого берега, поросшего раскидистыми дубами, располагается исполинская металлургическая печь, дышащая жаром. Олег, увидев Гриндир впервые, не мог поверить своим глазам. А уж когда зашел туда, окончательно понял, что здесь дело очень нечисто. Даже профессиональный бедуин не выдержал бы в этом жаре и нескольких часов.

Ему в тот раз удалось даже обнаружить останки группы несчастных, сгинувших в Гриндире. Такие находки, по словам Мура, там не редкость. Веками люди пытаются пробираться в этот раскаленный ад, мечтая озолотиться на его сокровищах – сидах. И не только люди – алтанак ваксов не считался алтанак, если у него не было волшебного амулета с невзрачным кристаллом. Множество опасностей караулят искателей сокровищ пустыни. Те, кого настигла смерть, мумифицируются там в считанные дни и могут лежать веками, пугая своими останками новых смельчаков.

Олег, изучая захваченные островитянами у ваксов сиды, так и не понял, что это такое. Вытянутая пятиугольная призма, с одного торца плоская, с другого увенчана многогранной пирамидкой. Вроде бы по строгим законам кристаллографии такая форма невозможна: пятигранных призм в природе не бывает. Искусственные? Если это так, то кто их может производить в пустыне? Твари, подобные той, что напала тогда на их лагерь? На вид она была не слишком сообразительная для подобного... Или это продукт биологических процессов?

Неизвестно. Но если биология поработала, то очень странная, сильно отличающаяся от привычной.

Сиды были ценны своими уникальными свойствами. Поначалу землянам, особенно выросшим на фантастике и фэнтези, это показалось настоящей магией. Лекарь, вооруженный амулетом с хорошим сидом, способен был отрастить раненому новый палец или рассосать катаракту, не прикасаясь к глазу. Одно движение руки, и пропадала зубная боль, а роженица улыбалась при родах. Алтанак ваксов без видимых усилий и хитроумных дополнительных приспособлений создавал на ладони шар из раскаленных докрасна, мельтешащих искр и посылал этот зажигательный «снаряд» в цель. Для этого ему нужен был сам сид и какая-нибудь деревяшка. Или мог вызвать столь яркую вспышку, что даже днем перед глазами темнело. А еще можно было обмениваться мыслями, передавая друг другу знания с невероятной скоростью, правда, доступно это было не всем – у каждого человека была как бы своя «частота», и «резонировать» он мог лишь с теми, у кого она такая же, в противном случае результат мог быть непредсказуем. Хотя иногда, бывало, и удачно получалось: благодаря «несовместимости» со стариком Млишем Олег случайно выучил кучу местных языков. Но из-за этого тогда рассыпался отличный сид. Учитывая их колоссальную стоимость – настоящая катастрофа.

Магия чистой воды.

Но если копнуть глубже... Нет, просто странное явление – никакой мистики. Похоже на источник энергии, изменяющий вокруг себя физические законы нашего мира. При некоторой тренировке любой мог научиться делать с помощью сидов простейшие вещи, например, с их помощью можно быстро и качественно структурировать металлические заготовки, придавая им нужные свойства. Алик в своей мастерской-лаборатории благодаря этому уже вплотную подошел к созданию высококачественных ружейных и орудийных стволов.

Но на обычные ремесленные работы сиды старались не переводить. «Заряд энергии» камня небесно бесконечен – со временем кристалл начинает тускнеть, становится все более невзрачным, к финалу покрывается трещинами и в итоге рассыпается в песок.

Повернуть этот процесс вспять невозможно: сид – это одноразовая батарейка без возможности подзарядки.

Опытный, хорошо обученный человек мог филигранно распоряжаться энергией кристалла, не допуская ее перерасхода. Для этого необходимо было проучиться несколько лет и потом не забывать держать себя в форме. Олег, интересуясь методикой обучения, узнал, что ничего сверхъестественного в ней нет. Человека просто учили быть внимательным и наблюдательным, кроме этого добавляли некоторые профессиональные приемы. К примеру, лекари, использующие энергию сидов крошечными порциями, работали по механической вибрации камня. Чтобы ощущать ее получше, они стачивали кожу на пальцах, будто карточные шулера на Земле.

Для управления сидом не нужно быть экстрасенсом. Человек, даже взяв его впервые в жизни, спустя несколько минут начинал ощущать его частью тела – кристалл будто присоединяется к нервной системе. Остаются мелочи – научить подключаться к нему быстрее и управлять. Наверное, не намного сложнее, чем обучение инвалида обращению с биомеханическим протезом.

Местный маг-мудрец, потеряв свой сид, становился простым человеком – никаких сверхвозможностей.

С сидом ты не станешь суперменом, но тебе будет доступно то, что для простого человека кажется волшебством.

Однако если подумать...

Паук со своими ноутбуками и мрачной лачугой, оплетенной проводами, казался ваксам могучим шаманом. И кшаргам тоже. И уважали они его не меньше, чем того же Млиша.

У Млиша сид был. У Паука нет.

* * *

Олег понятия не имел, как добываются сиды. Как выдерживать жар Гриндира, он тоже не знал. На Земле пустыню видел лишь по телевизору. У него в наличии имелся один-единственный «эксперт» в этом вопросе – Мур. К сожалению, после расспросов вождя ваксов узнать удалось немного. Дикарь не умел толково объяснять и лишь запутал своими словами окончательно. Единственное, что было понятно, – троглодиты обязательно брали в пустыню бочонки с водой. Обливаясь ею, они предохранялись от тепловых ударов. Но этой защиты хватало ненадолго – углубляться от края слишком далеко было нежелательно. А жаль, считается, что шансы находок многократно возрастают в глубине Гриндира.

Отряд разведчиков состоял из девятнадцати мушкетеров первого взвода, самого Олега, Мура и десятка его воинов. Вождь ваксов говорил, что этого недостаточно – надо брать побольше солдат. Но у людей было всего лишь двадцать комплектов белой одежды, наподобие бурнусов [7] бедуинов. На большее просто не хватило ткани, но при необходимости ее можно закупить у южан. Именно это одеяние хотелось сейчас испытать. А уже потом совершить переход ниже, к тропе, по которой в Гриндир ходили местные ваксы и залетные отряды хайтов. Раз все стараются проникать в пекло именно там, значит, на то есть причины. Очевидно, в этом месте

меньше сложностей с добычей или больше шансов не остаться с пустыми руками. Сразу туда двигаться не стали – ждали, когда от портала вернется группа, посланная в поселок с грузом киновари и перегонявшая заодно трофейный скот. Назад они должны привезти продукты и порох, после этого уже двинуться дальше все вместе.

Вот и решил Олег, пользуясь моментом, устроить испытание пустынной экипировки.

Отряд, двигавшийся к границе Гриндира, выглядел для здешних мест несколько экстравагантно. Люди издали были очень похожи на солдат в зимних маскхалатах – на фоне летней зелени выходило оригинально. Практически голые ваксы, шагавшие с ними вперемешку, вносили некоторый диссонанс, как и их секиры на фоне мушкетов. Олег понял, что переодеться в пустынную одежду надо было наверху, преодолев склон гряды, поросший лесом и кустарниками. Ветки так и норовили влезть в складки одежды, задирали, цеплялись. Бедуинам в своих пустынях хорошо – там такого безобразия не бывает.

вернуться

7

Бурнус – плащ, носимый бедуинами (арабские кочевники – обычно обитатели пустынь).

Наверху крупная растительность исчезла – как отрезало. Лишь жалкие пучки чахлой травы жались среди камней. Противоположный склон спускался полого, ровным скатом. Метрах в ста исчезали последние признаки нормальной жизни и начинался сам Гриндир.

Голая красноватая пустыня, практически ровная, лишь вдали, будто курганы, вздымаются низенькие конусовидные холмы. Корявые кусты, кое-где выбивающиеся из глинистой почвы, лишены листьев и столь же красны, как и вся пустыня. Зато чахлая трава, пробивающаяся вокруг них, ядовито-желтая.

Все как в прошлый раз, ничего с тех пор не изменилось. Олег, правда, забредал в пустыню не здесь, чуть восточнее, но разницы сейчас не заметил. Разве что в этом месте не было останков неудачников, нашедших смерть на границе этой колоссальной топки.

Вздыхнув, Олег достал из рюкзака пластиковую бутылку с водой, чуть приоткрыл, поднял, направил тонкую струйку себе на макушку:

- Давайте, ребята, устроим себе небольшой дождик. Мур говорит, что без таких водных процедур нам в этой топке будет тяжело.

Бойцы дружно полезли в рюкзаки, с шутками и подначками начали обливаться. Белоснежные бурнусы, прежде развивавшиеся свободно, после такого варварства превратились в жалкие обвисшие тряпки, прилипшие к коже. Ваксы тоже раскрыли свои бочонки, аккуратно, сберегая воду, облили друг друга. Одежды на них практически не было – лишь набедренные повязки, но зато на коже хватает растительности – вот ее-то и надо пропитывать влагой.

Первый шаг на почву Гриндира был шоком. Только что твое лицо ласкал нежный летний ветерок, по мокрой коже бегали холодные мурашки – и вдруг... Один шаг, и ты в доменной печи. Конечно, это преувеличение – здесь не столь жарко, но первое впечатление именно такое.

Слишком резкий контраст – будто одним шагом из Антарктиды в полуденную Сахару попал.

Бойцы, преодолевая невидимую границу, испытывали сильные эмоции – мало кто сдерживался от изумленного крика или грязного ругательства. Мокрая одежда нагрелась почти мгновенно, вода с ткани испарялась с дивной скоростью, от людей струйки пара начали подниматься. Кроме того, нос сильно раздражало какой-то ядреной кислотой. По-видимому, от этого запаха во рту появился сильный привкус металла.

Олег поднял голову, уставился в небеса Гриндира. Лучше бы он этого не делал – в горле застрял изумленный крик. Неба здесь вообще нет – коричневый туман клубится высоко над головами, будто где-то там пыльная буря бушует. И солнца не видно. Тогда откуда такой жуткий жар? Лучше об этом не задумываться, здесь и без того хватает причин для того, чтобы свихнуться. Любой гений-ученый немедленно сбрендит, сделав один роковой шаг, отделяющий нормальный мир от этого раскаленного абсурда.

Сглотнув внезапно загустевшую слюну, Олег обернулся к обливаемому потом Муру:

- Ну и где здесь ищут сиды?

Вакс, подняв руку, указал куда-то вдаль.

- Вон там. Холмы видишь? Это логова стеклянных пауков. Они делают свои гнезда возле больших луж. В лужах кипит синяя грязь. Ее надо черпать бочкой, в которой дно обтянуто сеткой из волос. И, бывает, попадаются сиды. А еще много сидов есть в логовах пауков. Но туда лезть нельзя – умрем быстро. Но может повезти, найдется пустое логово, где все пауки умерли. Тогда получается украсть много сидов.

- А там они в чем? Тоже в грязи?

- Друг Олег, этого я не знаю. Я слышал, что когда-то, очень давно, наши воины нашли в таком логове много сидов. После этого наш народ стал могуч и мы покорили всех соседей.

- Вы добывали сиды именно в грязи всегда?

- Да. Но мне ни разу не попался. Тот сид, что сейчас у меня, дал мне отец. Он вырезал его из мелкого стеклянного паука. Воинам удалось его поймать и вытащить на веревках из Гриндира. Потом они его утопили в озере. Плохой оказался сид, он был сразу маленьким, а сейчас стал мутным.

- Так эти кристаллы еще и в пауках есть?!

- Сиды? Да, сиды есть в стеклянных пауках. А еще они есть во всех чудовищах, которые здесь живут. Они у них в глазах или на середине лба – между глазами.

- Мур! Ну ты даешь! Из тебя всю информацию надо калеными клещами вытаскивать! Что же ты раньше мне это не рассказал!

- Так ты про чудовищ не сильно ведь расспрашивал. Да и зачем тебе это знать? Легче вычерпать огромное озеро грязи, чем убить одного стеклянного паука. Мне кажется, что от его каменного тела будут отскакивать даже ваши свинцовые пули. Это страшные чудовища. Демоны Гриндира. Хотя в Гриндире и без них все страшно. Здесь даже трава может убивать.

- Я знаю, где валяется туша одного местного монстра. Это недалеко отсюда, на обычной земле.

- Как хорошо! Жаль, что ты это раньше не сказал, мы бы уже добыли из него сид!
- Жаль, что ты, друг мой Мур, не рассказал сразу, что сиды в них есть!
- А что за чудовище?
- Ну... Видел в озерах тритонов? Скользкая тварь вроде помеси ящерицы и лягушки?
- Видел. Мы на них сомов ловим.
- Вот примерно такое чудовище было. Как тритон. Только размером побольше коровы.
- А! Это ргах! Знаю! Если ргах на тебя посмотрит, ты превратишься в камень. И он высосет из тебя дух. Страшное чудовище. Я не слышал, чтобы кто-то его убивал. От чего он умер?
- Не на того посмотрел...
- Друг Олег, я тебя не понял.
- Мур, мы сюда что, болтать заявились? Давай пройдемся вдоль границы хотя бы с полкилометра. Мне надо проверить, выдержат ли этот жар мои ребята.
- Здесь мы ничего не найдем. И чудовищ не увидим. Они не любят бродить возле края.
- Странно... Тот ргах вообще вышел из Гриндира и спокойно шастал по нормальной земле.
- Ргах может. Ргахи любят выходить. Из-за ргахов никто не селится рядом с Гриндиром.

Бурнус почти высох, и Олег, не жалея воды, облил себя заново, зашагал впереди отряда, параллельно границе пустыни. Если что-то пойдет не так, достаточно проделать пару десятков шагов, и выберешься в нормальный мир.

На ходу он отмечал недостатки пустынной экипировки. Ее легкость сыграла плохую службу: тонкая ткань, даже смоченная, нагревалась вмиг, прилипала к телу, обжигала кожу. Никакого ощущения прохлады - будто завернут в горячее полотенце. Здесь больше пользы было бы от ватных штанов и курток - теплая одежда неплохо изолирует тело от внешнего жара. А если ее сделать двуслойной, с непромокаемым внутренним слоем... Должно получиться удобно: намочив верхний слой, за счет испарения получишь некоторый отток тепла. И в то же время мокрая ткань не достанет до кожи, будешь париться при температуре тела, а не в пекле адском. Тоже, конечно, не курортные условия, но над этой идеей стоит подумать.

Вторая проблема посложнее - дыхание. Носоглотка мгновенно ссохлась, в носу, похоже, от жара даже волосы скручиваться начали. От рези в слизистой на глаза наворачивались слезы. Ртом хватать это пламя тоже не подарок - зубы чуть ли не трескаются, и язык старается в трубочку ссохнуть. Что с этим можно придумать? Через мокрую ватно-марлевую повязку дышать? Не поможет - обжигать будет уже не сухой воздух, а горячий пар. Ладно, пусть Добрыня думает - он на этих сздах сбрендил, значит, сам и должен решать проблемы, обнаруженные Олегом. Терпеть жар, конечно, некоторое время можно, но вот не пострадают ли органы дыхания? Не хотелось бы заработать инвалидность из-за каких-то кристалликов.

Вдали, между холмов, засверкала россыпь ярких точек. Мур, заметив это дело, мгновенно прокомментировал:

- Стекланные пауки.

Олег, остановившись, поднял бинокль. Увы, даже оптика не позволила ему разглядеть подробности: холмы стали чуть больше, а точки ярче – только и всего.

- Какой у них размер?

- У взрослых размер мне по шею, у мелких бывает и по колено.

- Всего-то?! Я по твоим рассказам решил, что они огромные.

- Легче убить сто лесных тигров, чем одного стеклянного паука. Они очень страшны. Их блестящая кожа крепче бронзы, челюсти легко перекусывают воинов напополам, а пики на передних лапах пробивают деревянный щит будто гнилую тряпку.

- И что вы делаете, когда они на вас нападают?

- Друг Олег, мы убегаем.

- А если не получается убежать?

- Тогда запутываем им ноги веревками и бьем копьями. Если повредить место, откуда растет нога, паук становится медленным. Но повредить трудно. Сбежать проще. Даже если догонит, пока будет разрывать на куски одного, остальные убегут далеко.

- Господи... и как меня сюда угораздило попасть... Иногда кажется, что в этом мире не осталось ни одной вонючей дырки, которую мной не затыкали, но нет же – находится еще одна, поуже и повонючее...

- Друг Олег, я не пойму, о чем ты говоришь?

- И понимать нечего. К этим паукам нам когда-нибудь придется вернуться. И вырвать у них сиды вместе с головами.

- Стеклянные пауки это делать не позволяют.

- А кто их спрашивать будет? Или нас? Добрыня хочет обеспечить нас сидами на века, а может, у него насчет них и другие планы есть... Ладно, достаточно – выходим. Все, что надо, я уже увидел. В следующий раз придем сюда всерьез, с оружием против этих паучков... или с надежным способом их умерщвления.

* * *

После Гриндира полдень солнечного летнего дня казался чуть ли не стужей – впечатление сродни тому, будто из раскаленной парилки нырнул в январскую прорубь. Бойцы с наслаждением содрали бурнусы – за каких-то минут пятнадцать – двадцать светлая ткань одеревенела от высохшего пота. Людей пошатывало – столь сильные перепады температур на самочувствии сказываются не лучшим образом.

Когда Олег спустился наконец к реке, ему показалось, что сегодня он в быстром темпе отмахал километров пятьдесят на своих двоих с наковальной в рюкзаке – ноги подгибались. От противоположного берега отчалила лодка с парой ваксов. Опасаясь нападения обитателей Гриндира, лагерь Олег поставил к северу от реки, надеясь, что через воду они не переберутся. Хорошо, что рядом у союзников была стоянка рыболовов – без их долбленки переправляться для разведки было бы очень неудобно.

В лагере его ждала приятная новость: группа вернулась из поселка. Они благополучно доставили трофейную киноварь и скот, взамен притащили боеприпасов и продуктов. Запасы отряда теперь вернулись к первоначальным цифрам, как будто не было войны в горах. Правда, разрывных снарядов сейчас было поменьше, но это небольшая потеря – в боях с ваксами они не особо-то и помогли.

Кроме вещей доставили еще и послание от Добрыни. Вождь островитян решил, что война в горах вышла слишком уж скоротечной, и придумал для экспедиции новое задание. После разведки тропы, по которой в Гриндир бегали местные ваксы и хайты, им следует отправиться на север – исследовать район верхнего течения Нары, желательно до границы с Хайтаной. При этом помимо поиска месторождений полезных ископаемых следует обращать внимание на наличие земель, пригодных для пахоты. Если таковые найдутся в большом количестве, следует изучить их досконально, создав подробные карты с указанием роц с хорошим строительным лесом, местами, где можно добывать строительный камень, известняк и глину. Источники, ручьи и речки, озера, ориентиры – нанести надо как можно больше точных данных. В дальнейшем там будет создано сельскохозяйственное поселение, и такая карта первым поселенцам очень пригодится. Опираясь на поддержку союзных ваксов, эти люди должны будут перекрыть хайтам доступ к Гриндиру.

Настоящая глобальная стратегия...

Сегодня вечером Олег прикажет зарезать последнюю свинью и выставит последнее пиво. Пусть ребята порадуются спокойным деньком – тоже последним. Завтра они выступят к тропе, а после отправятся на север. Долгих отдыхов с капитально устроенными лагерями больше не будет: чем больше они пройдут, тем большую территорию удастся исследовать.

Глава 11

- Слушай, а твой здоровенный приятель хоть иногда говорит? – лениво поинтересовалась Рита.

- Ты это о Кире? – уточнил Андрей.

- А у тебя есть другой молчаливый здоровенный приятель?

- Нет, такой один... Киркоров немой. Когда наш самолет упал, ему шею сильно повредило. Непонятно, как он вообще выжил, но с тех пор говорить не может. Поначалу как-то сипеть пытался, но потом бросил это дело. А зря, может, приловчился бы говорить заново, потренировавшись.

- Хорошее вы ему прозвище придумали... юмористы. Я бы, наверное, попроще сделала. Назвала бы его Певец.

- Любишь ты поиздеваться, – хмыкнул Андрей.

Беседовать было не слишком удобно: Андрей с Ритой лежали животами в траве, наблюдая, как в сотнях метров от них неторопливо разворачивается загонная охота. Диких коз заметил Серж – посланный в дозор, он вскоре прибежал назад, заявив, что рядом пасется стадо антилоп. Насчет стада он загнул – стайка: козел с длиннющими рогами, две самки и мелкое создание неопределенного пола. Рита заверила, что в крупном звере не менее трех десятков килограмм мяса и съедобной требухи. Не слишком много, но в отряде осталось всего лишь одиннадцать человек, хватит накормить всех до отвала. На два-три дня продовольственная проблема будет решена. Потом опять придется что-то придумывать, но это будет уже потом.

Подойти к пугливым животным на расстояние броска дротиком нечего и мечтать. Подкрасться незаметно тоже не получится – растительность в этих местах далеко не пышная, в здешней траве даже кошке нелегко пробираться незаметно. Пришлось мудрить с облавой. Девять человек направились в обход стада, двое засели в удобном местечке. Если все пройдет, как задумано, антилопы должны промчатся возле засады.

Жарко припекало солнце, вечно голодные мухи и жирные слепни жадно атаковали человеческую кожу, снизу на вкус ее пробовали муравьи. В общем, лежать было не слишком весело. Андрею надоело ерничанье женщины, и больше он ее расспросами не донимал, чтобы не нарваться на иронические отповеди. Странная она, ей-богу, не может три слова сказать, не попытавшись при этом пару раз доказать, что ты дурак. В итоге вышло как в анекдоте: «Проще пятнадцать минут помолчать, чем всю ночь уговаривать». Рита наконец нарушила молчанку сама – смилостивилась до вопросов.

Теперь надо не вспугнуть: может, она что-нибудь интересное расскажет?

- Андрей, а почему у тебя прозвища нет?

- Не понял?

- У всех ваших ребят прозвища – я еще ни разу не слышала, чтобы по именам кого-то называли – только женщин. А тебя по имени.

- Не всегда. Иногда говорят Дрю.

- Это не прозвище, это радикальное уменьшительное от имени. Ты что, большой босс у них? К тебе только по имени можно?

- Да нет, я тут далеко не босс. Просто эти лагерные игры не по мне. С самого начала этому не переставал сопротивляться.

- «Лагерные игры»?

- Ну да. Прозвища-погоняла, жаргон тюремный – это у нас как-то постепенно сложилось. Не знаю даже почему. Возможно, это неминуемо в таких условиях. Хотя, будь люди другие, вряд ли бы так вышло... Не мое это. Мне кажется, что, отказываясь от своего имени и привычного языка, ты как бы опускаешься. А опуститься в нашем случае... это означает смириться с тем, что ты обреченный скот. Знаешь, от чего у нас больше всего народа поумирало? Не от болезней и не от запусков – больше всего у нас оказалось самоубийц. Человек понимает, что он полетел вниз, в бесконечный тупик, и надежд выйти из него у бедолаги на каком-то этапе уже не остается. В наших условиях прикончить себя очень нелегко было. Я диву давался, какие способы придумывали люди. Столько труда, смекалки, упорства... Просыпаешься утром, а рядом с тобой в уголке сарая твой товарищ в темной луже – ночью перерезал на руках вены куском стекла, а когда убедился, что кровь не желает хлестать фонтаном, чикнул себя по горлу... Эту энергию на что-то другое бы пустить... А на что? Я вот всю ее пускал на сопротивление – не поддавался. После каждого дождя стирал одежду – грязь всю не убрать, конечно, но зато себе мог признаться честно, что не стал неряхой, не опустился. Разговаривать старался без фени. Регулярно устраивал побеги. Знал, что бежать оттуда некуда – мы ведь не подозревали, что в этом мире есть другие люди и земли, чистые от «этих». Побегом доказывал – я с этим еще не смирился. И на попытки дать прозвище реагировал нехорошо – как минимум не отзывался.

- А как максимум?

- Один раз... В общем, он это заслужил...

- Набил морду?

- Ну... громко сказано. Дал ему один раз - уж очень сильно уговаривал. При охране двинул. Те драки не приветствуют, не разбираясь избили нас обоих, да так, что я потом рожу неделю руками придерживал, чтобы не рассыпалась. Еще и зрителям досталось. В итоге остался без клички.

- Крутые у вас порядки были. А за побеги тоже били?

- Когда как. Но обычно не сильно. Почему-то побеги их не особо волновали. А вас разве не лупили за них?

- Ребят, что были со мной, раз избили, но меня не тронули.

- Джентльмены... мать их...

- Я не знаю, что бы на твоём месте делала. Бегать-то бессмысленно, надежды у вас вообще никакой. Мало того что не знаете, куда бежать, так неизвестно, есть ли вообще хоть малейший смысл в этих побегах. Все равно что на Земле от людей скрыться попробовать, не зная при этом о людях ничего. Из центральных областей Хайтаны никто не возвращается. Хотя вроде бы какие-то легенды по этому поводу слышала, но это так, на уровне слухов. Не удивлена: даже те, кто все понимают, стараются на восток идти, а это стопроцентная поимка - через густонаселенные районы приходится пробираться. На юг раньше бегать тоже опасно было - попадаешь к Наре, а там главный рассадник каннибалов. А у вас вообще дороги никуда не было, можно смело топтать к центру Хайтаны - с тем же результатом. Хотя на вашем месте я бы, наверное, сразу попробовала устроить восстание. Разгромить поселок, захватить продукты и попытаться толпой прорваться. Вас же сперва много было.

- Ага. Под сотню. Но при этом много покалеченных, да и изначально небоеспособных. Посмотри на нас: мы выжили, значит, мы самые выносливые. Но при этом в бою против восьми хайтов мы потеряли десять человек, плюс Обух повесился еще до их появления. И это при том, что вы нам тогда помогли. Трое наших мужиков дали себя прикончить полудохлому дистрофику. Они могли бы его легко удушить как слепого котенка, но не стали даже пытаться сопротивляться... Им даже инстинкт самосохранения не помог - это уже ненормальное что-то. Ведь не мог же полностью атрофироваться инстинкт самосохранения? Вот и считай: девятнадцать наших плюс трое ваших, равно двадцать два или двадцать один без Обуха, против восьми хайтов. Мы победили, потеряв при этом одиннадцать человек. И это при том, что мы были не с пустыми руками. А в поселке туземцев поначалу было больше сотни, при этом они все с оружием, а мы без. Какие у нас при таком раскладе шансы были? Да никаких.

- Больше сотни?! Ты же говорил про пятьдесят, точнее, сорок девять.

- Это в конце уже так было. Ведь прошлой осенью ушло много - около тридцати, а по первому снегу еще пара десятков сгинула. До этого никогда никто из них не уходил. Лишь умирали они иногда или при запусках гибли, но вскоре приходила замена: обычно это были старые, искалеченный хайты. У нас, я так понимаю, был глубокий тыл - к нам самых негодных отправляли.

- Не думаю, что это тыл. Скорее, южная окраина. Но все равно интересно... Знаешь, Андрей, тебе надо обязательно попасть к нам и все рассказать под запись.

- Да что тут интересного? Я и так тебе все уже рассказал. Ты бы лучше про вас что-нибудь добавила, это гораздо интереснее.

- Про нас ты и сам узнаешь... надеюсь. А вот про хайтов... Ты сказал, что осенью ушло тридцать, а к зиме еще два десятка. Назад они не вернулись?

- К зиме вообще-то ушло четыре десятка, но вернулось только два.

- Так... Первые ушли в набег на восточников и Монаха. Тех мы на нашем берегу разбили вдребезги, и флот их разогнали. Неудивительно, что никто назад не вернулся. Со второй партией сложнее: они понесли потери в зимней войне на земле Хайтаны. Кто выжил - вернулся. В итоге их в поселке осталось сорок девять... Ты понимаешь, что это значит?

- Нет.

- Эх ты!.. Смотри, была сотня - осталось полсотни. Прошла зима, прошла весна - лето наступило. Никто не прислал пополнение, чтобы возместить вам потери. Вот скажи, работать стало тяжелее после того, как половина хайтов сгинула?

- Ну ты спросила! Не то слово - хайты ведь вкалывали не меньше нас. Потерять столько рабочих рук... До этого у нас бывали тихие деньки - чуть ли не отдых, но, когда те гады исчезли, каторга началась круглосуточная. И все равно туземцы недовольны были: бывало, уже по темноте к пирамиде таскали носилки - из-за этого травмы частенько случались.

- Вот! Может, и последний запуск, сломавший пирамиду, из-за нехватки рабочих случился.

При слове «запуск» Андрей невольно поморщился: «табу» не желало забываться.

- Рита, я так и не понял, к чему ты это все говоришь?

- Да к тому... Видел брошенные поселки? Я тоже такие видела, когда бегала по степи от хайтов. А когда меня таскали от загона к загону, нередко видела еще не заброшенные, но близкие к этому: двадцать рассыпающихся сараев и два-три обитаемых. Похоже, умирает Хайтана. И умирает уже давно. Мы лишь ускорили этот процесс.

- Умирает?!

- Может, и не умирает, но не все у них ладно - это факт. Потери прошлого года они не могут возместить. Получается, у них, возможно, нет резервов. Две войны их обескровили. Да и до этого не все ладно было: если народ оставляет свои селения, не все у этого народа ладно. Восточники рассказывали, что раньше бывали нашествия, когда сотня тысяч хайтов доходила до их королевств.

- Второй поселок бросили, потому что почва истощилась. Они там выращивали зерно.

- Может, и так. А первый? В котором тоже пирамида была... Почему бросили? А ваш поселок, вымерший наполовину? Случись что с остальными, прислали бы новую сотню? А? Думаю, некого им присылать. В прошлом году они к нам заявились, платину мыть пытались для чего-то. Мы их поубивали, и никакой реакции не последовало: никто не пришел за них мстить или пытаться возобновить добычу. О чем, по-твоему, все это говорит? Сдувается Хайтана - это всем уже должно быть понятно.

- Ты делаешь слишком смелые выводы. Информации-то почти нет.

- Ты прав. Мы вообще про хайтов ничего не знаем. Мы их не понимаем. Они чужие здесь.

- Ты о той легенде, что Серж рассказывал? Про то, что хайты из иного мира пришли?

- И про нее тоже. Тут много чего накручено вокруг них... Ведь эти края издавна были странными. Мы нашли здесь телепорт: нечто вроде короткого замыкания пространства. Шаг сделал, и за сотню километров попадаешь. Говорят, таких штук раньше было немало, причем именно на правом берегу Фреоны. Народ здесь баловался технологиями, никому больше не известными, или просто использовал какие-то местные особенности. А может, им по наследству что-то досталось, от пришельцев или древних цивилизаций. Потом произошел апокалипсис: появились хайты и куча других неприятностей, причем есть легенда, что все это произошло из-за какого-то мага, пытавшегося открыть телепорт волшебным ключом. И вариантов этой легенды множество, а дыма без огня не бывает. Тогда возникли новые земли, совершенно непохожие на привычный мир. Чудовища похлеще хайтов появились и немало бед тогда наделали. Их скелеты и панцири до сих пор находят в самых неожиданных местах, иногда за сотни километров от Хайтаны. Сейчас от всего этого чужеродного вроде бы остались лишь хайты и Гриндир. Ну еще на болотах вроде бы что-то осталось, но так, по мелочи... Гриндир, похоже, нормально держится: пропадать не желает, а вот хайты... В их действиях вообще не видно логики. Они мне чем-то напоминают пчел, о которых бесконечно рассказывает Сергей. Знаешь, если в ячейке сот проткнуть дно, оттуда начнет вытекать мед. Но пчела будет заливать ее снова и снова - она не замечает, что льет в дырявую емкость. У нее инстинкт. Твой рассказ о запусках напомнил мне про это. Похоже, эта странная деятельность раньше имела какой-то практический смысл. Но потом что-то разладилось. Возможно, не хватает каких-то веществ: хайты при мне пытались добывать платину, а еще, говорят, каких-то мерзких личинок на болотах собирали. Может, что-то уже добывать невозможно стало... Вот и выходит у них ерунда, которая сама же их и калечит. Хотя это просто гадания. Мне кажется, мы никогда не поймем, что же такое хайты. Они непознаваемы для нашего мышления, к ним нельзя применять нашу логику. Они делают то, что делали в своем мире, а попав сюда, пытаются это повторять. Но мир-то этот другой, и не все у них получается. Они наверняка в какой-то мере к нему адаптировались, вот только не полностью. Так и остались непознаваемыми чужаками, занятыми бессмысленным делом.

- И они, повинувшись инстинктам, механически повторяют одно и то же привычное действие, не обращая внимания на отрицательный результат? Просто подчиняются инстинкту?

- Возможно... Те скаты, которые рождались в пирамиде, - мы их встречали у себя. Изредка. Местные их называют унто. Бывает, они опускаются к реке и качают из нее воду. В одном из плаваний за пороги видели унто длиной около километра. Может, и показалось, а может, они просто способны расти, или где-то существуют пирамиды побольше вашей. Еще они, бывает, обстреливают костры, если их разводить в горах. Делают это только ночью, на месте обстрела потом находят кучу мельчайших стеклянных шариков с включениями магнетита. Наши специалисты считают, что их целыми тучами выпускают из какой-то магнитной пушки и каким-то образом раскаляют. Возможно, схоже с тем фокусом, что проделывают алтанакис с помощью своих сидов. Сиды, кстати, получают из Гриндира - эта пустыня появилась вместе с хайтами. В любом случае в поведении «скатов» не видно смысла: летает, пьет воду, тушит костры. Иногда обстреливает как людей, так и своих создателей. Олег рассказывал, что на поселок хайтов они с небес напали при нем. И те отстреливались в ответ.

- Наши тоже готовы были к нападению. На этот случай у них огромный арбалет был, с зажигательными стрелами. Только при одном из запусков он сгорел, без него остались.

- Давно это было? Арбалет давно сгорел?

- Да, еще при первом запуске.
- И его не починили?
- Нет. Башня осталась выжженной, от арбалета одни головешки остались.
- Вот видишь, они даже оружие сложное починить неспособны.
- Ну... может, просто у нас поселок был, гм... провинциальный. Все как дома: яму на дороге в Москве заделают за двенадцать секунд, а в Мухосранске будут ждать второго пришествия.
- Может, и так.
- Слушай, я вот еще что подумал: может, наше появление здесь – это явление вроде того, при котором сюда попали хайты. Просто тогда в древний район, богатый телепортами, угодили обитатели другой планеты, но не Земли. А теперь настала наша очередь. Эх, не повезло нам. Ну почему пилоты тогда не догадались повернуть на восток?
- Вам еще повезло. Самолетов было как минимум два. Один из них валяется в предгорьях, при переносе разбился. Там никто не выжил. Да и не знаю, где бы вы сели у нас – возле Фреоны ровных площадок нет. Разве что на речной луг или прямо на воду.
- Повезло, говоришь... Посмотри, нас осталось всего восемь человек. А в самолете было около полутора сотни, почти полная загрузка. Неплохо нам повезло...
- Андрей, тихо. Антилопы что-то почуяли. Готовься.

Пугливые звери действительно начали нервничать. До этого они на загонщиков не обращали внимания. Но едва люди приблизились на пару сотен шагов, животные мгновенно прекратили пастись, напряженно засуетились, оглядываясь на приближающуюся угрозу. Миг, и стайка дружно рванула из замыкающегося полукольца.

Проклятье! Еще бы минута, и им для выхода осталась бы только узкая горловина, в которой притаились метатели дротиков. Андрей трезво оценивал свои таланты стрелка и понимал, что удачный бросок сможет провести лишь вблизи – желательно в упор. Теперь об этом не стоит и мечтать – быстроногие животные проскочат метрах в пятнадцати правее. Как же плохо! Хотя бы уже левее рванули – не придется поворачиваться перед броском.

Рита не растерялась – вскочила, рванула вправо, перекрывая стайке путь. Животные, заметив ее, кинулись влево, чуть ли не на Андрея. Амазонка выпустила первый дротик, схватилась за второй, не дожидаясь результатов первого броска.

Вот он, звездный час Андрея! Животные мчались почти на него – в нескольких шагах должны проскочить.

Приподнявшись на колено, он отвел назад занесенный дротик, запустил в самца, целя в шею. Увы, он недооценил молниеносную реакцию пугливых травоядных. Завидев новую опасность, они синхронно изменили курс, огибая мужчину. Причем проделали это с такой дивной быстротой, что дротик прошел мимо – на метр промахнулся, не меньше.

Вот теперь ему точно хана – ехидная амазонка его со свету сживет. Мазила! Почти в упор промазал! До козла можно было уже рукой дотронуться, а он ухитрился промазать! Крот слепой и в придачу близорукий!

Рядом просвистел дротик – Рита все же успела пульнуть еще разок. Охота окончена – антилопы исчезали вдаль со скоростью гоночных болидов. Не убили, так напугали – теперь будут удирать, пока горизонт не догонят.

Интересно, а что сегодня будет на ужин? Тумаки косоглазому охотничку?

– Неплохой бросок. Хотя я бы на твоём месте все же целилась в козла. – В голосе приблизившейся к Андрею Риты не проскальзывало ни малейшего намека на издевку.

– Я в него и целился, а не в эту планету, – буркнул Андрей.

– Да? Странно тогда... Я уж подумала, что ты гурман.

– Ты о чем? Издеваешься?

– И не думала. Просто молодая козлятинка, конечно, вкуснее должна быть. Вот только мяса в козленке не слишком много...

– Да ты о чем вообще?!

Рита, недоуменно покосившись на Андрея, нагнулась, вытащила из травы маленькую тушку. Бедный козленок умер мгновенно – без мучений. Дротик влетел ему прямоком в рот. Тонкое лезвие, выбив зубы, пронзило голову, вышло на пол-ладони из затылка.

Неплохой бросок.

Только тут Андрей понял, что это его рук дело – промахнувшись мимо козла, он подбил козленка. Так только дуракам везет. Надо же, он этого даже не заметил. Близорукость, наверное, или просто ослеп от досады, когда понял, что козел ушел.

Тем временем к месту действия стекались загонщики, издали приветствуя успех стрелков одобрительными криками. Андрей приободрился – похоже, сильной критики в его адрес не предвидится, как и тумачков. Козленок, конечно, двадцать кило мяса не даст, но зато на вкус получше, и уж на ужин его хватит. Да и вообще, для изголодавшихся желудков молодое мясо полезнее.

Но завтра придется опять решать продовольственный вопрос.

* * *

К вечеру беглецы достигли подъема – степь впереди вздымалась пологой исполинской гривкой. Можно было на полтора десятка километров разглядеть все впереди. Если там есть вражеские поселки, достаточно хайтам в сумерках костер оставить или факел – огонь издали заметен.

Рита, оценив изменение ландшафта, неуверенно предположила, что это западные отроги низкой гряды, проходящей по левому берегу Нары. Если это так, то, миновав водораздел, они окажутся в бассейне этой реки – к ней любой ручеек там приведет. По ее словам, на Наре никогда хайтов не видели, что не могло не радовать. С другой стороны, она честно призналась, что выше соляного месторождения земляне никогда не заглядывали, и там в принципе может быть что угодно – от дикого леса до густо заселенных берегов, заставленных сотнями пирамид со зреющими в их недрах «скатами».

Опять же островитянка понятия не имела о местах, по которым они скитаются, и привязать их

к известным ей ориентирам не могла. Это означало, что до безопасных краев может быть двадцать километров, а может и пятьсот двадцать – после чуть ли не полугодовых хаотичных скитаний в колоннах пленных она теперь даже примерно не представляла, куда же ее занесло.

От Лекса и Сержа толку вообще не было – они соображали в здешней географии еще меньше амазонки.

Ну что ж, остается только одно – просто продолжать идти. Рано или поздно куда-нибудь выйдут.

Лагерь разбили у подножия подъема, на дне маленького овражка с крутыми склонами. С большим трудом нашли относительно ровную площадку, на которой можно устроить ночлег. Ниже ее развели костер – дым, поднимаясь вверх, будет распугивать кровожадных местных комаров. Их в степи немного, но хуже нет, когда, засыпая, ты слышишь над ухом голодное жужжание этих членистоногих вампиров.

Андрей, собирая топливо, убедился, что свежих следов деятельности аборигенов не наблюдается. Ему попались лишь два древних пенька, оставшихся от тощих деревьев. С тех времен в овраге вдоль ручейка поднялись чуть ли не джунгли, парочка белых тополей вымахала так, что тремя ладонями не обхватить.

И до этого по пути ему уже не раз встречались такие «гиганты». Хороший признак. Очевидно, заготовка дров в этих краях ведется слабо. А возможно, если права Рита, просто окрестности постепенно приходят в упадок – поселки помаленьку вымирают и больше некому работать топорами.

Вода в здешнем ручье оказалась горьковатой. Но искать другую нет ни времени, ни желания – сойдет и такая. Ободранную тушку козленка разрубили на куски, закинули в кипящую воду вместе с костями, легкими, почками, мозгом, сердцем и печенью. Из приправ только степной перец, собранный по пути, да щавеля немного женщины успели собирать. Учитывая отсутствие соли, варево вышло адское. Но недовольных не было – на похлебку и мясо накинулись, как на мечту всей жизни. Андрею даже пришлось повысить голос, отрывая народ от котла – он хотел немного оставить на завтрак, да и опасно сильно напрягать на ночь измученные голодухой желудки.

В темноте он поднялся наверх, оттуда окинул взглядом окрестности, высматривая огни костров или факелов. Спустившись вниз, начал располагаться на ночлег, при этом сообщив уже дремлющим спутникам:

- Восточнее нас огонь горит.
- Далеко? – вскинулся Прапор.
- Трудно сказать... Несколько километров, точнее не могу сказать.
- Думаешь, это поселок?
- Наверное. Сомневаюсь, что это бедолаги вроде нас.
- Если поселок небольшой, можно попытаться на них напасть, – чуть насмешливо предложила Рита.
- И зачем нам такие приключения? – удивился Прапор.

- У них есть еда. Для приготовления халвы много чего используется. Мне однажды удалось заглянуть в их склад. Видела зерно, вяленое мясо и рыбу, сушеные овощи и грибы, травы какие-то, даже соль была. От соли я бы не отказалась сейчас... почему-то очень хочется именно соленого... будто беременная...

- Ну тогда я тоже беременный, - констатировал Прапор.

- Ребят, к мешкам с этой солью приделано несколько десятков хайтов, - охладил их Андрей. - Мы не супермены, нас покрошат на приправу к халве при малейшей попытке подобраться к поселку. Так что остыньте со своими бредовыми идеями. Или вы решили, что раз прикончили тех, то вам уже все по плечу? Мы в той драке потеряли десять наших, не забывайте об этом.

- Да помню я, - буркнул Прапор. - Но соленого охота просто ужас.

* * *

Утром Андрей прихватил Гнуса и заставил его внимательно изучить все впереди, пока восходящее солнце дает длинные тени. На свое зрение он не надеялся: далекий поселок близорукий вряд ли засечет - сараи почти не выделяются на фоне степи. Парень битых полчаса изучал окрестности и поклялся, что ничего подозрительного не заметил. Не увидел он ничего и на востоке. В принципе неудивительно, ночью огонь в степи даже близорукий может заметить за десяток километров, а днем без бинокля уже ничего не разглядишь.

Андрей принял решение идти прежним курсом - строго на юг.

На ходу, оценивая состояние своих спутников, он пришел к неутешительным выводам. Несколько дней в бегах сказывались не лучшим образом. Голод, утомительные переходы, постоянный стресс - народ изрядно вымотался. Из всей группы лишь Лекс, Рита и Кир шагали более-менее бодренько, остальные плелись будто французы армии Наполеона после посещения Москвы. Сколько они сейчас километров в час делают? Два? Вряд ли больше - едва ноги переставляют.

Народу нужен отдых, иначе... Вон у многих даже обувь почти рассыпалась, нужна долгая остановка для серьезного ремонта.

Подумав немного, он решил посоветоваться с Ритой. В своей тройке она была несомненным лидером, и с ее мнением волей-неволей необходимо считаться.

Поравнявшись с ней, он негромко проинформировал:

- Народ вымотан.

- Я заметила.

- Если бы не этот огонь в степи, я бы на день остановился в том овраге. Людям надо отдохнуть.

- Там нет еды. Без еды не отдых.

- Ну... щавель бы пожевали, там он рос. Зайцев следы там были тоже.

- Ты умеешь ловить зайцев?

- Я? Нет.

- И я не умею. Нам нужно место, где мы сможем добыть себе что-то посерьезнее этого щавеля. И при этом будем в безопасности.

- У тебя есть идеи?

- Всего одна. За этим возвышением, внизу, надо искать большой ручей или речушку. И там делать серьезную остановку.

- Если ты о рыбе, то у нас нет снастей для ловли.

- Была бы рыба, что-нибудь придумаем. Да и лягушек можно ловить, улиток речных собирать. Еда, конечно, так себе, но, думаю, не хуже тех же кузнечиков или ящериц. А я их ела уже - не смертельно.

- Я, кстати, тоже. Нормально, только насытиться невозможно. Думаю, твоя идея подходит. Если по пути подвернется серьезная добыча, остановимся у первого попавшегося ручейка или родника. Но если не повезет, ищем рыбное место.

- побыстрее надо. Вон у Тамары нога натерта, и у Прапорщика тоже неприятности намечаются - захромал. Пока терпимо, но пару дней таких переходов, и начнутся серьезные проблемы.

* * *

К вершине степного увала [8] вышли около полудня. Люди с жадностью залюбовались раскинувшейся перед ними панорамой. Южный склон оказался покруче северного - внизу, уже в паре километров, начиналась ровная степь, местами изрезанная оврагами и балками. Зелеными лентами на ней выделялись полосы древесной растительности вдоль ручьев и речушек. На вершинах редких гривок местами серели каменистые проплешины.

Вдали, у горизонта, поднимались настоящие горы - массивные, мрачные, загадочно-притягательные. К западу они заметно увеличивались, а к востоку горная гряда сходила на нет. Если вспомнить рассказы Риты и ее схему, вычерченную на одном из привалов прутиком на земле, становится легче на душе. Ведь это наверняка те самые упомянутые ею горы каннибалов. Мрачное, конечно, название, но зато теперь понятно куда идти - на юго-восток. Где-то там они должны уткнуться в Нару, а на другом ее берегу будут земли, населенные союзниками островитян ваксами, пришедшими в прошлом году.

Следов хозяйственной деятельности хайтов заметно не было. В степи полным-полно деревьев и кустов, если их и вырубали когда-то, то было это десятки лет назад. Единственное - внизу, у подножия склона, можно было разглядеть поселок аборигенов. Но даже близорукому Андрею было понятно, что он позаброшен очень давно - строения почти рассыпались.

Рита, указав вниз, довольно усмехнулась:

- Река. Тот поселок стоит у реки. То, что нам сейчас как раз нужно.

* * *

Против плана Андрея устроить здесь долгий отдых никто не возражал. Все понимали, что это действительно необходимо. Его, правда, продолжал смущать огонь, замеченный ночью, - неприятно сознавать, что неподалеку может быть поселок хайтов. Хотя что значит «неподалеку»? До него может быть все двадцать километров. А если и десять, то какая разница? Он останется по ту сторону гряды, оттуда их лагерь не разглядеть - ночью аборигены

не покидают свое жилье. Днем тоже опасности практически нет – хайты далеко от поселков отходят редко.

Спускаясь вниз, люди лишний раз убедились, что эта местность действительно дикая. Они испугали здоровенную птицу, удравшую от людей подобно карликовому страусу, и пару зайцев, смывшихся с наименьшей прытью. Кроме того, подняли стайку перепелок, а уж сусликов здесь было видимо-невидимо. Наличие полчищ этих грызунов натолкнуло Андрея на нехорошие размышления о происхождении вяленого мяса, попадавшегося в халве. Ведь там, за увалом, сусликов было гораздо меньше – будто их кто-то планомерно истреблял.

Поселок не впечатлил. От сараев остались лишь холмики оплывших стен. Если бы не геометрическая правильность этих останков, прошли бы мимо, не заметив. Река впечатлила еще меньше – ее и речкой-то трудно было назвать. Чистейший ручей шириной метра два. Журчит бодренько, дно песчаное, иногда с камнями. Кое-где над поверхностью возвышаются добротнo отшлифованные валуны. Из-под одного на глазах Андрея вынеслась маленькая рыбка, пулей скрылась вниз по течению.

вернуться

8

Увал – возвышенность с пологими склонами и без ясно выраженного подножия, длина которой обычно больше ширины. Вершинная поверхность, как правило, плоская или слегка выпуклая; относительная высота до 200 м.

Он повеселел – значит, какая-то рыба здесь все же имеется.

Кроме рыбы, которую еще предстояло как-то поймать, наличествовала добыча подступнее – на песчаных берегах зеленели стрелки дикого лука. Если поискать по окрестностям, возможно, и земляника найдется, а уж щавеля тут должно быть очень много.

Отряд перешел речушку вброд – Андрей решил расположиться на другом берегу. Там, среди зарослей густых кустов и приличных деревьев виднелась аккуратная поляночка, надежно укрытая от посторонних глаз. Здесь даже костер нелегко будет разглядеть – растительность хорошо укрывает почти со всех сторон.

Люди попадали на изумрудную траву; последний переход, когда, торопясь, одним махом спустились с увала, доконал всех окончательно.

Возле Андрея плюхнулась Рита, тихо проинформировала:

– Дождь будет. Сильный. Скоро.

– Ты откуда знаешь?

– Лекс сказал.

– А он откуда знает?

– Спроси у него сам! Вот же пристал... Лекс в таких делах никогда не ошибается – если сказал, что дождь намечается, то, значит, так и будет.

- Рит, вы же местные, особенно Лекс. Может, знаете способ, как рыбу поймать без снастей? Какая-то рыба тут есть, я одну видел.

- Я в этом не разбираюсь вообще. И Лекс ничего не знает, он тоже не рыбак, уже спрашивала. Одно я знаю точно: крупной рыбы в таких ручейках не бывает. Наши ребята на них рыбачили с удочками, с селедку размером что-то ловили, не больше.

- Блин! Да нам и с мизинец за счастье было бы!

- Да я к тому, что дротиком не поколешь - колоть можно крупную только. Так наши на Фреоне делали на моих глазах не раз. Рыбины там попадались с ногу, меньше у них не видела. Хотя я особо не интересовалась, может, и мелочь колоть как-то можно. Но дротиком это делать трудно в любом случае - у них трезубцы специальные для рыбалки были.

Серж, как и все, с интересом прислушиваясь к важной беседе руководства, предложил неожиданное:

- Можно в траву ловить рыбу.

- Это как? - не понял Андрей.

- Мы так делали, когда сюда только попали. Жрать ведь нечего было: грибы собирали, которые страшно было пробовать, ягоды, за птицами с палками гонялись. Черепах в плавнях ловили, они нас тогда здорово выручили. Доходило, что и лягушек лопали. Неплохо, кстати, мясо беленькое. Но черепаха гораздо лучше.

- Э! Хватит про черепах! Про рыбу давай, а то тебе дай волю, опять про пчел начнешь!

- Так пчел и тогда много было в наших краях. У нас ребята уже на второй день попытались в дупло залезть и потом от укусов так распухли, что на них штаны по швам трещали. А в дупле этом...

- Серж! Убью!

- Все! Молчу! В общем, озер у нас много, и Фреона под боком. Рыбы полно, сам понимаешь, а снастей никаких. Короче, мы стали так делать - залазили в воду гурьбой и быстро тащили к берегу ком из травы и тростника, переплетенный ветками и листьями камыша. В него, бывало, приличные рыбины запутывались, а мелочи вообще полно было. Если место тихое и водорослей много, так прямо через водоросли и тащили - самые богатые уловы получались. Пару щук так взяли, с мою руку длиной, окунь в три ладони попался, вьюнов длинных, бывало, по несколько штук за день добывали таким способом, особенно под камышом.

Андрей, представив, как семеро смертельно изголодавшихся мужиков со стогом сена в руках гоняют по чахлому ручью одинокую рыбешку, чуть не заплакал. Но ум, чью изобретательность подбадривал урчащий желудок, развил идею до вполне приемлемого варианта - появилась реальная задумка что-то поймать.

Решение было принято.

- Так, Гнус и Серж, вы со мной - займемся рыбалкой. Начинайте рвать траву и ветки. Мужики, вам задача посерьезнее. Дождь намечается, надо шалаш или навес поставить. Выше по берегу лопухи размером с зонт растут, вот ими и кройте. Если в несколько слоев крышу перекрыть, может, и не протечет. Женщины, от вас как обычно - ботаника. Нарвите лука и щавеля, да

побольше, не исключено, что на ужин лишь это будет.

Поднявшись, с сомнением покосился на небо. Ни облачка... Но печет серьезно, будто и впрямь к грозе. Да и Рита заверяла, что Лекс с погодой не ошибается.

* * *

Камни, собранные ниже по течению, Андрей уложил пологой дугой, будто каркас плотины. Вода теперь с журчанием прорывалась через промежутки между валунами. Еще более затрудняя ей путь, Гнус забил в дно несколько кольев, на эту основу наплели зеленых веток кустарников, а уже следом навалили травы.

Преграда вышла хлипковатая, того и гляди развалится от напора воды. Сомнительно, что в ней запутается рыба... разве что дохлая... Андрей не стал торопить события, вместе с ребятами еще около часа убил на укрепление преграды. Результатом остался доволен: широкая преграда, веток и травы очень много – он бы на месте рыбы точно в такое запутался.

Вода, стиснутая плотиной, заметно поднялась – растеклась маленьким озерцом, огибая преграду сбоку, по песчаному берегу. Перекрывать ее там не стали, сомнительно, что рыба рискнет выбраться на эту мель.

Пройдя выше по течению на сотню метров, залезли в речушку, колотя по воде палками, быстро направились к плотине. Вода прохладная, дно ровное, песчаное, крупные камни выбраны – идти сплошное удовольствие. Рыба, обеспокоенная таким концертом, стремглав уходила вниз, к ловушке.

Добравшись до плотины, рыболовы устроили акт вандализма – разломали сооружение, быстро вытащив охапки веток и травы на ровный бережок.

На песке забились мелкие рыбешки и головастики, лягушки, обезумевшие от таких жутких событий, свихнулись и помчались прочь от воды. Андрей, торопливо хватая добычу, заорал:

– Гнус, бегом тащи котел! Складывать-то некуда!

Гнус вернулся со скоростью света. В котел полетели речные бычки, пескари, какие-то извивающиеся, будто змейки, рыбешки, колючие усатые создания, напоминавшие ершей, и разная серебряная мелочь. Самый крупный трофей – желтый бычок длиной чуть больше ладони, самые мелкие уступали по габаритам мизинцу.

«Загонная рыбалка» принесла несколько жменей рыбешек – этого не хватит даже накормить одного голодающего. А ведь плотина разрушена в хлам, остались лишь камни и несколько хорошо вбитых кольев. Пока починишь, пока зачинишь... Если такая добыча и дальше будет, дело плохо. За день работы добудешь продовольствие для половины отряда – если повезет.

Но Андрей тут же придумал новую идею.

– Так дело не пойдет. Ребята, надо сделать ловушку, которую не нужно будет полностью ломать каждый раз.

– И как? – не понял Серж.

– Сейчас сделаем такую же плотину, но с отличиями. Во-первых, сделаем ее покрепче, чтобы рыба нигде не могла пройти сквозь нее. Во-вторых, посредине оставим узкий проход, куда

будет проходить вода.

- Классно ты придумал, - ухмыльнулся Гнус. - Будем загонять рыбку, чтобы она уходила в этот проход.

- Да, идея именно такая. Только удрать она оттуда не сможет. Ну или вся не сможет. Я кое-что придумал.

На этот раз в дно заколотили гораздо больше кольев и забили их поглубже, с силой стуча обухами топориков. Так же собрали по руслу остатки камней - и плотина крепче вышла, и не будут мешать при загоне рыбы. Все щели между камнями и кольями заткнули пучками травы, дополнительно навалили веток кустарников и деревьев. Вода сильно не поднялась - узким потоком прорываясь в обложенный плоскими камнями проход.

Оставив ребят доделывать плотину, Андрей направился к женщинам, собиравшим неподалеку дикий лук. Встав возле Риты, он попросил:

- Ты не могла бы временно одолжить свою кольчугу? Ею очень удобно будет ловить рыбу в нашей ловушке.

- Бедная кольчуга, такое ей и не снилось, - вздохнула Рита. - Ладно, бери, конечно. Но только отмывай ее тщательнее от рыбьей слизи и вытряхивай воду. Мне ржавчина лишняя ни к чему. Кстати, взгляни-ка туда.

Посмотрев в указанном направлении, Андрей нахмурился. Похоже, Лекс и впрямь не шутил - от горизонта напоздали свинцовые тучи. Что ж, надо поспешить. При серьезном ливне с грозой рыбачить будет не слишком удобно. Да и вечер скоро.

Горловину кольчуги и короткие рукава Андрей затянул кусками проволоки - их он припас еще на обломках авиалайнера. Чтобы даже мелочь не проскочила, набил немного травы, хорошенько утрамбовал. В итоге получилось подобие мешка из железных колец, с травяной подушкой на дне.

Подставив подол кольчуги под водный поток, вырывающийся из прохода в плотине, Андрей приказал:

- Ребята, опять бегите наверх, гоните сюда все живое. Сейчас проверим новый способ.

Стоять на месте оказалось нелегко - вода не настолько теплая, чтобы без движения в ней торчать. Да и струя, вырывающаяся из объятий плотины, норовила вырвать кольчугу из рук. Давать передышку рукам Андрей не рисковал - держал «снасть» неподвижно, боясь испугать рыбу.

Серж с Гнусом далеко подниматься не стали, начали загонять почти от того же места. Андрей не посчитал это ошибкой: большая часть рыбы все равно избегала загонщиков, так что по одному и тому же участку процесс можно было смело повторять несколько раз.

Когда ребята приблизились к плотине на пару десятков метров, в проход ринулись первые рыбешки. В чистой воде их было видно прекрасно - будто серые или серебристые пули проскакивали. Вот перед носом промелькнуло нечто весьма серьезное, по габаритам напоминающее Ритину «селедку». Проклятье - мимо прошла! Весь поток перекрыть этой кольчугой невозможно, остается лишь голодным взглядом провожать улизнувшую добычу.

Загонщики в последний раз опустили палки, возмутив водную гладь в считанных сантиметрах от плотины. Андрей выпрямился, быстро потащил кольчугу на берег. Из нее хлынули струи воды, мгновенно облегчили ношу, в железной западне неистово забились пойманные рыбы.

Андрей хотел высыпать добычу сразу в котел, но передумал: не хотелось вместе с рыбой высыпать и разный мусор. В итоге опорожнил «мешок» на песчаном берегу. Все трое мгновенно плюхнулись на колени, суетливо хватая бьющуюся добычу.

- Вьюн! – радостно заорал Серж, схватив какую-то змееподобную рыбу, прытко уползавшую к воде.

Размер ее не мог не радовать – ладони в две длиной. Жаль только, что не толстая. В том же направлении шустро пытался пятиться и одинокий крупный рак, ухитрившийся попасть в ловушку. И это были еще не рекордсмены: Гнус с гордостью продемонстрировал товарищам главный трофей – серебристую удлиненную рыбину длиной в ладони две. Крупных бычков и «ершей» было несколько десятков, а мелочи и вовсе без счета.

Это уже было похоже на настоящую рыбалку. По прикидкам Андрея не меньше полутора кило рыбы взяли за этот заход. Десяток таких уловов, и ужин будет просто роскошнейшим.

- Бегом, ребята, давайте. Надо до дождя успеть наловить как можно больше. Вон какие тучи наползают.

Раз за разом Сергей с Гнусом лупили палками воду, нагоняя на Андрея добычу. Вскоре им пришлось подниматься выше, удаляясь уже на полторы сотни метров, а то и дальше – рыбы становилось все меньше и меньше. Неудивительно: плотина дырявая, да и мимо кольчужного мешка много уходит. А та, что вырывается от загонщиков, уходит подальше от беспокойного места.

Не страшно, вся не уйдет. Если потребуется, парни будут целый километр ее гнать.

* * *

Когда первые крупные капли заколотили по плечам рыболовов, котел наполнился добычей до середины, а то и выше. Судя по тяжести, не меньше десяти килограмм рыбы. В основном мелочь – бычки да пескари. Но были трофеи и приличнее – десяток щучек, самая крупная из которых потянула минимум на кило, парочка мелких налимов, несколько крупных вьюнов и семь штук серебристых проворных рыбин размером с селедку и почти столь же упитанных. Андрею доводилось бывать в Карелии и видеть тамошнего хариуса, ему показалось, что у этой рыбы с ним огромное сходство.

Подхватив одежду, потянули котел к полянке – пора посмотреть, что же там выстроили, не зря ведь мужики несколько часов там топорами стучали.

Не зря. Увидев, что успели возвести «строители», Андрей одобрительно присвистнул. Здоровенный, сильно наклоненный навес с тремя стенами, укрытыми ветками деревьев и кустарников. Внутри уютный сумрак не скрывает толстой подстилки – спать будет не жестко. Толщина крыши внушает уважение и надежду, что она не протечет даже при сильном ливне.

Но это было еще не все. Рядом с большим навесом примостился еще один, маленький, почти карликовый. Под него мужчины торопливо складывали дрова, спеша укрыть их от намечающегося дождя. На взгляд Андрея, глупое занятие – дрова и мокрые хорошо горят.

Прапор, недавно проверявший дела у рыбаков и женщин, возился с костром, разведенным в широком очаге перед навесом.

Близкий раскат грома заставил Андрея поморщиться. Хотя недоволен он был не грозой – представив, сколько дыма даст костер в такую сырую погоду, он опасался, что их лагерь будет замечен издалека. Хотя риск, конечно, минимальный: при дожде хайты предпочитали отсиживаться в сараях – воду они сильно недолюбливали.

Укрыв одежду под навесом, он кивнул на котел:

- Давайте ставьте на огонь. Рыбу мы уже прополоскали.

- А чистить не будем? – уточнил Лысый.

- Зачем? Эту мелочь сутки чистить придется. Да и чем чистить? Ногтями, что ли? Ножей у нас нет.

- Нормально, – заключил Прапор. – Будет уха по-чувашски.

- По-чувашски – это с внутренностями, но без чешуи, – возразил Лысый.

Оставив их спорить о тонкостях рыбацкой терминологии, Андрей поплелся за излучину ручья. Дождь, попугав первыми каплями, стих, но, судя по накатывающимся громовым раскатам, вот-вот начнется нечто невероятное.

Выбрав удобное местечко, Андрей стянул свои неимоверно дырявые трусы, залез в воду. Сегодня он впервые за два года устроит полноценный банный день. Максимум, доступный в поселке, – обмывание из котла мутной, напитанной глиной водой. Да еще при непогоде можно было раздеться и позволить дождевым струям смывать наслоения окаменевшей грязи и пота. При побеге тоже не везло – ручьи и родники, возле которых они ночевали, слишком уж ледяные, не хватало еще заболеть.

Смочив ком вырванной травы, повозил им в песке, принялся остервенело скрести кожу. Даже начавшийся дождь не отвлек его от этого занятия. Андрей старался оттереть грязь столь интенсивно, что местами начала саднить кожа. По барабану! Пусть хоть с кожей вместе отмывается. Сегодня он ляжет спать как белый человек – под крышей и чистым.

Бедная рыба – ниже по течению, наверное, кверху брюхом всплывает от токсичных стоков, свергавшихся с не мытого годами тела. И где-то там, тоже ниже по течению, моются женщины – от Андрея не укрылся их дружный уход в прибрежные заросли. Мелькнула шальная мысль: подсмотреть. Уж очень хотелось оценить формы новенькой. Греховные мысли? Хороший признак, значит, постепенно превращается в человека. Нет уж, до подглядываний лучше дело не доводить. Перед собой потом будет стыдно. А если поймают за таким занятием, засмеют как маленького.

С волосами труднее, их травой с песком отмыть проблемно. Без лишних затей прополоскал их в проточной воде, отряхнулся, выбрался на берег.

К тому времени, когда добрался до лагеря, пошел уже настоящий ливень, да еще и с порывами сильного ветра. Деревья раскачивались с треском, почти непрерывно сверкали молнии, и чуть ли не под ухом гремел гром. Влетев под навес, Андрей присел, уставился на костер под котлом.

- Ты бы оделся, – предложил Прапор.

- Ага, нечего тут дырявыми трусами мелькать. Мы не такие, как ты подумал, - добавил Гнус.

- Высохну, оденусь, - буркнул Андрей. - Полотенец ведь в вашей гостинице нет.

- Оцени качество крыши, - заявил Лысый. - Дождь как из ведра, а с нее не капает. Это все Лекс делал, мы лишь помогали.

- Лекс? - удивился Андрей. - Он ведь по-русски ни бум-бум, как же вы его понимали?

- Так в этом деле трех слов хватает или пары жестов... неприличных. Ловко местные такие штуки делают, быстро и хитро. Думаю, даже если дождь день целый идти будет, на нас ни капли не упадет. Тут весь расчет на то, чтобы вода вся стекала по скату.

- На меня льется, - возразил Гнус.

- Ты, дуралей, от входа отодвинься - ветер воду заносит. Дрю, уха уже закипела, долго ей вариться?

- Пусть поварится. До котла дотрагиваться опасно - гроза сильная, а он металлический. При грозе нежелательно рядом с такими вещами сидеть.

- Так он и без того близко, если шарахнет, то и нас может накрыть.

Народ опасливо попятился от входа, стараясь увеличить дистанцию между собой и котлом.

- Мы столько натерпелись, что молнию можно уже не бояться, - невесело усмехнулся Андрей. - Не переживайте, дальше я просветы уже разглядел - ливень скоро закончится. Нам он только на руку.

- Почему? - не понял Прапор.

- Следы смоем наши, - ответила Рита. - Если за нами идет погоня, могут потерять след.

- Да, - кивнул Андрей. - Будем надеяться, что они нас потеряют. Здесь можно посидеть денек-другой. Отдохнем, обувь починим, ноги подлечим. Завтра днем всех мыться заставлю, пора начинать бороться с этой грязью. Ну и отъедемся малость.

- А рыба здесь не закончится? - уточнил Гнус. - В последние заходы мало попадалось.

- Не закончится. Просто мы ее перепугали на этом участке, но она быстро вернется. Да и загонять можно будет издали или построить такую же ловушку в другом месте. Думаю, если ловить целый день таким способом, то котел точно набьем, а это килограмм двадцать - тридцать.

- Соли бы, - вздохнула Рита.

- Ты точно беременная, - усмехнулся Андрей. - Перцем своим степным приправлять будешь, да и черемши вы целый стог нарвали - вприкуску отлично пойдет. Кстати, дождь-то заканчивается. Давайте, мужики, снимайте котел, пора попробовать эту вашу уху по-чувашски.

Глава 12

- Черт! Черт! Черт! Мать вашу: да что за черт! - Олег в бешенстве пнул дохлого «василиска»

ногой.

Было от чего взбеситься...

Тварь эту Олег убил еще два года назад, когда она, вырвавшись из пекла Гриндира на оперативный простор нормального мира, среди бела дня напала на его лагерь. Тогда не обошлось без потерь, и покинули они это место поспешно, не тратя времени на изучение туши монстра. Но он прекрасно помнил, что чудовище погибло от дробящих ударов булавы, превратившей и без того уродливую голову в бесформенную лепешку. При этом серьезных открытых ран не было – прочная кожа не желала сдаваться под напором металла.

Такое не забудешь.

Местная живность созданием Гриндира побрезговала – падальщики к туше не притронулись. Более того, микробы также не польстились на чужеродное угощение – василиск не сгнил, просто немного ссохся, будто увял. Вокруг него даже трава не росла – видимо, от токсичных выделений, испускаемыхдохлым монстром.

Животные побрезговали, микроорганизмы тоже, трава и та отступила от этой падали. Но нашелся некто, кто брезговать не стал: голова монстра была аккуратно разделана – передняя часть черепа вскрыта четко, будто поработал опытный хирург с хорошим инструментом.

Мур, решив, очевидно, добить товарища окончательно, констатировал:

- Сида в этой голове больше нет. Его украли.
- Я, знаешь ли, это уже заметил. Твои ребята вытащили?
- Мне о таком не говорили.

Вождь ваксов, присев, принялся внимательно изучать почву. Не прошло и несколько мгновений, как он констатировал:

- Нет. Наверно, это были не мои воины. Мои воины так не ходят. Я вижу только следы хайтов.
- Хайтов?! – опешил Олег.
- Да. Они были здесь до большого дождя. Не слишком давно. Поврежденная трава не успела залечить свои раны. Наверное, они украли твой сид. Это плохо.
- Н-да... Как они вообще сумели найти эту тушу...
- Друг Олег, в нескольких шагах от нас тропа, по которой они ходят в Гриндир. Наверное, случайно заметили, проходя рядом.
- Тропа?! Где?!
- Вон за той большой сосной они переходят реку. И пожиратели кала, жившие здесь до нас, тоже по ней раньше ходили. Тропа плохая, неудобная. Но все ходят по ней. Наверное, там Гриндир лучше. И богаче.

Олег вздрогнул, осознав, насколько сильно рисковал два года назад, устроив здесь лагерь. В месте, на которое сейчас указывал Мур, Аня, тогда еще просто спутница – не жена, устроила стрельбище, пытаясь освоиться с луком. Его следопытские навыки были, увы, ничтожными; он

вообще не заметил здесь ничего угрожающего. Даже не подозревал, что лагерь разбит в столь опасном месте. А ведь пробыли они здесь довольно долго, на сооружение плота ушло немало времени. Если бы попались на глаза хайтам или отряду ваксов...

Дуракам везет...

- Мур, а что, часто хайты в Гриндир ходят?

- Друг Олег, я этого не знаю. Мы здесь поселились в прошлом году, никогда хайтов не видели и следов свежих здесь тоже не видели. Старые видели, свежие нет. Тропа хайтов идет по местам, где нет наших деревень. Это плохие места, нам там не нравится. Но все равно охотники не могли бы их пропустить и рассказали бы мне. Эти свежие следы первые. Наверное, они были здесь совсем недавно. Я пойду осмотрю тропу, потом вернусь и расскажу, что узнал.

Иногда Олегу хотелось быть немножечко ваксом - в лесу для них вообще не было тайн. Следы на заросшей тропе они читали с дивной легкостью и быстротой. Матерые экземпляры офисного планктона при изучении надписи на пивной пробке убивали больше времени. Самое смешное, что вожди в этом отношении ничем не отличались от рядовых - в лесу все ваксы одинаковые. Под властью Мура был большой народ, но он при этом умел делать все: охотиться, колоть рыбу, строить хижины, выслеживать добычу - как четвероногую, так и двуногую. И многое из перечисленного умел делать на высочайшем уровне, мало кто в этом мог с ним сравниться. У отца Мура было несколько жен и десятки детей, но вождем стал именно он, несмотря на то что не являлся старшим сыном.

Не зря его выбрали.

Муру потребовалось не больше десяти минут.

- Друг Олег, хайты пришли сюда перед дождем. А вернулись на другой берег уже во время дождя. Их было пять десятков или шесть. Я не могу сказать это точно.

- Ты уверен, что во время дождя ушли?

- Да. Я нашел следы, где их ноги скользили по грязи. Но следы эти размыло. Дождей долго не было, грязь должна была быть сухой. А если бы они прошли назад после дождя, следы были бы красивыми. Но это не так, они замыты водой. А те следы, которые ведут к Гриндиру, плохо отпечатались на земле. Значит, они тогда шли по сухой почве.

- Я тебе иногда завидую...

- Друг Олег, я тебя не понимаю?

- Да неважно. Ты молодец, следы отлично читаешь.

Морда вакса удивленно вытянулась. Похвалить вождя за умение правильно читать следы - это все равно что похвалить одноглазого за то, что он не прищуривает второй глаз, когда целится.

И что теперь делать? Олег намеревался добыть из монстра ценный сид, после чего неспешно обследовать тропу хайтов; он надеялся, что это место они выбрали не зря. Наверняка здесь хорошие условия для добычи загадочных кристаллов.

Что теперь делать?

Хайты сломали все его планы (не первый раз).

Во-первых, они нагло сперли его законную добычу – сид из собственноручно убитого василиска-ргаха. Во-вторых, они прошли через земли народа Мура, в опасной близости от человеческих территорий. По пути могли наделать бед в поселениях союзников, а кроме того, возможно, в Гриндире взяли хорошую добычу и теперь тащат мешок сидов в Хайтану. Олег понятия не имел, зачем им нужны ценные кристаллы, но зато прекрасно знал, зачем они нужны ему. И синеватые камушки, которые сейчас, вероятно, тащили вонючие раксы, он уже считал чем-то украденным у него лично. Они ведь практически принадлежат ему – уж один-то как минимум. Как смели эти презренные твари воровать у него из-под носа столь полезные штучки?

Это надо срочно исправить.

- Мур, мы сможем их догнать?

Вождь ваксов задумчиво почесал зад, покосился на тропу, шмыгнув носом, закатил глаза к небесам. Очевидно, ответ прочитал именно там – Олег даже не удержался и сам покосился туда же, в надежде узреть источник информации.

- Друг Олег, это будет нелегко. Хайты ходят быстро, а твои воины медленно. Их тропа плохая, лошадям будет трудно идти. Я не знаю, сможем ли мы их догнать.

- Мур! Не спеши! Подумай! Ты же знаешь свой лес гораздо лучше меня. Я здесь два года не был, да и тогда толком ничего не видел. Неужто нет другой тропы или какого-нибудь способа обогнать их?

Вождь ваксов задумался всерьез. Основательные почесывания зада и глубокомысленные взгляды в небеса результатов не приносили. Мур взялся за тяжелую артиллерию – ковыряние в носу и выдергивание волосинок из ушей. Мыслительный процесс, казалось, сопровождается визгом несмазанных механизмов в черепе троглодита – это он поскрипывал зубами. Наконец, выудив из ноздри редкостной длины соплю, вакс засветился от торжества: мыслительный процесс завершился успешно – он что-то сумел придумать.

- Друг Олег, по земле мы никогда их не догоним. Мои лучшие воины сумеют их догнать, но у нас не хватит сил для победы. Хайтов много, а мы, догнав их, будем сильно уставшими. Но здесь, на реке, у нас есть несколько рыболовных лагерей. Сейчас сезон ловли мелкой сороги для соуса, рыбаков много. Там есть лодки. Плохие лодки, но их хватит, чтобы перевезти немного воинов. Твои воины с мушкетами легко убьют много хайтов.

- Постой! Я не понял, как мы их на лодках сможем обогнать?

- Друг Олег, не совсем на лодках. Лодки ведь не могут двигаться по суше. А жаль. Но на лодках можно дойти до мертвого города, возле которого добывают соль. Там, на Наре, нас должен будет ждать корабль, умеющий ходить сам. Ты должен вызвать такой корабль по радио сейчас. Корабль довезет воинов до того места, где хайты переправляются через реку, это гораздо выше города.

- Думаешь, успеем их опередить?

- Я не знаю. Тропа плохая, хайты не могут по ней идти сильно быстро. По воде мы можем их обогнать. Наверное. Быстрее пути я не знаю.

- Эта речка... на ней ведь пара водопадов есть. Я здесь два года назад спускался, помню.

- Не страшно. Лодки не тяжелые - перенесем на руках.

- Хорошо, дождусь времени связи и поговорю об этом с Добрыней. Попрошу прислать «Арго»: у него осадка поменьше - мало ли что нас ожидает в верховьях Нары. А ты бегом посылай своих за лодками. И еще, твоих воинов мы взять много не сможем, своих я тоже большинство оставлю. Не думаю, что лодок на всех хватит, да и «Арго» не увезет такую толпу.

- Не страшно. Я возьму своего сына и верного друга - этого должно хватить. Мы нужны вам лишь для того, чтобы читать следы. Без нас вам будет очень трудно это делать. Ты лучше возьми побольше воинов с мушкетами. Надо взять их столько, сколько выдержат лодки. Мушкет - это смерть хайтов.

* * *

Все прошло немного не так, как планировали Олег и Мур.

Первым делом во время радиосвязи Добрыня, выслушав рассказ Олега и его просьбу, сообщил, что «Арго» находится в ремонте. Юркий кораблик пережил за эти два года многое, и отразилось это на его самочувствии не лучшим образом - то и дело приходилось латать корпус. Вот и решили вытащить его на берег и устроить капитальный ремонт.

Как же это не вовремя...

«Варяг» был готов выйти в любой момент, решили послать его. Замена неплохая, но все же по незнакомой реке лучше ходить на чем-то более маневренном и легком. Ладно, остается надеяться, что корабль не застрянет на полпути.

Добрыня несколько не возражал против погони за отрядом хайтов - ему, как и Олегу, очень не понравилась сама мысль, что на подконтрольной островитянам территории свободно шастают враги. И не просто шастают, а нагло занимаются там хозяйственной деятельностью. Нечего им здесь делать - от платины отвадили, теперь и от сидов надо отвадить.

С лодками в лагерях рыбаков тоже оказалось не все просто. Корявые долбленки и каркасные берестянки - для перевозки войск такие посудины подходят слабо. А учитывая их количество... С большим трудом на них разместилось восемнадцать человек и Мур с сыном и опытным воином. Если хайтов действительно не больше шестидесяти, то даже при таких раскладах схватка обещает быть веселой, а если их окажется больше...

Лучше о таком не думать.

Олег лично отобрал семнадцать бойцов из первого взвода - самые опытные вояки. В рюкзаки загрузили продукты и боеприпасы, обоза с ними не будет. На весла садиться пришлось самим, для гребцов из числа рыбаков места не было.

Водопады прошли без проблем - разгрузив лодки, дружно перетаскивали их на руках. Все прошло очень быстро. Олегу два года назад пришлось здесь немало времени убить, разбирая плот наверху и собирая его заново внизу, да еще и имея при этом два недвижимых тела пострадавших от смертоносного взгляда ргаха. Из помощников у него имелась лишь одна юная особа без развитой мускулатуры и с убогими знаниями о реалиях дикой природы - до встречи с Олегом она искренне считала, что живые раки столь же красные, как и вареные.

Ниже второго водопада не обошлось без приключений – одна из лодок, самая большая долбленка, опрокинулась на быстрой струе. Неудивительно, этого и следовало ожидать. Перегруз сильный, малейшее нарушение равновесия – и жди беды. Неустойчивые посудины... Никто, к счастью, не пострадал, лишь потеряли порох – вымок. Пришлось задержаться: утонуло несколько мушкетов. Глубина небольшая, но, пока нашли, убили немало времени. Бросать оружие Олег не хотел – и так его отряд слишком мал. Рассчитывать на корабельные запасы не приходится, у экипажа «Варяга» лишь старые фитильные мушкеты – одни из первых поделок мастерских Алика. Дальность стрельбы у этого оружия невысокая, меткость тоже оставляет желать лучшего.

Руин древнего города достигли в потемках, на второй день. Здесь, у отремонтированного причала, их уже ждал пришвартованный «Варяг». Помимо него здесь же стояла большая лодка северян – ватага ребят пришла за солью.

Выходить ночью в путь безумие – Нара выше города резко сужается, туда и днем страшновато заглядывать. Олег, может быть, и рискнул бы, будь сейчас рулевым Удур или его сородич. Увы, клотов на борту не было – только люди. Это не улучшило его настроения, он чуть не взбесился. Соваться в незнакомую реку без помощника из речного народа – это смешно. К сожалению, «Варяг» вышел в большой спешке, торопясь добраться до места встречи. Гонец, посланный в поселок за клотом, вернулся ни с чем – рыжеволосые великаны куда-то пропали. Не первый раз – эти загадочные создания частенько дружно исчезали на несколько дней, но потом как ни в чем не бывало возвращались в свои жилища, никак не комментируя свои действия. Это не напрягало – у людей, с точки зрения клотов, наверняка тоже немало странностей.

Как же все не вовремя у них вышло...

Пришлось заночевать на берегу. Добытки соли организовали здесь укрепленный лагерь. Каждая ватага, подходящая к руднику, по неписаной традиции добавляла что-то от себя. В итоге здесь уже была каменная стена, сложенная из мраморных и известняковых блоков, избушка, крытая тесом, навес перед ней, крытый тем же тесом, бревенчатый полуподвал, где можно хранить мешки и корзины с солью, дичь и рыбу, была также отличная уличная печка и наблюдательная вышка в углу укрепления.

Северяне устроили гостям шикарный ужин с олениной, запеченной с черемшой. С «Варяга», чтобы не ударить в грязь лицом, доставили немного хлеба и крепкого самогона, копченой и соленой рыбы. В общем, вечерок прошел в теплой и дружественной обстановке. Если, конечно, не обращать внимания на несколько излишнее любопытство соледобытчиков.

Подданных Монаха очень интересовало: что, собственно, нужно в этих краях такому сильному отряду, да еще и при боевом корабле? Здесь с прошлого года можно смело несовершеннолетних дочерей вечерами в лес гулять отпускать. От двуногих никакой опасности им не грозит: враждебных каннибалов давно уж нет – остались лишь свои, родные, дружественные. Максимум что грозит – медведь сожрет. Но ведь это мелочи, против медведей не нужна армия. Олег туманно намекнул на картографическую задачу экспедиции и сказал о поисках полезных ископаемых. Северяне отнеслись к его ответам с законным недоверием – из приборов и инструментов они заметили лишь мушкеты и холодное оружие, это сильно их смущало.

Но Олег твердо стоял на своем и приглядывал, чтобы подчиненные не сболтнули лишнего. Особенно про сиды Гриндира и находку киновари. Не стоит кормить уши северянам – завтра языки, принадлежащие этим ушам, все подробно передадут Монаху.

Вроде бы и союзники – поле у землян общее, но огороды на этом поле у каждого свои.

* * *

Мотор на высоких оборотах горючее жрал бочками. Снизить расход не получалось, течение у Нары здесь слишком сильное. Если бы шли на веслах, вообще бы пропали. Дизель, некогда являвшийся железным сердцем грузовика, к деревянному «Варягу» приспособили не слишком удачно. Уже к полудню механик сообщил, что на валу гребного винта наблюдается подозрительная вибрация, а через его шахту хлещет вода. Да и без слов нелады уже заметны: достаточно положить ладонь на поручень у кормы. Очевидно, очередные проблемы с креплением. Это не первый раз – постоянно с этим борются. По-хорошему надо бы снизить сейчас обороты, во избежание риска перекоса вала, но Олег был готов рисковать – плестись с черепашьей скоростью, значит, гарантированно дать хайтам уйти.

А так хоть какая-то надежда.

Да и все равно «Варяг» теперь надолго встанет на ремонт – перестановка двигателя дело серьезное. Хоть даже пополам сейчас вал лопни, без разницы – просто корабль дольше простоит.

Нара выше города стала существенно уже, за устьем притока ее русло по ширине «усохло» почти в два раза. Это обстоятельство ничуть не способствовало облегчению судоходства. Лес, подступая к обрывистым берегам, добавил новую проблему – заломы и завалы [9]. Огромные «расчески» больших деревьев, склонившиеся к воде, грозили «вычесать» с палубы все живое вместе с оснасткой и орудиями. Протоки, перекрытые глухими баррикадами из переплетенных стволов, приходилось обходить, как и прибрежные завалы.

Несколько раз «Варяг» задевал днищем мели и коряги, но отделялись легким испугом, проскакивали без повреждений.

Вообще, Нара здесь сильно изменилась в худшую сторону. Ниже древнего города это была широкая, чистая река с глубоким фарватером и ровными, давно сформированными берегами. Выше все по-другому: будто в извилистой канаве продвигаться приходилось, уворачиваясь от завалов упавших деревьев и многочисленных мелей, петлять среди островков и узких протоков, зачастую оказывавшихся тупиковыми заливами. Русло явно неустойчивое, много молодых участков, идет активный размыв.

Клот на руле здесь бы очень пригодился...

В три часа пополудни «Варяг» наконец попался очень серьезно.

Олег как раз добривал лицо – стоя перед зеркалом, закрепленным на лавочке, избавлялся от остатков щетины на верхней губе. Удар в днище застал его врасплох, и лишь хорошая реакция спасла, отделался лишь небольшим порезом. Еще бы чуть-чуть, и на бритье верхней губы он бы больше время не тратил – нельзя брить то, чего больше нет.

Корабль, налетев на серьезное препятствие, задрал нос, чуток склонился на левый борт, перекосясь под углом к течению. Мотор, взревев на максимуме, заставил корпус затрястись, но без толку. Платов, поднявшийся до капитана «Варяга», с матами-перематами велел сбавить обороты до минимума и накинулся на впередсмотрящего:

- Ты...!!! Тупое чмо... в глаз!!! Куда ты, в ... тебя..... смотрел?!!

- Да разве что увидишь в этой мути! - оправдывался паренек.

И вправду, после прошедших ливней воду трудно было назвать прозрачной. Но Олег не встал на защиту впередсмотрящего - капитану на корабле перечить не стоит.

Платов, понимая, что руганью возникшую проблему не решить, уже спокойнее уточнил:

- Что там такое?

- Не знаю. Плохо видно. Похоже на камни или коряги.

- Похоже... Мать твою...

- Эй, тут течь в носу. Сильная, - чуток испуганно прокричали из трюма. - И из шахты винта шпарит!

- Зашибись, - констатировал Платов. - Запускайте кормовую помпу! С таким креном вся вода там будет, от носовой толку сейчас нет.

Повернулся к Олегу:

- Это, похоже, надолго.

- Я уже понял.

- Вам далеко еще?

- Мур, нам еще долго плыть?

- Теперь не знаю. Корабль стоит ведь.

- Логично. Ну а если пешком идти, то сколько?

- Если пешком пойдем, то до вечера дойдем. Если не помешает никто.

Олег задумался. Если хайты еще не успели переправиться, то смысла перехватывать их на правом берегу нет, лучше ловить на переправе. Если же они переправились, то правый берег островитянам тем более неинтересен. Без корабля сложно форсировать реку.

Решено.

- Так! Надо спускать лодку и высаживаться на левом берегу. А вы быстрее вытаскивайте «Варяг» и отходите к широкой протоке, что ниже была, между островами. Там подлатайте днище хоть немного, и ждите нашего возвращения. Рация работает хорошо?

- Да пока не жалуемся.

- Вот и отлично. У меня передатчик работает только от ключа. Хорошая станция осталась у Макса, он сюда добирается сейчас посуху с основными силами. Свяжитесь с ним. Если прибудет к Наре раньше, чем мы вернемся, встаньте с ним одним лагерем. Но до этого времени ведите себя тихо: места незнакомые, союзных ваксов здесь мало... все может быть...

- Понял. Я бы вам пару матросов дал, но боюсь. Неизвестно еще, что с кораблем, - мне сейчас могут все понадобиться.

- Не надо нам таких подарков. Нам нужно, чтобы корабль оставался на ходу и с полной командой.

* * *

Приятно прогуляться по бережку веселой речки. Под ногами стелется луговая трава, лицо ласкает влажный ветерок, от солнечных лучей укрывает полоска прибрежных тополей и раскидистых дуплистых ив. Щебечут птички, квакают лягушки, жужжат стрекозы - красота. Идешь себе, посвистываешь, посматриваешь, как на мелководье играют мелкие рыбешки, и надоедаешь встреченным рыбакам риторическим вопросом о наличии клева.

Здесь же все было несколько не так.

Под ногами не зеленеет нежная травка - через буреломы приходится перелезать, через заросли жгучей крапивы пробивать путь, брести по заболоченным протокам, иногда по пояс в воде и по колено в донной грязи. Пение птичек расслышать было проблематично - мешало дружное жужжание комаров. Нет, не так - мешал дружный хор радостных воплей триллионов комаров. Насекомые, похоже, со времен первого нашествия хайтов ничего не жрали - из последних сил дожидались, когда же сюда заявятся островитяне. Дождались гады, Олегу ухитрились даже губы искусать и в уши пролезть. На мелководье мелких рыбок не разглядеть - вода слишком мутная после дождей, но иной раз слышались такие всплески, что невольно приходили в головы мысли о наличии популяции огромных крокодилов-людоедов или даже о лох-несском чудовище, попавшем в эти края вместе с землянами. Из рыболовов встретился лишь одинокий медведь. Косолапый, пристроившись на краю галечниковой косы, пытался когтистой лапой приголубить зазевавшуюся щучку - их здесь много у берега гуляет. На людей хищник не обратил внимания. Люди, в свою очередь, тоже не стали спрашивать у него про клев.

Солнце начало склоняться к закату, когда отряд наконец вышел к тропе хайтов. К тому времени от укусов комаров у всех основательно распухли морды; один боец, преодолевая протоку, проткнул голень какой-то корягой, другой, упав, заработал кровоточащую шишку на лбу и заплывший глаз. Все без исключения дико вымотались и были настолько злы на окружающий мир, что готовы были выйти в бой хоть против тысячи хайтов.

Мур, несколько минут изучая следы на берегу и тропе, сделал неутешительный вывод:

- Друг Олег, хайты здесь прошли уже назад.

- Давно?

- Я думаю, что это было утром. Плот их остался на берегу. Жалко, мы немного не успели.

- Утром, говоришь... Они всю дорогу от Гриндира пешком топали, причем запасов много тащить приходится для такого-то дальнего похода. А мы лишь последние часы свои ноги нагружали. Думаю, стоит попытаться их догнать - надежда есть.

- Так ведь ночь сейчас настанет. В темноте идти будет трудно. Тут и днем трудно идти. Ночью хуже.

вернуться

9

Заломы, завалы – в данном контексте речь идет о нагромождениях упавших деревьев, препятствующих судоходству.

– Заночуем на берегу, а утром начнем погоню. Если даже их не догоним, то хоть разведем этот берег. Нам надо узнать, далеко ли отсюда начинается Хайтана.

Перспектива ночевки в комарином аду не радовала. Погоня с сомнительными результатами радовала еще меньше. Похоже, плакали их сиды – у хайтов слишком приличная фора, а ходоки они отменные.

Но попытаться стоит.

Глава 13

В шалаше у заброшенного поселка беглецы прожили целых четыре дня – и это были лучшие дни за все время побега.

Вначале Андрей не планировал проторчать здесь столь долго, но обстоятельства решили иначе. Ливень, накрывший их в первый день, просто так не ушел. На следующее утро небо затянуло тучами, и до вечера не прекращался нудный обложной дождь. Шалаш под конец начал понемногу сдавать – на людей падали капли, просочившиеся через крышу. Но эти бытовые неудобства полностью окупались сытной кормежкой.

Густую рыбную уху ели по утрам, в обед и по вечерам. Дождь не мешал рыбалке, единственное неудобство – речушка немного вздулась. Толпа загонщиков отходила от ловушки на полкилометра и, спускаясь вниз, гнала перед собой все живое. Рыба при этом ломилась в проход такой толпой, что из воды спины и хвосты торчали. Андрея этот живой поток однажды едва с ног не сбил, заполнив при этом весь мешок.

На первых порах уху варили без изысков. Затем, чуток отъевшись, начали эстетствовать – надоело чешую выплевывать. В ход пошла только крупная рыба, выпотрошенная и почищенная. Блюдо приправляли мелко рубленной черемшой, щавелем, степным перцем, какими-то корешками и грибами – их научил собирать Лекс. В зарослях вокруг речушки этот абориген с помощью неказистой пращи охотился на пернатых, и небезуспешно: ежедневно в котел попадало по полдесятка и более птиц. В основном мелочь вроде воробьев, но бывали и приличные экземпляры: голуби, перепелки и самый великолепный трофей – жирная дрофа размером чуть ли не с гуся. В тот день настоящий пир устроили.

Остро не хватало соли. Вместо нее в уху пытались добавлять золу, но серьезного улучшения вкусовых качеств не добились.

Мелкую рыбешку не выбрасывали. Нанизывали на ивовые прутки, вываливали в золе и подвешивали вокруг костра – пусть вялится в дыму. Неизвестно, что ждет их впереди, идти еще далеко, надо хоть немного еды припасти. Вокруг речушки в изобилии рос орешник, но, увы, не сезон – внутри белесых, мягких орешков лишь молочная жидкость. Жаль, они сытные, захватить с собой было бы неплохо. Но не ждать же конца лета ради этого.

Народ отдохнул, немного отъелся и отмылся, набрался сил. Натертые ноги подлечили подорожником. В трофейные заплечные мешки набили высушенного мха – будет что в обувь подкладывать вместо носков.

Просыпаясь, Андрей каждый день терзал себя вопросом: что делать? Он прекрасно видел, что сытный отдых идет отряду на пользу, люди оживлялись на глазах, мужчины настолько расхрабрились, что дружно начали брать уроки боя с оружием у Лекса и Риты, а также метали дротики в тростниковое чучело. Некоторые оживились до того, что начали приударять за женщинами; те, отмытые, уже не казались такими уж страшными, да и за неимением других... Несколько дней такого «курорта», и люди будут готовы горы свернуть или как минимум преодолеть оставшийся путь без досадных задержек и лишних проблем.

Но сидеть слишком долго на этом месте опасно. То, что они не нашли в округе свежих следов деятельности хайтов, еще не означает, что их здесь не бывает. Не стоит забывать и про огонь в ночи, замеченный Андреем где-то на противоположном склоне увала. Да и погоню сбрасывать со счетов нежелательно – их запросто уже могут искать. Ливень, конечно, был знатный, и вряд ли триллы смогут идти по следам, но ведь направление движения беглецов им известно, могут просто пойти вслепую, прочесывая все по пути.

Уходить отсюда надо. Слишком близко они к Хайтане.

Утром пятого дня Андрею не пришлось раздумывать: идти дальше или еще посидеть денек. Лекс, еще до рассвета отправившийся на охоту, вернулся крайне взволнованный и, подняв Риту, сообщил ей, что нашел свежие следы хайтов. По его словам, он обнаружил у подножия увала многочисленные пеньки от срубленных деревьев, причем срубили их не больше месяца назад. В доказательство он приволок ветку с засохшими листьями. Было видно, что ее отрубили топором, оставив косой срез.

Рита, оценив важность находки, подняла Андрея, все рассказала. Он, в свою очередь, устроил общий подъем. Сообщил народу неприятные новости, сделал вывод, что они слишком засиделись в этом чудесном месте, пора бы и честь знать.

Со вчерашнего вечера осталось еще добрых полкотла густой ухи и несколько рыбешек, нанизанных на ветки и прожаренных в таком виде над углями. Их трогать не стали, с собой можно прихватить. А вот уху доели всю, даже не разогревая. Некогда – вкусив жалкие крохи свободной жизни, пленники не желали променять ее на глинобитные сараи и навозоподобную халву.

Собирались недолго. Имущества ведь немного – восемь кожаных мешков со скромными припасами да котел со злополучной подставкой.

Одиннадцать беглецов направились на юго-восток спустя час после рассвета.

* * *

Ботинки, проложенные высушенным мхом, сдавливали ступни приятной, сухой мягкостью. Нигде не жмет, нигде не давит и не трет – хочется шагать и шагать. И люди шагали. По прикидкам Андрея, если не по пять километров в час выдавали, то по четыре точно. За день сорок спокойно сделают. Эх, жаль нет карты, пусть даже неточной. Хоть бы приблизительно знать, сколько же им еще осталось.

Андрей почему-то не сомневался, что все неприятности остались позади. Теперь главное – идти.

Рита его оптимизм не разделяла. Присев рядом во время одного из привалов, тихо сообщила:

– Мы следы какие-то пересекали, будто тропа старая.

- Я видел. Это похоже на звериную тропку.
- В степи зверям тропы не нужны – куда хочет, туда и идет. Это хайты.
- Рит, так ведь это уже трудно степью назвать. Оглянись, вокруг деревьев хватает, не говоря уже о кустарнике, а там вон роща целая. Это уже лесостепь, а в лесостепи, наверное, звериные тропы не редкость.
- Может быть... но сомневаюсь. Нехорошо у меня что-то на душе...
- Женская интуиция?
- Она самая. И обманывает она меня не часто. Может, все же будем высылать дальние дозоры?
- А смысл? Из-за растительности видимость упала сильно. Ничего этот дозор не засечет, пока носом не уткнется. Но и нас тоже заметить издали не смогут.
- Я понимаю, но мало ли...
- Ладно, учитывая твою интуицию, вышлю вперед Гнуса и Сержа. Они молодые, глазастые. Но если это тропы хайтов, то, значит, земли Хайтаны еще не закончились?
- Необязательно. Их патрули, бывает, далеко на юг заходят. В десяти километрах от центра катастрофы наши несколько раз видели их следы.
- Центра катастрофы? Что это такое?

Рита, явно растерявшись, взяла себя в руки почти мгновенно:

- Да ничего. Просто так место одно называют, неподалеку от Нары.

Поднявшись, она пересела поближе к Лексу, быстро заговорила с ним на тарабарском местном наречии. Андрей был не дурак, понял, что она сболтнула о чем-то, о чем болтать не следует. Что бы это было? А какая ему разница? Жаль даже, что сболтнула: любопытство только разбередила. И вдвойне жаль, что свернула разговор. Поболтать с Ритой он был не прочь, его к ней сильно тянуло.

Пересев поближе к Сержу, поинтересовался:

- Ты не знаешь, что за место называется «центр катастрофы»?
- Это где-то у Нары местечко, там островитяне вроде бы нашли кучу добра разного, попавшего сюда вместе с нами.
- А почему Рита не хочет об этом говорить?
- Так она же островитянка, у них это великая тайна – никому не имеют права рассказывать. Она, наверно, и впрямь считает, что об этом никто за пределами их поселка не знает. Наивная. Каждая собака знает. Тут разве можно что-то в тайне сохранить? Живем как в деревне – не успеет Круг у себя в поселке чихнуть, как Монах шлет ему письмо со словами «Будь здоров». В общем, это просто игра в секретность.
- Да уж... даже друг от друга скрываетесь... туман напускаете...

- А как же, все как на Земле.

* * *

После полудня вышли к спуску - степь резко понижалась, перед беглецами раскинулась широченная речная долина. С юга и юго-запада к ней примыкала горная гряда, на юго-востоке сплошным темным пологом тянулся лес.

Рита, оценив картину, довольно усмехнулась:

- Все, я почти вижу родной дом.

- Что, отсюда уже можно ваш поселок рассмотреть? - радостно уточнил Андрей.

- Нет, это я шучу так. Но уже точно представляю, где мы. Это долина Нары. Таких крупных рек здесь больше нет. Долина, правда, широковата. Видимо, мы гораздо выше соляного рудника вышли. Там она поуже, стиснута высокими холмами.

- И далеко до ваших земель еще?

- Не думаю, мы примерно напротив подножия гор, даже чуть восточнее. Оттуда до рудника за дня три-четыре вроде можно дойти, ну или чуть больше. Правда, Нару выше мы не исследовали, не знаем, что там и как. Но сомневаюсь, что встретим хайтов - ни разу не слышала, чтобы они в предгорьях шлялись. Мы бы об этом знали, там есть деревни союзных ваксов.

- Интересно, как здесь спускаться...

Вопрос был не риторическим. Спуск в долину в общем-то пологий, но вблизи середины протягивается обрывистый излом - будто резко выраженная терраса. Судя по торчащим местами скальным зубьям, спуск с нее может оказаться непростым. Проклятая близорукость: Андрей не мог понять, куда лучше податься. Хотелось бы до темноты успеть спуститься пониже. До реки вряд ли успеют добраться, но какой-то ручеек или родник надо бы найти - заночевать с удобствами.

Рита, правильно поняв его затруднения, указала рукой куда-то влево:

- Вон за большой скалой обрыва нет - пологий спуск. Дальше опять крутая горка, но перед ней нормально пройдем.

- Попробуем...

Беглецы не могли знать, что идут к единственному месту, где можно преодолеть уступ речной долины без проблем. Скалисто-глиняный обрыв тянулся в этих краях приблизительно на тридцать километров. Были, конечно, и другие относительно удобные тропки, но, не зная про них, издали не заподозришь про их существование. Этот же спуск хорошо заметен издали, открыт со всех сторон. Да и как иначе, если сделали его человеческие руки. В незапамятные времена здесь проходила дорога, соединявшая центр древней страны с сельскохозяйственной окраиной. Когда-то в краях, где сейчас стоят поселки хайтов, от горизонта до горизонта колосились хлебные нивы, степь с ее черноземами была богатейшей житницей для нескольких государств.

Неудивительно, что после местного апокалипсиса спуск теперь использовали дикие звери при

своих миграциях. И не только звери: отряды хайтов, отправляясь в Гриндир за седами, проходили здесь же. А почему бы и не проходить, если удобнее места не найти?

Ничего этого беглецы не знали. И даже заподозрить не могли, что навстречу им, к этому же проходу, спешит отряд хайтов. Утомленные Гриндиром, враги возвращались домой. Отощавшие заплечные мешки, стертые ноги, мелкие раны, оставленные смертоносными обитателями пустыни, – те, кто заработал тяжелые, остались навек в раскаленном аду. Выжило сорок четыре легконогих трилла и восемнадцать мрачных раков.

Судьба любит пошутить.

* * *

Вестником неприятностей оказался Гнус. Выскочив из кустов, он, задыхаясь, сообщил нехорошую новость:

- Тут!.. Тут!.. Они впереди!

- Кто? – не понял Андрей.

- Дистрофики! Их очень много, и с ними обезьян целая куча! Идут прямо к нам! Хайты идут!

У Андрея все опустилось. Он в один миг просчитал все варианты. Впереди лысый склон – на нем не спрятаться от вражеских глаз. Сейчас беглецы пробирались через полосу кустарника, поэтому их еще не заметили. Но это тупик: триллы, даже если не заметят людей, обнаружат следы, так как явно идут к спуску, который беглецы только что преодолели. Бежать? Куда? Догонят ведь, от этих шустрых тварей не уйти. Да и не побегаешь, прижмут к этому обрыву мгновенно. Бой принимать бессмысленно, на них даже большой толпы не надо – десятка аборигенов хватит. Кинуться назад, в проход, и там как-то попытаться оторваться? Не оторвешься, в скорости люди сильно уступают врагам. Будь дело под вечер, еще можно понадеяться на темноту, но...

Ну разве справедливо?! В шаге от конца пути попасть в такой тупик!

Рита, перекинув из-за спины связку дротиков, зашагала назад.

- Ты куда?

Не оборачиваясь, она непреклонно заявила:

- Вы как хотите, но я к ним в лапы попадать не собираюсь.

- Вот же дура! Ты всерьез думаешь, что они дадут тебе уйти?!

- Нет. Не думаю. Я не уйду. Залезу на ту скалу, что в начале спуска торчит, и пусть они попробуют меня там достать.

- Тогда подожди, я с тобой.

Гнус, шмыгнув носом, поспешно затараторил:

- Я тоже с вами! Только сперва Сержа позову, он там остался сидеть, за ними смотрит. Он тоже пойдет. Я сейчас, мигом.

Андрей, услышав за спиной шум от множества ног, обернулся. Все шагали за ним, назад, по собственным следам. К скале, на которой их не достанут.

Безумная идея Риты мгновенно заразила весь отряд.

* * *

Хайтов Андрей разглядел, добравшись до прохода. Даже близорукость не помешала. Темное, раздвоенное облачко поднялось уже выше полосы кустарника, в которых беглецы узнали плохие новости. Подробностей он разглядеть не мог, но, по словам глазастых товарищей, раздвоенность объяснялась очень просто. При виде беглецов вперед вырвались быстроногие триллы. Тяжеловесные раксы заметно отстали, вот и разделился отряд преследователей на две части.

Скала, на которую надеялась Рита, была необычной. Невысокая – метров пятнадцать, столбообразная, квадратная в сечении, шириной метров двенадцать. Наверх серпантинном вьется узкая тропка, вокруг разбросаны подозрительно прямоугольные камни. Странно это все – больше на башню похоже, чем на скалу. Но башни не бывают такими монолитными.

Андрей и не подозревал, насколько близок был к истине. В старину для охраны этого прохода из цельной скалы вытесали несокрушимое основание для сторожевой башни. Сама башня давно уже рассыпалась, но основание уцелело – что ему станется?

Люди, не забывая себе головы размышлениями о странности этого места, по серпантину потянулись наверх. Андрей, увидев, что Лекс, скинув куртку, торопливо собирает на нее камни, мгновенно оценил его полезную идею и заорал:

– Стоп! Успеете еще залезть! Все хватайте камни! Кто сколько унесет! Когда эти твари полезут за нами, будем кидать им на головы!

Народ послушался, похватили камней, кто сколько мог. Андрей, забравшись наверх, понял, что они зря это делали – это все равно что ехать в Тулу со своим самоваром. Камней здесь и без того хватает – как маленьких, так и огромных. По центру ровной скальной площадки возвышается квадрат остатков стен какого-то очень древнего сооружения. Его обломками засыпано все вокруг.

Рита, встав на краю площадки, провела перед собой рукой:

– Здесь мы будем кидать им на головы камни, если полезут. Метров с десяти упавший булыжник череп может разнести. Но триллы хорошо метают дротики, надо из тех блоков, что от башни остались, хорошую баррикаду тут поставить.

Легко сказать – в этих блоках было килограмм по семьдесят веса, если не больше. Народ слишком вымотан, чтобы такие тяжести ворочать. Но страх творит чудеса – чуть ли не мгновенно натаскали, уложили в три ряда. Нормальная баррикада вышла: метра четыре шириной и высотой по грудь. Правда, если обстреливать будут со всех сторон, не сильно она поможет... Но отгородиться по всему периметру не хватит ни сил, ни камней.

Андрей, присев у края баррикады, уставился на врагов – хайты были уже метрах в двухстах. Шли к скале без спешки, понимали, что загнанная добыча никуда не денется.

– Рита, сколько у нас дротиков? Может, все тебе отдать? Ты очень здорово их меташь.

- Отдавайте, у меня не пропадут.
- Все слышали?! Дротики отдайте ей! Остальным только камни кидать!
- Мы психи, - вздохнул Прапор, кинув перед Ритой свою связку дротиков. - Полные психи.

Кир, улыбаясь до ушей, хлопнул Прапора по плечу.

- А ты главный псих, с этой отмороженной девкой на пару, - констатировал Прапор и зычно добавил: - Все! Если случится чудо и мы не помрем здесь, то звать меня будете Виктор Николаевич! А фамилия у меня Прапорщиков! Не Прапор! Кто назовет Прапором, удавлю скотину!!!

Андрей тоже хотел сказать что-то эдакое, но не стал - подавил в себе эту нездоровую эйфорию. Страх, возбуждение, отчаяние, надежда - в каждом из беглецов сейчас бурлила целая буря эмоций, выразившихся самыми разными способами. Кто-то грозил кулаком приближающимся хайтам, кто-то, усевшись поодаль от края, тихо вытирал слезы. Другие беспричинно улыбались или готовились бросать камни, хотя до врагов еще было далеко.

Блин, Андрей бы сейчас руку отдал за то, чтобы с ним было несколько бойцов, подобных Рите и Лексу. Вот с кого пример надо брать: амазонка деловито пересчитывала дротики, укладывая их в щель между блоками, чтобы не переломали в сутолоке. Лекс, присев рядом, складывал кучками камни, подходящие для пращи. Ноль эмоций - будто парочка боевых роботов, заряжающая перед боем свои мегасуперплазмореактивные лаунчеры.

* * *

Странно, но хайты не стали атаковать с ходу. Цепочка триллов замерла в сотне метров от башни. Тощие метатели, суетливо дергаясь и раскачивая головами, внимательно следили за людьми, но приближаться не рисковали. Раксы и вовсе расселись подальше, сгрудившись кружком.

Рита, присев в сторонке от баррикады, не сводя с врагов пристального взгляда, логично предположила:

- Они не знают, кто мы. Знали бы, напали сразу.
- Почему? - не понял Андрей, присев рядом.
- Да боятся, что у нас мушкеты есть или как минимум луки и арбалеты. С таким оружием да на такой позиции... Сам понимать должен, им здесь ничего не светит.
- Разве они не видят, что у нас нет хорошего оружия?
- Не знаю, что они думают. Может, считают, что мы припрятали серьезное вооружение и вытащим его при атаке. Твари, видать, ученые. Должны понимать, что здесь может натворить картечь. Думаю, до темноты они не полезут.
- Они хорошо в темноте видят?
- Получше нас.
- Ясно. Ну нам-то все равно - как попрут, так и встретим. Ночи сейчас лунные, думаю, незаметно к нам не подберутся. Я, если честно, думал, что они осаду замыслили или просто

подкрепление ждут.

- Зачем им подкрепление? Их, считай, в шесть раз больше, если считать наших женщин. Хотя мало ли что у них на уме... Нам трех мушкетеров хватило бы их сдерживать.

- Воды здесь нет. Плохо... Странно, тут какое-то сооружение было, древнее.

- Да их тут полно. Видно, сторожевая башня.

- Если долго здесь сидеть придется... Где эти люди, в башне, воду брали?

- Да уж не здесь. Колодцев на этом уступе быть не может. Может, дождевую воду собирали или привозили на лошадях снизу. Вон там, похоже, ручей или речка, полоска зеленая в паре километров отсюда. Нас туда попить не пропустят...

- Рита, а ты сама веришь, что мы выкрутимся из этого?

Загадочно усмехнувшись, тихо ответила:

- А какая разница? Все равно попробовать стоит.

- Разница есть. Я с тобой о многом не успел поговорить. Если времени у нас еще много, то успею, если нет...

- И о чем?

- Ну... Для начала - почему ты до сих пор не замужем? Два года ведь здесь: Сергей говорит, что свободных женщин у вас не осталось - у местных жен берете.

- Предсказуемый вопрос.

- Да я вообще предсказуемый. Простецкий парень.

- Я вообще-то замужем.

Насмешливо покосившись на опешившего Андрея, Рита пояснила:

- На Земле была замужем. Правда, так... считай, не жили уже, неудачно у нас вышло. Здесь я, наверное, могу считаться вдовой. С муженьком мы в последнее время проживали далеко друг от друга, а сюда попали лишь люди из пары районов города. Нет его здесь. Даже священник наш в таких случаях дает добро на повторный брак.

- И чего ты не попробовала еще раз?

- Да так... как-то не до этого все время было.

Андрей, приободрившись, уточнил:

- И что, никого не было? Никто тобой не интересовался?

- Почему не было? Вились вокруг... разные. Мне даже один герцог южный, практически король, намеки делал. У местных такая жена ценится. Один восточник, рыцарь, Бум его звали, целую осаду устроил. Ни на шаг от меня не отходил. Хороший вариант был, если подумать: за ним как за каменной стеной. Но душа к нему не лежала, да и слишком мы разные люди -

культурные различия давили. Но дрался он как бог. В зимнем походе, когда я попала в плен, он держался до последнего. Меня сбивали с ног, а он вокруг крутился волчком, рубя врагов десятками. Я поднималась, и мы дальше шли вдвоем, шаг за шагом пробиваясь к нашим шеренгам. Мушкетеры нас уже похоронили: били картечью не разбираясь, где мы, а где хайты. Рядом пушка целую дорогу в толпе пробила – выкосила все живое. Мне разрубили щит, сбили с ног еще раз. Что было дальше, я толком не знаю – выпала на пару мгновений из реальности. Думаю, по нам прошла артиллерия. Я не верю, что хайты смогли бы остановить Бума. Спасая меня, он в сверхчеловека превратился – доспехи пробиты в сотне мест, забрало смято, свисает рассеченная щека, весь в своей и чужой крови. Щит свой отдал мне – я его еле держала, так много в нем торчало обломанных дротиков. В одной руке палица, в другой меч. То рубанет, то ударит. Вокруг только крики и свежие трупы. А когда... Я тогда пришла в себя, а он лежит рядом, и его рубят. Десятка два раков сгрудилось вокруг него и рубили-рубил-рубил. Он уже не шевелился, но они не останавливались – напугал он их сильно. Они даже на меня внимание поначалу не обратили. Думаю, картечь его все же задела... Жаль, воин был исключительный.

В голосе Риты под конец прорывались слезы. Андрея серьезно потряс ее живописный рассказ. Но в то же время примешалось чувство ревности к этому Буму. Да и вообще, что он за герой, если девушку не спас свою? Хотя кто бы ее вообще смог спасти в таком жутком бою?

- Рита, я, конечно, не рыцарь, и до Бума мне далеко. Но я бы тебя на том поле тоже не бросил. Нравишься ты мне. Очень. Мало ли что тут дальше будет – хочу, чтобы ты об этом знала. – Выждав паузу, Андрей с надеждой уточнил: – А ты ничего мне не хочешь сказать?

Повернувшись к Андрею, Рита, не отводя взгляд, честно признала:

- На месте Бума у тебя было бы гораздо больше шансов. Нет, не в бою... до боя. – И тут же испортила все благостное впечатление от своих чудесных слов: – Ты точно сбрендил, если решил налаживать свою личную жизнь в такой момент. Готовься, Андрей, этой ночью тебе придется сражаться всерьез.

И вправду сбрендил – одной ногой в могиле, другой в плену, а все мысли об одном. Ну не идиот ли он?

Но все же она это сказала – все могло бы быть.

Умирать, наверное, теперь будет приятнее.

* * *

Хайты атаковали ночью, перед восходом местной луны.

Лекс, почувяв их приближение, тихо прошипел. Будить никого не пришлось – никто не спал.

В воздухе что-то просвистело, с металлическим звоном ударились об остатки древней башни. К ногам Андрея отскочил срикошетивший дротик.

- Пригнитесь все! Они нас обстреливают!

Триллы снизу не могли видеть противников и швыряли дротики вслепую, стараясь поразить людей навесным огнем. Беглецы, сгрудившись за баррикадой, были в полной безопасности. Если бы хайты догадались встать на другой стороне, было бы гораздо опаснее, а сейчас они любезно снабжали осажденных метательным оружием.

Враг начал атаку с ошибки – это радовало.

Обстрел прекратился – у триллов не столь много дротиков, чтобы поддерживать его слишком долго. Заслышав под башней лязг амуниции и топот множества ног, Андрей коротко приказал:

– Начали.

Вниз полетели первые камни – люди их заранее приготовили, разложив кучками за баррикадой. Все размеры – от кирпича до шлакоблока, а то и более. Рита, выпрямившись, выпустила в темноту первый дротик – кто-то тонко, не по-человечески взвизгнул. Каменный обстрел тоже для противника даром не проходил, булыжники иногда били явно по живой плоти. Идти по крутой тропке шириной с полруки взрослого мужчины не столь уж и удобно, а если при этом тебе на голову падают тяжелые предметы, то и вовсе неприятно получается.

Андрей, услышав, как, сорвавшись вниз, по камням покатилося гремящее доспехами тело, радостно выкрикнул:

– Давай!!! Большие кидаем!!!

Вниз столкнули установленные на краю куски тяжелых блоков. Весу в этих камешках было килограмм под пятьдесят, а то и более. Внизу заорали хором, и, судя по шуму, с тропинки навернулось сразу несколько врагов.

Рита, метнув очередной дротик, закричала:

– Все! Они вроде отходят! Стойте!

Некоторые в горячке не услышали ее слова, продолжали хвататься за булыжники – их пришлось останавливать чуть ли не силой. Андрей подтвердил слова Риты:

– Все, они отступили. Никто не ранен?

Странно, но никто не получил ни царапины. Очевидно, закончив обстрел, триллы его больше не стали возобновлять. Это хорошо – точно бы задели высывавшихся с камнями людей.

Атака отбита без потерь. Даже кое-какая прибыль есть – на площадке насобирали двадцать восемь дротиков. Ценное приобретение.

Андрей, взглянув на край лунного серпа, выползающего из-за горизонта, уверенно заявил:

– Все, при лунном свете им еще труднее придется. Можно отдыхать. Оставим только часовых.

– Триллы могут попробовать собрать свои дротики, валяющиеся у башни.

– Если подойдут, тогда возьмемся за камни. Садитесь все за баррикадой в кучу, становится прохладно.

Глава 14

Тропа хайтов будто специально тянулась через самые гадостные районы левобережья Нары. Чуток отойдя от реки, она далее направилась параллельно ей – почти строго на запад. Отбиваясь от полчищ комаров, отряд островитян продолжал преследование. То и дело приходилось перебираться через широкие ручьи и мелкие речушки с ленивым течением и

топким дном. Иногда путь шел напрямик через болота – люди шагали по колено в грязи.

Интересно, как это выдерживали хайты? Ведь они терпеть не могут влагу.

По пути Олег старался не пропустить ни одной мелочи. Он заметил, что на встреченных болотах под ногами рассыпаются трухлявые деревяшки, уложенные когда-то в узкие гати. Возле речушек можно было наблюдать остатки старых примитивных мостков. Все указывало на то, что тропа эта раньше поддерживалась в хорошем состоянии. Но это было очень давно.

Странно, почему хайты продолжают упорно ходить по одному и тому же маршруту? Если раньше, при хорошей тропе, это было оправданно, то сейчас гораздо выгоднее передвигаться выше по склону, за пределами труднопроходимой поймы. Или этим уродам вообще все равно, где шагать? А может, у них какое-то табу, требующее ходить по одной и той же дороге, невзирая на ее состояние? Или в подкорке головного мозга намертво записан лишь один вариант пути?

Часа через четыре после рассвета вышли к обширной поляне на краю пойменного леса. Поляна отличная, без малейших признаков заболоченности. На ней виднелись трухлявые останки девяти сараев, обступивших обвалившуюся башенку.

Пнув ногой стену, Олег удивился:

- Ты смотри, из кирпича-сырца было построено. Хотя нет, скорее похож на саманный. Очень знакомый материал...

Из такого кирпича хайты строили свои крепости на западном берегу Фреоны. Люди этот материал не использовали, или использовали, но не в здешних краях. Землянам и кшаргам возиться с глиной не надо: у них везде хватает отличного строевого леса.

Олег впервые увидел поселение хайтов без стен – здесь, похоже, даже простейшего забора не было. Во время своего пленения и зимнего похода ему приходилось видеть немало поселков врагов: все они были обнесены высоченными стенами. Почему здесь было не так? Некого опасаться было? Или это просто старый лагерь, где лишь иногда располагались отряды, направлявшиеся в Гриндир или обратно? Неизвестно... Но в любом случае неприятно столкнуться с постройками хайтов у Нары – островитяне давно уже считали эту реку практически своей.

За северной околицей заброшенного поселка журчал маленький ручеек с чистой водой. Остановив здесь отряд на привал, Олег решил потрясти Мура на предмет информации о противнике. Вождь ваксов сообщил, что, судя по состоянию следов, от хайтов они уже отстают очень прилично. Похоже, их теперь не догнать.

Что делать? Поворачивать назад? Пожалуй, придется... Возвращаться к «Варягу» – это значит выдержать еще одну ночевку в комарином аду – до темноты они не успеют достигнуть протоки, в которой должен стоять корабль. Хорошо, если завтра к полудню до него доберутся... С другой стороны, тропа уже явно выходит на сухие места – дальше начинается лесостепь. Можно найти там местечко посимпатичнее и устроить бойцам полноценный отдых. Если встретится крупный ручей или речушка, вообще замечательно: обмоются в чистой воде, подергают на удочки местную мелкую форель – ее здесь должно быть много. Ну и чтобы уж совсем совместить полезное с приятным, заодно можно разведать эту старую тропу как можно дальше. До полудня или даже чуть дольше можно продолжать двигаться по ней.

Кто знает, возможно, по пути найдут что-нибудь интересное? Или вообще наткнутся на новый

лагерь, незаброшенный, в котором островитян будут дожидаться уставшие враги.

Уж очень хочется разобраться с этой бандой, укравшей его личный, кровно заработанный сид.

* * *

Лекс, крутанув пращу, на миг приподнялся над баррикадой, выпустил камень, мгновенно скрылся назад. Над ним просвистел дротик, ударил в остатки башни. Быстро реагируют, сволочи.

При свете дня триллы, оценив расположение противника, обступили башню с двух сторон, пытаясь достать их за баррикадой перекрестным огнем. Под прикрытием Риты и Лекса люди возвели дополнительные баррикады, прикрывавшие теперь их спины от обстрела. Над тропой сейчас возвышалось целое треугольное укрепление – откуда ни бей теперь, не достанешь.

Но пока они огораживались, не обошлось без потерь. Дротик пробил бок Тамаре, глубоко пропоров легкое. Бедная женщина умерла, задыхаясь в кровавой пене – помочь ей ничем не смогли. Балагуру Сержу, помешанному на пчелах, железный наконечник угодил в правую ладонь. Неизвестно, сможет ли он вообще этой рукой когда-нибудь владеть как раньше. Рана ужасная – до запястья рассекло, будто развороченная клешня краба вышла. Кое-как затянули этот кошмар сомнительным тряпьем и кожаным ремнем от мешка. Крови он потерял немало и бледный как смерть теперь лежал за баррикадой.

Но и хайты не избежали потерь. На рассвете осажденные беглецы увидели вдалеке два тощих длинных тела, уложенные бок о бок – жертвы ночной атаки. Кроме того, уже днем Рита, обстреливая триллов, прибила еще парочку, а одного серьезно ранила. Раненый, повизгивая, сидел сейчас возле четверки трупов. Рядом с ним молча расселся ракс с окровавленной башкой, видимо, неудачно камень ночью на нее поймал. Легкораненых у них тоже прибавилось – булыжники, камни из пращи и дротики Риты многим подпортили здоровье.

Раксы, отойдя от башни на сотню метров, вязали из веток кустов и стволов молодых деревьев нечто непонятное. Будто плотик сооружают. Зачем им, спрашивается, плотик?

Ответ Андрей узнал очень скоро – Рита, высунувшись в очередной раз, метнула куда-то дротик и коротко предупредила:

- Идут.

- Хайты? – испуганно уточнил Гнус.

- Нет, гей-парад приближается – радуйся! – У Андрея почему-то в этот момент нездорово оживилось чувство юмора.

Припав к щели между блоками, он через эту «амбразуру» изучил приближающихся раков. Теперь понятно, что именно они сооружали. Здоровенный щит, под таким парочка обезьян легко укроется.

- Вот же сволочи! Щитом укрываться решили! – почему-то с обидой произнес Прапор.

- Как начнут подниматься, попробуем их сбить камнями крупными, – предложил Андрей.

Основная масса раков остановилась вдалеке от скалы, дальше двигалась лишь парочка со щитом. Логично, не хотят подставляться. Если наверх ворвется всего лишь один-единственный

ракс, защитникам придется туго. Он даже в лучшем случае продержится достаточно долго, чтобы успели подтянуться остальные, а в худшем самостоятельно всех зарубит. На площадку нельзя допускать никого.

Рита, высунувшись, метнула дротик – неудачно. В ответ над тем местом, где она показалась, просвистело сразу три дротика. Совсем плохо, похоже, раксы пойдут наверх под прикрытием триллов.

Так и оказалось. Триллы, перемещаясь вокруг основания скалы за поднимающейся парочкой, метали дротики почти непрерывно. Никого не задевали – люди не высывались из-за баррикады, но нервы трепали основательно.

Андрей, рискнув на миг высунуться, увидел, что «щитоносцы» преодолели уже третий поворот. Еще один, и финишная прямая – направятся напрямиком к площадке.

- Готовимся ребята, сейчас начнем.

По лязгу металлических бляшек доспехов, трущихся о скалу, можно было примерно представить, где сейчас враг. Убедившись, что они добрались до угла, Андрей скомандовал:

- Начали!

Лысый и Прапор одновременно столкнули вниз два здоровенных блока, заранее приготовленных на краю баррикады. Расчет прост: на этом самом крутом углу после таких ударов нелегко будет сохранить равновесие. Увы, сохранили. Судя по звукам, один камень прошел мимо, второй сумели аккуратно принять на щит, и он бессильно покатился дальше.

У Андрея затряслись поджилки – враги уже на финишной прямой.

- Бегом!!! Все!!! Кидайте кто что может!!!

Схватив тяжеленный камень, позабыв о стрелках, выпрямился во весь рост, взглянул вниз. Так и есть, щит уже под ним – густое переплетение жердей и веток, стянутое лыком и кожаными ремнями, подрагивало метрах в полутора ниже. Раксы медленно и уверенно поднимались к площадке.

Камень, ударив в середину щита, заставил горилл припасть на колени, но не скинул вниз. Град булыжников тоже им не навредил – они просто замерли, пережидая волну интенсивных неприятностей.

Рядом, едва не чиркнув по щеке, просвистел дротик. Слева кто-то болезненно вскрикнул, но Андрей даже не обернулся. Присев, подхватил новый камень, едва удержав его в руках, поднял над головой, встал, скинул вниз, одновременно краем глаза заметив непотребство – кто-то выскочил из-за баррикады.

Проклятье, это Рита!

Амазонка спрыгнула с площадки, приземлившись прямо перед раксами, стремительно крутанулась, пуская над тропой лезвие топорика. Наверное, они не ожидали такой подлости: удерживали щит в четыре руки, пытаясь не сверзиться вниз под обстрелом. Никто не остановил ее удар – передний хайт хрипловато заскулил, припадая на подрубленную ногу. Любезно помогая ему склоняться дальше, Рита прибавила ему ускорение резким ударом ноги.

Ракс, как-то обиженно захрюкав, полетел с тропы, увлекая за собой товарища. Тот все же успел оторваться от щита и, балансируя на краю тропы, попытался удержать равновесие. Но, увы – огромный камень, брошенный Киrom сверху почти вслепую, угодил ему прямоком по макушке, настойчиво пригласив хайта последовать вниз. Прожигая Риту яростным взглядом, ракс полетел в теплые объятия острых камней, поджидающих его пятнадцатью метрами ниже.

Стрелки, возмущенные таким катастрофическим результатом блестяще задуманной атаки, обрушили на Риту тучу дротиков. Но она на месте не стояла – не успел еще второй ракс достигнуть земли, уже мчалась наверх, вкручивая тело в поворот на площадку. Андрей, встав в проходе баррикады, протянул руки, собираясь перехватить разогнавшуюся амазонку – погасить ее импульс, а то еще расшибется в тупике укрепления.

Вовремя – дротик ударил Риту в спину, так что на руки Андрея она почти упала. Удачно вышло. Поспешно увлекая ее за баррикаду, он заорал:

- Ты дура! Ох и дура!

- Да не ори ты! У меня хорошая кольчуга, дротики ее не пробивают.

- На мордашке тоже кольчуга? А на ногах? Ты знаешь, что бывает, когда человеку перебивает бедренную артерию. А?

Заметив, что Рита как-то странно смотрит ему за спину, Андрей обернулся.

Лысый, или в прошлой жизни просто Дмитрий, умер хорошо – вряд ли даже успел что-то почувствовать. Дротик угодил ему прямоком в глаз – лезвие ушло глубоко в мозг. Он лежал на спине, вытянув расслабленные руки вдоль тела. На лице спокойное, чуть усталое выражение.

Легкая смерть.

Прапор был еще жив, но это ненадолго – добротное отточенное лезвие дротика перерезало ему горло. Гнус, присев перед ним на колени, пытался зажать руками жуткую рану. Но все тщетно – это совсем не похоже на давнюю рану Кира, от которой он онемел. После такого уже не выживают – кровь, фонтанируя, выходила из тела вместе с жизнью. Глаза умирающего были удивительно живые – пристально уставившись на Андрея, он будто бы пытался взглядом что-то сказать. Захрипев, начал пускать кровавые пузыри – может и впрямь что-то сказать хочет? Тело выгнулось, пятки засучили по камню – агония.

Андрей, не выдержав, отвернулся, поймал взглядом Лекса. Абориген был жив и деловито перетягивал ремешком развороченный бицепс. Рана на вид очень скверная, вряд ли он теперь сможет пользоваться пращей.

Блестяще – двое убитых и один серьезно ранен.

Ничего не говоря, Андрей присел, прислонился к стенке баррикады, достал из ближайшего мешка подсушенную рыбешку, принялся пережевывать пресную мякоть. Есть совсем не хотелось – только пить. Он сам не знал, зачем ему пришлось в голову перекусывать в такой момент.

Может, просто давал себе короткий отдых?

Никому не хотелось сейчас ничего говорить.

Но апатии нет. Нет и тоски по погибшим товарищам. Есть только долг последнего выжившего лидера перед оставшимися пассажирами.

Им надо это сказать...

* * *

- Триллы отошли, у них осталось мало дротиков. Их дротики у нас или совсем затупились после многих ударов о камни - мы с ночи их туда-сюда бросаем. Но оставшихся дротиков им хватит прикрыть еще одну атаку. Слышите стук топоров? Они делают сразу два щита. Это вопрос двух-трех часов. Плюс они чинят третий щит. Я сомневаюсь, что у нас получится отбиться и на этот раз - мы и с одним-то щитом еле справились. Это... Думаю, это конец. Не выдержать нам... Риска попасть под дротик сейчас нет. Любой может спокойно спуститься, подойти к ним и сдаться. Не думаю, что они убьют сдавшихся - пленники им нужны. Они ведь взяли в плен Риту, Сержа и Лекса, несмотря на то что те были с оружием в руках и сражались в тот момент против них. Так что кто хочет, может спускаться смело.

- Это приказ? - равнодушно уточнила Рита.

Андрей медленно покачал головой:

- Нет. Просто у каждого есть сейчас возможность сделать выбор - скорее всего, это последняя возможность. Или сдаться и выжить, или остаться здесь и дожидаться атаки раков с тремя большими щитами.

- А ты что выбираешь? - уточнила Рита.

Андрей указал на тело в луже крови:

- Прапо... То есть Виктор Николаевич, когда умирал, посмотрел на меня... Я понял, что он хотел мне сказать. Нет, я не уйду. Он был прав - лучше уж умереть, чем назад. Мы далеко зашли, нам очень повезло, но даже при этом везении мы потеряли многих. Я не верю, что такое везение достанется мне еще раз. Не выдержу это больше. Мое место здесь.

- Если кого-то интересует мое мнение, то оно и так понятно, - спокойно заявила Рита и, пройдя в проход баррикады, уселась вдаль, на самом краю площадки.

Андрей, проследив за нею взглядом, подошел, присел рядом. С минуту молчал, тупо наблюдая за копошением хайтов - в сотне метров ниже по склону они деловито занимались изготовлением щитов.

- Знаешь, если бы ты приказал сдаться, я бы, наверное, сдалась.

- Спасибо.

- Да уж не за что. Но после этого, как бы дальше ни повернулось все, ты бы при любом варианте был уже для меня хуже Бума. Не в боевом плане, а... Ну ты понимаешь.

- Понимаю, цветы в печку и вообще конец любви.

- Я разве говорила про любовь?

- Ну... ты ясно дала понять, что я тебе симпатичен. Почему бы не назвать это любовью? А тебе лучше и впрямь сдаться. Умрем же все.

- Интуиция мне подсказывает, что не умрем.

- Вот как? Ты говорила, что она тебя почти не обманывает...

Рита, покосившись на Андрея как-то странно, уточнила:

- Ты не хочешь мне сказать что-нибудь другое? Или так и будешь интуицию обсуждать?

Зачем говорить, если можно все сказать и без слов – придвинувшись, Андрей приобнял амазонку, привлек к себе. Послушно прижавшись к его боку, она довольно заявила:

- Вот так-то гораздо лучше.

- Я рад. Я действительно рад. Но я не хочу, чтобы ты умирала. Я столько времени провел, не видя ничего, кроме ужасно запущенных и грязных женщин, что ты для меня эталон красоты. Умирать тебе нельзя – красоту надо беречь.

- Да что ты заладил! Умирать да умирать! Давай лучше поговорим о чем-то серьезном. Например, о будущей нашей жизни. Ты случайно не хочешь мне сделать предложение? А то я за эти два года уже так одичала, что скоро сама сделаю.

- Да ты и так практически сделала. Прямым текстом считай про ЗАГС высказалась. Рит, мы, наверное, свихнулись. У меня друзья сейчас погибли, нам тоже недолго остались. О чем мы?

- В такие моменты человек всегда ведет себя необычно, не скрываясь – ты уж мне поверь... насмотрелась... Андрей, ты все время стараешься говорить не о том. Я по своему опыту знаю, в такие моменты как раз и надо обсуждать все самое важное, пока все открыты. Мы же вроде решили поговорить о дальнейшей нашей жизни, вот и приступай.

- Я тебя не узнаю – ты точно сбрендил... Не будет у нас совместной жизни, прибьют нас вот-вот. Тебе лучше сдаться, выживешь тогда.

- В плену я рано или поздно превращусь в такую же ужасную и запущенную женщину. Это хуже смерти. Ты представь, что все закончится сейчас хорошо. Что тогда?

- Что тогда? Ну... не знаю даже. А как у вас женятся, хотелось бы узнать?

- Да никак. Все без церемоний – сошлись и живут. Правда, в последнее время с этим сильно борется отец Николай, в церковь тащит силком и записывает пары. Но все это без пышных церемоний.

- Ясно. Я атеист, в церковь тебя не позову. Будем, значит, жить вместе.

- Это что, предложение?

- Ну вроде того.

- Н-да... как-то это не особо романтично. Я ожидала чего-то большего...

- А что? Несогласная? Я не думал, что такая, как ты, может жеманиться, да еще и в такой неподходящий момент. Что с тобой вообще?

- Да ничего. Согласна-согласна! Просто интересно было, как мужчина на краю могилы будет делать предложение девушке. Ты меня разочаровал.

- Ну извини, настроение у меня сегодня что-то не очень.
- Да не бойся ты, не умрем мы. Сейчас что-то будет, наши нас не бросят.
- Наши? Ты о чем?
- Помнишь те заросли кустарников, где мы про хайтов узнали?
- Внизу которые? Помню.
- Я там отблески заметила. Блики на оптике.
- Не понял?
- Чего тут непонятного? С биноклем там кто-то на нас поглядывал из тех кустов.
- Кто?

Рита, чуть отстранившись, повернулась к Андрею, поглядела на него фальшиво-сочувственно:

- Совсем голова глупая стала? Биноклей у хайтов нет, это наши там. Наверняка мои островитяне подошли, у нас бинокли есть.
- Да откуда они здесь?!
- Не знаю. Может, за этими хайтами гнались, а может, просто рейд у них тут. При мне в здешние края наши не заглядывали, но я ведь на полгода выбыла, мало ли что у них сейчас.
- Что же ты сразу не сказала!!!
- И упускать единственный шанс выслушать от тебя подобные слова? Интересно же было узнать, как ты себя поведешь в такой ситуации.
- Ну и садистка же ты...
- Есть немного. Извини. Действительно глуповато получилось.
- Да ладно... все мы сейчас немного неадекватны... наверное от жажды...
- Заодно и людей проверили, видишь, ни один не ушел вниз. Можешь гордиться, твои друзья настоящие люди.
- Друзья? Гнус и Кир, Елена и Маша - все, нет больше никого. Пятеро нас теперь осталось... всего лишь пятеро... Вышло из поселка девятнадцать, осталось пять... Какой красивый был тот самолет... Послушай! - вдруг встрепенулся Андрей. - А вдруг это всего лишь одиночный разведчик ваш?
- Сомневаюсь. Поодиночке наши в такой дали бродить не будут, а бинокль вообще может быть только у руководителя крупного отряда. Слишком ценная и редкая вещь. Да и самое главное, интуиция - она ведь меня не обманывает.

За спинами парочки послышалось неуверенное:

- Дрю, я хочу тебе сказать... Я... Я...

Обернувшись, Андрей уставился на бормочущего Гнуса.

- Ты чего?

- Ничего... я так... типа проститься хочу...

- Уходишь?

- Нет! Я с вами! Но... но нам же хана сейчас... вот я и...

- Слава тебе господи! Я уж думал, ты тоже решил мне в любви признаться!

Гнус уставился на Андрея несколько ошеломленно, видимо, в его голове не укладывалось, как можно шутить в такой драматический момент. Минуту назад и у Андрея не укладывалось. Но теперь все иначе, он почему-то полностью доверился интуиции Риты.

Этой амазонке можно доверять. Заслужила. И хотелось бы продолжать доверять много-много лет совместной жизни.

Прижавшись к Андрею потеснее, Рита звонко, чтобы расслышали все, заявила:

- Идите сюда, не пропустите отличное зрелище. Сейчас вы увидите, как островитяне рвут хайтов - я уже вижу наших.

* * *

Не было барабанной дроби. Не было развевающихся флагов. Не было солдат в ярких мундирах, в идеальном строю марширующих в сторону неприятеля.

Из кустов выбралась кучка плохо одетых подозрительных людей с неуклюжими ружьями и три какие-то кривоногие образины. Рита, комментируя происходящее, пояснила, что это воины союзных ваксов - лучшая ударная пехота островитян. Хайты поначалу ничего не заметили, слишком увлеклись сооружением щитов. Островитяне подошли к противнику примерно на две сотни метров, когда те наконец спохватились.

Триллы, быстро сбившись в вытянутую кучку, помчались вниз, приготовив дротики, за ними в отдалении спешили раксы. Людей было примерно в три раза меньше - отряд оказался невелик. Но никакой суеты они не проявляли: все так же спокойно продолжали идти на сближение с сильным противником. Лишь когда дистанция сократилась примерно вдвое, все изменилось.

Люди остановились, передние навели ружья на противника. Вынеслось несколько клубов густого белого дыма, почти сразу до ушей беглецов донеслась серия басовитых хлопков. По толпе триллов пронесся свинцовый ураган - одним залпом смело не меньше полутора десятков.

- Это передняя линия разрядила мушкеты, - прокомментировала Рита. - Хайты так и не научились нашим противодействовать: упорно подставляются под картечь тесной толпой. Сейчас вторая линия ударит по триллам, а первая в это время будет перезаряжаться. Стрелки у хайтов отвратительные, от малейшей раны могут в истерику впасть. Хотя против бездеспешного войска сила страшная - дротики у них очень убойные, а метают они их метко и далеко. Да и хорошо одетым могут урон нанести.

Ружья второй половины отряда островитян плюнули дымом и свинцом. Этот залп оказался еще удачнее - триллы уже приблизились почти на бросок, картечь на такой дистанции способна

доставить максимум неприятностей. На ногах осталось менее полутора десятков растерянных дистрофиков. Их атакующий порыв мгновенно иссяк, они остановились, неуверенно попятились назад, явно намереваясь спрятаться за спины приближающихся раков.

- Все. Когда триллы нарываються на сильный огонь, они всегда отходят под защиту тяжелой пехоты и работают потом из-за спин раков. А раксы обычно мушкетерам вообще не страшны - слишком тихоходны. Они пока добегут до стрелков, те по пять раз перезарядиться успеют.

Шестнадцать раков были сметены двумя полными залпами отряда. Несколько тяжелораненых горилл пытались подняться, продолжить бой - в отличие от стрелков, эти громилы в истерику не впадают, даже если им руки оторвать. Тройка союзников-ваксов прикончила их ударами стальных секир, а мушкетеры в это время преследовали невероятно жалкие остатки войска хайтов - одинокого трилла, чудом пережившего этот разгром. Он что было сил улепетывал в сторону прохода.

Рита, поднявшись, своим коронным замахом пустила дротик от груди. Первый прошел мимо, зато вторым угодила врагу в шею. Трилл упал сломанной куклой - добывать не придется.

- Вот и все, - констатировала Рита, символически бросив вниз последний дротик из связки.

Андрей, встав рядом со своей женщиной, обнял ее за талию, привлек к себе. Так, прижавшись друг другу, они наблюдали за приближением отряда островитян. Вокруг них встали все выжившие: две женщины и двое мужчин из пассажиров, Лекс и бледный как смерть Серж.

Мушкетеры, остановившись у подножия скалы, изумленно таращились на беглецов. Те, в свою очередь, не сводили с них взглядов. Все молчали. Наконец один из островитян, молодой мужчина в заляпанной грязью кольчуге, перекинул тяжелый мушкет за спину, стянул с головы шлем, развел руки в сторону, всем своим видом демонстрируя высочайшую степень изумления:

- Рита?! Это с кем ты там зажимаешься наверху?! Мы уж тебя похоронили давно, а ты, оказывается, по мужикам черт знает где шляешься!

- Привет, Олег, - спокойно ответила амазонка. - Ты даже не представляешь, как я рада тебя видеть.

- Я тоже. Повезло тебе - мы сюда случайно заглянули. Сам не знаю, зачем мы вообще сюда поперлись, а оно вон как... Надеялись хайтов догнать, да только надежда уже пропала давно... Давайте спускайтесь вниз, и заодно мне расскажите, как вы вообще здесь очутились?!

- Олег, это слишком долгая история.

- Верю, потом расскажете. Но все равно спускайтесь, надо идти вниз, подальше отсюда. Общем хайтов, и бегом назад к Наре.

Андрей, решив встрять в диалог, высказался твердо:

- У нас здесь трое убитых. Это наши друзья. Нам бы не хотелось бросать их вот так...

- Не вопрос, похороним у подножия скалы. Камней здесь полно, завалим ими.

* * *

Островитяне Андрею понравились.

Без фальшивого сочувствия, но с приятным энтузиазмом помогли похоронить Прапора, Лысого и Тамару. С таким же энтузиазмом обыскали трупы хайтов, не взяв при этом ничего, кроме какого-то маленького кожаного мешочка. Его содержимому командующий отрядом был очень рад – улыбался как клоун в день зарплаты. Олег, коротко переговорив с Ритой, в общих чертах понял что-то для себя важное и заявил, что им здесь больше делать нечего, надо быстрее возвращаться к Наре, к какому-то Варягу.

Было в островитянах что-то надежное. Только что дрались с полусотенным отрядом хайтов, затем обыскивали трупы, разорванные картечью, и вели себя при этом как спортсмены в раздевалке после тренировки. Банальные фразы, короткие, пустые разговоры, шуточки-прибауточки, строгие, лаконичные команды, выполняемые неукоснительно. Полное впечатление, что для них подобное приключение не более чем рутина – мужики спать не ложатся, покуда не пристрелят дюжину-другую тварей Хайтаны.

Узнав, что беглецы сутки просидели на скале, начали совать кожаные фляги с водой, развязали вещмешки, наперебой предлагали перекусить содержимым пайков. Пайки у них, кстати, оказались знатными – Андрей с удовольствием слопал пару жестких лепешек, начиненных тонкими ломтями изумительно вкусной рыбы. А уж твердый острый сыр чуть с зубами не проглотил. Это была настоящая еда, у нее помимо пищевой ценности был еще и вкус. И вкус отличный. По крайней мере, для беглецов. Вкушая эти райские яства, они чуть ли не мурлыкали от удовольствия. На халву совсем непохоже.

Если у них все мужики такие, с ними ничего не страшно. А про кормежку лучше вообще молчать – нет слов, чтобы выразить восторг.

Раны Лекса и Сержа промыли, смазали какой-то вонючей гадостью, перевязали грубыми, но чистыми бинтами. После этого Олег приказал двигаться вниз.

Андрея это удивило:

- А оружие хайтов? Здесь бросите?

- А на фига оно нам?

- Ну... металл все же.

- Железо у них паршивое, и тащить его – только ноги сбивать. Нам еще топать и топать, и дорожка та еще – наплачемся.

- А что не так с дорогой? – уточнила Рита.

- Да все так. Только на ней мы чуть последние ноги не переломали, да комары половину крови выпили – это как минимум. Хотя есть идея пройти повыше, не приближаясь к Наре, – лучше по этой степи шагать, чем по той проклятой тропе. А ты, красавица, давай на ходу рассказывай, где тебя черти почти полгода носили и где ты нашла таких интересных друзей, до сих пор таскающих земное рвань и обутых в пластмассовые ботинки. И откуда у вас такой огромный котел, да еще и с подставкой?

* * *

Лагерь разбили под вечер на лужайке в излучине маленького ручейка, примерно в паре километров от темного леса, тянущегося ниже. Островитяне пояснили, что лес этот сырой, пойменный, тянется вдоль Нары до самого горного отрога, подпирающего левый берег реки.

Идти по нему трудно даже по старой тропе хайтов, а ночью проблемно высыпаться из-за полчищ комаров.

Андрею понравился процесс устройства лагеря – налажено все было очень четко. Олег просто указал на место, которое выбрал для ночлега, и без лишних команд работа закипела. Бойцы нарубили жердей, нарезали полосок коры, навязали рогатки, огородив стоянку по периметру. Кое-где наклонно вбили в податливую почву тонкие колья. У каждого островитянина под рюкзаком болталась какая-то холщовая скрутка. Оказалось, что это просто мешки – все островитяне, даже Олег, носили их по три штуки. На косах ручейка хватало песка и камней – из наполненных ими мешков поставили четыре баррикады.

За каких-то полчаса на пустом месте возникло вполне серьезное укрепление. Ничего сверхъестественного – простенько и надежно. И внушает уважение: простота исполнения – один из признаков профессионализма.

Со снабжением отряда горячим питанием дела обстояли похуже – посуды не было. Олег пояснил это тем, что шли налегке, нагружать народ не хотелось. С большой поклажей трудно было бы преследовать прытких хайтов. Вот и приходилось довольствоваться сухпайком.

Котел, таскаемый бывшими пленниками, оценили по достоинству: затеяли похлебку из сушеного мяса, приправленную сухариками, крошечными кусочками сала, мелко порубленной черемшой и все тем же степным перцем.

Островитяне ужинали, используя в качестве мисок свои шлемы, предварительно вытащив из них толстые кожаные подшлемники. Ваксы жидкую пищу не приветствовали, лопали всухомятку. Пленники хлебали прямо из котла – теперь, после таких потерь, им всем хватало места возле него.

Бойцы, поужинав, немедленно без понуканий вымыли свои шлемы и сразу поставили их сушиться, подвесив на воткнутые в землю палки. Половина занялась чисткой и сушкой своих доспехов – вторая половина в это время заготавливала ветки и траву для лежанок, разумная очередность – враг, даже напад неожиданно, не поймает все войско раздетым.

Доспехи, кстати, оказались не слишком хорошими: мало похожи на то великолепие, что показывают в кинофильмах или демонстрируют исторические реконструкторы. Темные кольчуги, зачастую с грубо залатанными повреждениями, были примерно у половины. У многих броня из какой-то очень толстой и прочной кожи, обшитой местами железными пластинами – будто рыба чешуя. У нескольких были стальные кирасы – человек в них выглядел раздутым жуком. Прикрывали они примерно до низа живота, дальше уже свисали подобия шотландских килтов: кожаные полосы, укрепленные стальными пластинками.

Лишь вычистив доспехи и оружие, бойцы завалились вокруг четырех костров. При этом на каждой баррикаде остался часовой: помимо наблюдения за окрестностями он должен был еще поддерживать закрепленный за ним костер. Тоже разумно, постоянно бегая к куче дров и обратно, вряд ли заснешь. Хотя с точки зрения Андрея столь яркое освещение лагеря неразумно, из темноты их отлично разглядит вражеский глаз, а сами они никого не увидят. Но островитянам виднее, наверное, у них есть свои, весьма разумные соображения.

Залегли не все. Несколько бойцов, рассевшись рядом с одним из костров, играли в карточную игру. При этом карты у них были кожаные. Неподалеку от них уселся и Олег с Ритой: они никак не могли наговориться. Андрей, не желая ложиться без своей женщины, сидел рядом, не вмешиваясь в их беседу.

Разговор, кстати, у них был интересный. Рита четко и сжато рассказывала историю своего пленения, побегов, переходов в глубь Хайтаны. Время от времени она останавливалась, и Олег рассказывал свою историю: как они жили последние полгода. Андрей узнал, что войско островитян избежало полного разгрома в зимней степи и сумело выйти без фатальных потерь. Северяне и южане тоже отделались малой кровью. Больше всего потерь понесли аборигены-восточники – с их низкой дисциплиной это неудивительно.

Хайты, преследуя отступающее человеческое войско, добрались до левого берега Фреоны, и авангард их войска угодил в западню. В артиллерийском мешке на старой имперской дороге погибли сотни быстроходных фраков, слишком далеко оторвавшихся от пехоты. Жалкие остатки войска смертоносных всадников, уцелевшие в этой бойне, отошли на свой берег. После этого Хайтана затихла, ни один враг больше не лез на человеческие земли. Войско продержали мобилизованным почти до весны, но в итоге, решив, что больше набег не предвидится, распустили по домам.

С тех пор хайтов почти не видно и не слышно. За всю весну одно нападение на придурков-рыбаков, заплывших в опасные воды, да один раз высадился маленький отряд. Зачем высадился, неизвестно. Они не успели ничего предпринять, их сразу выследила береговая охрана северян, после чего втоптала в землю.

Едва сошел лед на Фреоне, появились два корабля из южных земель. Один купеческий, второй – военная галера с посланником от нового короля Миртона. Этому герцогу все же удалось завоевать себе корону. И он, интересуясь северными территориями, был крайне заинтересован в заключении союза с землянами. Требовалось договориться о границах, о взаимных обязательствах, о порядках и правилах торговли и о многом другом. Предварительно обсудили круг вопросов, окончательный договор планировали заключить летом, когда сам Миртон или его ближайшие соратники пожалуют с визитом.

Аналогично пришлось вести дипломатию с восточниками. Но пока до четких договоров далековато, единого владыки в тех краях нет. Феодалная раздробленность в чистом виде. Да и проблема у них сейчас – опасная эпидемия. Целые города вымирают, не говоря уже о деревнях. В такие времена им не до внешней политики.

Островитяне продолжали наращивать свой экономический потенциал: засевали новые поля, обустроивали новые поселения. Если раньше большинство людей обитало в главном поселке, то теперь всюду шло расселение – территория островитян разрасталась. Крепла их индустриальная база, мастерские выпускали все более совершенное оружие и орудия труда. Появились первые паровые машины и высокопроизводительные станки. Есть даже проект постройки речного бронированного корабля, но пока к нему не приступили – слишком много потребуется материальных и человеческих ресурсов даже на маленький броненосец.

Продолжали изучать и этот мир. Олега с отрядом воинов послали провести разведку новых земель и заодно пощипать горных людоедов.

Выслушав историю злоключений Риты до конца, Олег констатировал:

– Если вы шли все время на юг, мало забирая к востоку, то вам крупно повезло – вы не слишком глубоко в Хайтану попали. Странно даже, за полгода вас могли угнать гораздо дальше. Чудят хайты...

– Как не слишком глубоко? – удивилась Рита. – Ты когда-нибудь слышал про пирамиды и скафов? Про запуски? Из Хайтаны многие возвращались, но такого я никогда не слышала.

- Бывало такое, только давненько. Кое-какие рассказы сохранились. Но так... на уровне легенд. Вы первые, кто так четко все расписал, из первых рук. Интересно... А еще интереснее, что же у них дальше делается, в по-настоящему далеких областях, удаленных на сотни километров к западу от тех мест...

- У них нет стен, - вмешался в беседу Андрей.

- Не понял? - уточнил Олег.

- В поселке, где нас держали, не было стен. И в тех поселках, что мы видели по пути, тоже не было. Только забор один раз видели, невысокий. Ты говоришь, что мы не так далеко побывали. Возможно. Но даже там, где были мы, они не опасаются нападений. Не строят укрепления. Если ваша армия решит устроить еще один поход, бить можно будет отсюда.

- Разумно, - кивнул Олег. - Ты прямо мои мысли читаешь. Мы в зимнем походе кучу времени потеряли, штурмуя крепости у Фреоны. Стены там толстые, из сырого кирпича. Разносить их из пушек мука - сотни ядер надо выпустить в одно место, чтобы в итоге остался вал из глины. При этом она часто раскисает, и идти на штурм по этой слякоти удовольствие еще то. Бывало, наши ребята по пояс проваливались, будто в болото. В итоге просто разносили вышки и башни, после чего врывались на стену и оттуда расстреливали все живое. Не без потерь... И, пока мы возились с этими укрепленными курятниками, хайты собрали огромную толпу и выгнали нас в итоге.

- Да, - кивнула Рита. - Если мы ударим отсюда, хватит небольшого мобильного отряда. Думаю, двухсот - трехсот бойцов вполне достаточно. Быстро налететь, уничтожить десяток поселков за неделю и отойти назад, не дожидаясь неприятностей. Через неделю повторить чуть западнее. Пять-шесть таких набегов, и южная окраина Хайтаны превратится в безлюдный край.

- Они начнут стены строить, - предположил Андрей.

- Да, - согласился Олег. - Надо зимой опять выступать. Договориться с южанами и восточниками. Трех отрядов по триста бойцов будет достаточно. За пару месяцев каждый сделает три-четыре набега. Если повезет, сотню поселков уничтожим без проблем. Если, допустим, в каждом будет полсотни хайтов и более, то тысяч десять положим. Зимой народу делать нечего, как раз все получится удачно. Плюс по холоду они не смогут строить свои глиняные стены. Порезвимся всласть, такие потери их серьезно подкосят.

- Два месяца много, - возразила Рита. - Успеют подтянуть на юг все силы, опять нарвемся.

- Да ладно, это я так, еще раздумываю. Всерьез будем решать позже и не с бухты-барахты, хорошенько продумаем вопрос. Андрей, вы как? Надумали, что дальше делать будете?

- В каком смысле?

- У тебя осталось четыре человека. Ты у них вроде за главного. С тобой, как я понимаю, все ясно. - Олег подмигнул Рите. - А остальные куда податься хотят? Мы, если что, будем рады, у нас каждый землянин на вес золота. Дворцов вам не обещаю, живем мы пока бедновато.

- Дворцов нам и не надо. Мы неприхотливые. Если примете, с радостью останемся. Вы нам в общем-то понравились.

- Ну, значит, по рукам. - Олег хлопнул Андрея по ладони.

- Я еще с Лексом поговорила, - заявила Рита. - Тот, восточник, что со мной сбежал. Мужик он серьезный и тоже к нам не прочь перебраться.

- Не вопрос.

- Но он сперва хочет вернуться домой, говорит, надо бы близких своих взять. Уверяет, что три-четыре семьи привести может, если получится сбежать от местного барона. Спрашивал, будут ли им за это какие-то «блага».

- Ушлый тип... Ну если и правда будут три-четыре крепкие крестьянские семьи, то можно смело обещать корову или лошадь. И само собой, железные инструменты и хорошие семена. Пусть ставят себе хутор, земля найдется. Правда, недели две придется их на острове в карантине подержать, чума нам здесь не нужна.

- На это он не обидится.

- Ну и отлично. А теперь давайте-ка спать, завтра нам еще к кораблю топтать через этот комариный питомник. Они и здесь эскадрильями жужжат, а уж там... Денек будет тот еще...

Глава 15

Добрыня, не стучась, открыл дверь радиоцентра. Столь серьезное название носила обычная на вид избушка, если не обращать внимания на толстые кабели и паутинки проводов, протягивающиеся к антеннам и генератору на ручье. Посмотреть сверху, будто и впрямь паучье гнездо в паутине.

Хозяин гнезда восседал в настоящем офисном кресле за громоздким столом, изготовленном из толстенных досок. Ни лака, ни полировки - кое-как выровненная рубанком сосна. Бревенчатые стены, проконопаченные мхом, неровный пол из колотых плах, окна, затянутые мутной пленкой, глиняная и деревянная посуда на полке в углу, топчан, застеленный волчьими шкурами. Изящное офисное кресло выглядело здесь так же к месту, как домашний кинотеатр в индейском вигваме.

Ноутбук, на котором Паук сейчас азартно резался в какую-то игрушку, тоже как-то не слишком вписывался в интерьер. Радиостанция, как ни странно, вписывалась получше - за счет деревянного корпуса. Местные умельцы в данном случае не стремились к миниатюризации и с размерами сильно переборщили - стационарную поселковую станцию все называли «гроб».

- Паук? Опять, сволочь, играешься?! - с порога начал Добрыня.

Тот, торопливо захлопнув крышку компьютера, торопливо затараторил:

- Да как вы могли такое про меня подумать! Я это... ну... таблицу рассчитывал, артиллерийскую.

- Ишь ты! Врешь и не краснеешь! Совсем совесть в тебе не присутствует. Пшел-ка ты вон с моего кресла. И почему твой гроб еще не включен?!

- Так это... Ой, елки! Забыл! Сей момент, сейчас мы этот давайс активируем.

Паук щелкнул тумблером:

- Вот! Пятнадцать секунд, и можно работать. Чуток прогреется, и все.

- Смотри, парень, если не услышу, что говорят, сам виноват будешь. Ты из избы только пожрать и выходишь, да и то не часто. Отберу у тебя твои компьютеры и пошлю на хутора, помогать урожаем собирать.

Паук ничуть не испугался жуткой угрозы, Добрыня не раз пытался его запихать в какую-нибудь ссылку, но все время быстро возвращал обратно. Даже сейчас, послав его простым радистом в отряд Олега, спустя несколько дней отозвал назад. Он вернулся в поселок вместе с группой, доставившей трофейный скот и ртутную руду.

Паук был разгильдяем редким, но и специалистом редкостным. Его поневоле приходилось ценить - люди, которые на «ты» с любой электроникой, на дороге не валяются.

Добрыня, прогнав радиста из удобного кресла, расположился в нем сам, подрегулировал высоту. Паук тем временем тараторил:

- Я телик разбитый распаял в ноль. Там прикинул уже: на одной плате можно еще одну рацию-коротковолновку соорудить, малогабаритку. Где дорожек нет, проводами кину, где лишние - передрежу. Норма получится, только в пару мест досверливать придется.

- Давай делай, рация нам очень нужна. Да и не одна, штуки две-три бы как минимум.

- Корпус мне надо чтобы тонкий сделали, размеры я уже прикинул. И антенну. И проволоки тонкой на катушки не хватает - диаметр я тоже дам. Пусть на складе посмотрят. Хорошо бы трансформатор найти с такой, даже в маленьком ее полно будет. И КПЕ [10] главный я не собираю: ты это сам Алику скажи, а то этот прокачанный крафтер [11] при виде меня визжит как каспер [12] на трояна. Или сделаю на две-три фиксированные частоты станцию, без возможности плавного поиска по диапазону. Нам в принципе больше не надо.

- Не надо фиксированную. То есть делай как обычно, с закрепленной основной нашей частотой. Но при этом пусть будет возможность ее смены на любую. Алик сделает, за это не переживай. Все, помолчи, время вроде.

В наушниках лишь слабые потрескивания помех. Время связи подошло, а никто в эфир не лезет... Бывало, так и проходил сеанс в тишине: радиосвязь у островитян была не слишком надежной. Вот треснуло что-то громко, прогудел зуммер вызова - это отозвался центр катастрофы. По голосу узнав тамошнего радиста, Добрыня первым делом поинтересовался, где сам командир гарнизона этого важнейшего стратегического объекта - Абаев по прозвищу Абай? Узнав, что тот ушел с парой ребят в разведку, Добрыня ничуть не расстроился. Даже если они просто поохотиться вырвались, не страшно - порядок у них там идеальный. Записал заявки, просили передать со следующей партией побольше копченой и соленой рыбы. Пиво они там наладили варить, что ли? Не хватало еще... Да не должны, Абай их топором закодирует за такое, у него не забалуешь.

Далее переговорил с лагерем лесорубов. Его уже давно пора бы переименовать, там не лагерь, а солидный поселок уже - почти двести жителей, да и в округе народу хватает. Все хорошие поляны крестьяне под распашку захватили, и вырубки тоже в дело пошли.

Следом отозвался Макс. Голос его был нехорош - на пути к Наре его отряд зарабатывал массу негативных впечатлений. Срываясь на непарламентские выражения, бывший охотник пожаловался на многочисленные трудности. Тропа хайтов, по которой двигался его отряд, представляла собой сложную систему изошренных ловушек, призванных максимально

затруднить продвижение. Лошадям приходилось труднее всего: вязли в болотах и застревали в буреломах. Хайты, видимо, тропу эту провели, руководствуясь лишь тем соображением, что это кратчайший путь к Гриндиру. На ней виднелись следы былых работ: когда-то путь поддерживался в приличном состоянии. Но сейчас он превратился в сущий кошмар – местами впопору на четыре конечности становиться.

Выслушав доклад Макса, Добрыня раздумывал недолго. Сказал, что если они и завтра не выйдут на удобную для продвижения местность, то, наверное, разрешит им разворачиваться к северо-востоку – пусть выходят к соляному руднику. Там, если что, их кораблем можно будет перевезти.

Честно говоря, Добрыня сейчас и сам не знал, что делать с экспедицией Олега. Для начала хорошо бы опять собрать их вместе, а там, наверное, гнать в поселок. С людоедами они разобрались, так что нечего гонять почти сотню ртов попусту. Достаточно будет оставить при Олеге десятка три бойцов для картографических работ и геологических изысканий в верховьях Нары.

Затем пробилась радиостанция «Варяга». Слышно было плохо: шумы забивали пробивающийся голос радиста. Тот сообщил, что корабль наскоро ремонтируют, и сейчас он еще не на ходу. Но к завтра-послезавтра должны кое-как подлатать, и до поселка он доберется, если не сильно гнать. Там уже придется надолго забыть о плаваниях: серьезно повреждена обшивка на носу и повело станину двигателя – вал винта трется о стенку шахты, что на высоких оборотах может привести к капитальным неприятностям. Да и на низких идти будет весело.

Не было печали...

Кроме того, радисту «Варяга» удалось поймать радиограмму Олега. Тот отправил ее телеграфным кодом с малогабаритной станции, прихваченной с собой в погоню. Содержимое радиограммы радист зачитал Добрыне. Олег, как обычно, без приключений как без рук – где он, там и они. Ему все же удалось догнать хайтов и уничтожить их отряд полностью. При этом захватили целых шесть сидов. Неплохой трофей... Но этим его удача не исчерпалась: он нашел на границе Хайтаны восемь человек, сбежавших из плена. Из них лишь один местный, восточник, а остальные земляне. И, самое главное, среди них была давно похороненная Рита. Вот так новость! Среди людей был один электронщик, который в коротком разговоре сообщил, что навыки свои он еще не растерял и ту же рацию сделать сможет.

Добрыня от хороших новостей повеселел и отвесил Пауку, сидевшему рядом на скамеечке, несильный подзатыльник:

- Слышал? Олег в каком-то болоте вырыл настоящего электронщика. Вот посажу его на твое место, а тебя на хутор батраком определю – картошку будешь окучивать. И чтобы никаких компьютеров! В форме буквы «ю» поползаешь по грядкам.

- Ну напугали! Все они кричат, что суперэлектронщики, а как дойдет до дела, микросхему от презерватива отличить не могут.

- Поговори у меня!

Все, сеанс связи закончен. Теперь еще вечерком подойти – если окажутся срочные новости, то могут что-то передать. Да и Кругов с Монахом любили в поздний час в эфир выходить, трепаться о своем – надо будет и самому пару слов им сказать. Для этого придется «гроб» переключать на их частоту. Станции, подаренные союзникам, были конструктивно неспособны принимать сигналы на частоте, используемой островитянами, – Добрыня был не настолько

доверчив, чтобы позволять им слышать все переговоры.

А теперь надо идти к себе, на сбор руководства. Сегодня еженедельная планерка – все соберутся. Вопросов накопилось немало, возможно, допоздна придется просидеть. Ну да ничего, главное, про рацию не забыть – сеанс ради планерки никто переносить не будет.

* * *

– Ладно, товарищи, про работу больше ни слова, все, что надо было, уже обсосали со всех сторон. Да не дергайся ты! Насчет скоб я тебе все сказал уже, будут тебе скобы, целый вагон скоб будет. Но только не раньше чем через неделю, сейчас не до них. Все, вопрос закрыли! А теперь немного о политике. Все, надеюсь, помнят, что я решил провести настоящие выборы? Кто не присутствовал при том разговоре, тем поясню – через неделю максимум мы должны провести выборы руководства. Я тут два года у вас считайте за царя был, и это всех устраивало. Или почти устраивало. Но времена меняются. Теперь нет причин для постоянного военного положения. Судя по всему, особой угрозы от Хайтаны уже нет. Соседи наши такие же земляне – у нас бывают трения, но никакой войны между собой мы никогда не допустим, в перспективе, возможно, даже объединимся. Восточники те еще разгильдяи, от них можно всякое ожидать. Но после разгрома от хайтов и эпидемии можно их не опасаться еще долго. Южане... Надеюсь, что южные туземцы действительно будут нам союзниками. Пока что они не давали повода в этом сомневаться. Да и нет у них причин для войны с нами. Герцогства их далековато, им бы у порогов землю под себя удержать, и то радость, а уж на нашу заглядываться никаких сил не хватит. Про ваксов вообще помолчу. Итого, у нас есть возможность вздохнуть спокойно.

вернуться

10

КПЕ – конденсатор переменной емкости; конденсатор, электрическая емкость которого может изменяться механическим способом, либо электрическим, под действием изменения напряжения, либо при изменении температуры.

вернуться

11

Крафтер – в данном контексте Паук сравнивает руководителя мастерских с игровым производственным персонажем – крафтером. Задача крафтера – заниматься крафтом (от *англ.* craft – ремесло), добычей и производством игровых ресурсов и ценностей. Прокачанный крафтер – персонаж с максимально развитыми производственными умениями.

вернуться

12

Каспер – в данном контексте речь идет об антивирусном программном обеспечении, создаваемом «Лабораторией Касперского». Звуковой сигнал (тот самый «визг») раздается при обнаружении вредоносных программ, в том числе и упомянутых троянских коней (троянов).

С виду слова Добрыни были нейтральны, но ему уже пришлось из-за намечающихся выборов

поломать немало копий. Что тут говорить: ведь даже официального объявления о выборах до сих пор еще не было. И на это были причины.

Лишь дурак может подумать, что Добрыня правил тут единолично, будто царь или диктатор. Даже Монаху с его железной хваткой это не удавалось – часть власти приходилось делить с соратниками. Иначе никак. Если ты желаешь править полностью самолично, то ты должен обладать целым рядом невероятных качеств. Во-первых, никогда не спать (спящего обязательно прирежут оппозиционеры). Во-вторых, готовить себе самостоятельно или вообще не есть (повара заставят подсыпать яд те же оппозиционеры). В-третьих, иметь вместо головы суперкомпьютер (надо знать все – про каждый гвоздик в твоих владениях и каждую свинью по кличке; ведь преданных соратников, на которых можно это взвалить, нет). В-четвертых, ни в коем случае нельзя ошибаться (так как вину за ошибку не свалить на соратников, а ошибающийся вождь вызывает раздражение у народных масс). В-пятых... Впрочем, и первых четырех требований к личностным особенностям такого мегадиктатора вполне хватит, чтобы убедиться в невозможности существования столь уникальных фигур.

У Добрыни соратники были.

Первым, вне всякой конкуренции, шел Олег. Добрыня ему доверял как себе и считал почти незаменимым. Олега трудно причислить к гениям, но здоровой смекалки у него хватает. Плюс масса полезных познаний, плюс несомненные способности к управлению войсками в военных условиях. Огромный плюс – практически полное отсутствие честолюбия, Олег попросту не стремился на первые роли. Его приходилось туда проталкивать. Странное качество для первого вождя островитян... Со стороны Олега можно вообще не опасаться закулисных интриг, и ему нет смысла кого-то подсиживать. При Добрыне или без Добрыни, он всегда будет не последним человеком. Может быть, на Земле он на первых ролях и не маячил, но тут людям, подобным ему, открыты любые дороги – этот мир будто создан для таких, как он. Были у Олега и минусы: некоторая ленца присутствовала, и язык без костей – если считает, что ты глупость задумал, так и скажет при всех, и не посмотрит, что про самого Добрыню говорит. Может и дураком назвать прямо на планерке. Но на него обижаться глупо.

С идеей выборов Олег был не согласен. Он признавал, что времена меняются, что пора отдавать экономические вожжи в руки производителей, но при этом считал, что руководство должно быть нерушимым. Так что затею с экспедицией Добрыня задумал не зря, а просьба Мура вообще подвернулась очень вовремя. Теперь Олег помешать не сможет. Это хорошо – авторитета у него хватает, смуту в умы внести может.

Алик. Это тоже великая фигура. Начинал кузнецом-кустарем, с помощью «какой-то матери» и жалких инструментов пытаюсь создать самые простейшие вещи. Закончил настоящим министром промышленности. У Монаха производственный комплекс не меньше, вот только производительность труда и качество продукции у них нельзя даже сравнивать с теми, которых добился Алик. Алик выпускает артиллерию и мушкеты, плуги и гвозди, котлы для паровых машин и кольчуги с кирасами для воинов. Быстро, качественно и без проблем. Его цеха наполовину дело его рук: масса оригинальных идей и мгновенное их воплощение в жизнь. Алик буквально жил своими мастерскими, он в поселке без надобности не появлялся – даже ночевал в крошечной избушке под стеной первой мельницы. И шум механизмов, не смолкающих ни днем, ни ночью, ему не мешал.

Если Алик не дурак, он поймет, что введение выборной власти не помешает ему возиться с его железяками и в худшем случае воздержится от критики или одобрения. А в лучшем даже поддержать может.

Булкин Ваня. За спиной называют простецки – Булка, но в лицо такое никогда не скажут: с чувством юмора у него плоховато. С этим все просто, агрономом был на Земле, агрономом стал и здесь. Достаточно ценный специалист. И способный, земные семена и свои навыки применил не бездарно. Уже этой зимой островитяне не будут испытывать проблем с хлебом. А на будущий год, если ничего не помешает, и вовсе прокормят себя с избытками. Того и гляди торговать зерном начнут.

Булкин выборы одобряет. Впрочем, он обычно одобряет все, что предлагает Добрыня.

Русик... Руслан... Это пятое колесо. Прибился позапрошлой весной. До этого командовал небольшим селением. Не выдержав тягот самостоятельной жизни, они присоединились к островитянам. С тех пор он на правах министра без портфеля. Вечная имитация бурной деятельности, постоянно находится при начальстве, а толку от него ноль. Простейшее дело способен завалить, лишь бы сделать гадость Добрыне или кому-нибудь другому. Источник слухов, сплетен и постоянных интриг. Такого надо или сразу удушить, или держать поближе – под присмотром. Иногда он даже полезен: если срочно нужен мальчик для битвы или надо запустить какой-нибудь выгодный слух. Да и знал все обо всех всегда, просто ходячий справочник «Кто есть кто». Но реальной власти у него нет.

Русик это Русик. Просыпается страстным любителем роскошных женщин, а спать ложится уже закоренелым геем. Что ему выгодно в данный момент, то и поддерживает. У Добрыни есть на него кое-какая управа – в открытую вякать не станет сейчас. Хотя идеей введения выборного правления он почему-то очень недоволен.

Борис Моисеевич. Как же его фамилия? Похоже, этого не знает никто. Первоначально вроде завхоза в поселке был, складами командовал. Теперь некто претендующий на роль министра финансов. Еврей он и на другой планете еврей – везде возле денег пристроится. Никакого антисемитизма – Добрыня искренне радовался, что у него есть свой спец по финансовой части. Борис способный, умеет принимать нестандартные решения и приспособливаться к любым условиям. Денежная реформа, которую он предложил Добрыне, очень даже красиво выглядит, гармонично вписывается в местные реалии.

Борис только за – избирательное право идет на благо его «буржуазным идеям».

Левкин Сергей. Молодой мужчина с крепкой хваткой и чистым, искренним взглядом. Этим взглядом он Добрыню в свое время и покорила – такие глаза соврать не позволят. Его Добрыня поднял лично, а сейчас поставил мэром в поселок лесорубов. На этот поселок у Добрыни большие планы, через год-другой там не меньше тысячи народа будут обитать. Так в итоге станет у островитян два городка-крепости.

Этот парень предан стопроцентно – если Добрыня выдвинет идею, что чай надо пить не с медом, а с дерьмом, Левкин первым побежит в нужник с бидоном.

Гнатов Егор. Или просто Гнат. Это отличный строитель. Укрепления, окружающие поселок, его заслуга. Но занимался он не только возведением стен и башен. Склады амуниции и вооружения на нем. Также он заведует системой воинской подготовки. У него своя команда тренеров, гоняющих по выходным старых и молодых на занятия. В случае угрозы мобилизация вооруженных сил одна из его задач. Не полководец – управленец-тыловик.

В нем Добрыня не сомневался. Точнее, иногда напрягала скрытность Гната, но в данном вопросе он знал, что Гнат его поддерживает. Тот признавал это открыто.

Остальных можно и не упоминать: возможности ничтожнее, чем у Русика. Ну в самом деле,

какая реальная власть есть у того же Лома? Да никакой, никто ему ее никогда не даст. Во власти этого наркомана разве что поселок разнести продукцией своего цеха... Но как главный химик он должен присутствовать на планерке. Вот и сидит в уголочке, рядом с такими же нулями, как и сам.

В отсутствие Олега помешать политическим планам Добрыни никто не мог – на его стороне слишком многие, а те, кто против, не способны организовать серьезный протест.

Добрыня, если говорить откровенно, сам не знал, зачем связался с этими выборами. Почему бы не жить, как раньше жили? Без них? А не получается жить – не так все становится. Вроде бы все хорошо, но чувствуешь, как в то же время все уползает из твоих рук. Заманили кучу крестьян к себе, дали землю, дали инструменты, дали семена, даже коров и лошадей дали многим. Помогли по агрономической части. И что? Живут эти крестьяне по сути сами себе предоставленные и ни в какой власти вообще не нуждаются. А что, если война? Мобилизовать как? Ну это еще ладно, мобилизуем, если понадобится. А урожаем как заставить делиться с поселком? За семена и инструменты они быстро расплатятся, а дальше что? Продразверстка? Не пройдет номер... Покупать у них? А как? Своих денег нет, а если и будут, то на кой они им? Как обеспечить оборот денег между городом и деревней? Наладить выпуск ширпотреба, нужного крестьянам? На кой ляд им этот ширпотреб, они испокон веков натуральным хозяйством живут. Чем их завлечь?

Да кто ж его знает...

Промышленность строго заточена на военные заказы – гражданских товаров почти не выпускает, если не считать ерунды вроде гвоздей и невзрачной керамики. Хотя уже были удачные выплавки стекла. Лом, покопавшись в дисках Паука, какую-то краску придумал, с ней сделали партию унылых стаканов кроваво-красной окраски. Южный купчина, узрев эту посуду, устался на нее, будто прыщавый подросток на обложку порнографического журнала, после чего предложил все купить. Добрыня, не будь дураком, для начала нескромно увеличил предложенную цену в сто раз. Но когда купец, не торгуясь, выложил требуемую сумму, понял, что сильно продешевил.

А ведь не в одних стаканах дело. Знаний у людей много, местным такое и не снилось. Добрыня посадил к Пауку пару помощников, те спешно переписывают все мало-мальски полезное, найденное на жестких и оптических дисках в центре катастрофы. Знания – главное сокровище. Но само по себе оно бесполезно, его еще надо интегрировать в местную действительность. Централизованно это делать неэффективно. Добрыня и его приближенные физически неспособны знать все. Совокупность умений народа невероятно богаче, народ может горы свернуть, если дать ему возможность. Народ надо как-то заинтересовывать, чтобы люди не трудовую лямку послушно тянули, а проявляли инициативу. А как заинтересовать? Методов всего три: кнут, пряник и внешняя угроза.

Кнутом неэффективно – проверено историей. Внешняя угроза ослабла и не оправдывает военное положение. Остается пряник. Какой пряник? Да самый простой – деньги. Экономика сама поднимет нужных специалистов и прибыльные технологии. Власти останется лишь не дать погибнуть «фундаментальным специалистам». Допустим, те же электронщики, вряд ли они смогут разработать что-то вроде тех же высоколиквидных красных стаканов. Радиодетали аборигенам не продать, генераторы им вообще нежелательно показывать – технология стратегическая. Но развивать все это надо. Кто знает, может, еще при жизни Добрыни он увидит первый компьютер, собранный в этом мире. Нужно это землянам? Наверное, нужно. Значит, необходимо эффективное госрегулирование плюс свобода низов. Ну или почти полная свобода низов.

А сейчас что имеем? Худшую разновидность коммунизма: у кладовщика, имеющего доступ к дефициту, жизнь послаще, чем у заслуженных полководцев островитян. Люди, проливавшие кровь в сражениях, водившие за собой целые армии, живут ничуть не лучше того же Гарика Иванихина, заявившего раз и навсегда, что он пацифист и оружие в руки брать не может. Ни в одной из войн от него помощи не было – так и лепит горшки в мастерской, да и то из-под палки. Живет в такой же избушке, как и Олег, ест ту же еду, носит такую же одежду. Хотя насчет последнего у Олега все же получше. Но это разве меняет дело? Макс с Кабаном крестьянствуют, своими руками землю пахнут, а лошадей им выпрашивать приходится, будто не заслужили.

Если поначалу, когда жили в постоянной опасности, эта уравниловка была оправданна (да и делить нечего было), то сейчас она стала источником напряжения. Людей нужно награждать соразмерно заслугам, иначе уродство получим.

Да много чего нужно. А Добрыня один, соратники не в счет. Все в конце концов на нем завязано. Не успевает обо всем думать и за всем следить. Наверное, где-то он ошибся, упустил время: надо было подобрать себе штат толковых помощников. Ведь без узаконенной преемственности, умри вдруг Добрыня, все развалится мгновенно – новый диктатор вряд ли оставит старую команду без изменений. И погибнут многие перспективные задумки. Возможно, безвозвратно – в их положении потерять легко, а вот найти...

Добрыня отвечал кому-то, что-то добавлял от себя, выслушивал мнения, но при этом не переставал думать о своем.

Прав он или нет в решении? Сможет ли новая форма правления удержать те нити, за которые он не смог ухватиться?

Решение уже принято, народ начал потихоньку расходиться, а он все еще сомневается. Все от нерешительности и от растерянности. Не знает он, как дальше себя вести. Хорошо, что Олега нет, тот сразу обозвал бы его тугодумом или вовсе идиотом и потребовал бы оставить все как есть.

Может, это было бы и к лучшему...

Легче, наверное, миллионным городом управлять, чем парой тысяч людей, попавших в такие условия.

Добрыня, выпроводив остатки собравшихся, постоял с минутку на крыльце, любуясь звездами. Где-то среди них, возможно, он сейчас видит свое старое Солнце. Как же все просто там было...

И как скучно.

Спустившись с крыльца, Добрыня пошел вдоль избы, направляясь к дощатому сортиру. Он продолжал витать в облаках стратегических помыслов и не успел отреагировать на внезапное появление темной фигуры, выскользнувшей из-за угла. Удар по голове мгновенно выбил из головы все тревоги и заботы, бесчувственное тело растянулось на земле.

Здесь гораздо веселее.

* * *

Очнувшись, Добрыня одновременно осознал множество вещей.

Во-первых, у него болела голова. Похоже, ему по ней чем-то приложила та самая фигура, выскочившая из-за угла, будто черт из коробочки. Во-вторых, он лежал на чем-то твердом и неудобном, местами давящем в спину. В-третьих, на нем размещалось нечто тяжелое, мокрое, неприятно пахнущее, скрывающее обзор.

Нехорошее пробуждение.

Добрыня, изо всех сил скосив взгляд, попытался разглядеть что-нибудь за навалившейся на него преградой. Звезды вроде бы поблескивают вверху, а пониже их скрывает какая-то стена. И скрип под ухом ритмичный, хорошо знакомый.

Ба! Да это же уключины скрипят!

Раз скрипят уключины, значит, он в лодке, а стена это лодочный борт. И что все это значит? Если ему не померещилось нападение, то это означать может много чего. Похищение? Да кому он понадобился? Чай, не грудастая молодуха, чтобы перевозбуждившиеся женихи воровали. Да и там все по симпатии обычно происходит, по голове веслом не глушат перед погрузкой. Бабы мужиков воровать не станут, у них другие методы. Кто же тогда на Добрыню польстился? Как-то не верится, что тайная секта мужеложцев-садистов сочла его симпатичным и избрала своей очередной жертвой.

Стараясь не показать похитителям, что пришел в себя, он попытался проанализировать свои ощущения. Ноги чувствует хорошо, с руками похуже – похоже, запястья связаны. А что это поблескивает на краю поля зрения? Прямо в той темной массе, что его придавливает. О господи – да это чей-то глаз мертво блестит!

Добрыня понял, что лежит под трупом. Живой так лежать не может. Вот он на него сверху и давит, а еще с тела что-то течет на живот и грудь.

Чудная ночь.

В поле зрения промелькнула толстая подошва грубого ботинка, уперлась в плечо, надавила, пошатала. Хорошо знакомый голос выдал недовольные слова:

- Похоже, ему череп капитально проломили – лежит как бревно. Перестарались ребята...

Гнат?! Гнат похититель?! Да зачем ему это понадобилось? Он же не интриган вроде Русика, он честный строитель, да и вообще надежный мужик. С Добрыней всегда ладил прекрасно, и тот всегда знал, что на этого скрытного здоровяка можно положиться в любом деле. И тут на тебе...

- И этот уже кровью залил всю лодку. Даже не думал никогда, что в человеке может быть столько крови.

- Это же Левкин, он всегда отличался полнокровием.

А это чей голос? Да это Абай! Командующий гарнизоном объекта «Центр катастрофы»! Так вот он куда пропал... паскудник... Не на разведку ушел, сюда тайком примчался. Скрытно. Да ведь это настоящий заговор. А про кого они... Твою мать! Так ведь это на нем Серега Левкин лежит! Мертвый. Господи, дай силы порвать этих тварей голыми руками.

Да что, черт возьми, они задумали?

Лежать. Главное не дергаться. Надо ждать удобный момент. Если поймут, что он очнулся, будет худо. Непохоже, что они везут Добрыню к теще на блины.

- Если лодку поутру найдут в таком виде, нам будет трудно это объяснить, - продолжал Гнат. - Притопить надо будет, да так, чтобы рыбаки не нашли.

- Не надо, - возразил Абай. - Чуток изменим план, и все будет нормально.

- Это как?

- А вначале как хотели?

- Ну так и хотели: на главной тропе их кинуть, утыканных болтами круговскими. Поутру их якобы наши случайно найдут, и понеслось-поехало. Окровавленная лодка, оставленная на берегу, как-то не будет вписываться. Возникнут вопросы. Как это они, оставив в лодке ведро крови, поперлись к поселку Кругова? Или ты предлагаешь завалить их прямо в лодке?

- Одного валить уже не понадобится - трепыхается только один. Отнесем Левкина на тропу, там и бросим. А этого кабана в лодке приколем и кинем дрейфовать по течению. Выглядеть будет, будто Добрыня сдернул от расстрела, добежал до лодки, и уже там его достали.

- А как его потом найдем? Нам труп Добрыни нужнее трупа Левкина.

- Нести Добрыню тяжелее, сам ведь он, похоже, не пойдет. А найдем легко - лодку быстро к плавням прибьет, и все воронье к падали слетится. Те быстро работают, определить, что ему голову проломили, будет непросто после них. Да и не будет его патологоанатом рассматривать, сам понимаешь. А вот стрелы вороны не сожрут - круговские болты с его фирменными пулевидными наконечниками так и будут в этой туше торчать.

- Ловко ты придумал... я как-то упустил про голову вопрос.

- Вряд ли кто-то сильно носом рыть будет.

- Если Олег появится, тот перероет.

- Олег далеко и будет в той дали столько, сколько мы захотим. Разберемся и без его хитрого носа. Да и проломленный череп можно свалить на тех же круговцев - Добрыня сильный бугай, запросто бы смог и с дырой в голове уйти далеко.

- Абай, а как мы назад вернемся, если лодку бросим?

- У меня труба есть, УКВшка, еще две у моих пацанов. Зря, что ли, я столько месяцев копал эту кучу хлама? Там иногда хорошие штучки встречаются.

Абай при последних словах зловеще клацнул чем-то металлическим. Добрыне звук не понравился, что-то знакомое, напомнившее армейские времена.

- Что, Добрыня, интересно глянуть, чем я разжился? - с насмешкой уточнил Абай. - Да не делай вид, что окончательно сдох, я же вижу, как у тебя уши от любопытства зашевелились. Можешь сесть, до другого берега грести еще долго.

Отлеживаться смысла не было - не поверят. Да и действительно интересно. А если эти ублюдки дадут шанс, то реализовать его, лежа под трупом, не получится.

Онемевшее тело слушалось плохо. Вдобавок Добрыня сознательно шевелился с трудом, будто умирающий – чтобы не насторожить похитителей. Выбравшись из-под Левкина, он, удерживая его тело, неуверенно присел. Пока садился, успел бросить несколько взглядов по сторонам: за бортом темнеет ночная река, на веслах пара молодых парней из вахты центра катастрофы, на носу сидит Гнат, а на корме вальяжно развалился Абай. Гад в мародерстве толк понимал – приделся основательно: в кожаном плаще, щегольская кепочка, блестят начищенные туфли. А под плащом поблескивает кое-что очень неприятное...

Твою мать... Он что, вагон с армейским вооружением отрыл? Или арсенал вокзальной ментовки нашел? Да какая разница! Даже один «калашников» может бед в умелых руках немало наделать, а у него неизвестно сколько стволов. Так вот чего они так расхрабрились – силу почуяли. Вот же уроды...

В один миг Добрыня понял все. Выборы им точно не нужны, и Добрыня со своими великими идеями тоже. Эти ребята хотят одного – власти для себя. Поселок они легко подомнут после злодейской гибели бессменного мэра. Тела Добрыни и Сереги, истыканные стрелами, выпускаемые оружейной мастерской Кругова, будут доказательствами коварного злодеяния южан. Неубедительное, надо сказать, доказательство. Неизвестно, какого черта Добрыне и Левкину понадобилось на их берегу ночью. Хотя наверняка у них будет припасено более-менее логичное объяснение. Например, вызов по радиации от мэра. Срочный. И радист это подтвердит. И неважно, что нестыковок будет очень много, тут не Земля – никто их версию в пух и прах разносить не станет. Особенно если она будет подкреплена автоматами Калашникова.

Власть они подгребут. Далее устроят «мечь» южанам. Чтобы придавить Кругова, не надо будет даже «калашей», хватит сотни бойцов с мушкетами. После этого под их властью будет примерно пять тысяч разного народа. Это примерно в два раза меньше, чем северян. Но у северян похуже вооружение: огнестрела мало, да и стволы коротковаты. Артиллерии вообще нет, а если бы и была, на нее не хватит пороха. У них ведь нет запасов центра катастрофы, а местные источники селитры скудны. Флот тоже несерьезный – трофейные галеры хайтов.

Придавят они Монаха. Пусть не сразу, но придавят, шансы у них хороши...

И сбудется мечта землян, заживут все они одним колхозом.

И плакали все замыслы Добрыни – задумывать далеко наперед такие люди, как Абай и Гнат, не умеют, а если и задумают что-то полезное, то лишь для себя. Им подавай выгоду сразу и много. Результат хотят видеть при своей жизни, а не при жизни своих детей и внуков. Им ведь, наверное, просто нужно карманное феодальное владение, на большее у них фантазии не хватит.

Удивительно, как много мыслей может пронестись в голове за каких-то пять – десять секунд. И как четко воспринимается окружающая действительность. В левой руке Абая топорщится что-то темное, длинное. Свинокол какой-то, предназначенный проделывать в человеке отверстия, в которые потом можно воткнуть арбалетные болты. Сейчас Добрыня прислонится спиной к борту, и этот хитрый урод его заколет. Не будет здесь последнего разговора главного злодея с главным героем, не будут ему объяснять, какой он дурак. Даже сесть ему позволили лишь потому, что так убивать удобнее: не надо лезть под грязный труп.

Краем глаза увидев, что Абай подается вперед, перебрасывая в правую руку свинокол, Добрыня, перед этим делавший вид, что собирается уложить тело Левкина на дно лодки, вместо этого резко повернулся, прикрываясь трупом от удара. В тот же миг, с силой оттолкнувшись, спиной вперед перебросил себя через борт, утащив за собой свой мертвый

щит.

* * *

Абай давненько не слышал, чтобы Гнат матерился. Но после того как оба тела, подняв тучу брызг, исчезли в темной воде Фреоны, тот загнул чуть ли не девятиэтажную тираду. Иссякнув, истерически заорал гребцам:

- Бегом! Вниз гребите! Он должен где-то всплыть!

- Хрен всплывет, - уверенно заявил Абай. - У него руки связаны, да и голова после такого удара варит плохо.

- ... его... по...!!!.. в...!!! За борт он... как... спортсмен!!! И этого... с собой уволок!!!

- А Левкин точно не всплывет. Ему брюхо проткнули раза три.

- Ну что за...!!! Что мы делать будем без их трупов?!!

- Можно подождать, когда-нибудь они точно всплывут. Посадить сюда всех рыбаков дежурить, и не пропустят, - с насмешкой предложил Абай.

- И как мы народу это дело объясним? Покажем двух утопленников, которые должны были помереть на берегу левом? Оригинально, твою мать: злодейски утонули в поселке Кругова, нырнув в глубокую кружку, после чего течение их принесло сюда. А мы экстрасенсы, раз знали точное место, где эти мешки с г... всплывут.

- Мать мою трогать не надо, - с легкой угрозой попросил Абай.

Гнат подчеркнуто миролюбиво вскинул руки и с издевкой протянул:

- Ну извини. Я не знал, что ты такой ранимый. Мать твою! Что делать-то теперь будем?!

- Ты у нас самый умный, вот ты и думай. По мне так мало что изменилось. Все равно на Кругова все валить надо.

- Да, нам просто пути назад уже нет. Давай гребем к левому берегу, бросаем там лодку, и вызывай ребят прямо сейчас, чтобы сразу нас забрали. Кругу предъявим лодку окровавленную и исчезнувших Добрыню и Левкина. Скажем, что это он тела спрятал.

- Хорошо. Пора плыть. Раз этот боров не всплыл до сих пор, то и не всплывет уже. Захлебнулся. Утром ребят пошлем, по берегам островов пусть пошарятся.

- Это еще зачем?

- Клоты утопленников на берег любят вытаскивать, может, и этих вытащат. Надо будет подобрать, пока рыбаки первыми не увидели.

- Хорошая мысль. А все-таки ловок этот черт, - чуть ли не с восхищением выдал Гнат. - Ценой своей жизни ухитрился нас провести. Серьезный все же мужик... Был.

* * *

Ширина Фреоны в районе устья Хрустальной составляла около четырех километров. Имелось

несколько плоских островов, хватало обширных отмелей, где местами можно как посуху пройти, зеленели плавни вокруг обмелевших протоков. Глубины здесь обычно небольшие: два-три метра, в омутах изредка до десяти, дно илистое, реже песчаное или глинистое, кое-где сплошь ракушкой покрыто. Только на главной струе можно встретить крупный песок, а иной раз и галечник, но там и глубины посolidнее: рыбаки, бывало, находили зимовальные ямы за сорок метров глубиной.

Добрыне показалось, что он угодил как раз в такую яму. Отчаянно работая ногами, он гнал себя глубже и глубже, подтягивая за собой тело Левкина. Наконец голова зарылась в рыхлый слой ила. Столкновение с дном вышло столь неожиданным, что Добрыня от испуга едва не выпустил из легких весь воздух.

Спокойно, надо еще немного продержаться.

Он не верил, что спасется. Да и не ставил перед собой такую задачу. Ему сейчас главное, не дать врагам сфабриковать из двух тел фальшивые доказательства.

Руку Левкина он с силой воткнул в ил, то же самое сделал и со второй. Давил с натугой - речное дно теперь его удержит, хоть и ненадолго. Теперь надо о себе позаботиться. Точнее, о своем брэнном теле - на остатках сил оттащить его подальше. Лодка наверняка простоит некоторое время, следя за окрестностями. Если тело всплывет слишком быстро, то могут заметить. Добрыня слышал, что многие утопленники не идут на дно, и уже через минуту болтаются наверху. Не хотелось бы помереть зазря.

В прошлом он был неплохим пловцом и даже сейчас мог продержаться под водой долго. Не будь руки связанными, можно было бы попытаться уйти - шансы хорошие. Ночка темная, могли бы и не заметить, если выплыть тихо. Стоп! Отбрасывай такие идеи! Иди вдоль дна, подальше иди! Когда станет невтерпеж, в ил себя уже не закопаешь. Жажда жизни заставит рвануть наверх. Надо держаться подальше от поверхности. Так что главное, не выбраться из этой ямы, остаться внизу. Тогда течение вынесет его далековато.

Легкие начали гореть огнем. Нестерпимо хотелось разинуть рот и хлебнуть глоток... Пусть не воздуха, пусть воды, но хлебнуть всей глоткой.

За шиворот Добрыню жестоко ухватила здоровенная, сильная лапа. От ужаса он беззвучно заорал, выпустив каскадом пузырей весь воздух, и непроизвольно обмочился. Ему не раз доводилось слышать байки рыбаков о жутких монстрах, обитающих в глубинах Фреоны, но все это он считал фольклором на уровне русских сказок о русалках и водяных. Но фольклор не имеет привычки хватать за шкуру утопающих.

Непреодолимая сила потащила Добрыню неизвестно куда. Вряд ли вверх - речная нечисть предпочитает глубины. А раз так, то все к лучшему. Пусть даже это черт его тащит в бездонный омут.

Добрыня больше не боялся. В беззвучном крике разевая рот, он судорожно хватал губами мутную воду Фреоны, заливая свои горячие легкие. Еще чуть-чуть потерпеть, и все - сознание его покинет.

Навсегда.

* * *

Не покинуло.

В самых глубинах омота бесчувствия, куда его завлекло кислородное голодание, он оставался пребывать на тончайшей грани, отделяющей явь от сна. Или смерть от жизни. Он видел все, правда не всегда мог понять, что именно видит – мозг отказывался работать. Апатия, безразличие ко всему, жажда отдохнуть или просто сдохнуть. Но сдохнуть ему упорно не давали.

Огромный обитатель речных глубин вытащил его на мелководье, легко поднял вверх тормашками, удерживая за ноги, энергично встряхнул. Много есть способов спасения захлебнувшихся, но такого Добрыня не помнил. Как-то слишком уж экстремально. Но действовало превосходно: из легких вся вода до капли вылетела (легкие тоже хотели полететь следом), а вслед за водой из желудка вывалились остатки ужина.

Темный гигант небрежно закинул тело Добрыни на плечо (а Добрыня, между прочим, раньше атлетизмом занимался – настоящий богатырь), без малейшего всплеска пошел по мелководью. Вокруг поднялась сплошная стена тростника, но удивительное дело: ни шороха или треска – полная тишина. Да эта нечисть бродит по плавням будто ниндзя, никакого шума. Плавни? Может, попробовать сбежать в заросли? Лень – полная апатия. Да и как сбежать от существа, для которого ты будто котенок?

Стена тростника расступилась. Похититель вышел на обширную поляну. Грубые руки стянули Добрыню с плеча, поставили на землю. Запястья дернулись, повисли безвольно – их больше не удерживала веревка. Ноги предательски подогнулись, мэр островитян плюхнулся на пятую точку, тупо уставился перед собой. Из-за тучи как по заказу выползла полная Луна. В каком-то фильме он это уже видел... Что же там было потом? А потом под завывающий вой и дурацкое причмокивание кого-то съели.

Идеально круглая полянка, диаметром метров тридцать. Окружена высокими стенами тростника. Метров по пять минимум стебли, а то и выше – из такого отличные удочки можно делать или легкие дротики. Посреди полянки невысокий помост из странно переплетенных стеблей того же тростника. На помосте лежит старая самка клотов. Шерсть светлая, морщинистые груди двумя пустыми мешками разметались в сторону, параллельно раскинутым рукам. Вокруг, куда ни глянь, на корточках расселись десятки, а может, и сотни мохнатых великанов.

Несмотря на апатию и странную опустошенность, Добрыня почувствовал некоторое облегчение. Клоты друзья – клоты его есть не станут. Хотя «друзья» громко сказано. Ваксы, несмотря на свои дурные привычки, мало чем отличались от людей. У Добрыни в свое время сосед был – дядя Вася, так тот, если пару недель не брился, становился точной копией Мура. Внешней копией. Да и внутренне они очень похожи: пиво что тот, что другой лакать бочками готовы были – пока все не прикончат, не успокоятся. С любым ваксом спокойно можно было всегда «за жизнь» поболтать, и он охотно поддержит беседу.

С клотом «за жизнь» не поговоришь – клот это клот. Громадина вымахивает иной раз на два с половиной метра роста, а то и более, с бревнами длинных рук и тоскливым взглядом профессионального исследователя глубин бесконечности. Что они там видят в этой своей бесконечности, никто не знал – говорить с клотом на темы вне рыбалки и судоходства было бесперспективно: они просто не поймут, о чем ты вообще пытаешься с ними болтать. Лом даже выдвинул идею, что клоты из речных водорослей гонят какую-то очень серьезную наркотическую дрянь и вечно ходят «вмазанные». Он настолько проникся интересом к этой теории, что постоянно бегал в селение великанов, пытаюсь поймать их на горячем и узнать секрет новой дури. Добрыня, прознав об этом, запретил ему даже близко к клотам приближаться. Пусть они у себя хоть воблу через кальян курят – про это ему знать не следует.

И без того у проклятого химика уже столько гадости конфисковали, что ему Медельинский картель [13] завидует.

Правда, был еще Удур – более-менее цивилизованный клот. Первый клот, увиденный землянами. Тот, оставшись в одиночестве после гибели своего селения, долго прожил с людьми, наверное, понахватался чего-то от них и заметно отличался от соплеменников. Но не сказать, чтобы эти отличия сильно бросались в глаза.

Как-то раз зимой Удур заявился в поселок с мешком деликатесного угря. Как раз праздник был – армия из дальнего похода вернулась. Народ, получивший в холодной степи массу негативных впечатлений, оторвался тогда здорово: половина поселка перепилась в дым, вторая половина их всю ночь по закоулкам собирала, чтобы не замерзли. Попика местного, «зама» отца Николая, пришлось тогда из нужника доставать. И как он с таким брюхом в узкую дыру пролез? Да еще и русалок при этом звал пропитым голосом.

Так вот, отсыпая клоту соль, Добрыня, расчувствовавшись, продекламировал рыжему гиганту длинный монолог на вечную тему «Все вокруг козлы, а я д'Артаньян». В процессе этого монолога он чуть ли не с поцелуями к клоту полез, так расчувствовался. И выпил-то не больше литра тогда, а развезло, как от целой бочки. Удур, получив свою соль, спокойно развернулся и деловито потопал к воротам на самом интересном месте – монолог как раз до д'Артаньяна дошел. Добрыня чуть языком не подавился от досады. И для кого он разорялся? Будто с дубовой табуреткой пообщался – нехороший осадок остался. Будь на месте Удура вакс, тот бы выслушал очень внимательно и даже наводящие вопросы не забывал бы задавать. И потом бы троглодит нарыл закуски, и они уже вместе на радостях еще по литру выдули.

вернуться

13

Медельинский картель – колумбийская преступная организация, в недалеком прошлом контролировала большую часть кокаинового рынка США.

Клоты все делали не по-человечески. Даже рыбу непонятно как ловили – у них вообще никаких снастей отродясь не было. Кораблем управляли отлично, но тоже как-то не так: то вода им не то говорит, то волны не те, то дно сердится, то небо низко. И так постоянно у них, клотов не понять. Вот и сейчас, когда понадобилось «Варяг» гнать, ни одного рулевого на это дело не нашли – все мохнатые как сквозь землю провалились. Когда не нужны были, шлялись по всему берегу – куда ни плюнь, в рыжего попадешь, а тут раз – и никого. А вот они где, оказывается, спрятались – залезли в заросли возле какого-то богом забытого островка и сидят всем колхозом вокруг трупа какой-то засохшей старухи.

Нет, клотов трудно назвать друзьями. Не подходит это слово. Клоты нелюди в настоящем понимании этого слова. Много общего с человеком, но это сходство лишь подчеркивает всю ширину пропасти.

Клоты спасли Добрыню из омута – для этих «речных экстрасенсов» подобное сущий пустяк. Но что дальше будет? Он явно наблюдает сейчас что-то странное, чего не видел еще никто. Раз про такие сборища люди не слышали, значит, от них это скрывают. Возможно, это страшная тайна. И эту тайну они чужим не доверят.

Добрыня почувствовал себя очень неуютно («он слишком много знал»).

Ну что за ночь сегодня? Одни приключения, причем одно другого гаже.

Как бы подтверждая наихудшие опасения, к Добрыне склонился здоровенный клот, тихим голосом Удура произнес:

- Сиди как все. Делай как все. Не делай шум. Не смотри на звезды.

Добрыня неуклюже приподнялся с колен, осторожно присел на корточки. Чертовски неудобно, но он готов так хоть сутки просидеть, лишь бы на этом его злоключения закончились.

Дальнейшее Добрыня помнил смутно и был не уверен, что это ему не приснилось.

Вроде бы клоты дружно начали бормотать. А может, что-то тихо петь или стихи читать. Но точно не анекдоты рассказывать – слишком все выглядело серьезно. Странные ритмы их речи сплелись в затейливый узор, в душе поднялось что-то дикое, первобытное. Хотелось поднять голову и зарычать на луну, но он откуда-то знал, что этого делать не следует. Сегодня нельзя смотреть в небо – сегодня сильна земля.

Замечая в узоре речей изъяны, Добрыня стал исправлять огрехи, подавая голос – его бормотанье слилось с бормотанием толпы клотов в один странный, завлекающий поток. В какой-то момент он увидел, что все ритмично раскачиваются с боку на бок, и он почему-то тоже. Тело вплелось в этот ритм независимо от сознания.

Потом возник посторонний шум: потрескивание, шорох, нервная дрожь земли. Из влажной почвы потянулись зеленые ростки, жадно накинудись на тело старухи. Оплели ее, полезли под кожу. Труп зашевелился, форма его исказилась – расплывшаяся клякса ничуть не похожая на клота. Миг, и плоть затрещала, разлетелась в клочья. Побег тростника не унялись, пока не осталось ничего – похоже, растения впитали в себя и мясо, и кости.

Наверное, это ему действительно приснилось – ведь полный бред.

Клоты разом встали, начали улыбаться, радостно рвать ростки зловещего тростника, протягивать друг другу. Клоты улыбаются?! Ну это точно бред – никто и никогда не то что улыбки у них не видел, даже тени эмоций на их угрюмых мордах не отражалось испокон веков. От унитаза и то быстрее улыбку дождешься, чем от этих...

Кто-то протянул Добрыне тростинку, и тот послушно слизал с нее что-то темное, солоноватое. Кровь мертвой старухи? Наверное. Никакого шока Добрыня от этого не испытал. Все облизывают, он ничем не хуже других.

Потом...

Вот что было потом, он не запомнил.

Наверное, наконец вырубился.

* * *

Проснулся Добрыня от холода. Сквозь густой утренний туман пробивались робкие лучи рассветного солнца. Мэр островитян лежал на маленькой полянке, окруженной стеной густого тростника. Молодые тростниковые побеги, по-весеннему ярко-зеленые, оккупировали центр полянки. Ни малейших следов помоста не осталось. Клотов тоже не видно, да и земля влажная, нетронутая, будто на нее со времен сотворения мира никто не ступал.

Полный сюрреализм. Может, он сейчас на дне омута захлебывается, и умирающий мозг шутит, провожая в последний путь под такие дивные видения? Или клоты дали ему курнуть своих загадочных водорослей, и он теперь до конца жизни будет бродить, уставившись взглядом в бесконечную пустоту?

Внезапно он почувствовал, что за спиной кто-то есть. Резко развернулся. Так и есть, на границе полянки стоит Удур. И откуда он взялся? Ведь мгновение назад никого здесь не было. Ни одна тростинка не треснула, а ведь через эти заросли бесшумно и мышь не проскользнет.

Опять чудеса.

- Удур! Ты откуда здесь взялся?!

Клот, подойдя к немаленькому Добрыне, безразлично взглянул сверху вниз, ответил:

- Я пришел от реки.

- Понятненько. Это ты меня вытащил ночью из омута?

- Я вытащил.

- Спасибо тебе. Если бы не ты, хана бы мне настала. А что у вас ночью за мероприятие здесь было? Чем вы занимались? Что это?

- Мы говорили с землей.

- Ну что ж, спасибо, хоть как-то ответил... Удур, мне бы в поселок надо. Добраться до него можно?

- Можно. Но поселок не омут.

- Не понял?

- Из омута тебя я вытащил. Из поселка я тебя не вытащу. Там нет воды.

- Там что, проблемы какие-то? Что там происходит?

Удур, не ответив, развернулся, направился прочь. Тростник перед ним зашевелился, бесшумно расступился, тут же сомкнулся уже за спиной. Добрыня пулей метнулся следом, с треском вломился в заросли, прорвался к рыжему великану, зашагал следом, чувствуя, как за затылком стеной встают проклятые растения. Кому расскажи - не поверит никто.

Под ногами зачавкала вода, впереди засветлел просвет. Удур вывел Добрыню на узкую полоску пляжа, остановился. Перед ним лежало тело Левкина. Обескровленный труп с выбеленной кожей ничем не напоминает задорного инициативного парня.

Эх, Сережа, Сережа...

- Мне кажется, в поселке тебе могут быть не рады, - необычно длинно высказался Удур.

- Знаешь, я с тобой полностью согласен... Удур, там плохие дела происходят, мне надо это как-то остановить. Ты мне поможешь?

- Я тебя не понимаю. Скажи, что надо остановить. Я тогда отвечу, смогу или не смогу это

сделать. Я не могу остановить то, про что не знаю.

- А ты можешь узнать, что там вообще сейчас делается? Нет! Стой!.. Толку от твоих «узнаваний»... Дай подумать...

Что делать? Клота посылать на разведку бессмысленно. В поселок их пускают без проблем, вот только рассказать он ничего не расскажет. Он ведь просто не понимает, чего от него хочет Добрыня. Пашка Лещинов, корча из себя местного Зигмунда Фрейда, уверял, что все клоты по сути страдают аутизмом в тяжелой форме: понять человека правильно они не в состоянии, и все их странности этим диагнозом объяснял.

Может, оно и верно...

Но Удур может проводить Добрыню куда он попросит. Без него будет нелегко отсюда выбраться. Речной архипелаг, раскинувшийся напротив устья Хрустальной, похож на настоящий лабиринт. На большинство его островов нога человека не ступала - низкие, затопляемые в половодье полностью, поросшие тростником и камышом, окруженные коварными мелями и наносными коряжниками. Комариный рассадник без единого деревца, здесь не найти даже маленького куста. В такой дыре, конечно, Добрыню заговорщики никогда не найдут, но и ему делать в подобном месте нечего.

Для начала надо отсюда перебираться в другое место, откуда он сможет эффективно действовать против этих обнаглевших мразей. Они должны много раз пожалеть, что на такую мерзость решились.

Куда?

Поселок отпадает сразу, туда ему незаметно проникнуть будет трудно. Наверняка народу уже донесли свежепридуманную сказку про причастность злодеев-южан к его исчезновению - живым его не впустят. Абай скорее всего своих людей по периметру расставил. В центре катастрофы у него было пятнадцать человек, которых он отбирал лично. Наверняка все они на его стороне, да еще и при автоматах могут быть. Нет, нельзя ему в поселок. Туда его пустят только в виде трупа, утыканного арбалетными болтами южан.

Что у нас имеется за пределами поселка? Есть еще второй поселок - лагерь лесорубов. Там около полутора сотен постоянных жителей. Сможет он туда попасть? Там ведь своих людей хватает - вотчина Левкина Сережи. Вряд ли их заговорщики без присмотра оставят, да и далековато это - нечего ему там делать. Надо поближе найти убежище.

А может, к Кругу рвануть? Объяснить, что почем? Предупредить? А толку-то... У Круга под рукой приличной армии нет, его подданные раскиданы по всему левобережью. В лучшем случае сотню ребят до утра соберет, и что дальше? Из огнестрела у них только тридцать фитильных мушкетов, проданных Добрыней, а с арбалетами и луками против даже одного автомата переть трудно. А автомат наверняка не один, да и мушкетов отличных у этих сволочей хватает. А если вспомнить про артиллерию...

Нет, войну затевать не стоит. Да и нежелательно к внутренним разборкам привлекать посторонних - опасный прецедент.

Что у нас есть под главным поселком, рядом со стенами?

Деревня рыбаков. Там слишком много народа, надежно укрыться не получится - мгновенно проболтаются. Отпадает.

Скотный двор с коровником и конюшней. Однозначно отпадает, народу там шляется побольше, чем в рыбацкой деревне.

Мастерские. Алик... Алик, конечно, фрукт себе на уме, но Добрыню он не выдаст. И наверняка укрыть сумеет надежно и помочь. Заговорщики, если не дураки, должны за ним приглядывать. Но мало ли, может, и не хватает у них на это сил. Быковать перед Аликом им не с руки, с таким кадром портить отношения невыгодно. Попробуй найди ему замену потом... Так что вряд ли у него над душой толпа надзирателей стоять будет. Но и без них к Алику незаметно не пробраться, там рабочих много, обязательно кто-то увидит. Глядишь, через пятнадцать минут новость уже до шайки Гната дойдет.

Послать к нему Удура с посланием? Накарябать на куске коры записку, и пусть передаст. Добрыня явственно представил, как клот, войдя в цех и протягивая записку Алику, перекрывая грохот молота, заявляет так, что даже глухие в дальних углах слышат:

- Я ночью вытащил Добрыню из омута. И труп Левкина вытащил. Добрыня написал записку, попросил ее тебе передать. Я передал. Теперь пойду назад, он меня в кустах у мельницы ждет.

Плохая идея...

Что еще остается. О! Химический цех! Людей там нет - их нагоняют, только если Лом требует, а он требует, только если Добрыня скидывает большой заказ на порох или какую-нибудь гадость. С мелкими заказами Лом разбирается сам, при помощи приятеля-зама - Кислого. Мутные химики предпочитают лишний раз в свою вотчину посторонних не пускать. Небольшая постоянная бригада работает чуть ниже, в кожевенном цехе, но они не в счет. К самому Лому пробраться незамеченным не проблема. Производство его на отшибе располагается, дальше всех во избежание взрывоопасных проблем. Забор имеется, но хлипкий, чтобы коровы не забредали поставлен, это не препятствие. Иногда бегают парочка собак, но на Добрыню они не вякнут - знают, кто здесь самый главный хозяин.

Надежен ли Лом? Абсолютно ненадежен. Сдать может? Вот это вряд ли. Добрыню он знает, и общий язык они друг с другом давно выработали. Мэр хоть его и костерит, но по-своему уважает за профессионализм и находчивость. За это закрывает глаза на многие прегрешения. Лом это понимает и по-своему благодарит. Поможет он Добрыне? Добровольно вряд ли, а вот если жестко ему приказывать, то запросто. Добрыня для него авторитет. Затуманенным мозгам разгильдяя потребуется некоторое время, чтобы осознать сам факт падения мэра с пьедестала власти. Вот тогда химик может стать неуправляемым. Значит, надо как можно быстрее на этот пьедестал вернуться.

Решено.

- Удур, проводи меня на правый берег Хрустальной. Но только так, чтобы мы по пути на глаза рыбаков не попались. Меня никто не должен видеть.

Глава 16

Около полудня отряд остановился на долгий привал. Олег, зная, что «Варяг» еще не на ходу, не торопился возвращаться. Зачем гнать людей? Чтобы кормить потом голодных комаров в окружении заросших берегов? На корабле этих летающих вампиров ничуть не меньше, чем на болоте.

Большая часть бойцов развалилась на бережке чистого ручья, несколько возились у костра -

готовили густую похлебку. Заполучив котел, люди больше не хотели питаться всухомятку.

Рита с женщинами ушлепала куда-то вниз, устроить себе баню. Андрею, увы, с ними было нельзя, и он, заскучав, поплелся вслед за Олегом. Командир отряда, прихватив деревянное угловатое корытце и какую-то куцую тяпку, направился куда-то вверх. Вид у него при этом был настолько деловой, что поневоле стало интересно, что он там надумал?

Олега Андрей нашел за поворотом русла. Присев на галечниковой отмели, тот с помощью той самой тяпки нагребал в корытце грунт.

- Что, коту песочек решил набрать? - пошутил Андрей.

- А как ты догадался?

- Тут и гадать нечего, не себе же набираешь, чтобы гадить.

- Верно, я для себя молотый горный хрусталь предпочитаю, с добавками ароматизаторов.

Олег, окунув корытце в воду, энергично перемешал его содержимое, вытащил крупные камни и, встряхивая посудину, начал гонять ее возвратно-поступательными движениями, постепенно смывая содержимое.

- Ты что, золото моешь? - наконец дошло до Андрея.

- Не золото. То есть в общем-то так и золото мыть можно. Хотя и неэффективно. Для промывки производительность слишком низкая. Лотки такие разве что для доводки применять можно при золотодобыче. Мы у себя даже проходнушки [14] уже давно не используем - работаем на гидравлике. Сейчас я пробу получаю: смою легкие минералы, посмотрю на тяжелый остаток. Это иногда помогает искать месторождения полезных ископаемых.

- Ясно. Я и забыл - Рита нам рассказывала, что ты геолог. Романтичная, наверное, профессия.

- Здесь да, но на Земле уже давно все не так. Ну или почти не так.

- Почему? Костры, гитары, молотки - это ведь все ваше вроде бы.

- Эпоха молотков давно в прошлом. Сейчас на Земле эпоха геофизики и бурового станка, комплексного анализа и эксплуатационной разведки. Математика, дистанционные методы, исследование глубинных месторождений, разведка дна морей и океанов. С молотками по горам разве что коллекционеры минералов продолжают бегать - геолога настоящего встретить тяжело.

- Но раз здесь у тебя получается все, значит, вас учили и по старинке работать?

- Да не... Вот так, с молотком и лотком, работать гораздо проще, чем проверять буровым станком геофизические аномалии. Если умеешь это, то и по-старинке отработаешь легко. Тем более у нас старая русская традиция - специалистов готовят широкого профиля. В нашей стране не бывает такого, что геолог-угольщик понятия не имеет о структурах рудных месторождений. Учат всему. Лишнего много, конечно, дают, но как знать... Мало ли - попадешь, как я, сюда вот, и разом все пригодится. Здесь ведь геологическая целина, а я первопроходец - сливки по верхам собираю. Как раз для молотка работа.

Олег продемонстрировал конечный результат: язычок черных песчинок, выползающий из

уголка лотка.

- Вот это результат промывки. Смотри на край шлиха. Видишь красное зернышко? Это гранат, крупные его кристаллы используются в ювелирном деле. Он полегче, вот и пристроился с краю. Черные песчинки - это рудные минералы, плотность у них максимальная. А вот и твое любимое золото. Видишь?

- Где?

- Да вот же, на краю песчинка желтая поблескивает.

- Вот это? Не похоже на самородок...

- Это тебе реальная жизнь, а не кино. Самородки вот так, на поверхности, встретить трудно. Основная часть тяжелых минералов оседает в нижних слоях наносов. Ручьи и реки, многократно перемывая свои отложения, неизбежно накапливают самородки на коренных породах. У старателей поверхность коренных пород, так называемого плотика, на котором лежит золотиносный песок, называется спай. На этой скале в удачных гнездах, бывало, куски золота руками собирали. В уральских россыпях встречались гнезда, из которых несколько пудов металла вытаскивали. А наверху можно поймать лишь самые легкие частицы.

вернуться

14

Проходнушка - простейший промывочный прибор, использовался (и используется) для кустарной добычи драгметаллов и промывки проб большого объема.

- Не понимаю. Чем эта песчинка отличается от самородка? Плотность, как я понимаю, одинаковая - золото и там, и тут. Так почему она оказалась наверху?

- Золото - металл интересный. Поведение мелкого золота парадоксально, особенно у чешуйчатых частиц. Вот посмотри.

Олег энергично дунул на полученный шлик, осторожно зачерпнул немного воды, затопил ею уголок, протянул Андрею:

- Теперь полюбуйся, как интересно себя ведет эта золотинка.

Тот глазам не поверил: ярко-желтая чешуйка плавала по воде, будто деревянная.

- Это что, фокус?

- Ничего подобного - сила поверхностного натяжения держит. Пластинчатое золото очень часто даже с промывочного прибора уносит. И находят потом в отвалах пластинки с ноготь величиной. Такая форма у россыпных золотин встречается нередко. В руде золото любит заполнять трещинки в породе, образует пленочки и прожилки. При разрушении руды, попав в россыпь, пластинчатые образования превращаются в такую вот чешую. Промывать пробы с плавающим золотом надо аккуратно, чуть дашь воздуха хлебнуть, и все - мгновенно смоем с легкой фракцией.

- Ясно. Олег, вот ты все же одну золотинку нашел. Это означает, что здесь есть месторождение

золота?

- Может быть, и так. А может, и нет. Весь этот край по сути огромный золотоносный район. Я за два года исследовал уже около сотни ручьев и речек, в большинстве из них попадались знаки золота. Самое смешное, что нам золото искать не надо. Под поселком имеется несколько богатых ручьев, при нашем темпе разработки их запасов хватит на десятки лет. Нам сейчас другое нужно: олово, легирующие добавки, алмазы, сырье для оптического стекла, нефть, огнеупорная глина. Много чего нам надо... Боюсь, жизни не хватит все это найти...

- Почему? Ты, как я понимаю, здесь самый лучший геолог, тебе и карты в руки.

- Нет, я не волшебник, да и жить вечно не получится. Нам и так повезло: на территории землян есть медь и полиметаллы, железо, золото, каменный уголь, серебро, платина, известняк, высококачественная глина и соль. Неподалеку ртутная руда имеется, где-то рядом, если верить древним источникам, раньше добывали олово. Бокситы я нашел - в будущем, если не одичаем, на них сможет работать огромный алюминиевый комбинат. Не так уж много на Земле было мест с таким обилием и разнообразием полезных ископаемых. В России, пожалуй, Урал сразу вспоминается - там раньше было все. Причем до наших дней Урал хранит некоторые свои тайны. К примеру, первые алмазы в СССР добыли именно там, отработав маленькую россыпь. Но при этом коренных месторождений в районе Урала так и не обнаружили.

- Коренных?

- Вот же блин, ты уж извини - что-то я загрузил тебя теорией.

- Да нет, мне нравится. Интересно, когда человек, с убогим корытом перемывающий песок, подводит под свое занятие столь мощную теоретическую базу. Я вот на практике, распаивая блоки для древних ЭВМ, так, как ты, загнуть не смог бы.

- Ну спасибо, ты мне тоже нравишься.

- Да не за что. Так что там про коренные месторождения?

- Ладно. Смотри, берем алмаз. Химически это простой углерод, как тот же графит, но кристаллическая структура у него иная - кубическая сингония, в отличие от гексагональной графитовой. Такая формируется лишь в условиях дикого давления и высокой температуры. На Земле подобные условия реализовываются лишь на глубинах в десятки километров. Именно там и вырастают заготовки для будущих бриллиантов. Никто туда, конечно, не заглядывал, но не исключено, что докопайся туда и озолотишься - сплошной алмазоносный слой.

- Да уж... знай раньше о таком, по выходным копал бы шахту лопатой... И как тогда алмазы вверх попадают?

- Не перебивай. Попадали просто, при извержениях древних вулканов. Причем вулканов не простых, извергали они глубинную лаву. В наше время таких нет, уцелели остатки древних вулканических аппаратов. Подводящие каналы этих вулканов принято называть трубкой взрыва. Еще, бывает, говорят «кимберлитовая трубка» или «лампроитовая». Карьеры на этих месторождениях выглядят серьезно - ямы глубиной побольше километра. Зрелище еще то...

- Олег, а зачем вам вообще эти алмазы? У местных они высоко ценятся?

- Понятия не имею, ценятся или нет - нам они самим нужны.

- Зачем? Вам что, бриллиантов не хватает для полного счастья?

- Дурак ты, Андрей. Вроде бы электронщик, а такую ерунду несешь. Слышал небось про полупроводниковые алмазы?

- Ну слышал.

- Вот! Заменить их нечем. Технический алмаз вообще незаменим. Без него даже проволоку протянуть проблема - ведь нужен алмазный фильер. Вот затем и ищем - для инструментов. Так вот, о коренных месторождениях. Древние трубки взрыва разрушаются эрозией. Порода разлагается, вымывается, а вот алмаз и не думает при этом погибать - попадает в ручьи и реки неповрежденным. Это очень стойкий минерал - твердый и химически инертный. В итоге образуются россыпные месторождения. Проследив геологическими методами россыпь, можно добраться и до коренного - запасы коренного обычно гораздо выше. Вот на Урале такой номер не прошел - маленькую россыпь отработали, а трубку не нашли. Так и не знают, откуда они там появились.

- Сглупил я с бриллиантами... И как у тебя успехи? Находил алмазы?

- Нет. Но я ведь здесь недавно, пару лет всего. У меня еще все впереди. Не факт, что вообще найду - на Земле месторождения алмазов очень редки, известны лишь в нескольких регионах. Да и не в них счастье, нам бы нефть сейчас отыскать - это гораздо нужнее.

- Нет совсем?

- На востоке вроде бы у болот видели ручьи с радужной пленкой. Но я это еще не проверял. Да и далековато от нас, трудно будет работать. Мало того что добыть надо, так попробуй еще довези. Станок буровой тоже сделать придется: если залежь глубокая, без бурения наладить добычу будет проблемно. Да и при поисках он незаменим.

За разговором Олег не бездельничал, домывал уже третью пробу. Андрей, наблюдая, как он ловко доводит шлик, попросил:

- Слушай, а можно мне попробовать?

- Что? Золотой лихорадкой заболел? - усмехнулся Олег.

- Вроде того. Сразу вспомнились томики Джека Лондона. А вдруг вопреки твоим умным словам мне, ротозею неопытному, попадетса огромный самородок?

- Запросто, новичкам везет... как и дуракам... Вот наклони лоток. Правильно. Теперь буторкой нагребай в него породу. Глубоко не черпай, поверху бери. Не надо через воду тянуть, старайся цеплять повыше. Вот. Теперь перемешивай в лотке все и встряхивай. Крупные камни выбрасывай, но поглядывай на них, а то так и выкинешь свой самородок. Да не бойся, тряси жестоко, заставляй все тяжелые частицы проседать на дно. Принцип тут прост, это как бросить в таз с песком жменю дробы, залить его водой и хорошенько потрясти. Где дробь окажется?

- На дне.

- Вот и здесь так же. Главное, в спешке не смыть осажденный шлик. Да и довести его до чистоты ты не сможешь - я сам добыю. Хотя золото смыть не так-то просто, очень тяжелый металл, но для начала руку набить на этом деле надо. А это еще что такое?!

Андрей, выгребая из лотка крупные камни, поначалу подумал, что и впрямь нашел самородок. Треугольный, тускло поблескивающий камешек вес имел явно аномальный.

Подкинув его в ладони, Андрей скривился:

- Не золото это, слабовато блестит.

- Дай-ка сюда! Не блестит ему... Да я раз самородок грамм на двадцать намыл, и был он вообще почти черный - пленкой окислов покрыт.

Бегло изучив находку, Олег покачал головой:

- Нет, это не золото. Но все же ты меня озадачил - не могу понять, что это такое.

- Похоже на пакет молочный, со времен детства такой помню. Еще при Советском Союзе продавались.

- Я тоже такие помню. По-научному подобная форма называется тетраэдр. Вот только это не кристалл... Похоже на бронзовый тетраэдр, по высоте сантиметра четыре. И глянь, на грани символ какой-то проступает - на кельтский крест похоже.

- Вижу. Выходит, искусственная штучка.

- Запросто. Мы при промывке золота чего только ни находили: монеты, подковы, гвозди кованые, свинцовые пули для пращи, наконечники стрел, пластины от доспехов. Вся эта археология тяжелая, вот и попадаетеся нам. На Земле у старателей такая же ерунда: при съемке металла с промприбора [15] иной раз сотни монет и пуль поднимают.

вернуться

15

Промприбор - «промывочный прибор». Комплекс механизмов, предназначенных для извлечения из песков полезного компонента.

- Может, тут еще много таких пирамидок бронзовых? - предположил Андрей. - И интересно, для чего она вообще?

- Не знаю, я не археолог. Однажды, еще на Земле, мне попала висюлька непонятная, думал, что это украшение. А когда показал археологам знакомым, те объяснили, что это от прялки деталь какая-то. С тех пор о подобном не сужу. Может, это гирька простая - перец, допустим, такими взвешивали. Но надо бы место запомнить, для будущих археологов.

- Можно, я себе оставлю? Вроде талисмана - моя находка из первого промытого своими руками лотка.

- Да оставляй, конечно, мне эта «гирька» точно не нужна. А насчет лотка ты загнул, даже камни не все скинул.

- Так я домою сейчас, отвлекся на эту пирамидку. Мне, кстати, понравилось песок мыть. Может, в старатели меня порекомендуешь?

- Ясно. Так вот чего ты за лоток хватаешься... Без работы боишься остаться? У нас не останешься. У нас ее больше, чем рабочих рук. Нет тебе дороги в старатели, забудь.
- Почему?
- По кочану. Ты электронщик, вот электроникой и будешь заниматься. Все уже без тебя решили.
- Да какая тут электроника...
- Как это какая?! Ты рацию видел нашу?
- Видел, полное убожество.
- Вот тебе и первая работа будет - обеспечить нас хорошими рациями. Деталей у нас хватает: куча поломанной техники под распайку есть. Телевизоры, компьютеры, музыкальные центры и разный другой хлам - Паук у нас это добро днями напролет курочит. Электричество свое есть, маленькая электростанция на ручье. Это твоя начальная база для работы. Начнешь с раций и телефонов, а дальше... Дальше надо прогресс будет серьезно двигать. Вечно жить на земной рухляди мы не сможем, придется свою электронную промышленность создавать. Разные резисторы-конденсаторы, а там и полупроводники...
- Ну ты меня не очень-то переоценивай... Память у меня хорошая, но не настолько. Справочники нужны, литература...
- У нас есть несколько рабочих компов, куча дисков с разной инфой - покопаешься. У вокза... В общем, в одном месте нарыли магазин книжный с большим букинистическим отделом - там тоже технической литературы немало.
- Да ладно тебе стесняться, про ваш центр катастрофы даже я знаю.
- Да уж... Наверно, пингвины в местной Антарктиде и те уже про него знают... В общем, с лотком в артели тебе работать никто не даст. С Добрыней я уже говорил - он от радости кипятком... В общем, очень рад был, что ты в этом деле разбираешься. Нам такие спецы позарез нужны.
- Приятно, что мои скромные способности уж заранее ценят - попробую не подвести. Хотя, если честно, работа на свежем воздухе, вот так, с лотком, мне нравится.
- Ага. Особенно осенью, когда дождь месяц льет, понравится. Или весной, на открытии промывки, когда из шурфов тащат первые пробы, и ты, разбивая ледок на луже, промываешь их в далеко не теплой воде - здравствуй, ревматизм. Не надо путать курорт с каторгой: золотые прииски Колымы вспомни - было бы там так приятно работать, работали бы на россыпях свободные люди. А на деле все по-другому: зэков на северное золото гнали со всей страны. И помирали они там такими ударными темпами, что их хоронить не успевали.
- Ладно, верю. Олег, можно еще попробовать помыть? Все же хочется хоть одну золотишку найти.
- Не сможешь, шлик доводить у тебя не получится. Тут опыт нужен, золото на косах мелкое очень.
- Ну хоть попробую.

- Да мой сколько душе угодно, держи лоток. Только не отходи далеко, часовые должны тебя видеть. Район неизвестный... мало ли что...

- А ты куда?

- Да я назад - обеденный сеанс связи. Главный сеанс, основная болтовня в это время - по утрам и вечерам просто переключка в стиле «я живой - и я тоже».

- У вас рация убогая, только ключом передавать можно.

- Передавать да - проблема. Зато слушать можно нормально. Главное, чтобы ловило хорошо.

* * *

Сеанс связи Олегу не понравился.

Вроде бы все хорошо, но чего-то не хватало. Не хватало голоса Добрыни.

Это было очень необычно.

Радист «Варяга», приняв радиogramму Олега, зачитал ее в эфир после своего доклада. Слабенький приемник не позволял хорошо слышать станцию поселка, но иногда фразы прорывались вполне отчетливые, и было ясно, что говорит там Паук.

Интересно, куда Добрыня подевался? Еще ни разу за время похода он не пропустил полуденную связь. Утреннюю и вечернюю почту не посещал, но на дневной как штык сидел. Может, отправился к Кругову или вообще к Монаху визит наносит - он ведь давно с ним хочет встретиться? Или в дальний уголок своей вотчины решил нос засунуть с внезапной проверкой. Не может же он безвылазно в поселке сидеть... Да и случись что неладное, Паук бы сообщил это всем. Раз помалкивает, значит, полный порядок.

Объяснений отсутствия Добрыни было множество, но на душе осадок все равно остался. Как-то привык Олег, что мэр островитян не оставляет никого без присмотра. Да и странность еще одна была. Макс, сообщив, что тропа лучше не стала, запрашивал поселок, нельзя ли ему, как вчера договаривались, повернуть на восток, чтобы выйти к развалинам у соляного месторождения, а не брести до финиша по буреломам. Паук заявил, что насчет этого ему ничего не передавали. Но затем, если Олег его расслышал верно, вдруг передал обратное - приказал двигаться по тропе хайтов до самой Нары. Макса это сильно огорчило. Он высказался весьма нехорошо, объяснил, что им нелегко пробираться через чащобу. Но Паук сказал, что Добрыня категорически приказал сделать именно это. На вопрос о том, почему радист сразу этот приказ не передал, тот начал отвечать путано, а затем заявил, что просто про него забыл.

Странно как-то... Хотя у Паука такое запросто может быть - разгильдяй еще тот.

Выкинув из головы смутно-тревожные мысли, Олег занялся обдумыванием дальнейших планов. Радист «Варяга» сообщил, что корабль завтра днем будет на ходу. Если это так, то спешить туда не стоит - на реке отряду делать совершенно нечего. Лучше пошарить по окрестностям, набросать схему местности (Дубину потом пригодится при картографических работах), обследовать здешние водотоки и выходы коренных пород.

Завтра, к полуденному сеансу связи, надо добраться до «Варяга» с его мощной корабельной рацией. А уже там решать, что делать дальше.

* * *

Удур провел Добрыню до берега чуть ли не посуху. Лишь в самом конце пришлось проплыть метров двести, до чахлах плавней, начинающихся ниже устья Хрустальной. Доведя Добрыню до пойменного леса, клот остановился и произнес:

- Дальше плохо.

- Почему?

- Дальше мне трудно не показывать себя. Тебе тут легче. Тут нет воды. Тут сухие глаза. Я не могу видеть сухой взгляд.

- Тьфу ты! Ну что ни день, так новости! Ты не можешь незаметно продвигаться по суше?

- Я не могу незаметно. Я большой. Меня прячет вода. Тут нет воды. Меня не спрятать без воды.

Добрыня, прикинув, как огромный клот пытается красться через пустоши и вырубки, понял, что тот в чем-то прав. Спрятать такую тушу от чужих глаз непросто.

- Ладно, Удур. Спасибо тебе огромное, что спас и помог. Возвращайся теперь к своим, дальше я сам как-нибудь.

Гигант после таких слов должен был по своему обыкновению молча развернуться и деловито потопать к плавням. Но он продолжал стоять, уставившись куда-то сквозь Добрыню.

- Удур, что такое?

- Я буду на песчаной косе, возле слияния двух рек. И там будет наш народ. Там высокий тростник, нас не увидят. Вода спрячет. Мы будем ждать тебя. Твои враги стали нашими врагами.

Вот это номер - клот, похоже, предлагает помощь. Военную помощь. Неужто он понял, в какую ситуацию попал Добрыня? Вряд ли сумел понять все... Но наверняка понял достаточно, чтобы принять такое решение. Островитяне немало добра сделали речному народу. Не зря клоты со всей Фреоны сюда переселяются, здесь они чувствуют себя в безопасности. В других местах все не так, рыжих гигантов истребили почти повсеместно. Их не любят ни ваксы, ни люди, ни хайты. Возможно, земляне - последний их шанс на выживание.

Похоже, аутизмом клоты все же не страдают - вполне правильно мыслят.

- Ладно, Удур. Спасибо тебе еще раз. Если мне понадобится... Если мне понадобятся ваши воины, я дам знать. Вы, главное, никому не рассказывайте, что спасли меня.

- Мы не скажем никому. Мы не сможем это сказать.

- Как это не сможете?

- Нас никто не увидит, нас скроет вода и тростник. Мы будем там ждать твоего слова - ты сможешь нас увидеть. Другие нет. Если нас увидят твои враги, они тоже никому не расскажут. Вода спрячет их слова. Или земля.

- Понятно. Неплохо было бы, если б вы спрятали Гнатова или Абая... Ну ладно, удачи вам. И спасибо еще раз.

Вчера Кислому пришлось весь день заниматься ботаническими делами. Честно говоря, это ему приходилось делать частенько – Лом, нагло пользуясь служебным положением, беспощадно эксплуатировал приятеля. Сам главный химик был патологически ленив и таскаться по степям-холмам не любил. Так что сбор нехороших растений, необходимых парочке разгильдяев для нехороших дел, целиком ложился на хилые плечи Кислого.

Лето, считай, только началось, а они уже заготовили немало полезного. Кислый, наверное, уже стог конопли перетаскал, а Лом ее перегнал в отличную химку [16]. Часть химки приятели использовали для торговли с группой веселых ребят, обитающих на левом берегу, – с ними они неплохо дружили еще до того, как попали к островитянам. Веселые ребята, оценив качество продукта, щедро расплатились кожаным мешком, набитым подсушенными грибами. Разумеется, это были не маслята и не боровики. Местные честные собиратели все мелкое на тонкой ножке обзывали одним емким термином – поганка. В видовые различия они не вдавались, и, разумеется, никому в голову не приходило подобную гадость собирать (разве что для любимой тещи). Но веселые ребята в различия как раз вдавались и прекрасно знали, в каких поганках содержатся интересующие их вещества. Лом из грибного сырья, меда и желатина ухитрялся создавать великолепные конфеты: от одной начинаешь искренне улыбаться, после двух видишь приятные вещи, после трех конфет этих вещей становится гораздо больше, а после четырех очень сильно рискуешь начать ползать на четвереньках, разматывая за собой полосы слюны и фекалий.

Возня с коноплей и грибами отнимала массу времени – руки у Лома не доходили до опиума-сырца. А тут еще Добрыня со своими подручными фашистами вечно наезжает с требованиями срочно и много сделать какой-нибудь фигни, абсолютно бесполезной в хозяйстве Лома и Кислого. Ну на фига, спрашивается, им все дела бросать и делать тот же тринитротолуол? [17] Толку-то им от него? Тротил курить не получится, а возни с ним побольше, чем с химкой. Или все бросай и бегом готовь гремучку для капсулей. Для этого надо чуть ли не на коленке выделить ртуть из киновари, а потом еще ее нитровать. А ведь это вредно – здоровье сильно портится. В принципе Лом и Кислый были готовы портить здоровье, но только при условии, что при этом будет получен кайф. А какой кайф им от заданий Добрыни? Дышать парами ртути и рисковать остаться без рук или головы при малейшей ошибке? Они не мазохисты, чтобы от такого кайфовать.

Сегодня Кислый с утра был занят все той же ботаникой. Но не в степи – работал в химическом цехе. Здоровенный сарай с круговым помостом второго яруса, кучей перегородок и комнатушек. Все завалено кучами минералов, керамической и стеклянной посудой, бочками, ящиками, мешками. При желании в этом бедламе можно было спрятать десять тонн дури, и никто не заметит (чем приятели и пользовались).

Рассевшись рядом с бочкой, заполненной колосками ржи, украденными на ближайшем поле, Кислый терпеливо сортировал их на две кучи. В первой, маленькой, оставались почерневшие верхушки явно очень больных растений, во вторую уходили более-менее здоровые экземпляры. К сожалению, воровством злаков Кислый занимался в потемках, вот и пришлось дергать хорошее сырье вперемишку с никуда не годными, не зараженными колосками. Время от времени Лом забирал сырье из малой кучи, пропускал его через мясорубку, засыпал в широкий кувшин, после чего заливал вонючей гадостью из толстой стеклянной бутылки с притертой пробкой.

Свой странный труд они скрашивали немудреным развлечением – курили самокрутки (отличную бумагу выменяли еще весной у Паука) и убажляли слух музыкой, доносившейся из

динамиков ноутбука. Помимо ушей компьютер услаждал еще и взор – на мониторе одна за другой сменялись откровенные фотки гламурных красоток. Отвлекаясь на эти зрелища, приятели часто допускали оплошности: Лом ронял посуду и проливал реактивы, Кислый путал большие колоски со здоровыми. Эти мелкие неприятности их не слишком расстраивали – каждое подобное происшествие вызывало у них всплеск веселья. Неудивительно, ведь помимо измельченных листьев дикого винограда в их самокрутках присутствовали и менее безобидные ингредиенты.

- Лом, а ты уверен, что из этой параши можно кислоту [18] делать? – примерно в пятисотый раз поинтересовался Кислый.

Лом на этот вопрос готов был отвечать хоть тысячу раз:

- Был бы неуверен, не стал бы с мясорубкой корячиться.

- Похоже на червей заплесневелых.

- Сам ты червь. Гриб это, паразитический. Вроде тебя. Только тебя, дурака, хоть под пресс клади – кислоты не получится, а из этого грибка запросто.

- Лом, это тебе не Земля. Может, гриб не такой.

- Рожь такая, значит, и гриб такой. Завтра, думаю, можно будет испытать, что получилось.

- Если нас раньше не поймают. Ты обнаглел, средь бела дня таким заниматься! Сейчас заявится кто-нибудь, вроде того же Добрыни, и спалимся.

- Хватит курить, ты уже на измену [19] падать начал.

- Да че тут курить? Нифиля голимые – целый стог этой параши надо высмолить, чтобы нормально вставило. Да и правду говорю, вечером надо такое делать, а не так, как ты начал.

- Спокойно, Кислый. С утра тишина полная, никто не заявился и вряд ли уже заявится. В поселке, похоже, аврал какой-то, и до нас никому дела нет. К нам народ просто так не ходит. А если кто припрется, то сигнализация сработает. К нам мышь не проскочит незамеченной – Паук четко сделал все. Не зря мы этому Электронику крупнокалиберный пакован травы подогнали.

- Сигналка у нас на мостике и на калитке со стороны мастерских. С других сторон, если кто заявится, не заметим, пока дверь не откроют.

- Ну ты, млин, насмешил! С каких других сторон? Через овраг и кусты? Самому-то хоть не смешно? Я сейчас от смеха лопну: представляю, как Добрыня тащит свой толстый зад через заросли и по-пластунски подбирается к нашей двери. Иди, трусиха, дверь на щеколду прикрой, а то зайкой от страха останешься. Фантазер...

* * *

Добрыне пришлось потратить несколько часов – он сделал широченный крюк вокруг опасных мест, пробираясь по самым неудобным местам на карачках, а то и по-пластунски. Не так-то легко возле поселка остаться незамеченным – повсюду детвора бродит в поисках земляники, местные охотнички проверяют силки, поставленные на зайцев и птиц, грибников хватает, пастухов, косарей. И вообще непонятные личности здесь днем шляются, делая вид, что

работают.

Сейчас ему оставалось пройти последние метры. Выбравшись из густо заросшего оврага, выходящего к берегу Хрустальной, прячась среди кустов, он подбирался к боковой стене химического цеха. Вряд ли разгильдяи-химики держат дверь черного хода закрытой. Если он туда заберется, то окажется в тихом закутке, скрытом высокими перегородками. Уже оттуда можно оценить обстановку и, если кроме Лома и Кислого никого здесь не обнаружится, выйти к ним.

Последняя перебежка. Все, Добрыня прижался к стене цеха. Убогая дверь, сбита из разных обрезков, поддалась легко – распахнулась с легким скрипом. Мэр островитян скользнул внутрь, встал на пороге во весь рост, в один миг изучил обстановку.

вернуться

16

Химка – сленговое название экстракционного гашиша.

вернуться

17

Тринитротолуол (тротил, тол, TNT) – взрывчатое вещество. Широко используется в военном деле и промышленности.

вернуться

18

По-видимому, Кислый имеет в виду диэтиламид лизергиновой кислоты (ЛСД), психотропное вещество.

вернуться

19

Упасть на измену – испугаться (сленг).

Закуток оказался не пуст – здесь, под конусом вытяжки, засели оба химика. Кислый, очевидно окончательно тронувшись, забавлялся с ржаными колосками. Лом в мясорубке перекручивал какую-то очень подозрительную растительную массу. Сумрак темного уголка разгоняло мерцание монитора ноутбука, оттуда на убогую обстановку кустарной лаборатории по-коровьи таранилась практически голая девица, демонстрировавшая свои неестественно правильные формы на фоне явно пластмассовых пальм. Музыка, доносившаяся из динамиков, резала слух своим искренним дебилизмом, слова и вовсе было не разобрать – там, похоже, вместо певца поставили беззубого маразматика зачитывать инструкцию по вторичному использованию туалетной бумаги.

Добрыню тут явно не ждали. Кислый при виде мэра отвесил челюсть до пупка и судорожно попытался спрятать огромную кучу колосков своим телом. Лом, отвесив челюсть еще ниже, уронил тлеющую самокрутку за отворот рубахи и отодвинулся от мясорубки с таким видом, будто пытался доказать, что не имеет к происходящему ни малейшего отношения. И вообще, совершенно случайно сюда зашел, ровно за пятнадцать секунд перед Добрыней, а все, что при нем найдут, происки коварных врагов – подкинули гады.

Добрыня едва удержался от горестного вздоха. Подумать только, от этих людей зависит не только его жизнь, но и будущее всех землян. Ну не смешно ли?

Не смешно.

Два химика-наркомана в данный момент были его единственным шансом победить заговорщиков. Кроме них, у него сейчас нет никого и ничего. Ну что ж, будем работать с тем, что есть.

Добрыня, бросив на Лома испепеляющий взгляд, приглушенно сообщил:

- Привет, химики. Меня надо накормить и спрятать.

Глава 17

Тройка ваксов, поработав секирами, расчистила от кустарника кромку берегового обрыва. Олег, встав на краю, оценил спуск как удовлетворительный. Глубина тут приличная, погрузка в лодку пройдет без проблем.

Лодка уже приближалась – парочка гребцов гнала корабельную шлюпку не слишком быстро. Но полную команду брать невыгодно, иначе за два рейса всех не перевезти. Сам корабль видно не было, можно было различить лишь сигнальный флаг на кончике мачты, выглядывающей из-за зарослей длинного острова, вытянувшегося вдоль фарватера.

Обернувшись к своим людям, Олег приказал:

- Первыми перевозим группу Риты и Мура, и народ из второго отделения, кто поместится. Остальные ждут возвращения шлюпки.

Помахав рукой, он крикнул гребцам:

- Ну что новенького? У нас утренняя связь пропущена, не слышали ничего.

- Да вроде бы все тихо. Капитан вообще ничего не рассказывал, значит, новостей нет.

Ладно, до обеденной связи еще часа два – удачно пришли. Там, наверное, Добрыня все же появится, и уже на нормальной рации можно будет решать вопрос с отрядом Макса, да и вообще, о дальнейших перспективах этой экспедиции.

«Варяг» располагался между двух островков. Корабль, уткнувшись носом в песчаную мель, чуток перекосясь на корму. Ритмичное всхлипывание ручной помпы красноречиво свидетельствовало, что в трюме наблюдаются проблемы.

Олег не стал джентльменски помогать переправлять на палубу женщин – первым покинул шлюпку, подскочил к капитану:

- Платов, ты зачем корабль на мель загнал?
- Не мель это, а так... ерунда, лебедка одним рывком сдернет. Зато у нас теперь легкий дифферент на корму, и вода не плещется по всему трюму. Оттуда без проблем откачиваем.
- Что, так много воды?
- Сейчас нет, но если пойдём на моторе, от вибрации хлынет потоком – только успевай качать. Станину повело, центровки нет, да и сальники успело пожевать. Мы кое-как подлатали, но это же не шутка – нужно снимать дизель и вытаскивать вал из шахты. Потом станину перекреплять и заново центровать. Это неделя авральной работы, если у поселка все делать.
- Да-а-а... дела. Значит, тихим ходом можно двигать, да и то, если аккуратно.
- А если вал заклинит, вообще за весла придется браться – по старинке. Весла, кстати, на этой галере есть.
- А кнуты для гребцов? – уточнил Олег.
- Найдем, – подмигнул Платов.
- Ты распорядись насчет хорошего обеда – вон Рита со своей голодной командой готова доски грызть.
- Давно распорядился, как только увидел ваш сигнальный дым на берегу.

* * *

Мэр островитян прожил интересную жизнь. Даже на Земле у него бывали достойные приключения, а уж здесь вообще столько хлебнул всякого, что хоть мемуары пиши. Но некоторые эпизоды описывать в мемуарах было бы затруднительно, иначе бы это выглядело как жизнеописание барона Мюнхгаузена.

Вот и сейчас он переживал именно такой эпизод – с кучей гротескных элементов и неправдоподобным антуражем. Жертва бунтовщиков, восседающая на пьедестале из взрывчатки – слишком сильный ход для правдоподобной мемуаристики. Придется в мемуарах об этом умалчивать.

Как и о вредных привычках своих соратников.

Лом спрятал свергнутого мэра в какой-то низкой кладовке, заставленной разным хламом. Добрыня в потемках присел на штабель кирпичей (ну зачем этим мутным химикам кирпичи в кладовке хранить?) и терпеливо ждал обед. Дождался. Кислый принес глиняную миску с доисторической, почти засохшей кашей, половинку копченого угря, пару луковиц и черствую гороховую лепешку. В качестве подноса химик использовал грязную доску.

Лом, подсвечивая на «поднос» масляной лампой, щедро предложил:

- Угощайтесь.

Добрыня, при свете лампы оглядев свое убежище, удивленно уставился на то, что использовал в качестве стула:

- Это что за ерунда?! Слитки золота?!

- Да откуда у нас столько золота может быть? - возмущенно заявил Кислый. - Это сусаль. Сусальное золото. Его как позолоту можно легко использовать.

- Ну надо же... И зачем же вы, ушлепки, кирпичи позолотили?

- Это не кирпичи, это пикринка прессованная, - пояснил Лом.

- Пикринка?

- Ну кислота пикриновая. Взрывчатка для бомб и торпед. Забыли, что ли? Я ведь сто раз говорил, что она покруче тола и попроще в изготовлении.

- Да нет, я помню, - очень тихо произнес Добрыня, обреченно покосившись на свой «стул». - Лом, а зачем взрывчатку золотом покрывать?

- Да разве это золото? Тут его совсем децел - голимая сусаль. Пикринка ведь капризная зараза и химически активная. Ей контактировать нельзя ни с чем, особенно с металлом, иначе пойдет реакция и образуются соли - пикраты. Сама пикринка надежная, по ней можно молотком бить, и стерпит. А вот пикраты не такие - возле них даже чихать нельзя. Надо бы лак придумать, чтобы покрывать им внутренние стенки снарядов, да руки еще не дошли до этого. Вот и пришлось с сусалью и маслом мудрить. Золото ведь химически инертное, так что вряд ли пикринка начнет реагировать.

Пояснения Лома не добавили Добрыне оптимизма. Он с нескрываемой опаской уточнил:

- А вот этой взрывчатки... Вот если вся эта взрывчатка рванет, то что тогда будет?

- Здесь? Здесь вообще ничего не будет. А поселок уцелеет, не переживайте. Так, может, крыши местами посрывает.

Обедать Добрыне резко перехотелось.

- Ребят, а пивка у вас в хозяйстве нет?

- Нет. Но если что, могу в поселок сбегать, у Паука должно быть в заначке, ему для вас не жалко, - предложил Кислый.

- Цыц! В поселок побежишь, конечно, но там про меня ни слова. Так вы точно не знаете, что там вообще творится?

- Откуда нам знать? Мы с утра не выходили, и никто к нам не заходил. Деда Антоныча только видели, этот ходячий радикулит каждое утро по Хрустальной бродит с удочкой. Но он ничего не говорил.

- Кислый, ты в поселок часто бегаешь, все там знать должен. Знаешь, где изба Олега?

- Конечно, знаю.

- Э нет, - Добрыня хлопнул себя по колену, - тебе нельзя с Аней разговаривать, ты же полный дурак, все запорешь.

- А вы записку напишите, - предложил Лом.

- Идея! Давай бумагу или что у тебя там вместо нее!

- Вот бумага есть. И карандашик свинцовый имеется.

Добрыня недолго размышлял над посланием. Жена у Олега не дура, сама должна придумать способ. Так что текст вышел несколько неконкретным: «Аня, шайка Гната и Абаева убила Левкина и чуть не убила меня. Я чудом спасся. На обеденной рации дай знать мужу, что в поселке не все ладно. Но осторожнее, они без присмотра рацию не оставят. Так что, кроме Олега, никто не должен ничего заподозрить. Придумай что-нибудь, ты же у нас умница. Твой Добрыня».

- Вот, Кислый, эту записку передай Ане. И сделай это так, чтобы никто не заметил. И еще, как передашь записку, сразу разыщи Клепу и скажи ему, что я у вас сейчас.

- Может, и ему записку? - предложил Лом.

- Не надо. Клепа у нас не дурак, сам все поймет и болтать лишнего не будет. Быстро сюда примчится.

- Не хватало нам еще этого гнома для полного счастья, - горестно произнес химик.

Лом Клепу не любил.

* * *

Аня, проверяя качество шва, потянула за ткань. Норма - выдержит. Швейных машинок у островитян нет и когда появятся, тоже неизвестно, вот и работают в мастерской десятки женщин и девушек, вручную обшивая весь поселок. Ткань и нитки покупали в Хамире, но брать там готовую одежду невыгодно. Да и местная мода землянам не по душе. Одни штаны чего стоили - две отдельные штанины, удерживаемые сложными подвязками. Таскать подобный архаизм на себе не хотел никто. Опытные мастерицы кроили ткань, а на работе попроще сидели барышни вроде Ани: на Земле она разве что пуговицу могла пришить, не более.

Работа монотонная, однообразная. Мастерицы скрашивают ее разговорами: здесь располагался главный рассадник поселковых слухов. Немудрено, без малого полсотни женщин и девушек в одном помещении.

Тема сегодня была одна - ночные события. Аня выслушала уже сотню разных версий произошедшего. Так, по одной из них, после заседания Левкин и Добрыня поехали на левый берег, якобы за бабами. Круговские ребята, не потерпев посягательств на свои мужские интересы, отходили гостей дубинами, да так, что переломали Левкину все ребра до смерти, а избитый Добрыня уполз в плавни и где-то там позорно помер. Женское сообщество после короткого обсуждения сочло данную версию неубедительной. Причина проста - не верилось, что маниакально серьезные Левкин и Добрыня решились на такое эротическое путешествие. Своих баб, что ли, им мало было, чтобы за семь верст по чужим бегать?! Да еще и с такими приключениями...

Другая версия намекала на сотрудничество Круга с хайтами. Он якобы, устав терпеть набеги, сумел как-то с ними снюхаться и задумал предательство, после чего начал уничтожать руководство остальных землян. Это вообще не лезло ни в какие ворота, как и гипотеза о тайной гомосексуальной связи Левкина и Добрыни и о ревности к их великой любви со стороны Круга. Тот якобы зарубил Левкина, а Добрыню похитил. Аня, конечно, блондинка, но, выслушав эту шизофреническую версию, не удержалась от дикого хохота, чем вызвала большое неудовольствие рассказчицы.

Понимая, что слушать продолжение рассказа без эмоций не сможет, Аня встала, вышла на улицу. Перекур. Это ничего, что она не курит, – просто подышит свежим воздухом.

Опершись спиной о бревенчатую стену, Аня призадумалась. Несмотря на анекдотичность всех этих сплетен, корень у них один – ночью действительно произошло нечто плохое. Утром поселок разбудил звон сигнального колокола. Перед народом выступил Гнатов: коротко и непонятно он объяснил, что ночью Добрыня и Левкин поехали к Кругову и не вернулись. А теперь нашли тело Левкина, его вроде бы расстреляли из арбалетов южан. Гнатов приказал сохранять спокойствие и заявил, что в отсутствие Добрыни власть в поселке принадлежит какому-то временному военному комитету. Аня даже не поняла, кто в этом комитете состоит. Вроде бы Абаев – тот наводнил поселок своими бойцами, вооруженными самыми настоящими автоматами. Зачем эти автоматчики бродят повсюду, абсолютно непонятно. И вообще она не слишком верила Гнатову. Похоже, он многое недоговаривает.

Что же происходит? Действительно заговор южан? Вряд ли. Кругов не похож на заговорщика. Тогда что? Гнатов устроил переворот? Очень даже может быть... Только как-то топорно он это делает... Хотя в местных условиях изысканные интриги не пройдут. Вот так грубо, под дулами автоматов, наверное, лучше всего. Кто им помешает? Если они не допустят резких изменений политики и уровня жизни, то никто. Главное, чтобы народ при этом видел какую-то перспективу. Добрыня перспективу показывал – ему доверяли.

Где же он теперь? И кто убил Левкина (если он действительно убит)? Одно дело, если какой-то случайный конфликт эти ребята себе на пользу повернули, и другое, если сами замарались в крови ради своих амбиций. Этого им не простят. Без разницы, что оружие заперто в арсеналах Гната – кучке заговорщиков не выжить в окружении взбешенного народа.

Аня настолько погрузилась в свои мысли, что не сразу заметила незнакомца. Парень лет двадцати пяти, неухоженный, в грязной льняной одежде, небритый и волосатый, с бегающим вороватым взглядом. Чего это он перед ней стоит? Да она его знает – это ведь Ваня, помощник Лома. Его все Кислым называют почему-то.

- Здравствуй, Иван. Ты кого-то ищешь?

- Да, Аня. Ищу. Где у вас тут ближайший дальняк?

- Что?

- То! Туалет ваш где ближайший?

- Ну так бы и спросил, по-человечески. Вон он, чуть дальше. Разве не видишь сам?

Кислый, взглянув в указанном направлении, как бы невзначай придвинулся к Ане и суетливым движением вложил в ее ладонь сложенную бумажку. Прошипел при этом многозначительно:

- Тихо ты! Не смотри, что я дал! Это от Добрыни записка. Прочитай, когда никто не будет тебя видеть.

Сообщив это, Кислый растворился за углом.

Первым порывом было развернуть записку и прочитать не сходя с места. Но в этот миг дверь мастерской раскрылась, вышли две работницы, встали за порогом, начали раскуривать самокрутки, набитые жуткой смесью степных трав – заменителей табака. Аня не решилась при них изучать столь интригующее послание и направилась к общественному туалету, путь к

которому только что указывала Кислomu. Там, в тишине и одиночестве, внимательно изучила просьбу Добрыни. Призадумалась.

Она не сомневалась, что писал именно он. Но колебалась, стоит ли ей ввязываться в это дело. Если она сумеет дать понять мужу, что в поселке не все ладно, что сделает Олег? Да примчится сюда мгновенно. Именно это нужно Добрыне. А нужно ли это ей? Если ее любимый мужчина ввяжется в очередной бой, уже с соотечественниками, против автоматов...

Ей этого не хочется.

С другой стороны, заговорщики сейчас слабы. Их положение шаткое, они еще не прибрали к рукам все ниточки власти. Вот когда приберут, прижмут всех серьезно. Что они тогда сделают с Олегом? Неизвестно... Может, то же самое, что и с Левкиным? Сочтут, что он слишком близок был к Добрыне? Ведь он второй человек после него.

Ну почему именно ей приходится это решать...

И как сообщить мужу новости, чтобы, кроме него, никто ничего не понял? Аня не настолько наивна, чтобы поверить в то, что радиосвязь будет проводиться без присмотра со стороны новых хозяев. Желу командира экспедиционного корпуса они, конечно, пустят и поговорить тоже позволят. Но одно лишнее слово, и жди неприятностей.

Задача...

* * *

- Мне твои отмазки надоели, - сдавив гарнитуру, заявил Олег. - Паук, где Добрыня? Вчера не было, сегодня нет. Что за ерунда? Вы его что, в карты проиграли хайтам или как? Макс уже зашивается в этих буреломах, я сейчас сам ему прикажу выбираться оттуда и плевать я на вас хотел. Он послушает меня, а не неизвестно кого. Что, черт побери, с Добрыней?! Прием.

- Да все нормально с ним, - сквозь треск помех донесся неуверенный голос поселкового радиста. - Скоро вернется. Дайте человеку свои дела доделать. Прием.

- Какие, мать вашу, у него могут быть свои дела?! Ковыряние в носу?! Макса оттуда вытаскивать надо! Не из носа, а из леса! Он уже двух лошадей потерять умудрился! Прием.

- Пусть идет дальше на север, до Нары, там соединяется с вами. И дальше исследуйте левобережье Нары. Как поняли? Прием.

- Сын клинического идиота! Ты что за бред несешь?! Я тебе только что объяснял, что тут исследовать нечего. Хайтана под боком, не надо их дразнить лишний раз. Они здесь непуганые! Если насторожатся, начнут стены строить, и тогда выковырять отсюда их будет гораздо труднее. Валить нам надо из этих мест, как можно быстрее и без шума. Такой толпой тут действовать нельзя, нужно работать мелкими разведгруппами. А уже по зиме заявиться с приличным войском и устроить им тут огненный Новый год. А ты что городишь? Прием.

- Олег, такой приказ, я ничего не могу поделать. Прием.

- Какой такой приказ?! Кто его отдал?! Прием.

- Тут жена твоя подошла, хочет что-то сказать тебе. Передаю ей гарнитуру.

Из наушников послышался родной голосок:

- Оле-э-эг! Алле! Слышишь меня?
- Слышу, родная, и очень рад тебя слышать. Что ты хотела, солнце?
- Олег, хочу тебя обрадовать - ты скоро станешь папой.

Наушники чуть не раскалились: радисты из поселка лесорубов и лагеря охотников наперебой принялись поздравлять потенциального папашу. Платов, сидевший рядом со второй парой наушников, поднял вверх большой палец, расплылся в улыбке. Не обращая ни на кого внимания, Олег уточнил:

- Ты в этом уверена?
- На этот раз да. Те тесты точно показали.
- Какие тесты?
- Ну как какие? Которые ты мне передал. Спасибо, кстати, что не забыл про них.

Олег, превратившись в слух, позволил себе еще одно уточнение:

- Так, значит, ту колыбель я не зря делал?
- Выходит, не зря, - со смешком ответила супруга.
- Ладно, родимая, береги себя. Я скоро вернусь. Жди. Скучаю без тебя безумно.
- И я скучаю. Так и тянет высматривать твой корабль с башни. Прямо как в первый год, когда плоты высматривала.
- Олег, ну так ты понял приказ? Прием, - уточнил Паук.
- Да, понял. Мне он не нравится, да и смысла в нем нет. Рекомендую поскорее взяться за ум. А пока не возьметесь, продолжу исследование верховьев Нары. Прием.
- Вот и отлично. До связи.

Олег, отложив гарнитуру, задумчиво произнес:

- Дела...
- Да уж, дела еще те, - поддакнул Платов. - Выше я подниматься не буду, ты же видел, какое там русло. Так что верховья Нары пешком обследовать будете. Придется тут вас дожидаться. Покормим мы местных комариков...
- Не покормим.
- Не понял?
- Мы идем вниз. Домой.
- Так сказали же... Так ты же подтвердил, что продолжишь экспедицию. В чем дело?

- Не знаю. Но в поселке что-то очень неладно. Очень.

- С чего ты взял?

- Никаких тестов я жене не передавал. Первое, я и без тестов знал, что мне скоро светит стать папой - перед выходом жена сказала это точно. Этими словами она сейчас мне дала понять, что дело нечисто. Второе, я скотил пару шкафчиков, повесил несколько полок, переделал кровать, но никакой колыбели и в помине не было. Но она мои слова про колыбель подтвердила. И третье, в первые дни существования островитян сверху действительно пришли плоты, и их действительно вроде бы высмотрела Аня. Это из Хайтаны спустился Добрыня со своими людьми. Учитывая, что он второй день не появляется на радиосвязи... Похоже, она намекнула, что с ним что-то не так.

- А почему она просто и четко все не сказала? Зачем такие сложности? - непонимающе протянул Платов.

- А ты подумай.

- Думаешь, там цензура? Крепкие ребята не дают лишнего сболтнуть?

- А что еще тут думать? На месте разберемся. Эх, жаль, Макс где-то в дебрях застрял... людей у нас маловато. И по радио с ним не свяжешься - услышат, гады... Ладно, деваться нам некуда... Давай, стаскивай корабль с мели. Мы идем домой.

* * *

Клепа, устроившись на штабеле блоков пикриновой кислоты и потягивая из кружки остывший чай, степенно рассказывал об обстановке в поселке. Добрыня, Лом и Кислый, рассевшись на низких чурбаках, внимали каждому его слову. Химики молчали, лишь мэр иногда позволял себе вмешаться в рассказ парня.

- Левкина они поначалу у ворот на землю положили. Это чтобы все, кто входит и выходит, могли видеть, что он утыкан болтами Кругова. Тупо - все болты одинаковые, круговская мастерская только одно отличие им придает - пулевидный точеный наконечник. Только как наконечник рассмотреть, покуда болт в ране? Глупая идея. Да и бабы начали возмущаться - кому охота на жмура по тридцать раз в день тарашиться? Да и видок у Левкина нетоварный был. Хоть бы переодели, сволочи, - как грязный мешок там валялся. Говорят, из штанины у него рак выполз на глазах у зрителей. В общем, его в итоге убрали. Даже не знаю куда. Гнат и до этого орал, что южане наших прикончили, а тут вообще... Собрал мужиков всех у коровника и сказал, что с Кругом война будет. Добрыня, мол, возможно, у южан в плену, спрятан где-то, надо отбивать. Добровольцев звал для похода на них.

- И как? Были добровольцы?

- Пентюх и Слива вышли, Гарик Иванихин тоже, и из новеньких один, Гришка. Щетинкин вроде бы фамилия у него.

- Во как... Ну Гришка вроде бы парень серьезный. Обижен он просто чем-то на Круга или еще кого-то из их верхушки. Не знаю подробностей, но вроде с девкой какой-то это связано, все беды из-за баб. Он потому к нам и перекинулся. Гарик удивил - он ведь все время орал, что пацифист. Ни на одной войне его не видели, у меня даже руки чесались что-нибудь с ним сделать за уклонение от воинской обязанности. Вот, значит, каков его пацифизм... А Пентюх и Слива... Хех... Да их если вместе сложить, то получится ровно половина дебила. Навоюет с

такими Гнат, ох навоюет! И что, этим гениям тоже автоматы выдали?

- Не. Автоматов у них на своих не хватает. Я точно не знаю, но вроде бы у них человек пятнадцать, не больше. В основном народ из команды Абая, пара ребят из арсенальщиков да Русик.

- Русик? Эта пучеглазая шельма везде найдет самое грязное место... Так что, автоматы не у всех?

- Хорошо если у половины. У остальных видел пистолеты. Я в них не разбираюсь, но похожи на ментовские. Думаю, они в центре катастрофы раскопали развалины райотдела или линейщиков хозяйство.

- А может, все-таки вагон с военным грузом?

- Вряд ли. Автоматы короткие, как у ментов. Я один рассмотрел вблизи - не новый он, затаскан. Да и вряд ли автоматы с патронами вместе перевозить будут.

- Если так, то хорошо. Вряд ли в милиции патроны ящиками держали.

- Даже если по рожку у них всего, то это все равно до фига. Что против них сделаешь? У нас даже мушкетов нет. Все оружие в арсенале, заперто на сто замков, и эти твари охраняют со всех сторон.

- Клепа, ты скажи, где они расположились? Как охрана поставлена?

- Да не знаю я толком, где они расположились. Но больше всего их у арсенального бастиона крутится. Наверху по стенам постоянно парочка автоматчиков расхаживает. На поселковых стенах их нет, там наши стражники дежурят. Как обычно - четыре поста, у них даже мушкеты не отбирали, так и сдают от смены к смене. Я это точно знаю, потому что в утренней смене дежурил на речной стене. На воротах постоянный караул арков, их тоже никто не стал заменять.

- А народ как себя ведет? Что говорят?

- Народ... - Клепа выразительно покосился на Лома. - Чтоб не материться при слабоумных, скажу просто - народ в больших непонятках. Говорят всякое, в том числе и то, что южане тут ни при чем и что это Гнат все устроил. Но есть мнение, что Круг тоже замешан. Всем интересно, что дальше будет, но никто не хочет принимать в этом участия. Народ просто не знает правду. Узнает - хана и Гнату, и Абаю, и их мальчикам. И автоматы не спасут. Только я вам не советую идти к поселку со знаменем в руках - всадят в вас пару магазинов и заявят, что это южане из своих арбалетов достали за десять километров. По мне так надо ночи дожждаться, влезть в поселок и пришибить парочку. Отобрать «калаши», и все - у нас будут свои серьезные стволы. Жаль только, что маловато нас: я, вы, да пара огрызков.

- На себя глянь, член с глазами, - не выдержал Лом. - А строит из себя Че Гевару! [20]

- Цыц вы! Прямо как дети! Будут у нас бойцы. Я думаю, что сюда Олег сейчас летит на всех парусах. У него на «Варяге» пара десятков опытных ребят плюс команда. Вооружены хорошо. Конечно, автоматов нет, но дай мне выбор - получить рану от мушкета или «калаша», я бы выбрал «калаш».

- Тогда можно не дергаться. Надо дожждаться, когда Олег вернется. С ним, думаю, мы этих

тварей спокойно задавим. А сейчас мне топать назад пора, обеденный перерыв вот-вот закончится, надо в мастерскую успеть. Хотя можно и не торопиться. Не накажете же вы меня за прогул?!

- Клепа, ты в мастерскую иди и вежливо там у Алика отпросись, чтобы не настораживать своим исчезновением. Дело у меня к тебе есть. Олег ведь если сюда идет, то ничего не знает про обстановку. Надо встретить его до Фреоны, на Наре. Так что мчись туда пулей и карауль «Варяг». Там расскажи все и скажи Олегу, чтобы спрятал корабль среди островов, а сюда пусть двигается дальними тропами, в обход, чтобы никто их не увидел. И не медли. Думаю, в начале ночи он уже может к устью подойти – Олег шустрый, да и вниз по Наре идти просто.

- Ну спасибо. А сапоги-скороходы выделите? До Нары от нас не сказать чтобы очень близко...

- Клепа, а кому сейчас легко? Я бы и сам побежал, да только нельзя мне.

- Ладно, я не в обиде. Вы тут, главное, не высывайтесь, ждите. И вы, химики, ведите себя прилично. Если с нашим уважаемым мэром что-то случится, вы будете огорчены последствиями. Попробую договориться с Аликом насчет лошади.

* * *

Клепа не был «коренным островитянином». Он первоначально обитал в мелком поселке на левом берегу Фреоны, в вотчине Круга. В прошлом году, во время летнего набега хайтов, попал в ополчение. Пережил разгром смешного по нынешним временам войска землян, партизанил потом в отряде Олега. Так постепенно и прибился к островитянам.

Он не достиг командных вершин: на войну призывался как простой сержант, в мирное время качал мускулатуру, работая молотобойцем в кузнечном цехе. Но островитяне его ценили – куда мужика ни приставь, он проявлял себя с хорошей стороны. Основательный, хозяйственный, наблюдательный, дисциплинированный – очень надежный во всех отношениях парень. Нужно мину подвести под днище вражеского флагмана? Пожалуйста. Штамп лопнул, а надо срочно набить десяток грудных пластин? Вручную набьет – без проблем. И не смотрите что ростом мал – силищи хватает. Если бы не полное отсутствие амбиций и дикое нежелание командовать, давно бы в начальники выбился. На таких, как Клепа, все держится. Ему прощали бойкий язык и патологическое увлечение слабым полом – такой человек имеет право на мелкие недостатки.

Клепа надеялся, что Алик не откажет ему в помощи.

Главного ремесленника островитян удалось найти не сразу, мастерские разрослись, занимали уже очень приличную территорию. Алик спрятался на заднем дворе плавильного цеха. Присев, он рассматривал заготовку пушечного ствола. Литейную форму уже разбили, шершавый ствол походил на окаменевшее бревно. Нескоро он выпустит первое ядро – работы с ним еще много предстоит. Все олово, купленное у южного купца, пустили на бронзу для этого орудия. Если все получится, то у островитян появится первая пушка, созданная целиком своими руками, а не из даров центра катастрофы. Не вечно же с этой свалки жить? Надо и свое развивать, а то привыкли к дармовым стволам...

- Алик, день добрый.

- Привет, Клепа... Вот же... Как бы не пришлось переплавлять по новой, похоже на глубокую каверну. Или это просто от формы отвалился кусочек при заливке, да и запекло потом...

- Алик, дашь лошадь? Завтра верну.

- Зачем тебе лошадь? - не отвлекаясь от исследований заготовки, уточнил мастер.

- Чтобы на ней ездить.

Ответ Алику понравился настолько, что он удосужился поднять голову, взглянуть парню в глаза:

- Клепа, я, может быть, и не выгляжу профессором, но о том, что на лошадях принято ездить, все же догадываюсь. Тебе, кстати, пора молотом махать, а не шляться здесь.

- Алик, мне лошадь нужна. Очень, - серьезнейшим тоном повторил Клепа.

Выпрямившись, Алик посмотрел на рабочего сверху вниз и уточнил конкретнее:

- И куда ты собрался ехать верхом?

- В лагерь лесорубов. Подруга у меня там.

- У тебя полпоселка подруг, вот и ходи к ним пешком - сам по бабам таскайся, не напрягай этим еще и лошадей.

- Там, в лагере лесорубов, особенная. Я, может быть, даже женюсь.

- Как зовут? Я сам съезжу, передам ей твое брачное предложение. И посмотрю, что же в ней такого особенного. Заодно и переночую.

- Алик, мне очень срочно надо ее увидеть. Ты даже не представляешь, насколько срочно. Без лошади могу не успеть.

- Оригинально. Мало того что от работы решил закосить, да еще и транспорт ему обеспечьте... Клепа, а скажи мне честно, как рабочий начальнику - эта твоя загадочная девка усы не носит?

- На кой мне девка с усами?

- Да тебе виднее... Те, что без усов, конного транспорта не требовали... Говоришь, в лагере лесорубов?

- Да.

- А там Нара близко...

- Нара там близко, а вот до поселка далеко. Мне бы лошадь.

- Вот заладил: лошадь да лошадь. Скажи мне, я похож на дурака?

- Да вроде бы нет. Но я вообще-то не доктор.

- Клепа, у армян дураков не бывает. Мы очень хитрый народ. Ты что, всерьез решил, что можешь армянина обхитрить?

- И в мыслях подобного не было.

- Это хорошо, что не было. Я вот на обеде заглянул к Пауку, надо было спросить у лесорубов, когда обещанный дуб доставят. Народу на связи было - не протолкнуться. Абай сидел с парой

своих ребят, Русик вокруг него увивался, даже Аня, жена Олега, пожаловала. Она, кстати, с Олегом пообщалась, новостями его порадовала. Какой-то чудной у них разговор вышел. Все колыбель упоминала, которую муж сколотил для их будущего потомства. А я вот к ним перед уходом экспедиции заглядывал, не заметил никакой колыбели. Странно, да?

- Наверное, колыбель маленькая, незаметная.

- Я так и подумал. Очень маленькая и невидимая. И еще про плоты рассказывала. Никто ее там не понял, кроме меня. Лишь я помню, что на плотках к нам в самом начале Добрыня спустился. Так говоришь, очень срочно к усатой бабе надо скакать верхом?

- Ну примерно так.

- Понимаю. Кстати, этой своей избраннице можешь похвастаться, что мастерские у нас понемногу превращаются почти в современный завод. Токари наши уже обрабатывают детали с допусками в сотую долю миллиметра. Ей, наверное, интересно это будет знать.

- Еще бы, она от такого удивления и без свадьбы, наверное, даст.

- И еще ей передай, что наши мастерские берутся за самые сложные заказы. Абай вот принес автомат сломанный, просит починить. Неисправность ерундовая, час работы. Но мы не спешим с этим делом, пусть пока полежит - и без того автоматов слишком много развелось. Но если будет надо, мы мигом его починим. И даже пострелять можем, если кто-нибудь принесет патронов и магазин. И мушкетов у нас несколько имеется, в арсенал сдать не успели. Понимаешь?

- Понимаю. А лошадь?

- А что лошадь? Вон в нашей конюшне целых три стоит. Скажи Стасу, чтобы дал Рыжуху. Она самая быстрая, и нрав у нее не подлый. Быстро домчишься. На сегодня и завтра тебе освобождение от работы даю. Ради такой экстренной любви отпустить тебя не жалко. Смотри только, волкам нарским кобылку не скорми.

- Не скормлю. Спасибо. Я тогда пошел?

- Иди-иди. Смотри только, ни с кем не трепись об этом. Здесь армяне есть и похитрей меня...

вернуться

20

Че Гевара - Эрнесто Че Гевара латиноамериканский революционер, команданте Кубинской революции 1959 года и кубинский государственный деятель.

Глава 18

До устья Нары оставалось километров пятнадцать, когда вал винта наконец сдался. Олег, расхаживая по палубе, от неожиданности подпрыгнул - адский лязг, доносившийся из машинного отделения, по силе звука не уступал реву взлетающего авиалайнера. Мощь этого крика обиженного металла, его прерывистый характер и сочетание с сильной вибрацией корпуса однозначно говорили о том, что за пять минут с этой неприятностью не управиться.

Дизель заглушили – лязг затих. Механик, высунув из люка залитую машинным маслом башку, на немой вопрос Олега ответил печальным покачиванием головы.

- Что это было? – с носа заорал Платов.

- Бобик, очевидно, сдох, – вздохнул Олег. – Ты что-то говорил про весла? Пора вспомнить старые времена.

- Да чтоб ему! Ведь недолго уже и оставалось! Эй! На руле! Не спать! Ход потерян, не хватало еще налететь на что-нибудь в этой темени. Господи, ну почему мы в такое дело вляпались без единого клота?!

- Не плачь ты, дойдем нормально – Нара здесь широкая и течение хорошее. Как спустимся к Фреоне, сразу парус поставим. В эту пору по ночам там вечно с севера поддувает немного. До рассвета к устью Хрустальной должны успеть, все время по течению идти будем.

Олег в своих словах уверен не был. Без клота по ночной реке двигаться непросто. Бакенов здесь в помине нет, береговых ориентиров фарватера тоже. Обычно корабли ходили «на глазок» или доверяя невероятному чутью речных великанов.

Сейчас придется идти «на глазок».

Борта «Варяга» оцетинились крепкими веслами, под дружные выдохи гребцов корабль начал наращивать скорость. Но едва вынесся из-за поворота, пришлось сбавить ход – на песчаной косе бегал некто неизвестный, энергично размахивая факелом. Он явно пытался привлечь к себе внимание.

Олег, расслышав невнятный крик, скомандовал:

- К берегу правьте, надо узнать, кто это такой и чего он хочет. И неплохо было бы его потом в трюм спрятать, чтобы никому про нас не проболтался.

Рулевой осторожно направил «Варяг» к берегу. Олег, приглядываясь к мечущемуся огоньку, вдруг заподозрил неладное. Может, корабль специально подманивают ближе к берегу? Ловушка? Он ведь понятия не имеет, что происходит в поселке – кроме намеков жены, у него ничего нет. Мало ли что, может, некие враги догадались, что она дала сигнал мужу, и приготовили теплую встречу.

Додумать свою мысль Олег не успел – с берега донесся новый крик, вполне четкий:

- Эй! На «Варяге»! Олег с вами?!

- Клепа?! Ты, что ли?!

- А кто кроме меня вас тут ночью с факелом может встречать?! Других таких дураков в наших краях нет!

У Олега мгновенно отлегло от сердца, он позабыл про все подозрения. У Клепы, конечно, недостатки имеются, но предавать друзей он не станет. Исключительно надежный парень, ему можно доверить все, кроме жены и сестры.

- Жди! Сейчас к тебе лодку вышлем!

- Да на хрен лодка?! Я вас вплавь догоню, главное, веслом меня не стукните!

- А не замерзнешь?!

- Я, когда хайтов взрывал, носом льдины ломал! С чего мне в летней Наре замерзнуть?! Да и обмоюсь заодно, весь лошадиным потом провонял!

- Лошадиным?! Плыви быстрее, мерин!

- Мерин?! Твоя жена тоже так говорила, пока не доказал ей, что это не так!

Плавал Клепа хорошо, и уже через пару минут его заташили на палубу. Наскоро стряхнув воду, он размотал тук с вещами, который удерживал до этого на голове, быстро оделся, присел на бухту каната, быстро и четко доложил:

- В нашем поселке большая задница - такая не во всякие ворота пролезет. Гнат с Абаевым устроили настоящий поворот. Убили Левкина и хотели убить Добрыню, после чего повесить все это на Круга. Добрыня сумел удрать и теперь прячется в динамитной кладовке у Лома. У шайки Гната человек пятнадцать народу, и он пытается набрать еще людей, чтобы переть потом на южан. Вам надо незаметно высадиться и добраться до Добрыни. А там уже решите, что дальше делать.

- Я ничего не понял, - честно признал Олег. - Ты говоришь, их всего пятнадцать или около того? И Добрыня их до сих пор не передушил?

- А чем душить? Оружия у народа мало, в основном оно в арсенале. А арсенал у Гната. Да и люди у нас на мороз упали - никто не поймет в чем дело. У нас же газет нет, слухами кормятся. А слухам верить... Гнатовцы показали Левкина, истыканного болтами арбалетов южан. Сказали, что нашли его труп в плавнях. При этом рассказали историю, как тот с Добрыней в ночь поплыл на их берег, на встречу какую-то. До этого трения у нас уже были с южанами, когда часть спецов Круга к нам перебралась. Ссора тогда хорошая получилась. Об этом тоже напомнили, как и про ту историю, когда рыбаки филимоновские девку у нас увезли весной.

- Ту шалаву? Нашли что вспоминать.

- Да, я согласен. Только вот народ правды не знает, а плетут эти ребята вполне убедительные истории. Не знай я всей правды, сам бы, может, начал верить. Хотя вряд ли, конечно, ерунда это все. В жизни не поверю, что Круг на такое решился бы.

- И что? Достаточно Добрыне выйти и сказать громким голосом пару ласковых слов в их адрес. Мужики после такого гадов голыми руками передушат.

- Олег, если Добрыня вылезет, его тупо прикончат и уже без сказок всех начнут к ногтю придавливать.

- Каким образом? Их в сто раз меньше. Пусть даже у них арсенал под контролем, и что? У стражи должны быть мушкеты, у Алика новенькие лежат - десятка два-три наверняка найдется. Охотников можно позвать из лагеря - у них арбалеты и длинноствольные ружья. Да о чем вообще разговор? Полтора десятка, как бы они ни были вооружены, можно и топорами перекосить. Не вижу серьезной проблемы.

- У них автоматы.

- Что?! Какие автоматы? Ты о чем?!

- «Калашей» они нарыли в центре катастрофы. И пистолетов.
- Так... Дела... Беру свои слова обратно. Автоматы – это очень серьезно. Они у всех?
- Нет, не у всех. Думаю, у половины. Еще один они Алику отдали починить. Тот мне сказал, что поломка там ерундовая. Были бы у нас патроны и магазины, был бы и у нас сейчас рабочий «калаш».
- Ладно, запомним. Значит, будем считать, что штук семь-восемь «калашей» у них есть. А остальные с мушкетами?
- Те, у кого нет автоматов, таскают пистолеты. И мушкеты у них тоже на плечах висят.
- Пистолеты ерунда, не проблема.
- А «калаши» какие? – поинтересовался Платов.
- Не понял вопрос?
- Ну «сорок седьмые» или «семьдесят четвертые»?
- Не знаю. Короткие очень. Похоже, они ментовку раскопали и там этим добром разжились.
- Тогда это у них АКС-74У. Опасная штука, но бьет не так далеко, как длинноствольные «семьдесят четвертые». Хотя один хрен подальше наших мушкетов...
- Из нашего мушкета если попасть, то человек ляжет надолго, если не навсегда, а из этого короткоствола можно очередь получить и после этого успеть парочку прирезать, прежде чем успокоишься. Клепа, а ты бронников у них не видел?
- У Гната броник.
- Армейский?
- Похож на жилетку ментовскую.
- Если заряд словит, у него ребра из спины вылезут. Лишь бы не догадался сверху кирасу нацепить – тогда точно в танк превратится. Ладно, изменять план не будем. До рассвета постараемся успеть дойти до устья Хрустальной. Высадимся, доберемся до Добрыни, потом вместе уже решим, что делать дальше.
- А с «Варягом» что делать? – уточнил Платов.
- Оставим часть команды – спрячут его в плавнях среди островов. Если снять мачту, его там никто не заметит. Антенну на нем срежем, оставим только кусок малый. Связь при этом будет такая, что ничего они не разберут. Подумают, что мы еще дальше удалились, выполняя приказ, и расслабятся.
- Мы же сперва Макса должны были дожидаться, а потом вверх идти?
- Не думаю, что они четко отслеживают все детали. У них сейчас хлопот полон рот, про подробности могут не подумать.
- Может, дизель заведем, чего это «Варяг» на веслах идет? – предложил Клепа. – Бойтесь, что

кто-то услышит? Не бойтесь. Гнат из-за конфликта с южанами запретил рыбакам выходить на лодках, только с берега ловить разрешил. Так что на реке пусто будет, никто нас не увидит.

- Ну сходи вниз, полюбуйся на дизель, - насмешливо предложил Олег. - А потом бегом марш на весла, как раз согреешься и обсохнешь.

* * *

К устью Нары вышли спустя пару часов. Здесь пришлось попотеть - течения в месте слияния двух рек были капризны и коварны. Даже днем тут можно легко мель днищем найти, и дизель не спасет, а уж ночью, на веслах, без клота на руле... Обошлось - когда левее показалась темная громадина острова, Олег вздохнул спокойно. Дальше проблем не будет, знай себе правь вниз, не уклоняясь от струи. «Варяг» загружен слабо, даже на мелководье пройдет без проблем. Самое главное, не прозевать Хрустальную.

Луна вышла из-за туч, протянув по водной глади серебристую дорожку. Затылок Олега обдало легким ветерком. Не ошибся он, сейчас можно будет поставить парус.

Что-то не так... Краем глаза уловив нечто странное, встал с бочонка, повернулся. На краю лунной дорожки промелькнула темная тупоносая тень, растаяла во тьме.

- Платов, - тихо позвал Олег.

- Чего?

- Ты видел?

- О чем ты?

- Корабль там прошел, с полкилометра от нас. Хайтанская галера.

- Померещилось тебе. Хайты в наших водах давно уже не шастают, сам прекрасно знаешь.

- Да не померещилось мне, я отлично его рассмотрел.

- Ну... может, залетный какой... Или вообще трофейный. Северяне на таких ходят у себя, у Круга два есть, даже у нас один имеется - «Утюг».

- «Утюг» я бы узнал, у него нос и корма переделаны, силуэт характерный. У тебя торпедный аппарат заряжен?

- Не заряжен. А толку от него? Против галеры не поперет - малоразмерная цель, попасть по такой трудновато. С ним только их линкоры топить, сам же знаешь.

- А вдруг линкор пожаловал? А это был просто корабль сопровождения?

- Паранойя! Не может такого быть.

- Почему? Один линкор у них оставался, как минимум один. Мы его так и не нашли тогда. Они его наверх увели. Давай потихонечку заряжай все, что есть. Мало ли что.

- Торпедный на ходу не перезарядим. А лучше бы у берега это делать, на стоянке.

- Обойдемся без него, я и сам не верю в появление линкора. Монах бы такое дело не прозевал,

по связи бы передали. Но галера, а то и парочка, проскочить может легко. Фреона под пять километров рассекается, среди островов и днем можно атомный ледокол незаметно провести, а уж ночью... Думаю, к Добрыне вы не пойдете. Пусть команда остается полной.

- Умеешь ты пугать. Хотя чего бояться, уж галер нам и десяток не страшен.

- Не забудь, мы без мотора остались.

- Ох и туплю же я... Да, без дизеля и клотов лучше в бой не ввязываться. Будем надеяться, что пронесет.

За спиной неестественно кашлянули, явно привлекая внимание. Олег обернулся:

- Андрей, чего тебе?

- Я правильно понимаю, что у вас намечается бой с заговорщиками?

- Насчет боя не знаю, но разборки намечаются. Но ты не волнуйся, вы останетесь на «Варяге», переждете бучу в безопасном месте.

- У вас не слишком много бойцов. Мы тут с Киrom посовещались... Можно, мы вам поможем? Гнус тоже хочет.

- Ты совещался с Киrom?! Интересно было бы на это посмотреть... Зачем вам это? Ведь это не ваша война, это наши внутренние разборки. На корабле вы будете в полной безопасности.

- Нет, Олег, теперь это и наша война. Мы ведь решили остаться с вами, значит, и нас теперь это касается. Ты, как я понимаю, второй человек среди островитян после Добрыни. От тебя мы видели только хорошее, от Добрыни вроде бы тоже. Если кто-то, размечтавшись о власти, выступил против вас, он выступил и против тех, кто идет за вами. Я понимаю, что как войны мы мусор, но, может, какой-то толк все же будет?

- Не знаю, ведь в этой драке, если будет драка, и от нас может не быть толку, - честно признался Олег. - Я видел много боев против ваксов и хайтов, доводилось и с мародерами сталкиваться, и с пиратами речными. Там все не так было... А в последнее время у нас всегда огромное преимущество в вооружении. Противника громим, будто в шахматы играем: главное, в бою держать дистанцию и не подставляться под удар конницы и масс пехоты. Пришлось освоить сложные построения... Только теперь я понял, в чем изначальный смысл тупой строевой подготовки: дисциплина, слаженность и скорость выполнения команд при перестроении - залог победы и минимальных потерь. А что нас ждет теперь? Наши мушкеты опасны на двести - триста метров, вот только дальше сотни метров попасть проблемно. Перезаряжать их приходится долго. У противника, допустим, есть семь автоматов. Это двадцать выстрелов без перезарядки, да и перезарядить их можно чуть ли не мгновенно. Под пули мы попадем задолго до того, как подберемся на дистанцию прицельного выстрела из мушкета. У меня два десятка бойцов. С Добрыней и химиками будет два десятка с половиной. Ну пусть даже тридцать - на каждого нашего бойца придется по семь пуль с «залпа в один магазин». Да, гнатовцы в массе своей непрофессионалы, и меткой стрельбы от них не дождешься. Но все равно расклад не в нашу пользу... Нельзя нам честный бой устраивать... Так что мы с вами тут в равном положении - будем искать новые пути.

- А если попросить помощи у того же Круга? Не думаю, что он откажет, ведь это не в его интересах.

- Ты плохо Круга знаешь. На своей земле он превращается в полного хозяина, только если к ним сзади подберется кто-нибудь нехороший с банкой скипидара и клизмой. Тогда да, тогда он ведет армию в бой. В промежутке между сложными периодами он владыка лишь своего поселка. Остальные кое-как подчиняются и дружно пытаются уклониться от уплаты налогов. У него постоянные разборки на этой почве со всеми «вассалами». Пару раз доходило, что у нас просил военную помощь, чтобы образумить своих же – своей поселковой армией напугать не мог. Мы не вмешивались тогда, это их внутренние дела. Добрыня им раз выделил мушкетов старых, и все – бойцов не дал. Сейчас Круг нам это припомнить может. А может, и не припомнит... Но в любом случае особой помощи от него не дожидаться – у него личная гвардия невелика, а собирать большое войско надо несколько дней. Не могу я рисковать упустить время ради сомнительного шанса получить пару десятков пентюхов с фитильными мушкетами. Кроме того, пока сбор будет идти, слухи до Гната дойдут, и эффект неожиданности мы потеряем.

- А Монах?

- Монах – это вообще квадратный тупик. Он, может, и придет на выручку, вот только кто нам потом поможет против него? Его пускать к себе, чтобы разобрался с заговором, все равно что запускать лису в курятник с просьбой утихомирить буйного петуха. Я даже Мура не стал просить о помощи, не хочу вмешивать полчища троглодитов в ссору людей. Нет, в этом деле у нас надежда только на себя.

* * *

О приближении устья Хрустальной догадались по тусклым огонькам на берегу – это тлели костры на стоянках рыбаков. Берег в этих местах был уловистый, здесь и без лодок можно на достойную добычу рассчитывать. В путину, когда на нерест поднимались осетровые, трехметровых белуг, бывало, брали прямо на мелководье, гоняясь за ними с острогами по шею в воде.

До рассвета оставалось всего ничего – высадку пришлось устроить поспешно, «мокрую». К берегу брели по грудь в воде, подняв над головой мушкеты с привязанными к ним узлами с вещами. За спиной скрипели весла – «Варяг» отходил в протоку между островов, спеша затемно укрыться в плавнях.

Олег, добравшись до стены тростника, попытался организовать народ, чтобы дальше шли цепочкой, но преуспел в этом не сразу. В итоге остались следы продвижения через заросли целого отряда. Вряд ли сюда кто-то сунется в ближайшие часы, но неприятно – такие проколы допускать нежелательно. Несколько бойцов не удержались от падений, замочив вещи и, главное, порох. Конечно, у Лома в хозяйстве можно пополнить запасы, но до него надо еще добраться, и неизвестно, как и кто там сейчас встретит.

Первые лучи восходящего светила начали разгонять утренний туман, когда отряд Олега выбрался из сырого пойменного леса. Бойцы, ежась от холода, продвигались цепочкой, стараясь ступать след в след. Двигались на юго-запад, чтобы обойти поселок стороной – даже близко опасно приближаться.

Семнадцать бойцов отряда Олега, Андрей с парой своих ребят, Клепа, три вакса (Муру в просьбе лично помочь разделаться с заговорщиками не отказали). Два с половиной десятка бойцов – не иголка в стоге сена, спрятать непросто. Окрестности поселка место не безлюдное, тут постоянно народ шастает. Вот и приходилось рвать жилы, идти на максимальной скорости – с утра риск нежелательной встречи невелик.

Отряд укрылся в густом кустарнике на дне оврага, протянувшегося на задах хозяйства химиков. Дальше пошел только Клепа. Если там ждут неприятности, он может отмазаться, скажет, допустим, что искал Лома, чтобы выменять у него полтора кило героина за кожаную кепку, а про Добрыню и заговор знать ничего не знал. Если же схватят Олега или его подчиненного, то оправдаться будет труднее – никто не поверит, что он прибежал сюда за пару сотен верст ради бредовой ерунды.

Клепа, приоткрыв дверь, юркнул внутрь. Через минуту высунул голову, махнул рукой, приглашая за собой.

- Ждите меня здесь, – приказал Олег, выбираясь из оврага.

Скользнув за дверь, он на миг крепко зажмурил глаза, привыкая к сумраку сарая. Убедившись, что перед ним действительно Добрыня, шагнул вперед, протянул руку:

- Здравствуйте, господин Керенский. Вы уже избавились от своего женского платья? [21]

- Ты лучше себе такое же приготовь – как бы вместе не пришлось тикать, придерживая юбки, – пробурчал Добрыня.

- Ну раз я тут, то панику отставь. Сейчас пожую чего-нибудь и пойду разбираться с этими корниловцами [22].

- Эй, Кислый, насыпь Олегу каши. Не подогревай, мою кашу можно и тепленькой жевать.

- Ты что, кашеваришь тут? – удивился Олег.

- А куда деваться? Эти химики готовить вообще не умеют. Скучно мне тут было... делать-то нечего, вас только и дожидался.

- Ты давай рассказывай, как тут дела?

- Не знаю я, как дела. Клепа убежал тебя перехватывать, а без него у меня надежных ребят нет. Лом и Кислый для разведки не годятся, а слать их с записками к другим... Ну его, риск же огромный.

- Что-то ты приуныл... У меня двадцать с лишним ребят в овраге.

- Всего-то?

- А где мне больше взять? Отряд Макса так и завяз в лесу, я его ждать не мог. Аня ведь ничего не сообщила о том, что у вас творится, только знак подала, что дела плохи. Знал бы, пробился бы к основным силам. Будь у меня восемьдесят бойцов под стенами, эти твари бы и не пикнули. Семь «калашей», конечно, сила, вот только ловить им против моих ребят нечего. Особенно если учесть, что в поселке им не рады. Ладно, что есть, то есть – два с половиной десятка у нас есть. Какова диспозиция?

- Клепу надо посылать, пусть вынюхает, что там к чему. Ему там появляться можно без риска.

- Ну не скажи... Разве не удивится никто, что он вместо работы по поселку шастает?

- Да вон дадим ему эту трубу. Положит на плечо и будет с озабоченным видом бродить, делая вид, что занят общественно полезным трудом. Там таких тунеядцев полно, ничего подозрительного.

- Хорошо придумано. Ладно, так и сделаем. Сейчас пошлю его в поселок, и пока он не вернется, ты мне расскажешь все подробно - как и что тут происходило.

* * *

В поселок Клепе заходить не пришлось. Издалека углядев толпу на пристани, он логично предположил, что там сейчас происходит нечто интересное и на это надо взглянуть.

Клепа не ошибся - здесь был митинг. Место удобное, у пристани постоянно разные сборища проводили. С трубой на плече он выглядел очень дурачки, пришлось припрятать ее за кучей кирпичей, приготовленных для строительства лодочного сарая.

Гнат, забравшись на штабель бруса, толкал перед народом речь. Слева и справа там же стояло по два автоматчика. Выглядело это достаточно внушительно - не хватало только беретов и развевающегося знамени.

- Мы должны ответить на это немедленно, достаточно проволочек. У нас убили мэра, убили одного из его замов, а вы будто трусы себя ведете. Собрались это дело Кругу простить? А что он завтра придумает? Завтра он и до вас доберется. Я не могу воевать против него парой десятков бойцов. Мне нужна сотня мушкетеров. Давайте пока по-хорошему, добровольно.

- А то что? - из толпы громко поинтересовался Федос.

Федор Артемьев, или попросту Федос, был правой рукой Алика во всех вопросах, касающихся кузнечного дела. Золотые руки у мужика, но язык у него длиной с половину Фреоны. Из тех, что к столбу придерется - постоянно цепляется ко всему и ко всем. Бывало, получал за это в морду, хотя безропотно это никогда не сносил и обидчикам зачастую доставалось больше, чем ему, - рука у мастерового тяжелая. Вот и сейчас не утерпел, вылез.

- А то припрется сюда Круг, и пойдете вы в армию принудительно. Но уже в его армию.

- Да ты что? Совсем его за дурака считаешь? Зачем ему переть на нас? У него армия смех один - половина залпа нашей крепостной артиллерии.

- Откуда мы знаем, что он задумал? У нас есть сведения, что он с Монахом шашни крутит какие-то. Как бы не снюхались и вместе не налетели. Они давно зубы точат на наше добро. Про центр катастрофы им известно, и заполучить его всякий мечтает. Ведь это куча добра и огромные запасы металла плюс несколько вагонов селитры. Селитру у Монаха по грамму получают из разного дерьма, и у местных ее тоже не купить - они ее не добывают, за ненадобностью. Он уже намекал нам, что надо бы делиться. Нельзя нам ему время давать, надо первыми ударить. Сотня наших мушкетеров раскатает их будто катком.

Но Федос был не прост. Ничего не отвечая, он нагнулся, поднатужился, поднял над головой угловатую железку сложной конфигурации.

- Гнат, ты знаешь, что это такое? Это головка блоков цилиндров, а точнее ее кусок. Ты уж извини, что неполная - часть ее в дело пустили еще в первые дни. Эту смешную железку у Круга в кузнице одно время держали вместо наковальни, мелочь разную на ней проковывали. У нее всего лишь одно достоинство - хороший вес. Остальное сплошные недостатки - нет на ней широких ровных поверхностей, пригодных для кузнечного дела. Гвоздь на такой хитро выкрученной ерундовине и то проблема вытянуть. А я вот на ней ухитрялся ножи проковывать и наконечники для острог. И Алик это время застал. Да все застали, мы ведь почти все из большого поселка вышли. Именно там был общий сбор, там днем и ночью поддерживали

сигнальный костер. На его дым мы и выходили, вот и получилось там первое объединение наше. Ты знаешь, каково на подобном мусоре выковать лезвие ножа? Не знаешь. А мы вот знаем - и островитяне, и южане. Оглянись вокруг - чуть ли не половина этой толпы в свое время перебралась к нам с земель Круга. Народ искал, где лучше жить, так и оседал. Вот и я здесь осел. Но старое забыть не успел - помню прекрасно. Круг, может быть, не лучший в мире человек, но Добрыню он бы и пальцем не тронул. Ему это не надо. А если бы ему и понадобилось такое, его бы свои же отметилили за подобный умысел - там это запросто. Ты, паря, знать этого не можешь, потому что пришел от Монаха, не ужившись с ним на одном гектаре. Потому твою глупость прощаю. И давай, пока не поздно, покайся перед Кругом за свои слова и разберитесь, что на самом деле случилось с Левкиным и Добрыней. Нечисто это дело. Я ни одному слову вашему не верю. Олега надо сюда, он зам, он и должен решать, что делать. А вы так... шантрапа залетная, ваше слово нам не указ. Лови подарочек - любуйся на него почаще и вспоминай мои слова.

Федос, поднатужившись, закинул кусок головки на штабель, к ногам Гната. Тот испуганно отпрыгнул, уворачиваясь от тяжелой железяки. Рядом с ним вдруг откуда ни возьмись возник Абай. Клепа, увидев на его лице весьма неприятное выражение, понял - сейчас что-то будет.

Абай, выхватив из-за пояса пистолет, выстрелил навскидку, не целясь. Федос, охнув, осел на руках Алика, хрипло выдохнул:

- Да вы что творите?!!

- Заткни пасть, падаль, а то добыю!!! - чуть ли не с зубным скрежетом выкрикнул Абай.

вернуться

21

Олег сравнивает Добрыню с А.Ф. Керенским, который в 1917 году, будучи министром-председателем Временного правительства, потерял власть в результате Октябрьской революции. Широко известен миф (во многих вариантах), как, спасаясь от большевиков, он покинул Зимний дворец, переодевшись медсестрой.

вернуться

22

Корниловцы - боевая группа генерала Л.Г. Корнилова, одного из инициаторов отречения Николая II от престола; будучи на посту главнокомандующего в августе 1917 года и видя развал армии, возникший в результате бессмысленных декретов Временного правительства, Корнилов предпринял неудачную попытку установления военной диктатуры. Корниловское выступление было подавлено силами большевиков, корниловцев объявили мятежниками, руководители их были арестованы.

Толпа зароптала, заколыхалась. Гнат, придя в себя, визгливо выкрикнул:

- Стоять!!! Ребята, на прицел их!!!

Автоматчики послушно вскинули оружие, нервно навели на толпу.

- Это было предупреждение! - уже увереннее прокричал Абай. - Следующий паникер или предатель будет казнен по закону военного времени! Раз вы, тупые бараны, не способны ничего понимать по-хорошему, будем по-плохому. Если мы сейчас допустим промедление, нас раздавят. Так что завтра, хотите вы или нет, мы соберем отряд для удара по поселку Круга - мы одни горбатиться ради всех не намерены! Это вам нужно, а не мне! Если кто-то откажется идти, это будет расценено как предательство. А теперь расходитесь, собрание закончено. Списки бойцов будут готовы вечером или утром, их сразу вам зачитают.

За два года земляне натерпелись немало. Слабаки вымерли первыми, более-менее небезнадежные сумели приспособиться. Островитян трудно было назвать безропотным быдлом, способным терпеть любое унижение. Толпа зловеще заколебалась - не хватало маленького толчка, чтобы заставить ее накинуться на штабель и раскатать его по бревнышку вместе с шайкой гнатовцев. Зря он выстрелил в Федоса, зря. Вот теперь всем все стало ясно - в «новом начальстве» люди перестали сомневаться. Это враг, он напал на одного из них.

Толпу сдерживали лишь автоматы в руках заговорщиков - это оружие пугало. Народ, нервно перетаптываясь, медленно наползал на штабель - все, как один, заворуженно уставились в черные зрачки стволов «калашей». Автоматчики попятнулись - напирательная человеческая лавина пугала.

Абай первым придумал способ разрядить напряжение. Снял с плеча автомат, навел в небо. По ушам ударил грохот короткой очереди, по дереву зазвенели гильзы.

- Вам что сказано?! Бегом расходитесь! Все по своим местам! Бегом!!!

Грохот выстрелов и крики Абая ударили по толпе будто плетка. Люди дрогнули - страх перед оружием победил. Народ отшатнулся от штабеля, начал расплзаться. Люди оглядывались на гнатовцев с нескрываемой угрозой, но ни о каком сопротивлении уже не могло быть и речи - на этот раз заговорщики победили. Зря Гнат решил выступить перед такой оравой в столь неудобном месте, на волосок от неприятностей был. Ну да ничего, в другой раз поступит уже умнее... без риска...

Клепа, пробившись через разбредаящуюся толпу, подскочил к Алику, ухватил Федоса под вторую руку, помог его вести. На ходу поинтересовался:

- Сильно тебя?

- Под ключицей пуля, - чуть не плача сообщил Федос. - Ничего, малость очухаюсь, я этого петуха топтаного ... в ... Урод вонючий...

- Ты, я вижу, уже вернулся от своей усатой невесты? - невесело усмехнулся Алик.

- Вернулся. А у вас как дела? Починили тот автомат?

- Нет. Но там работы на несколько минут. Если срочно понадобится, быстро починим. Клепа, а нельзя мне как-нибудь с твоей «невестой» повидаться?

Клепа колебался недолго, Алику он почему-то решил довериться.

- Я бы вас сводил, да у меня в поселке дела. Вы можете меня у химиков подождать, это как раз по пути к «невесте».

- Спасибо. Подожду.

К Алику от моста вернулось несколько рабочих, подхватили раненого. Пользуясь моментом, Клепа направился к воротам поселка.

Для начала надо увидеться с арками. Эти профессиональные воины в мирное время постоянно охраняли ворота. Три-четыре таких бойца день и ночь дежурили в караулке и на верхней площадке. Страшная сила, даже без мушкетов они способны без проблем десятков хайтов в капусту изрубить.

И что самое приятное – абсолютно преданы Олегу. Чтобы им ни приказало новое начальство, приказ Олега они выполняют в первую очередь.

Имея таких ребят в союзниках, можно считать, что ворота поселка у тебя в руках.

Все же Гнат и Абай идиоты – не стоило ворота оставлять под охраной этих демонов войны.

* * *

В ставку «революционеров» Клепа вернулся часа через два. Это время он провел не зря – выведал о бунтовщиках все, что только возможно. Ему даже удалось автомат в руках подержать – шапочный знакомый, один из парней Абая, поддался на примитивную лезть и похвастал своим «калашом». Будь место поукромнее, Клепа бы ему шею свернул и утащил трофей с собой, но не судьба...

Соратники Клепы без дела тоже не сидели – в химическом цехе стало гораздо оживленнее. За кособоким столом заседал целый военный совет: Добрыня, Олег, Алик и арк Монгу. На круговой галерее расположились бойцы отряда Олега, через узкие окошки они наблюдали за окрестностями. Лом и Кислый, засев в уголке, возились с какими-то ярко блестящими слитками.

На Клепу с порога накинулся Добрыня:

- Ну? Что скажешь?

- Федоса ранили на собрании.

- Ну это мы уже знаем – не новость.

- С арками поговорил, и они все поняли правильно, раз Монгу уже здесь. По поселку бродил, пока эта труба плечо не натерла. Народ злой – гнатовцы теперь поодиночке боятся от арсенального бастиона отходить. Я так думаю, что на ночь они все там соберутся. Сейчас туда никого не пускают, на воротах два автоматчика. Если закроются там, то их без артиллерии не выковырять. А пушки ведь все в арсенале.

- Угу, – мрачно подтвердил Олег. – Хоть бери, да с «Варяга» снимай, и тащи сюда. Только от корабельных пушек пользы немного будет – калибр маловат.

- Вам что, без пушки страшно лезть? – уточнил Клепа.

- Если они закроются, как их без артиллерии достать?

Все согласно покивали. Арсенальный бастион изначально был первым, временным укреплением, созданным еще до возведения стен вокруг поселка. Размером невелик, ведь предназначался для защиты немногочисленного тогда еще населения в случае набега. Почти

правильный квадрат со стороной метров в тридцать. После возведения основных стен это укрепление превратилось в угловой бастион. Наружные стены при этом укрепили и подняли, внутренние, выходившие на поселок, достраивать не стали. Но все равно они были вполне серьезной защитой – высотой метров в пять и толщиной метра полтора. Если учесть, что наверху сидят люди с автоматами, то без артиллерии взять этот орешек очень непросто.

- Может, и вправду с «Варяга» притащить пушку? – предложил Клепа.

- Связи с кораблем нет, – буркнул Олег. – УКВ-трубу они на приеме держат, но говорить с ними опасно – эти гады могут подслушать. А без связи пока их найдешь в этих плавнях... Там авианосец можно неделями искать...

- Возле устья Хрустальной клоты сидят, Удур их там собрал, чтобы помочь нам, – сообщил Добрыня. – С клотами корабль мы быстро найдем.

- Быстро не получится, – возразил Олег. – Пока найдем их, пока дотащим. Учти, что пушка не иголка, а двигаться с ней незаметно придется. Вряд ли тогда сегодня успеем устроить Варфоломеевскую ночь. А завтра они неизвестно что еще придумают... нельзя нам медлить...

- Ствол пушечный у меня есть, – признался Алик. – Но до вечера сделать из него пушку не выйдет. Да и калибр великоват под мелкие бомбы. Ему бы что-нибудь покрупнее, разнесли бы весь бастион десятком выстрелов.

- Взрывчатки у нас полно, вон химики гранаты из нее делают. – Олег кивнул в сторону Лома и Кислого. – Несolidно, конечно, но если как-то отвлечь часовых и подобраться к стене, то можно закидать им весь двор.

Клепе наконец удалось блеснуть не только в бою, но и на военном совете:

- А катапульта?

- Ты о чем? – не понял Олег.

- Катапульта старая, что на пристани стоит, она ведь в рабочем состоянии вроде.

- Рабочая, – подтвердил Алик. – Но Добрыня приказал ее разобрать, на пушки ведь перешли. Руки у меня до нее еще не дошли.

- Клепа, да ты гений! – воскликнул Олег. – Эта телега с ложкой может наковальню за сотню метров зашвырнуть. Ей гранаты, что слону дробина. Эй! Химики! Вы побольше бомбы делать сможете?

Лом, с пыхтением сверля отверстие в слитке пикриновой кислоты, недовольно буркнул:

- Да хоть с ведро размером. Только сами их носите и швыряйте. И осколочную матрицу сделать не из чего.

- Не проблема – пусть будут фугасными, без осколочного действия. Да и Алика можно потрясти, пусть из мастерских разных железяк принесут. Наконечников от дротиков хайтанских я у него целую тонну видел – лежат кучей, трофейные, можно их в дело пустить. Ребята, ночью, когда все стихнет, нам, главное, ворота захватить. Даже если они поймут, что происходит, вылезти из бастиона не рискнут – в поселке темень кромешная и население недружелюбное. В такой обстановке их автоматы не страшнее мушкета. Мы поставим

катапульти перед арсеналом и начнем обстрел. Огонь выйдет настильным – если не мазать, снаряды будут падать прямиком во двор. Им придется по щелям прятаться, пережидая обстрел, бастион превратится в мышеловку. А мы притащим мину, подложим под ворота и взорвем их. Потом видно будет: или начнем штурм арсенала, или продолжим обстрел. Но им будет очень грустно прятаться от катапульти в укреплении, оставшемся без ворот. Начнут суетиться и делать ошибки. В любом случае если до утра не рискнут на нас в атаку пойти, мы их с обломками стен перемешаем. А если пойдут, то перед воротами засядут наши мушкетеры. Главное, не выпустить наружу ни одного автоматчика, а то могут наделать дел.

- В арсенальной башне, которая на углу, пушка тоже есть, – заметил Клепа.

- Не страшно, – убежденно заявил Олег. – Калибр у нее несолидный, при ней только несколько ядер и пороха на пять выстрелов. Больше в мирное время держать запрещено.

- В арсенальном бастионе свой пороховой погреб есть.

- Тоже не страшно, там заряды только для мушкетов и бомб нет. Артиллерийские припасы хранятся в пороховом погребе восточного бастиона. Так что по мне план неплохой.

- Может, и неплохой, только не все ясно, – вздохнул Добрыня. – Взорвем им ворота и как атаковать будем? Положат же во дворе из автоматов как цыплят.

- Так я же сказал, можем вообще не атаковать, так и продолжать обстрел. Если швырять туда мощные бомбы, то ад устроим. И им ведь волей-неволей придется реагировать на брешь в обороне. Попытаются забаррикадировать ворота или на вылазку пойдут, чтобы разнести катапульти. И понесут потери. Их немного, даже небольшие потери для них очень страшны.

- Ну нас тоже не дивизия...

- Знаю, вот и не хочу рисковать. Был бы с нами Макс со своими людьми, можно было бы порешительнее действовать.

- А если они не запрут на ночь в бастионе?

Олег, радостно улыбнувшись, вскинул руки:

- Это будет настоящее счастье! Я тогда вместе с арками их поодиночке передую. Устроим ночную охоту на гнатовцев прямо в поселке.

Глава 19

Солнце зашло за горизонт, потускнела вечерняя заря, на небе засияли звезды. Телевизоров у островитян не было, и честные люди отправились спать. Не спали часовые в караулке у ворот и на стенах, не спали гнатовцы – при свете масляных фонарей и свечей они готовили мушкеты для ополчения, которое пойдет на поселок Круга, и доставали боеприпасы из порохового погреба. Не спал Паук – в своей избушке он возился с двумя ноутами и принтером, распечатывал любимые эротические фотографии, спасая их для будущих поколений. Компьютеры рано или поздно перестанут работать, а красота сохранится. Не спал Федос – мучимый болью от раны и злобой на Абая, он нашептывал в ухо жене информацию о своих черных замыслах в отношении обидчика.

Но больше всего людей сейчас не спало на правом берегу Хрустальной – за пределами поселка.

На территории мастерских собралось около четырех десятков человек: отряд Олега, рабочие Алика, Добрыня, Мур с парой своих воинов. Лишь Лома и Кислого оставили в химическом цехе – рисковать столь ценными кадрами нежелательно, да и толку от них в бою не будет. Звенело оружие, скрипела амуниция – народ готовился к выступлению. Торжественных речей не было: все и так понимали, за что идут драться. Правда, мастера не скрывали своей радости – увидев Добрыню живого и здорового, они едва не заревели от восторга.

Олег, убедившись, что люди готовы, повел «войско» к воротам поселка.

Им не пришлось использовать таран или бомбы – ворота гостеприимно распахнулись при их приближении. Монгу, выбравшись навстречу, тихо сообщил:

- Часовые на стенах предупреждены. Они присоединятся к нам. Только у них нет мушкетов – Гнат велел сдать. И к нам в караулку посадил двух своих воинов.

- Здесь люди Гната? – чуть не подпрыгнул Олег.

- Да. Но они уже ничего не сделают. Мы их убили, когда увидели, что вы подходите.

- Круто... Ну что ж, не мы первые это начали... Что у них было за оружие?

Монгу скользнул в дверь караулки, почти сразу выбрался наружу, протянул Олегу грубый мешок с металлически позвякивающим содержимым. Тот, заглянув внутрь, довольно выдохнул:

- Живем! Автомат с парой магазинов и пистолет. Алик, бегом сюда. На вот тебе.

Алик, получив полный магазин, уверенно зарядил свой автомат.

- Сильно не увлекайся, больше патронов не дам. Если до перестрелки дойдет, то короткими очередями лупи или одиночными.

- Ты меня еще поучи, как за наковальней надо работать.

- Добрыня, а ты вот пистолет держи.

- Запасных патронов нет?

- Нет.

- Плохо. А чего это он липкий такой. Да это же кровь!

- Арки постарались. Старого хозяина этого пистолета больше нет. И автоматчика тоже.

- Все к лучшему, значит, их теперь на пару меньше.

- Ребята, занимайте позицию у ворот и не шумите, не нужно народ раньше времени будить. Давай, Алик, командуй своими, пусть тащат катапульта.

Катапульта была непростая. Единственный образец так называемого «Проекта 2». «Проект 1» – это обычные крепостные баллисты и катапульты. Самых различных конструкций, размеров, надежности и простоты обслуживания. До распространения пороховой артиллерии изделия «Проекта 1» должны были защищать поселок в случае нападения. Однако эти метательные машины за всю историю своего существования поработали лишь один раз – еще на острове, при первой встрече с хайтами. Единственная маломощная катапульта проявила себя тогда

далеко не с лучшей стороны.

В дальнейшем схватки с врагами происходили главным образом на суше, вдали от крепостных укреплений, и машины «Проекта 1» в этом не участвовали. Бывали приключения и на реке, здесь некоторые разновидности изделий «Проекта 1», установленные на палубах кораблей, показали себя неплохо. Это натолкнуло Алика на идею создать полевую артиллерию – легкие баллисты и катапульты на колесном ходу.

Увы, стремительное развитие огнестрельного вооружения похоронило перспективный проект. Успели сделать и обкатать лишь одну катапульту. Эта машина в итоге осталась памятником устаревшей идее и стояла без дела возле пристани, укрываясь от дождя под тесовой крышей низкого навеса. Олег, проходя мимо, невольно вспоминал Царь-пушку: столь же амбициозное изделие и столь же бесполезное – ни разу по неприятелю не стреляла. Но пушка хоть радует туристов, ей нашли применение, а вот этой катапульте суждено погибнуть без боя – деревянные детали пойдут в печи или плотникам, железные растащат мастеровые ребята для своих нужд.

Сегодня все изменилось, сегодня катапульта послужит по назначению. Кто знает, может, Добрыня потом прикажет ее оставить в качестве памятника и через тысячу лет потомки землян будут пачкать ее станину жевательной резинкой.

Четыре бруска пикриновой кислоты, обернутые просмоленной мешковиной, облепленной поверху обрезками железа и наконечниками дротиков триллов, легли в деревянную чашку. Затлеел короткий фитиль, ухидивший в недра медного детонатора. Алик, перекрестившись (иногда на него нападала показушная религиозность), широко размахнулся деревянным молотом и точным ударом выбил ступор.

* * *

Гнат, присев перед двумя кучами мушкетов, предавался невеселым размышлениям. В одной кучке старое, фитильное оружие, еще не переделанное под новые замки. В другой более совершенное – уже с кремневыми замками. Каким вооружать завтра ополчение? Хорошо бы вообще никаким: Гнат никому из жителей больше не доверял. Все, что у него есть, пара десятков более-менее надежных соратников.

И все...

А ведь вначале все казалось так просто – достаточно убрать Добрыню и жизнь станет прекрасной. Круг должен был упасть со всеми своими поселками за день-два. А там и до Монаха добраться можно будет. Давно пора покончить с этим разладом среди землян, сбить их в единую кучу. Многие, конечно, будут с этим не согласны. Ну да это не проблема – если власть сильна, то оппозиция кормит трупных червей. А Гнатов мечтал именно о сильной власти, другое его не устраивало. Дурь из народа сразу надо выбивать, а то привыкли уже к бардаку – ведут себя, будто здесь Земля. Нет, здесь все по-другому, здесь Средневековье со всеми вытекающими последствиями. У землян должны быть свои феодалы, и чем их меньше, тем лучше. Главный феодал – король. Это, конечно, будет Гнатов. Герцогом станет Абай, остальные соратники получают титулы помельче – никто не останется обиженным.

Герцог Миртон, владыка обоих берегов, теперь уже король, должен заключать договор не с сопливыми слюнтяями, живущими коммуной, а с настоящими хозяевами своей земли и своего народа.

Нет, Гнатов вовсе не собирался гнобить землян, превращая их в забитых холопов. Нет, с

такими знаниями и умениями он сделает их самой страшной силой этого мира. На них будет работать все население этой планетки. Каждый станет маленьким королем в своих владениях. Не сразу, конечно, потребуются годы.

Никто, кроме Гната, не понимал, к чему надо стремиться. Добрыня, Круг, даже жестокий Монах – они просто жалкие младенцы, готовые всю жизнь копошиться в грязной песочнице. Гнат не такой, Гнат видит гораздо дальше. И Гнат умеет выбирать соратников. Взять того же Абая. Ему повезло с Абаем дважды – первый раз, когда тот, выслушав идеи товарища, проникся и стал его верным соратником. Второй раз удача улыбнулась в центре катастрофы, когда Абай нашел там современное оружие.

Гнат изначально не собирался спешить. Год-другой надо выждать, обзавестись сторонниками среди населения всех трех объединений землян и уже потом начать гнуть свою линию. Возможно, даже без мятежа – достаточно грамотной пропаганды. Ну кто в здравом уме откажется от королевской роли ради прозябания в избушке и питания в общественной столовой? Свой замок, красавица-жена и гарем послушных наложниц, дивизия слуг. До горизонта тянутся поля, обрабатываемые твоими людьми. В небе летают самолеты и дирижабли с личным гербом Гнатов (он его заранее придумал). Самое совершенное вооружение он оставит под своим контролем, его армия будет гарантией единства землян, иначе без пастуха забалуют, погрязнут в дрязгах. И кто знает, может быть, здесь, еще при жизни, он добьется того, чего так и не смогли добиться на Земле, – полного объединения человечества.

Целая планета под твоим контролем.

Единое человечество – без границ и без орды правителей-паразитов, присосавшихся к своим мелким улусам.

Великая мечта.

Узнав про автоматы, он понял – судьба дает ему знак. Видение шеренги верных соратников, с «калашами» наперевес окружающих резиденцию Монаха, затмило его разум. Он решил, что ему теперь подвластно все...

Он ошибся. Даже здесь, в своей вотчине, среди островитян, он так и не стал хозяином. Люди не подчинялись ему, все разваливалось с каждым часом все сильнее и сильнее. Народ сдерживает лишь страх перед автоматами – не будь этого оружия, Гната и его людей уже бы вышвырнули.

Это в лучшем случае.

Что будет завтра? Удастся ли собрать ополчение? Или народ будет сопротивляться молча, прячась по домам? А если и соберет, то как можно доверять людям, которые только и мечтают о том, чтобы ты сдох? Дать им старые фитильные мушкеты? А какая разница, из какого ствола прилетит тебе в спину жменя тяжелых картечин?

Он уже приказал забрать огнестрельное оружие у часовых, а в караулку у ворот посадил пару своих ребят, чтобы контролировали арков. Завтра с утра надо провести шмон у Алика – что-то этот хитрый армянин слишком много о себе возомнил. Гнатов с ним около часа разговаривал, уговаривая присоединиться, обещал гаду титул графа и в будущем огромные владения. В итоге этот потный кузнец прямо в глаза посоветовал срочно найти себе хорошего психиатра.

Специально из себя выводил – ничего бредового в идее Гнатов не было. Этот мир сам готов упасть в их руки, так к чему отказываться от такого подарка?

Жаль, что он решил ударить, не попытавшись склонить на свою сторону Олега. С ним бы было проще – как ни горько это признать, но за Олегом народ мог пойти. А Олег себе на уме, наверняка ведь недоволен, что с правления его турнул Добрыня. Не мог не затаить зло. Если правильно к нему подойти, то запросто можно убедить, что так будет лучше. Да и живет он слишком скромно – несообразно заслугам. Ютится с женой в маленькой избушке, своими руками мебель делает и дрова колет. У такого человека каждая минута на вес золота – он должен или отдыхать, или руководить. И условия жизни у него должны быть получше. А у них что получается? Худшая разновидность коммунизма – бездельник живет не хуже, чем первые люди их общества.

Плохо вышло, несмотря на то что Гнат ударил в тот момент, когда поселок был ослаблен – лучшие бойцы ушли в поход под руководством лучшего военачальника. Может, оно, конечно, и хорошо, да только ничего хорошего пока не наблюдается...

Послушать Абая и завтра публично расстрелять парочку смутьянов? Жаль, что он сразу не прибил этого Федоса – паразит обнаглел настолько, что прервал речь Гнатова. Может, это проняло бы народ посильнее?

А что, так и надо сделать. На Монаха в свое время тоже многие вякали. И где они теперь? В первый год еще их на колах высушили. Гнат, когда это закручивание гаек началось, свалил оттуда от греха подальше и ребят своих прихватил. Он ведь еще тогда мечтал о своем королевстве, пытался объединить несколько поселений. Да только Монаху конкуренты не нужны, он для них никогда молодых деревьев не жалел. У Добрыни попроще, здесь без проблем удалось подготовить этот заговор. Надо не повторять его либеральных ошибок, иначе закончишь так же, как он.

Федоса вытащить из избы и повесить на воротах. И Алика рядом с ним – чтобы знал. Гнатов не варвар – Гнатов без кольев в зад обойдется. Хотя для пущей остротки можно и четвертовать. Кроваво, зрелищно, показательно. На толпу такое представление неплохо должно подействовать.

А ведь неплохая идея...

Нить размышлений Гнатова прервалась – за складом что-то с грохотом ударилось о каменную поверхность, затем протрещало ломающееся дерево. Похоже на то, что кто-то сверзился со стены напрямик в груды ящиков из-под мушкетных зарядов. Он уже раскрыл было рот, чтобы громко и матерно поинтересоваться природой подозрительного шума, как мир разлетелся вдребезги.

Стена склада перестала существовать – ее обломки внесло внутрь, перемешало с оружейными стеллажами и их содержимым. Вся эта груда весело полетела дальше – сшибать вторую стену. Разрушительная лавина по пути прихватила Гната, увлекла за собой – просто удивительно, как много он успел заметить за какую-то долю секунды.

Вторую стену, видимо, разбило его спиной – судя по боли и треску костей это было именно так. Гнат не потерял сознание, просто некоторое время не мог воспринимать действительность – разум был поглощен волной дикой боли, нахлынувшей из сломанной лопатки.

В себя он пришел лежа на куче песка, приготовленной здесь на случай пожара. Глаза слезились, пелена влаги мешала разглядеть детали, но и того, что он видел, хватило понять – происходит нечто нехорошее. Мушкетного склада больше не было – груда дымящихся обломков и абсолютно целое крыльцо на краю этой свалки. Лафетный сарай сложился

карточным домиком, навес над пушечными стволами унесло в неведомую даль. Склады доспехов и амуниции остались без крыш, да и стены выглядели неважно. За опрокинутой караульной будкой кто-то дико орал, причем слышал это Гнат слабо и только левым ухом.

Черный прямоугольник открытых дверей порохового погреба не дымился. Значит, первая версия о самовозгорании зарядов оказалась неверной. Может, просто рванули заряды, вытащенные на поверхность? Бред, там бы один пшик получился, а не этот апокалипсис.

Левое ухо уловило новый звук – будто огромная ворона подлетает, неистово маша крыльями. Звук этот Гнату почему-то очень не понравился, он инстинктивно перевалился через кучу песка, вжался в рыхлый склон. Что-то ударило в развалины лафетного склада, прокатилось по земле. Мир вновь раскололся вспышкой взрыва, земля дрогнула, над головой Гната просвистело что-то нехорошее, хищно звякнуло по камням стены, с противным визгом улетело в сторону.

На этот раз он понял все – арсенальный бастион кто-то обстреливает. Это явно не убогая картечница работает, уж больно крупный калибр. Квадрат укрепления превратился в ловушку – крупнокалиберные осколочные снаряды, разрываясь внутри, выкашивали все живое и неживое. Десяток таких попаданий, и даже хоронить нечего будет – всех в клочья порвет.

Ох и придурок же он! Сам загнал себя в ловушку, и людей своих за собой потащил!

Надо что-то делать.

Вскочив, Гнатов, морщась от боли и припадая на правую ногу, кинулся к башне. Там, за каменными стенами, его не достанут осколки. Там можно будет собрать уцелевших и что-нибудь предпринять. Он не верил в победу – неведомый противник силен, а у Гната слишком мало сил, да и позиция плохая. Если удастся вырваться из бастиона и уйти, уже неплохо будет.

Из-за руин склада наперерез рванула пошатывающаяся фигура. Кто-то из своих, но кто, уже не понять – осколком несчастному срезало лицо. Кроваво скалясь обнаженными деснами и придерживая рукой норовящий выпасть глаз, боец, поскуливая, тянулся к Гнатову второй рукой. Тот, не останавливаясь, вытащил пистолет, добил искалеченного выстрелом в голову. Затем рванул на себя тяжелую дверь башни, ввалился в спасительный сумрак.

Здесь его кто-то подхватил на руки, помог присесть на пол. В ухо проорали хорошо знакомым голосом Абая:

- Это Олег! Это он вернулся! Кроме него некому!

- Да какая уже разница, – обессиленно произнес Гнат. – Уходить надо. Похоже, это конец.

- Они нас не выпустят. Они нам не простят Добрыню и Левкина.

Гнатов понял – Абай позорно сдулся. Как сдулись и все они. Плохо начали – плохо закончили. Весь этот заговор вдруг показался жестокой игрой избалованных детей. Быть королем всей планеты? Иметь дворец на семь тысяч комнат и гарем на сорок тысяч наложниц? Господи, ну и дурак же он... Олег это явился или кто-то другой – уже без разницы: пришел злой дядя с тяжелым ремнем. Только они не дети, чтобы отделаться шлепками по попе – их сейчас удуют на этом ремне.

Конец.

Во дворе вновь рвануло, с потолка посыпалась древесная труха, в дверь что-то резко ударило. В наступившей тишине послышался уверенный голос. Даже почти оглохший Гнатов расслышал его прекрасно, а расслышав, перепугался так, что едва не обделался от ужаса.

Откуда-то из-за стены громким, хорошо поставленным голосом вещал утонувший Добрыня.

* * *

Эффект от первого выстрела превзошел все ожидания. Взрыв вышел славный – под ногами даже земля дрогнула, а уж что творилось там, на месте, страшно даже представить. Арсенальный бастион на миг превратился в извергающийся вулкан, выплеснув из своих недр тучу обломков досок, кусков доспехов и амуниции, камней и разного мусора.

Подручные Алика уже вовсю работали рычагами, взводя катапульту для второго выстрела. Сам Алик, оценив результаты выстрела, довольно заметил:

- Первым же снарядом накрыли: хорошая катапульта, даже жаль, что не повоевала – бьет точно. Да и Лом, конечно, балбес укуренный, но если надо что-то взорвать, дело свое знает. Видали, как шарахнуло?

Рядом с Олегом о землю ударился обломок доски. Подпрыгнув от неожиданности, он возбужденно выкрикнул:

- А сам-то как думаешь?! Да еще чуть-чуть, и вместе с ними бы к облакам полетели! Попробуй такое не замети!

- Не ори ты! – попросил Добрыня.

- Почему не орать?! Или ты всерьез думаешь, что после этого взрыва в поселке кто-то продолжает спать и я его могу разбудить?! Добрыня, да после такого и мертвый лежать не станет!

Мэр взглянул на Олега обеспокоенно, но промолчал. И Олег его понимал – старый приятель волнуется за своего зама: уж слишком тот возбужден. Нестрашно, перед боем не грех и перевозбудиться – адреналин требует своего. Для Олега главный бой впереди, он сам решил повести отряд саперов для подрыва ворот – никому не доверил это дело.

Катапульта выпустила новый снаряд. Промахнуться с такой дистанции по столь огромной цели невозможно, и промаха не было – взрыв опять прогремел за стеной арсенального бастиона.

Присвистнув, Олег похвалил Лома:

- Да, химик наш и впрямь не подкачал. Я слышал, что пикриновая кислота посильнее тола, но чтобы настолько... Хотя с таким весом снарядов и аммонит простой наделал бы бед... Еще несколько попаданий, и там вообще ничего живого не останется. Гнат идиот – сам себя запер в этот гроб.

Добрыня, очевидно, мыслил схожим образом:

- Еще один выстрел, и подбирайтесь к воротам. Думаю, они к тому времени в щели забьются, кто выживет. А я их отвлеку своим криком, чтобы не спешили выбираться.

- Я бы на их месте не то что выбираться... Я бы закопался метра на три вглубь, недельки на

две. Клепа, пошли, тащи фугаску.

- Вот почему если мину нести куда-то, так всегда Клепа? Я это дело не люблю, я даже петардами в детстве не увлекался.

- Ничего, сейчас все наверстаешь.

Олег, Клепа и пара стрелков, прижимаясь к стенам домов, начали пробираться к воротам арсенала. Клепа тащил мину – деревянный ящичек, плотно набитый брусками взрывчатки. По размеру он ничем не уступал катапультным снарядам, так что взрыв обещал быть немалым. За спиной отрывисто грохнуло – машина выстрелила в третий раз.

До ворот добрались как раз под аккомпанемент взрыва. Почти не пытались прятаться – сомнительно, что кто-то из гнатовцев мог остаться на стенах под таким обстрелом. Клепа за лямку, приделанную к ящику, стащил с плеча мину, присел. В этот момент позади заговорил Добрыня. Голос у него и без того зычный, а направленный жестяным рупором чуть ли не оглушал:

- Эй, Гнат, вечер добрый! Извини, если разбудил, но дело к тебе срочное есть! Выходите к нам по одному, оружие кидайте у ворот и поднимайте руки! Кто выйдет, тех будут судить! Кто останется, пожалеет – поднимем в небеса вместе с арсеналом! У нас взрывчатки хватит вас всех в космос отправить! Со мной тут Олег и его бойцы, мастеровых с мушкетами немного и даже помощь от Круга уже подошла! У нас пушки есть и катапульта! И даже автоматы у твоих ребят отобрали, так что мы теперь вооружены не хуже вас! Даю вам пять минут! Кто не выйдет, того отец Николай завтра в церкви отпоет!

- Вот врун усатый! – громким шепотом восхитился Олег.

В этот момент за воротами заскрежетал засов, створки начали раскрываться. Бойцы, решив, что сейчас и впрямь толпой потянутся сдающиеся враги, отпрянули назад, вскидывая оружие. Увы, враг вышел лишь один – наружу прошмыгнул Русик, бывший «министр без портфеля». Схваченный Клепой, он по-женски взвизгнул и пулеметом затараторил:

- Не убивайте! Я сдаюсь! Я за вас! Они меня заставили быть с ними! Я не хотел!

- Где остальные?! – рявкнул Олег.

- Что?! Я не слышу! Я почти оглох от этих взрывов! Громче скажи!

- Где остальные ваши уроды?!!!

- Они заперлись в башне и не открывают дверь! Взорвите их! Не убивайте меня! Я ранен, я кровью истекаю!

Олег, заглянув в приоткрытые ворота, поморщился. Арсенальные постройки были уничтожены или превратились в руины. Три взрыва нанесли на удивление огромный урон. Хотя чему тут удивляться? Все сооружалось из тонкомера, жердей, необрезанных досок. Таким сараям и петарды опасны. Башня не пострадала – стены, сложенные из блоков известняка, осколками не пробить.

Взрывать ворота уже, похоже, не надо. Но не пропадать же mine – можно подложить ее под дверь башни. Хорошо бы привязать ящик взрывчатки к Русику, поджечь фитиль и дать ему пинка под зад, чтобы топал в нужном направлении. Отличная идея, не придется лишний раз

разыгрывать судебный фарс.

От идеи использовать мерзавца в качестве камикадзе пришлось отказаться – Олег еще не настолько озверел. А жаль... Но и рисковать своими бойцами не хотелось – из черных амбразур башни поглядывала смерть, притаившаяся в указательных пальцах на спусковых крючках.

– Русик, ты жить хочешь?!

– Да!!!

– Вот этот ящик положи под дверь башни и беги оттуда назад! Обещаю, тебе это на суде зачтется. Я сам за тебя слово скажу, а мое слово значит немало!

– А что в этом ящике?! – истерично уточнил почти свихнувшийся несостоявшийся граф.

– А тебе не все ли равно?! Конфеты там – «Сладкий Тузик»! Так потащишь или прямо здесь тебя пристрелить, чтобы судью потом не напрягать?!

– Да!!! Да!!! Я понесу, не убивайте!!!

– Вот и хорошо! Клепа, поджигай фитиль.

Русика явно контузило – он никак не отреагировал на наличие у ящика с конфетами тлеющего фитиля. Подхватив мину, семенящей походкой направился к башне. Бойцы, выглядывая из-за створок ворот, провожали его настороженными взглядами, ожидая, что вот-вот из амбразур шарахнут автоматы.

Не шарахнули. Русик без приключений добрался до дверей, положил ящик, встал возле него, растерянно обернулся, закричал:

– Олег! Я все сделал, как ты приказал! Мне можно идти назад?!

– Да! Скорее давай!

– Что?! Я тебя не слышу! Ответь! Я ведь все сделал, как ты просил!

– Бегом назад! Урод контуженный! Назад!!! Бегом!!!

Русик неуверенно направился к воротам все той же неспешной, семенящей походкой. Только тут Олег понял, что про рану тот не врал – видимо, приложило серьезно, раз еле идет. Да и голове явно досталось. А может, действительно сбрендил от пережитого.

А фитиль ведь не слишком длинный...

Не дожидаясь возвращения Русика, Олег отпрянул от ворот:

– Ребята, в стороны все – под стены! Если сильно шарахнет, створки могут распахнуться по нашим лбам! Русик!!! Бегом сюда!!!

Русик не успел – взрыв прогремел на последнем слове. Лом, решив, что мина должна быть мощная, начинил ее отборными брусками взрывчатки, плотно скрученными железной проволокой. По мощности взрыв вышел будто от пяти снарядов, а то и больше. Ворота не распахнулись – окованные железом створки попросту оторвало и понесло по улице. Одна, будто пикирующий коршун, подрезала пару крыш и успокоилась в третьей. Вторая просто пропахала

улицу и, выворотив каменное покрытие, завязла в мостовой, которую еще не успели дотянуть до арсенала.

Разорванное тело Русика унесло еще дальше, куда-то в район швейной мастерской. Ну что ж... судьям меньше работы.

Олег, заглянув во двор арсенала, закашлялся от едкого дыма. Башня, скудно освещаемая язычками робкого пожара, выглядела неважно: черепичная крыша сорвана, из амбразур валит дым, на месте двери чернеет огромная дыра с изломанными краями.

Добрыня, подбежав с толпой бойцов, с ходу выкрикнул:

- Ну что там?

Олег его еле услышал: в уши будто ваты напихали, да и звон какой-то назойливый мешает.

- Ничего там. В башне они закрылись, а башня вон, как самовар теперь дымит. Думаю, их там всех по стенам размазало. Ох и скотина Лом, переборщил с зарядом! Сиди здесь, мы проверим что там. А это еще кто?!

От ворот крепости надвигалась целая толпа - не меньше тридцати человек. Любезно выглянувшая луна и отблески пожара позволяли различить оружие в руках этих людей. Ворота не охранялись - все арки сейчас находились в рядах борцов с бунтовщиками, вот и забрели неизвестно кто...

Олег не стал долго медлить - честные люди по ночам толпами не шастают. Присел на колени, вскинул автомат, заорал:

- Всем прицел на ворота! Эй вы! Стоять на месте или будем стрелять!

Пришельцы замерли, один из них помахал рукой, спокойным, четким голосом проговорил:

- Приветствую, Олег! Не надо нервничать, мы просто пришли вам помочь!

- Монах?! Что вы здесь делаете?!!

- Я ведь сказал: мы пришли помочь вам. Извини, что запоздал, не так-то просто было незаметно подобраться к вашему поселку. Да и вообще, давненько хотел нанести вам визит, а то Добрыню в глаза никогда не видел - рация живое общение не заменит. Со мной сорок бойцов, и я почту за честь, если ты примешь их под свое командование.

Олег покосился на Добрыню, в свою очередь, поймав его взгляд на себе. Н-да... ситуация... Откуда здесь взялся Монах?! Да еще и помощь предлагает, причем с таким любезным видом, будто голодный кот, приглашающий мышку выглянуть из норки для совместного просмотра эротического журнала.

Монаху Олег не доверял. И вообще его появление здесь в такой момент предельно загадочное явление... Послать бы его подальше, да дипломатия не позволяет.

Добрыня, очевидно, думал схожим образом и нашел соломоново решение:

- Спасибо, что пришли, прямо удивительно вовремя подоспели. Давай половину своих отправь на пристань - пусть там держат позицию и никого не выпускают из поселка. Остальные сюда, только осторожно - гнатовцы в той башне засели, могут садануть из автомата.

- Серьезные у вас противники, раз с автоматами, - заметил Монах. - Хотя, я вижу, и кое-кто из вас сменил мушкет на более современное оружие.

Не оборачиваясь, он отрывисто раздал приказы:

- Первая и вторая группы за мной, третья на пристань, четвертая за ворота: никого не впускать и не выпускать. Выполнять!

Северяне разделились, четко и быстро выполняя приказ. Отлично, теперь в поселке осталось лишь двадцать северян. Вряд ли ударят в спину, но, если и рискнут, ответный удар их выкосит - у Олега в два раза больше бойцов. А через несколько минут их станет больше в десять раз - из домов осторожно выбирались островитяне. Многие уже подошли к месту событий и шумно приветствовали Добрыню. Народ уже похоронил мэра, и, естественно, увидеть его живым было большим сюрпризом. Мужики приходили не с пустыми руками - кто с топором, кто с вилами, а некоторые с боевыми секирами и даже мечами. Холодное оружие многим разрешали держать под рукой.

Все эти события отвлекли Олега от главного - он так и не послал бойцов обследовать башню. Да и не хотелось их туда посылать - в этом каменном гробу недобиток с «калашом» мог завалить кучу отличных ребят. Лучших бойцов следует приберечь - Олег их, считай, два года в солдат превращал. Настоящие головорезы, да еще и преданы стопроцентно. Отношения «командир - рядовой» он оставил для молодых рекрутов, а с этими волками все не так - они боевые друзья. Во время зимней кампании именно они при прорыве спасли все войско островитян - без приказа приняли единственно верное решение. Нельзя такими кадрами лишний раз рисковать.

- Эй! Алик! Бросай катапульта! Притащи сюда гранаты, те, что мы через стену хотели кидать! Сейчас в башню закинем парочку, на всякий случай!

И верно - зря, что ли, гранаты готовили?

До гранат дело не дошло: от ворот выскочил солдат Монаха. Забавно громыхая на бегу пластинами доспеха, он заорал:

- Наш корабль угнали!

Монах, обернувшись, хищно уточнил:

- Не понял?!

- Мы вышли на пристань и увидели, что «Гроб» отходит! Когда я побежал назад, на нем начали веслами работать!

Олег, грязно ругнувшись, не обращая внимания на предупреждающие крики бойцов, рванул к башне. Выставив автомат перед собой, влетел внутрь. Едва не упал, споткнувшись о завал камней, разглядел за ним черный зев открытого погребка.

- Ушли!!!

- Как ушли?! - от выбитых ворот поинтересовался Добрыня.

- Да забыли мы про ход, что из башни к нижнему причалу ведет. Сам же по нему боеприпасы не раз получал, и сам же забыл. Ушли они и угнали корабль Монаха. Кстати, название у

корабля ничего – концептуальное.

– Это был МОЙ корабль, – с ледяным спокойствием сообщил Монах.

– Олег, их догнать надо! – крикнул Добрыня. – Может, на «Утюге» попробуем?

Олег представил, сколько времени займет погрузка на «Утюг», столкновение корабля с мели, маневр по выходу из галерной стоянки (обычно это делали с помощью буксирной лодки и лебедки). От поселка до устья Хрустальной всего ничего – заговорщики успеют достичь Фреоны, а там их ночью не найти. Связываться с «Варягом» тоже бесполезно, наверняка забились в самый глухой уголок плавней, и в темноте оттуда не выбраться. А если...

Идея!

– Добрыня! Возле устья стоит сторожевая башня!

– Так нет в ней никого, только сторож на верхней площадке.

– Зато в ней куча амбразур есть, и стоит она на речном повороте, перед самым устьем. Если успеть туда добежать и засесть, то сможем два-три мушкетных залпа по ним дать, пока те мимо будут проходить. Тяжелой картечью и пулями борта прошибить можно – гребцов по левому борту накроем. А с верхней площадки через палубу можно достать и тех, кто по правому борту. А может, и гранату закинуть получится, если к нашему берегу жаться будут. Нам они ничего не сделают – башня каменная, ее стены и пулемет не возьмет.

– Добро! Побежали?!

– Да! Алик, ты бери своих всех и северян, что за воротами, и спускайте «Утюг» – гонитесь за ними по реке. Если гады от нас уйдут, попробуем по воде их догнать. Остальные за мной!

Олег скатился по крутой лесенке в подземную галерею, придерживаясь рукой за стену, добрался до выхода. Здесь, дождавшись, когда следом начали выбираться первые бойцы, потрусил в сторону Фреоны.

В межень течение у Хрустальной приличное – корабль она несет быстро. Но флот Монаха состоит исключительно из трофейных хайтанских галер – неповоротливые ящики с толстой обшивкой и солидной осадкой. На такой надо двадцать человек сажать за весла, чтобы ход приличный развить. Есть у Гната столько? Вряд ли, при обстреле они понесли потери, оглушены, возможно, раненые есть. Наверняка еле плетутся.

С другой стороны, Хрустальная несет свои воды почти прямо, не допуская резких изгибов, так что срезать дорогу не удастся. Ну что ж, надо поднажать. Всего-то и надо пробежать пару километров. Ради такого дела можно постараться установить рекорд по бегу.

Не оглядываясь на отстающих бойцов, не успевающих за ним со своими громоздкими мушкетами, Олег прибавил ход. На бегу усмехнулся – так вот что за корабль он заметил прошлой ночью. Выходит, не хайты там крутились, а «Гроб» северян. В темноте отличить трофейную галеру от хайтанской невозможно. Выходит, ждал он чего-то, прятался, наверное, весь день среди островов.

И дождался.

Откуда он узнал про заварушку с гнатовцами и что ему вообще здесь надо?

* * *

Платову не везло на героические деяния ни здесь, ни на Земле. А хотелось, он сам себе не мог признаться в тщеславии, но что есть, то есть. На Земле понятно почему, но здесь-то шансы ему давали. В прошлом году, осенью, командуя «Арго», он повел корабль на север, справедливо надеясь, что утопит немало хайтов вместе с их галерами. Надежды не оправдались – в самый ответственный момент Платову приказали патрулировать малоперспективное направление. Надеяться здесь на великие воинские свершения было глупо.

Но вышло еще глупее – главный удар хайты нанесли именно в этом месте. Смертоносный речной линкор в кромешной тьме атаковал «Арго», едва не утопив кораблик из своих дальнобойных орудий. Платову пришлось драпать оттуда, не огрызаясь в ответ – лишь бы спасти команду и судно.

Ему это удалось – линкор отстал. Поврежденный «Арго» ушел в поселок зализывать раны. Обошлось и без больших потерь. Хайты без помех смогли начать переброску армии на левый берег, переправе никто теперь не мог помешать.

Затем, после короткого ремонта, «Арго» довелось участвовать в бою против линкоров. Торпедную атаку, ставшую для корабля хайтов роковой, провел Олег со своего «Варяга». Паук, за разгильдяйство впоследствии смещенный с флота на должность главного радиста островитян, тогда тоже отличился – во время боя отвлекал на себя второй линкор противника. А Платов со своим «Арго» остался мальчиком на побегушках: плоты дымовые таскал, помогал перезаряжать торпедный аппарат, плелся в кильватерной струе «Варяга», когда тот дерзко гнался за отступающим линкором врага.

В зимней кампании флот не участвовал – Фреона замерзла.

Сейчас, выйдя на поддержку экспедиции Олега, Платов наивно надеялся, что хоть в этот раз прославится – ведь где Олег, там всегда имеется место подвигу. И опять не повезло, он даже не сумел доставить его отряд до переправы хайтов – позорно посадил «Варяг» на мель, повредил обшивку и крепление двигателя.

А теперь, когда в поселке, возможно, происходит нечто ужасное, он вынужден прятаться в плавнях, кормя местных комаров. Полная неизвестность и полное отсутствие перспектив прославиться. Зря он полдня убил, заряжая торпедный аппарат – не понадобится ему эта торпеда.

Далекий грохот взрыва заставил Платова вскочить с бочонка, на котором он восседал у борта, вглядываясь в сторону поселка.

Началось – там бой! Кто и с кем воюет, неизвестно, но Платов опять не при делах – ему приказано прятаться в плавнях.

Зимой личная гвардия Олега нарушила приказ, и благодаря этому удалось вывести многих бойцов из-под удара. Потери среди гвардейцев были ужасны, но это того стоило – если бы не они, закончилось бы все очень плохо. А так просто плохо.

Пнув бочонок ногой, Платов дрожащим голосом азартно выдохнул:

- В ... такие приказы! Команда! Подъем! Все на весла! Двигаемся к поселку!

Команда невелика, но зубы у корабля острые. Заряжен торпедный аппарат, готова к бою

корабельная артиллерия, мушкеты тоже не стоит сбрасывать со счетов. Ничего, что двигатель не работает, раньше вообще на веслах все бои проходили и ни разу островитяне не проигрывали.

Правда, бывало, улепетывать приходилось... Ну да это просто тактическое отступление - маневр такой.

«Варяга» Платов предусмотрительно поставил в удобную протоку, стиснутую стенами тростника. Не стал слушать Олега, требовавшего спрятаться в самом дальнем уголке плавней. Глубина здесь приличная, и, главное, течение неплохое к правому берегу идет. Едва подняли якорь, корабль сам пошел вперед. Заскрипели весла, уже через минуту вышли на речной простор. Чуть ниже краснел одинокий огонек сигнального фонаря на верхушке сторожевой башни. Вот туда и направились - за башней Хрустальная смешивает свои воды с водами Фреоны.

Увы, с ходу войти в Хрустальную не удалось. В устье творилось нечто невообразимое - настоящий водоворот. Усилий немногочисленной команды явно не хватало - течение не пускало тяжелый корабль, выталкивало его назад, на просторы Фреоны. Рулевой, едва не завывая от усилий, не удержал «Варяг» носом к струе, и тот повернулся бортом, пошел назад под аккомпанемент бесполезного плеска весел.

Платов в нетактичной форме предположил, что некоторые родственники рулевого по женской линии отличались легкомысленным поведением, а по мужской хватало разнообразных извращенцев. К сожалению, озвучивание этих пикантных предположений делу не помогло - корабль завертело, понесло кормой на стену тростника, росшего по краю песчаной косы.

Представив, какой смех поднимут, когда узнают, что «Варяг» налетел на мель, не добравшись до места боя, Платов чуть не разрыдался. В этот момент на сцене появилось нечто новенькое - из-за поворота, оседлав струю Хрустальной, вынеслась хайтанская галера. Задранный корма, скошенный нос, прямые борта, угловатые очертания - опознать судно врагов даже в темноте можно безошибочно, тем более когда оно надвигается прямо на тебя. Все же прав был Олег - ночью ему действительно не почудилось.

Приказ «Все наверх!» застыл в горле - Платов вовремя опомнился. Хайты вовсе не шли на абордаж, галера должна пройти метрах в тридцати - сорока впереди. Очевидно, встреча с «Варягом» была для них неожиданностью - они при всем желании не успеют теперь развернуться.

Вот он, момент подвига!

- Торпедная атака! - фальцетом заорал Платов и кинулся к борту.

Выполнять приказ некому - все, кроме рулевого и капитана, сейчас на веслах. Пока вскочат, пока добегут - упустят момент. Галера слишком мелкая мишень, чтобы бить ей вслед издалека, да еще и по корме.

Перемахивая через планшир, чуть не сверзился в воду, но удержался, шагнул на трубу торпедного аппарата уверенно, хотя и с некоторой суетливостью. Ударом каблука опустил пластину предохранителя, двумя руками ухватился за рычаг пуска, присел, в трубку прицела даже не заглянул - и так все видно прекрасно.

Пора.

Рычаг потянул назад всем телом. Платов почему-то думал, что тот поддастся неохотно – взвести пружину вышибного механизма каторжный и долгий труд, и освободить запор наверняка непросто. Все оказалось не так – будто за кошачий хвост ухватился и легко опустил к полу.

А вот отдача трубы торпедного аппарата вышла славная – Платов про это совсем позабыл и улетел в воду. Удачно вышло – взрыв не ударил ему по барабанным перепонкам. Когда капитан вынырнул, вокруг сыпались обломки, а над головой свисали доски развороченного борта. В этой неряшливой дыре что-то шипело и плевалось пеной, будто кто-то из трюма поливает края пробоины огнетушителем.

Откуда здесь огнетушителю взяться?

Обернувшись в сторону вражеской галеры, Платов увидел лишь голубоватые язычки огня на многочисленных обломках и облако дыма, дрейфующее к Фреоне. Только тут до него дошло, что торпедную атаку он провел практически в упор – двигатель торпеды после взрыва отбросило назад. Именно он разворотил сейчас в хлам нос и часть борта «Варяга» и где-то в трюме дорабатывает последние литры химического топлива.

Чистые воды Хрустальной с шумом врываются в пробоину – «Варяг» оседал на глазах, вот-вот ляжет килем на дно. Ремонтить его придется теперь еще дольше, чем предполагалось...

Но наглого хайта, рискнувшего шнырять возле поселка, Платов все же утопил – подвиг состоялся.

* * *

Нечасто можно увидеть толпу бойцов, возглавляемых первыми лицами северян и островитян. А уж если все при этом дышат как загнанные кони, и вовсе уникальное явление получится.

Опередить корабль с заговорщиками не удалось – Олег, первым добравшись до башни, увидел, что галера уже приближается к повороту. Все – за ним Фреона. Ночью на ней и супертанкер найти непросто, не то что эту скорлупку. Хотя шансы есть – главное быстро разыскать клотов. По словам Добрыни, они где-то тут на косе собрались, ждут от него приказаний. С клотом на руле можно рыбу в воде выследить, не то что галеру.

В следующий миг ночь озарила грандиозная вспышка, почти сразу по ушам, еще не отошедшим от взрыва мины, стегануло грохотом. Сила ударной волны была столь велика, что на башне погасило сигнальный фонарь, а проснувшийся сторож наверняка стал заикой.

Олег в свете вспышки успел разглядеть «Варяга» и понял все. Платов, скотина, зачем-то вылез из укрытия и крутился в устье Хрустальной. Но победителей не судят, удачно все вышло, не придется теперь устраивать погоню.

Народ, подтянувшись к месту событий, недоуменно взирал на горящие обломки галеры. Интересно, откуда столько огня? Топливных баков там быть не должно. Видимо, зажигательные заряды рванули, а огнесмесь и на воде пылать может.

Добрыня, не отдышавшись, хрипло спросил:

– Что это было?

– Как назвали, так и поплыл, – с юмором ответил Олег.

- Это был МОЙ корабль, - устало выдохнул Монах.

* * *

Несмотря на поздний час, поселок не спал. Разнообразно вооружившееся население встречало возвращающихся бойцов как триумфаторов. Олег, Монах и Добрыня шли чуть впереди отряда, чтобы рядовые воины не грели уши, подслушивая их беседу. Беседовали в основном Монах и Добрыня, причем Олег особо не прислушивался - дал мозгам отдых.

Самое интересное он узнал в первые минуты разговора двух вождей. Монах с неслыханной откровенностью признался в шпионаже. У него, оказывается, были свои люди среди островитян, и, кроме того, его умельцы смогли настроить рацию таким образом, чтобы можно было слушать чужую частоту. Разведка у него оказалась на высоте - в отличие от Добрыни, он знал о намечающемся заговоре. Эту информацию северянин не собирался утаивать, он хотел преподнести ее как подарок в начале переговоров, на которые давно завлекал Добрыню.

Увы, Добрыня начало переговоров затягивал, а заговорщики, нарушив свои же планы, ударили раньше, чем собирались. Монах, прослушивая радиопереговоры, почувал неладное, еще не получив донесение от шпионов, и, в своей манере, действовать решил быстро. Зная, что бунтовщиков немного, собрался ударить по ним прямо в поселке, используя помощь своей «пятой колонны». Если бы ему удалось подавить заговор, он бы вел переговоры уже с Олегом, как преемником Добрыни.

Олег в это не особо верил - скорее всего, Монах бы попросту прибрал островитян к рукам, используя столь удобный момент. Но в данной ситуации, когда Добрыня жив-здоров, да еще и на белом коне победителя, волей-неволей придется отказаться от подобных планов и довольствоваться синицей в руке.

Мэр островитян, вымотанный как собака, не очень-то поддерживал разговор. Монах не обращал на это внимание - сейчас он лишь подготавливает почву для завтрашних бесед. Он говорил всю дорогу - коротко, четко, без лишних разглагольствований.

И говорил правильные слова.

Пора покончить с «военным коммунизмом», иначе этот заговор окажется лишь первой ласточкой. Надо укреплять власть комплексно, а не разрушать ее «демократическими веяниями». Да, идея с выборами хорошая, но пока несвоевременная - демократия дорогая вещь, они еще слишком бедны для нее. Но со временем к этому придут неизбежно. Надо объединяться по-настоящему. Пусть и без общего вождя - Монах согласен и на правление совета. А для начала следует разделить сферы деятельности, чтобы добиться взаимозависимости друг от друга: натуральное хозяйство - это тормоз, которого стоит избегать. И неплохо бы поделиться селитрой из центра катастрофы, это будет по-соседски. Со своей стороны Монах намекнул, что есть вариант начать добычу нефти - где-то этот лис ее унюхал и без помощи Олега.

За пару километров пути к поселку он успел сказать много важных и правильных слов. В голове Олега задержалось не более десятой их части, у Добрыни, похоже, дела обстояли аналогично.

Да, жизнь меняется, и они не должны отставать от изменений, а вести их за собой, направляя в нужную сторону. Не ошибается тот, кто ничего не делает - за свои ошибки они сегодня частично расплатились. Цена оказалась высокой: кровь - самая дорогая валюта.

Завтра будет серьезный разговор. Завтра будет «разбор полетов». Все завтра.

А сегодня им не до «стратегического планирования» – сегодня они просто возвращаются домой.

Олег, пробившись через ликующую толпу встречающих, потопал напрямик к своей избе. За спиной возмущенно орал Добрыня – возбужденные люди начали подкидывать его на руках. Уронят ведь, идиоты – этого борова не всякий стул выдерживает. Да пусть хоть ребра помнут, Олега это уже не касается.

Увидев, что за пленкой окна мерцает огонек, усмехнулся. Дверь открыл, приподняв, без скрипа, с порога тихо поинтересовался:

- Родная, ты не спишь?

- А как ты думаешь? – вопросом на вопрос ответила супруга.

- Ночью порядочные женщины спать должны.

- Ага, под боком у порядочного мужа.

- Признаю свою вину. Пилить больно будешь?

- В принципе надо бы – ты ведь опять разгулялся не на шутку... Я даже не буду спрашивать, кто это так гремел. Наверняка твоих рук дело. Чего встал на пороге, я покушать приготовила, знала ведь, что ты сейчас появишься. Как же меня достали эти твои вечные приключения...

Олег, прикрыв дверь, снял с плеча автомат, повесил на деревянный колышек, вбитый меж бревен, шагнул навстречу поднимающейся супруге, заключил ее в объятия:

- Ну здравствуй, милая! Я вернулся домой.

* * *

Толпа ликующего народа разделила отряд на группки, а затем и вовсе растворила в себе. Андрей, продираясь через нее, вынужден был обниматься с какими-то совершенно незнакомыми мужчинами, кому-то жал руки, пару раз его целовали перевозбужденные женщины, а один раз ему пришлось выпить глиняный стаканчик с вулканической лавой (желудок решил, что это была именно она). Похоже, островитяне не слишком скромничают – если чему-то радуются, то будут веселиться, пока не порвут все баяны.

В какой-то момент Андрей оказался один. Толпа осталась позади, у ворот, а перед ним темнели безлюдные улочки поселка. Деревянные избы, сделанные будто под копирку, тянулись ровными рядами, теряясь во мраке. Куда идти дальше, он не представлял – рядом с ним не было ни одного знакомого бойца.

Хотя нет, кое-кто есть.

К Андрею подошла Рита, остановилась, спокойно поинтересовалась:

- Вам небось Добрыня сказал в гостинном дворе до завтра ночевать, а там разберется?

- Ну да.

- В мою избушку никого не поселили - Добрыня сказал, что верил в мое возвращение, и даже прибирать туда девочек посылал иногда. В общем, если не боишься переночевать под одной крышей с женщиной, то я тебя приглашаю.

- Какая ты строгая сегодня, - улыбнулся Андрей. - Мы же вроде почти как муж и жена по вашим понятиям.

- Ну церковь наш брак еще не благословляла.

- Меня это не смущает.

- Меня тоже. В поселке баня еще не остыла, ты можешь помыться. Я дам тебе свои шорты и рубашку - тебе, конечно, не очень впору, но до завтра получше одежды не найти. Так что если хочешь лечь спать чистым, придется тебе потаскать женские тряпки.

- И это тоже меня не смущает, - заверил Андрей. - Хотя, если ты будешь настаивать на юбке, у меня могут возникнуть возражения.

- А куда ты денешься. Ну что, пошли?

Замка на двери не было - простой деревянный засов, правда, опечатанный. Сорвав восковую печать, Рита шагнула в дом, поднесла принесенный фитиль к свечке. При тусклом освещении Андрей оглядел скудное убранство избушки. Скудное по меркам Земли - для пленника, два года прожившего в сарае, это почти дворец. Скромно и уютно. Ему понравилось.

Неловко снял с плеча тяжелый мушкет, поставил его сбоку от двери, прислонил к стене. Топорик положил рядом. На деревянный гвоздь повесил подсумок с пулями и патронами и пороховницу. Все - другого имущества у него, по сути, нет; лохмотья не в счет.

Хотя нет, кое-что свое у него все же есть.

На ладони тускло блеснула бронзовая четырехгранная пирамидка. Бесплезная вещица, найденная при попытке промыть пробу. Но зато это его личная вещь. И неважно, что она старая - в лохмотья от времени не превратилась, даже следов коррозии нет. Кто знает, может, через много-много лет за нее какой-нибудь коллекционер готов будет отдать состояние как за уникальный предмет культа древнего бога или эксклюзивное грузило, используемое античными царями для ловли форели.

Не будет войн с хайтами и рабства, не будет больше яркой жизни на лезвии ножа. В небесах вместо «скатов» начнут летать самолеты, и пассажиры, сидя в удобных креслах, будут заказывать холодный томатный сок. А пирамидка будет все так же поблескивать бронзой, озадачивая исследователей странным символом на своей грани.

* * *

Сильная рука вытащила Гнатову из воды, вздернула, ставя на ноги. Колени подогнулись, но упасть ему не дали - удерживали вертикально, сжав воротник.

После чудовищного взрыва, уничтожившего галеру, Гната отбросило далеко от корабля. Его спасло то, что сидел он при этом на носу, а рвануло на корме. Оглушенный, израненный, деморализованный до истерического состояния, изо всех сил пытался удерживаться на плаву целую вечность, пока течение не вынесло его к какому-то островку. Сил выбраться на берег уже не осталось - увязая в иле, он с плачем полз к суше, пока его не ухватили за загривок.

Вот и конец – уж лучше бы он утонул. А теперь суд и публичное повешение. А может, что-нибудь похуже придумают, вроде того же четвертования.

Почему пленители молчат? Или он оглох вообще? Правое ухо вроде бы точно оглохло, а левым он различает кваканье лягушек – значит, и голоса слышать должен.

Найдя в себе силы, повернулся, уставился в круглое лицо, поросшее мягкой шерстью. Куда-то сквозь Гнатову в бесконечность уставились огромные глаза.

- Удур? Это ты? – облегченно прохрипел Гнатов.

- Да, я Удур.

- Как же ты меня напугал! Спасибо, что помог выбраться – я едва не утонул в этой грязи. Удур, ты меня можешь спрятать?

- Я не знаю. Ты непонятно спросил. Если я тебя спрячу, то я буду знать, где ты спрятался. Получится, что я не спрятал тебя от себя. Нет, я не смогу тебя спрятать.

- Удур, да ты же тут все острова знаешь. Спрячь меня там, где меня не смогут найти люди.

- Сегодня людей здесь нет. Оставайся здесь. Сегодня ты от них здесь спрятан.

- Удур! Мне надо спрятаться от них не на сегодня! Мне вообще надо спрятаться! Мне надо, чтобы меня не нашли никогда!

Странно, но в безразличных глазах клота Гнатов вдруг разглядел что-то похожее на скрытую насмешку. Причем насмешку угрожающую.

- Люди реки и люди суши вместе. Мы едим одну рыбу. Мы пьем одну воду. Мы убиваем врагов вместе. Люди реки готовы спрятать тебя так, как прячут своих людей. Даже кости людей реки нельзя найти. Мы прячем хорошо. Ты хочешь, чтобы мы тебя спрятали так, чтобы тебя никто не нашел? Никогда не нашел?

- Удур, я же сказал – спрячь! Хочу! Мне надо отлежаться. И нужна твоя помощь!

- Пойдем, тебе поможет земля.

- Какая еще в задницу земля?!

- Сегодня она сильна. Сегодня она умеет прятать. Тебя никто не найдет. Никогда.

Из-за туч выглянула луна. Перед Гнатовым без малейшего шума расступилась стена тростника, открывая маленькую круглую полянку. Посреди нее возвышался странный постамент, сделанный из переплетенных стеблей того же тростника. Со всех сторон на полянку выходили мрачные клоты, в воздухе запульсировал чарующий ритм, будто где-то вдалеке поет церковный хор.

Удур подтолкнул Гнатову в спину:

- Иди, земля ждет.

Эпилог

Ключи бывают разные. Маленькие для шкатулок и символические гиганты для ворот городов. Магнитные и электронные, из простого железа и серебряные, а то и золотые. Для уличных ворот и для внутренних дверей. Очень много разных ключей бывает – все перечислить невозможно.

Но такой ключ был один – он остался последний.

Когда-то их было много, целых четырнадцать штук. Созданы они были в те времена, когда на Земле первые земноводные робко пытались осваивать сушу. В огромных болотах накапливался торф, чтобы в будущем превратиться в сырье для угольной промышленности, а меж гигантских папоротников летали метровые стрекозы.

В мангровых зарослях жили гигантские примитивные слизни. Эволюция отняла у этих созданий твердый скелет, взамен подарив прочную кожу. Но, увы, недостаточно прочную. Раз в год слизни вынуждены были покидать свои гнезда и уходить в море – там они размножались. И там их поджидали ракоскорпионы и хищные рыбы, для которых кожа не преграда.

У слизней не было когтей, клыков или прочной раковины, а прочная кожа от морских агрессоров не спасала. Они были настолько хрупкие, что даже не оставили качественных останков для будущих палеонтологов – в их телах не было ничего, что могло бы достойно окаменеть и пережить несколько геологических эпох. Они были обречены на вымирание.

Но у них был хорошо развит надглоточный нервный узел. И на отростках своего хвоста они могли создавать приличную разность потенциалов, поражая врагов ударами электрического тока.

Надглоточный нервный узел превратился в мозг. Электрический орган в ходе эволюции также претерпел значительные изменения.

Слизни создали свою цивилизацию. Хотя вряд ли это можно так назвать: с точки зрения людей, это было что угодно, но не цивилизация. Слизни не нуждались в объединении. Им даже не требовалась семья – слизни были гермафродитами. Коллективные действия они предпринимали лишь в периоды размножения, совместно обороняясь от хищников. Промышленности у них тоже не было – с помощью своего хвоста они могли создавать все, что им требовалось. В том числе и подобные ключи.

Со временем слизни, устав бороться с безмозглыми морскими тварями, решили избавиться от них навсегда. Биологический геноцид привел к непредсказуемым последствиям – в древних океанах расплодилось микроскопическая водоросль, которая с великой радостью уничтожала молодяк слизней, да и взрослые особи, зараженные этой дрянью, выживали нечасто. Слизни стали причиной первого экологического кризиса, начавшегося по вине разумных созданий. Их цивилизация исчезала на глазах. Недалек был день, когда умрет последний.

Электрический орган в ходе эволюции видоизменился неузнаваемо, сделав слизней в некотором роде властелинами времени и пространства. При этом им не требовались сложнейшие приборы, многоэтажные лаборатории и гигантские ускорители – достаточно хвоста. Они знали про существование других планет и параллельных миров. Они с интересом изучали чуждую жизнь, делая это издали.

Настал день, когда слизней осталось четырнадцать. В этот день и были созданы ключи – на каждого по одному. И в этот день они покинули Землю.

Новый мир стал своего рода ковчегом, слизни превратили его в подобие Земли. Здесь они

сумели выжить – сюда не добралась одноклеточная зеленая смерть. Они больше не вмешивались в экологию, а биосферу нового мира пытались превратить в подобие родной, переселяя сюда земные создания.

Цивилизации рождаются, достигают расцвета, стареют и умирают. Цивилизация слизней исчезла.

Она долго сопротивлялась увяданию – невероятно долго. Последние представители племени древних моллюсков застали первые земледельческие цивилизации, возникшие в обоих мирах. До этого времени слизи упорно пытались держать новый мир в биологическом равновесии со старым, переселяя сюда всех новые живые существа, возникающие на Земле. Именно благодаря им сюда попали люди. И древние жрецы успели застать сверкающих змееподобных богов и даже получить часть их знаний.

Потом слизи исчезли.

От них остался новый мир, идентичный Земле, и еще один мир, совершенно на Землю не похожий. В нем они без опаски занимались биологическими экспериментами. Вначале просто хотели найти способ избавить Землю от смертоносной водоросли, а потом занимались ими просто потому, что им это казалось забавным.

Тринадцать ключей исчезли вместе с их цивилизацией. Уничтожить их нелегко, но возможно, особенно если это делают те, кто не хочет оставлять после себя столь опасные устройства. Остался лишь один – последний ключ, способный открывать ворота между мирами. Ключ почти бесполезен – не имея электрического органа слизня, воспользоваться им нельзя.

Но способ все же был. Слизни на закате своей цивилизации одарили жрецов местной земледельческой цивилизации великими дарами – пространственными туннелями, по которым люди могли перемещаться из одной части страны в другую. Со временем слизи хотели подарить им и секрет перемещения между мирами, для чего в конструкции арок телепортов оставили возможность активировать все функции с помощью ключа. Но, увы, это знание они передать не успели, хотя кое-кому из жрецов рассказали о нем, показывая, что собираются сделать людей подобными богам.

Прошли века. Древняя цивилизация рухнула под напором варваров, варвары впитали их культуру и заняли ее место. Бронзовую окантовку телепортов они пустили на оружие – таинственная бронза моллюсков не окислялась и была крепче стали. Но книги не сожгли – варвары почитали мудрость, запечатленную на пергаменте.

Придворный мудрец нашел в книгах много интересного. Он почти ничего не понял, но понять хотелось. Владыка был к нему благосклонен и позволил перевернуть всю страну в поисках последних жрецов культа Летающего Змея Владыки Молний. Смешно – мифы превратили моллюсков в рептилий.

Мудрец с помощью пыток узнал то, что хотел узнать. И получил ключ – последний ключ.

В искалеченной арке телепорта мудрец проводил ритуал за ритуалом, пытаясь открыть врата в мир богов. В грозовую ночь, когда он уже отчаялся заставить ключ работать, в арку попала молния.

Эта ночь стала последней ночью его народа, а его поступок породил множество мифов, одинаково далеких от правды.

Варвары, ободравшие бронзу с арки, уничтожили устройства управления, но энергии молнии они не понадобились. «Защита от дурака» на этот раз не сработала – помешал ключ. Ворота открылись.

Открылись они плохо. Так плохо, что даже слизни не могли себе вообразить подобное – их устройства создавали не для такого. Это все равно что нажимать кнопки управления ядерным реактором ударами тяжелого топора. Да нет, пожалуй, даже хуже – нечто вроде попытки полететь в космос, оседлав атомную бомбу. В космос ты, возможно, и улетишь, только вот стоило ли оно того?

Врата не открылись – попросту замкнуло два мира. К несчастью для мудреца и его народа, второй мир оказался не старой доброй Землей, а той самой площадкой для биологических опытов слизней.

В отсутствие хозяев здесь многое изменилось. Слизни, изначально пытавшиеся создать биосистему, основанную на тотальном симбиозе самых причудливых форм искусственной и естественной жизни, и не подозревали, что искомая система в итоге возникнет сама собой. Моллюски считали, что разум, возвращенный на такой почве, будет крайне интересным.

Они даже не представляли, насколько интересным.

Разум возник, но при этом он был жестко подчинен законам симбиоза. Если с точки зрения разума какой-то из законов абсурден, разум это игнорировал – симбиоз важнее.

Короткое замыкание грозило уничтожить оба мира в грандиозном хлопке свернувшихся вселенных. К счастью, в самом ключе было предусмотрено нечто вроде той же «защиты от дурака». Ключ в случае опасности должен был постараться себя спасти независимо от намерений того, кто его использует.

Два мира вот-вот погибнут – ключ автоматически перебросил себя в третий. Хохочущий мудрец, с ликованием наблюдая светопреставление замыкающихся миров (он действительно думал, что становится богом), остался без кисти правой руки – в ней он до последнего сжимал ключ.

Миры не погибли. Правда, на новой Земле остались странные шрамы вроде Гриндира, и часть симбионтов пыталась здесь выжить. Это получалось у них плохо – законы симбиоза не работали в новых условиях. Они противоречили здравому смыслу. Здесь почти ничего не работало так, как должно было работать, – систему не получалось восстановить в полном объеме. Но какая разница – что бы ни случилось, надо делать то, что должен делать.

Сокрушив древнюю империю, симбионты начали медленно и верно вымирать, доведя в итоге свою жизнь до абсурда.

Ключ принесли деревенскому кузнецу мальчишки. Они нашли его на песчаном бережку, в ямке, выбитой им при падении. Кузнец находке обрадовался – лишний металл в хозяйстве не помешает. На вид простая бронза, вот только «бронза» эта была уникальной – даже окантовка арок телепортов и близко к ней не стояла по своим свойствам.

Кузнец провозился полдня и полночи, пытаясь хотя бы поцарапать ключ. Он читал заговоры и молитвы, раскалял ключ в отборном угле, поливал его козлиной кровью и оплетал заговоренными травами. Сломав второй молот, кузнец окончательно убедился, что в его руки попало нечто злое, способное принести беды и ему, и его деревне.

На рассвете кузнец закопал ключ на краю болота, сотворив при этом языческий заговор и прочитав молитву новому христианскому богу.

Прошли века. Энтузиаст, разыскивающий монеты на околице давно исчезнувшей деревни, услышал в наушниках металлоискателя приятный сигнал, указывающий на наличие цветного металла. Начав копать почву, кладоискатель обнаружил медный поясок от снаряда – банальное эхо войны, не имеющее археологической ценности. Он не стал плевать в раскоп от досады, без эмоций вытащил осколок, собираясь еще раз проверить место металлоискателем. Это не понадобилось – ключ он обнаружил прямо под осколком.

Ключ не выглядел монетой. И вообще на антиквариат не походил – таких предметов поисковик не нашел ни в одном из каталогов. В итоге он отнес ключ в краеведческий музей. С местными археологами у него было взаимовыгодное сотрудничество – они ему подкидывали информацию, а он им иногда свои находки.

Но даже археологи не смогли понять, что же это такое. Ключ сочли банальным «новоделом», и он оказался в запасниках краеведческого музея. Не верил никто в его древность – выглядел он как новенький.

Кто ж знал, что ему без малого триста миллионов лет...

Ключ пролежал в музее до того самого дня, когда на город рухнул астероид. Это астрономическое явление даже для него могло представлять опасность, и вновь сработала защита – ключ перенес себя на вторую Землю. Увы, создатели не предусмотрели прямых попаданий астероида и последствий такого маловероятного события. Ключ перенесло прекрасно, вот только перенесся не он один – часть города и его обитателей отправились вслед за ним.

Возникнув в центре катастрофы, ключ, гася скорость, ушел в стратосферу и, описав дугу, упал в паре сотен километров. Прокатившись по склону речной долины, он успокоился в узком распадке.

Талые воды два года потихоньку тащили его вниз, пока он не угодил в ручей, найдя себе новое пристанище среди камней галечниковой косы. Но и здесь ему не пришлось отдыхать слишком долго – железная буторка, инструмент пробщика, увлекла его в деревянный лоток. Ключ, почувствовав тепло человеческой ладони, активировал на одной из граней символ, предупреждающий, что знания о механизме врат между мирами людям передали не в полном объеме и использовать ключ по назначению не рекомендуется.

Но эти люди не поняли смысла древнего символа. Для них это была лишь забавная безделушка, оставшаяся от древних. Простой сувенир. Никому и в голову не могло прийти, что эта вещица способна вернуть их на Землю.

А может, оно и к лучшему – неумелые руки способны доломать то, что не смог сломать древний мудрец.

И, может быть, эти люди не повторят ошибок своих предков и вторая Земля станет тем раем, о котором веками мечтает человечество.

Андрей положил пирамидку на узкий подоконник, взглянул на свою женщину, расслабленно улыбнулся.

Всё – он дома.